

М9
К66

Коркина СЛОБОДА

краеведческий альманах

Выпуск десятый

Ишим-2008

стиновой «Погружение на вершину мира».
Фотографии из архива автора.

Автор на Северном полюсе.

*Подъём «Мира» на борт «Академика Фёдорова» после погружения
на Северном полюсе. 2 августа 2007.*

Администрация г. Ишима
Литературный музей П.П.Ершова в г. Ишиме
Ишимский государственный педагогический институт
им. П.П.Ершова

M 9
1666

Коркина Слобода

Краеведческий альманах

Выпуск десятый

99813-3 2/2

Автономное учреждение
"Ишимская городская
централизованная библиотечная система"
Ишим - 2008

Проверка фонда
2010 г.

Альманах «Коркина слобода» -
лауреат фестиваля «Тюменская пресса-2006»
в номинации «Журнальный проект года».

**Приносим искреннюю благодарность
за финансовую поддержку в издании альманаха:**

- Директору департамента по образованию, культуре, молодежной политике,
спорту администрации г. Ишима В.Б. Белоусову.
- Ректору Ишимского государственного педагогического института
им. П.П. Ершова В.М. Кашлачу.
- Председателю комитета по культуре администрации г. Ишима
Н.П. Кузовковой.
- Главному технологу филиала «Ишимская типография» ОАО «ТИД»
Л.М. Тиховской.

Редакционная коллегия:
Г.А. Крамор (главный редактор)
Т.П. Савченкова
Н.Л. Проскуракова

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ ПРИИШИМЬЯ

- 5 А.Г. Кутырёв
Казачество в истории
Сибири и Приишимья
- 11 Е.В. Шилова
Ишим в XIX веке
(общий обзор)
- 16 И.Б. Гарифуллин,
К.Б. Кабдулвахитов, А.П. Ярков
«Мусульманский» аспект в сибирских
крестьянских волнениях периода
утверждения советской власти
- 20 И.В. Курьшев
Преступность и бандитизм
в Ишимском уезде в начале 1920-х гг.
- 26 У.Н. Киричук
«Ликвидировать как класс...»
Из истории раскулачивания
в Аромашевском районе

КУЛЬТУРА КРАЯ

- 29 А.К. Омельчук
Ишимская Золушка
- 33 А.К. Омельчук
Сирота русской литературы
- 36 Г.В. Максимова
Судьба «крутого» иконописца
Крутова
- 38 Г.В. Максимова
Иконостасная мастерская
И.А. Хлопотова
- 41 Г.А. Крамор
«Если заблудитесь – церковь ищите!..»
Явленная икона и святой источник в Черемшанке
- 47 Г.А. Крамор
Символ «двоеданской вольницы»
Из истории старообрядческой церкви
в селе Окунёве
- 54 Т.П. Савченкова
«У каждого писателя есть
свой причал...»
Интервью с Н.В. Денисовым
- 57 Н.А. Созонова, О.А. Мишкина
Начало печатного дела в Ишиме
- 64 О.Н. Самсонова
Страницы истории ишимского
театра

ЛИКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

- 71 В.П. Федотова
Род Флоринских в Сибири
- 78 В.М. Лузина
Верный рыцарь искусства
Художник Евгений Чукардин
- 86 Е.М. Чукардин
История жизни моего отца
(по его рассказам)

На первой
стр.
обложки:
Зимний
этюд.
Фрагмент.
Художник
Е.М. Чукардин.
Бумага,
акварель,
тушь. 1962.
Архив семьи
Чукардиных.

На
третьей
стр.
обложки:
Работы
ишимского
художника
Евгения
Чукардина.

ЛИКИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО	90	Е.А. Гордеев Мой прадед – фотограф Пётр Жилин
	101	Р.И. Загнеева С берегов Невы – на берег тихого Ишима... Судьба Ренаты Карловны Гейне
	112	Н.А. Капитонова «Потому что я – парень с Урала!» Неизвестные страницы из жизни писателя В.В. Медведева
	114	Н.Л. Проскурякова «Виновным себя не признаю» Жизнь революционера Александра Карякина
	119	Г.А. Крамор Краевед советского Ишима К 100-летию со дня рождения М.А. Бровко
	124	Л.К. Соскина Учёный-ядерщик Леонид Огнёв
	129	Н.В. Кутырёва Чтобы жизнь повторилась сначала... Педагог В.Ф. Гаврилов
	132	Е.Ф. Шефер Дочь земли ишимской Лидия Александровна Худякова
	135	Т.П. Савченкова «История Польши создавалась также и в Ишиме» Польский литературовед Януш Одровонж-Пенёнжек
	140	Г.А. Крамор Ишим в жизни священноисповедника Афанасия (Сахарова)
	145	Н.М. Ольков Храмы Тимофея Кузина
	156	М.Ю. Бакулин Тимофей Кузин – о Боге и о войне
	159	О.А. Ожгибесова Спасительный крест Березовских
МУЗЕЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ	162	Н.В. Кутырёва Музей Ершова на родине Ершова
ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ ЛЕТ МИНУВШИХ	170	И.В. Курьшев Восстание 1921 года на страницах повстанческой газеты «Голос Народной армии»
	173	«Дело бандита Игишева» на страницах газеты «Серп и молот»
ПЫТЛИВЫЙ ПОСОХ СТРАННИКА	181	Г.А. Крамор «Меня принёс на родину Конёк-Горбунок...»
	190	Епископ Евтихий (И.Т. Курочкин) Русская весна Латинской Америки
	194	О.В. Уткова-Устинова Погружение на вершину мира
СТРАНИЦЫ МЕМОАРОВ	199	А.И. Калинин Из моей жизни. Детство и юношество
ВКРАТЦЕ ОБ АВТОРАХ	214	

История и краеведение Приишимья

А. Г. КУТЫРЁВ

Казачество в истории Сибири и Приишимья¹

Сибирскому казачеству исполнилось 425 лет. Впервые казачья дружина всего из 540 человек во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем появилась за Камнем (Уралом) в 1582 году. Недружелюбно их встретила сибирская земля. Но, сломив в ожесточенных боях сопротивление хана Сибири Кучума, небольшая горстка первооткрывателей смогла выстоять и положила начало освоению новых земель.

В декабре 1582 года Иван IV Грозный издал царскую грамоту для определения старшинства сибирского казачьего войска². И это не случайно. Ведь у казаков особый крепкий склад характера, сложившийся в результате сложного образа жизни в течение многих веков на полузвонном положении в порубежье. Они были отличными воинами, строителями, хозяйственниками, земледельцами и скотоводами, предпринимателями, дипломатами. Это позволило казакам шаг за шагом, используя междоусобицу среди местных правителей, заключать мирные союзы, строить новые опорные пункты и, поражая просторам и богатствам открываемых земель, продвигаться всё дальше.

В 1586 году основан первый город Сибири Тюмень, в 1587 – Тобольск, в 1593 – Берёзов и Гельм, в 1594 – Тара и Сургут, в 1601 – Мангазей, в 1618 – Кузнецк, в 1619 – Енисейск, в 1628 – Красноярск, в 1632 – Якутск. К семидесятым годам XVII века в Сибири построено 40 острогов. В результате за сто лет русские землепроходцы вышли к берегам Ледовитого и Тихого океанов, а могущество Российского государства приросло обширными территориями в 10 миллионов квадратных километров, равными по площади всей Европе. Хотя в то время служивых казаков в Сибири было всего три-четыре тысячи человек³.

На южных рубежах Сибири всё ещё оставалось беспокойно. Хотя оказывающий отчаянное сопротивление хан Кучум был окончательно разбит князем Масальским в 1598 году, в степях кочевали его сыновья и внуки, а также многочисленные племена киргиз-кайсаков, которые постоянно воевали между собой и совершали набеги на русские поселения и на мирных татар, плативших дань московскому царю. Так, в 1610 году во время Смуты из Москвы сбежал находившийся на русской службе сын Кучума и взбунтовал ряд племен. Кучумовичи породнились с калмыками. К их союзу примкнули енисейские киргизы, кузнецкие татары – и запылали русские поселения по всей южной Си-

бири. Погибали мелкие поселения и острожки, а города кое-как отбивались. Осадам подверглись Тюмень, Тобольск, Тара, Томск⁴.

О сложившейся обстановке можно судить по выдержкам из исторических документов:

«В 1635 году Тюменский воевода Матвей Годунов в наказание за набеги во вверенный ему уезд собрал партию казаков и татар и пошёл разорять стан Кучумовцев при лесе Шамши на реке Ишим (Кошкарагай), забрав князьих жён и детей, которых отправили в Москву»⁵.

«Для наказания внука Кучума князя Аблая за его набеги на Тарские волости выслан отряд из тобольских и тарских служивых людей, которые разбили его в Кошкарагайском лесу на реке Ишим и добыли несколько пленных для размена с калмыками»⁶.

«В 1663 году по рекам Ишим и Вагай кочевали киргизы во главе с Дуждун Дацян Тейши, в отец его был Кашак Батия, а с ним больших и малых людей с три тысячи»⁷.

«Люди Тевкихана Теуке (хан казачьей орды) нападают на русские слободы, грабят, убивают людей, берут в плен. В 1693 году приходили войной в Тобольский уезд под Ялutorовскую слободу. Деревни выжгли и людей побили, и в полон побрали»⁸.

Часто в старинных документах упоминается местность Кошкарагай⁹ как исторически сложившаяся постоянная стоянка степняков и ставка ханов и князей. Есть сведения, что, возможно, здесь раньше была столица Ишимского ханства.

Возникла острая необходимость защиты южных рубежей. С ходу степняков одолеть было нельзя, так как они были очень мобильными и воинственными народами. Поэтому началось планомерное освоение Приишимья по классической схеме: зимовье (караул) – городище – острог – слобода – город. «Как и по всей Сибири, строительство осуществлялось по наказам и памятям, в которых самым подробным образом расписаны все этапы хода строительства, начиная от выбора места, заготовки леса и кончая возведением крепости и построек внутри её. Причём, прежде чем начинать строительство, необходимо было составить схему требуемых затрат, начертить чертёж, да с ним отписать ко Государю подлинно, чтоб Государю о всем было известно»¹⁰.

Для этого в первую очередь опять же было привлечено казачество. Изначальные, «при-

Лист с записью о Коркиной слободе. 1702. РГАДА. Фонд «Сибирский приказ».

родные» казаки – донские, терские и др. Постепенно термин «казак» распространился на пьющих вольных людей, нанявавшихся в царское войско или гарнизоны. «Служивыми» казаками становились выходцы не только из казачьей среды, но из крестьян, горожан. Они получали жалованье 4-5 раз в год¹¹. Сибирское казачество создавалось искусственно. Оставшиеся в живых соратники Ермака и их потомки были приняты на службу и составили «старую сотню», размещённую в Тобольске. А пополнялось сибирское войско из служилых казаков. Набирали их, в основном, на старообрядческом Русском Севере, где природные условия были схожи с сибирскими – из вольных крестьян и охотников Вятки, Перми, Устюга, Вологды, Поморья¹². Ещё их называли «челдонами» или «чалодонами»¹³. Ещё были «беломестные» казаки – расселённые на белых (новых) землях в XVII-XVIII веках, они освобождались от налогов.

Одним из первых появился Ишимский острожек в 1631 году в устье реки Ишим (ныне село Усть-Ишим). Далее хронологию событий можно проследить по историческим документам.

В 1668 году слободы на Ишиме ещё не были построены, но караулы уже существовали. В 1668 году столичный и тобольский воевода Пётр Иванович Годунов на просьбу казачьего сыншики Матюшки Григорьева приказал быть у беломестных новоприборных казаков в пятидесятниках на Орловом городище с слободчиком и сотником Фёдоровым вместе¹⁴.

Около 1670 года на левом берегу Ишима возникла деревня Коркина, в первой четверти XVIII века превратившаяся в слободу¹⁵.

В 1691 году наряду с Абатской слободой и Орловым городищем упоминаются две Ишим-

ские слободы: верхняя Коркинская и нижняя на Красном Яру (Кошкарагайская)¹⁶.

Как следует из документов, освоение Пришимья шло от Иртыша вверх по Ишиму: сначала Ишимский острожек (1631 год), затем Орлово городище (Викулово), Абатская слобода, нижняя Ишимская на Красном Яру (Кошкарагайская)¹⁷.

По каким-то причинам Кошкарагайская не отвечала предъявленным требованиям и немного позднее была основана верхняя Ишимская (Коркинская) слобода (1670 год). Очевидно, она располагалась более выгодно и поэтому получила дальнейшее развитие, а Кошкарагайская осталась на уровне рядового форпоста. А основателем Коркинской слободы больше вероятно считать некоего Коркина в 1670 году, а не Петра Онофриева в 1687 году, как следует из «Партфелей Миллера»¹⁸. Деревни чаще всего назывались по фамилии основателя¹⁹. «Деревня Коркина», очевидно, не могла быть в то время деревней в прямом смысле слова, а вернее всего была караулом или зимовьем, но в любом случае – форпостом, ведь крестьяне в то время ещё никак не могли бы основать деревню на передовом крае из-за угрозы степняков²⁰. Да и Коркины были, очевидно, не чужаками в этой местности, так как известно, что в 1710 году, согласно переписи, Коркины проживали в деревне Коркиной около Орлова городища (ныне село Викулово Тюменской области)²¹.

Нужно разобраться и с Петром Онофриевым, опять же – по историческим документам.

В 1685 году Пётр Онофриев (сын Шапошников) в начале своей карьеры служил простым пешим казаком в Кузнецком остроге²².

В 1687 году тобольский сын боярский Пётр Онофриев был в Москве с тобольской ясачной недоборной казной. До 1707 года Пётр Онофриев собирал ясак в Якутске и Илимске²³.

Воевода Годунов поручил Ульяну Моисееву строить слободы на Ишиме (умер в 1698 году). В 1707 году князь Матвей Петрович Гагарин приказал тобольскому дворянину Петру Онофриеву быть «прикащиком» в Коркиной слободе и Орловом городище, а сыну боярскому Алексею Онофриеву – в Абатской слободе, и резиденция Петра Онофриева была в Орловом городище, а в Коркиной слободе он был наездом и правил выборный старостой²⁴.

Таким образом, Пётр Онофриев никак не мог быть основателем Коркиной слободы, а был лишь одним из чиновников²⁵.

Коркина слобода становится самым южным и главным форпостом на границе со степью. Ей уделяется особое внимание.

В счётной книге записал дьяк Обренинов: с 1 сентября 1696 года по 1 сентября 1697 года (новый год) по челобитной новой Ишимской слободы беломестных казаков и пахотных крестьян с беломестным казаком Гришкой Симановым отпущено 25 пищалей, 2 пуда пороха ручного (ружейного) на вывес, два пуда свинцу²⁶.

1700 год – в Ишимскую Коркину слободу выдать к пушкам 6 пудов пороха да пятьдесят пищалей, да к пищалям 4 пуда пороха и свинца с тобольским сыном боярским Семёном Трушниковым²⁷.

1702 год – в Ишимских слободах беломестных казаков 150 человек и 50 драгун новоприборных²⁸.

Ученики школы в станице Котуркульской Сибирского казачьего войска.

1702 год – слобода Коркина стоит над Ишимом рекою. В той слободе прикащик тобольский сын боярский Иван Бутисеев. В той слободе острог рубленый, мерою тому острогу 120 сажен (256 метров), в том числе башня проезжая, да ворота створчатые. Крепость в той слободе от Ишима реки, заплот в столбах мерою 160 сажен (340 метров). У острога и залота надолбы и розатки в столбах на вертлюгах мерою 190 сажен (405 метров)²⁹.

1703 год – о выдаче на год беломестным казакам и драгунам продовольствия, соли и жалования по три рубля³⁰.

1703 год – прибыли в Коркину слободу пришлые крестьяне и крестьяне из Рафаилова монастыря³¹.

В 1710 году в России по указу Петра I была проведена первая подворная перепись населения. В Коркиной слободе перепись проводил тобольский дворянин Алексей Струнин по наказу стольника и воеводы Ивана Фомича Бибилова. В Коркиной слободе с деревянными 247 дворов. В них людей мужского полу 746 человек, женского полу 644 человека, в том числе в Коркиной слободе дворов 128, семей – 163, мужского полу 418, женского – 386³².

В 1721 году образован Ишимский дистрикт³³. Всего в четырёх слободах 1655 дворов. Форпосты: у озера Карасьево, в Черном колке (Кожкарагай), у деревни Доновой, да в устье Чавгая, в деревнях Мезенской, Черемшанской, Безруковой, Фирсовой, Бурдиной, Луговой, Ефимовой, Артамоновой. На каждом форпосту в карауле 6-25 драгун и 10-20 выписных крестьян и казаков. Пересмена еженедельно. С 1713 по 1741 год было совершено 76 набегов кочевников³⁴.

Позднее к 1740 году была создана Ишимская укрепленная оборонительная линия (между Тобольской и Иртышской) протяженностью 500 вёрст. В её состав вошло до 60 укрепленных посёлков. Она начиналась от Чернолуцкого острога, шла к крепости Большерецкой, Зудиловскому острогу, слободам Абатской и Коркинской, крепостям Усть-Ламенской и Омутной, далее, южнее Кургана, к острогу Лебяжьему. Коркина слобода выполняла роль центрального укрепления и административного центра.

1741 год – Коркина слобода, на урочище, имеется над рекою Ишимом и она река обшла сверху и снизу вокруг жилище со всех трёх сторон и токмо имеется сухим путём с четвертою проезжую от Тобольска. В Коркиной слободе крепость деревянная рубленая, внутри её расстояние имеется 188 саженей (400 метров), да в оной же крепости две башни деревянные проезжие, первая в высоту 6 саженей (13 метров) и шириной 3 сажени, вторая высотой 3 сажени и шириной 1,5 сажени. Да от оной крепости к низу до Ишима реки имеется крепость рубленая в заплотах расстоянием 135 сажен (287 метров), высотой 1 сажень (2,13 метра). Да в той же крепости двое ворот проезжие и с передней стороны всей крепости от яру до яру реки Ишим ров коланый, а позади рва имеются надолбы и розатки³⁵.

Как видно, острог 1741 года по размерам значительно больше острога 1702 года и был построен на том же месте на самом высоком участке Киселёвского мыса на западном берегу реки Ишим (ныне старица Ишимчик) на высоте 20 метров, что давало хороший обзор и способствовало защите.

Станичный и поселковые атаманы.

Гарнизоны Ишимской линии по тем временам были довольно мощными, о чём свидетельствуют документы.

Экстракт о числе форпостов, крепостей, служилых людей в них и артиллерии в августе 1744 года:

1. В слободе Коркинской – 287 человек, 19 пушек.
2. В слободе Абацкой – 113 человек, 2 пушки.
3. В деревне Безруковой – 92 человека, 3 пушки.
4. В деревне Кошкарагайской – 78 человек, 4 пушки.
5. В деревне Фирсовой – 80 человек, 5 пушек.
6. В деревне Ировской – 129 человек, 7 пушек.
7. В деревне Усть-Ламинской – 77 человек, 2 пушки.
8. В деревне Омутной – 76 человек, пушек нет²⁶.

1741 год – в Коркиной слободе 19 пушек на станках калибра трёхфунтовых, да оставшиеся от драгунского Сибирского полку 3 пушки чужунные калибром полуфунтовые, а к оным пушкам ядер имеется 889, пороху пушечного 20 пуд., ручного 10 пуд., свинцу 29 пуд. 30 фунтов, фитиля 20 фунтов²⁷.

Между крупными форпостами через 10-15 километров устраивались более мелкие редуты, представляющие из себя дерево-земляные укрепления с бастионами, частоколом и рвом, а между ними находились «маяки» (посты) – деревянные пирамиды, набитые изнутри хворостом, а наверху находилась ёмкость со смолой. В случае опасности «маяк» поджигали, и по границе распространялся сигнал тревоги. Казаки постоянно дежурили на редутах и постах, контролировали линию конными разъездами. Таким образом, была создана довольно эффективная система обороны, благодаря чему набеги кочевников стали редкими, а крупные форпосты ни разу не подверглись нападению.

Позже возникла необходимость освоения более южных территорий. Разведка проводилась под руководством властей.

1745 год – Киндерман рассмотрел устройство новой оборонительной линии, предложенное подполковником Кунгуровым и вынес вердикт: «Угодья сенокосные, хлебопашенные, места звериные. Готовые промыслы будут внутри линии. На содержание её требуется меньше людей, места сухие»²⁸.

В 1752-55 гг. на границе с Киргиз-Кайсацкой ордой на 200-250 км южнее от Ишимской была построена новая Ишимская (Пресногорьковская) оборонительная линия длиной 548 вёрст на запад от Омска с 16 крепостями и 16 редутами, в том числе крепости Ишимская, Пресновская, Змеиногородская. Главной стала крепость Петра и Павла (ныне город Петропавловск). Туда перевели из Коркиной слободы казаков и драгун, а Ишимская линия была упразднена. Сибирские линии сомкнулись в гигантскую оборонительную систему от Урала до Тихого океана. В 1745 году из 8 тысяч выписных казаков Сибири 1 тысяча находилась в Тобольске и по 500 человек посылались на работы по постройке Пресногорьковской оборонительной линии.

Непросто шло новое строительство. Как всегда, недоставало средств. Посылаемые получали разорение, так как шли со своим оружием, свинцом и порохом, а получали только солдатский провиант. В приказном порядке, вплоть до конвоирования, на освоение новой линии направлялись выписные крестьяне из слобод, но они всячески сопротивлялись, так как не хотели уходить с освоенных мест. Казаки тоже сбегали²⁹.

Для прикрытия Сибирской линии не хватало людей, и сюда направляли донских казаков, башкир и представителей малых народов Центральной России. В 1780 году, когда окончился срок их дежурства, многие казаки подали прошение с просьбой остаться в Сибири навсегда. Их зачислили казаками крепостей. 19 сентября 1783 года здешние казачьи общины были объединены в Сибирскую линию казачков. Для до-

полнительного усиления казачества по указу Павла I к казакам на правах малолетних были приписаны 2000 сыновей отставных солдат Тобольской губернии⁴⁰. С 1787 по 1800 годы в Сибири проводились рекрутские наборы по 1-4 человека с 500 душ, которые преимущественно отправлялись на линию в крепости.

В 1808 году было принято положение о Сибирском линейном войске. Этот документ впервые придал сибирским казакам единую войсковую организацию. В военное время войско должно было выставить 10 полков, а в мирное время на него возлагалась хордонная служба, содержание и ремонт укреплённых линий, обязанность таможенной стражи⁴¹.

В 1846 году Сибирское войско было реорганизовано по типу Донского, получило своего наказного атамана, было учреждено Войсковое правление, размещённое в Омске. В 1848 году было принято новое положение о Сибирском войске. Оно должно было выставить 9 конных полков и 3 батареи. Была создана гвардейская сибирская команда. Для усиления Войска к нему приписали 1000 государственных крестьян, но большинство из них в казачество не вошли, оставшись лишь приписными крестьянами. Да и казаки стали подразделяться на строевых и резервных.

Сибирское войско обеспечивало себя само, имело суконную фабрику, кирпичный и кожевенный заводы. Резервные казаки (9 команд) охраняли эти предприятия, заготавливали и сплавливали лес, содержали почту, занимались пушным промыслом, поставкой древесины, кедрового ореха. Строевые казаки обслуживали Сибирскую линию⁴². Многие казаки, особенно командиры, владели грамотой. Казачата обучались в частных и монастырских школах. Уделялось внимание и подготовке кадров. В 1826 году создан первый Сибирский кадетский корпус, в 1858 году – второй. В 1916 году в Сибирском казачьем войске числилось 177000 казаков и казачек⁴³.

Огромные испытания выпали на долю сибирского казачества в годы Гражданской войны. И белые, и красные пытались их привлечь на свою сторону. Всё началось в 1918 году. Атаман Б.М. Анненков дерзким налётом на Омск захватил знамя Ермака и под ним стал формировать белые отряды, чему способствовал взбунтовавшийся Чехословацкий корпус. Офицерские организации и сибирские казаки атамана Иванова-Ринова совершили в Омске переворот, свергли Директорию и передали власть адмиралу Колчаку, получившему титул Верховного правителя России. Но колчаковское командование найти с казаками общий язык не смогло, так как сам Колчак не был сухопутным стратегом, а его начальник штаба, скороспелый генерал из капитанов, пустил действия казаков на самотёк. Весной 1919 года большевики разгромили главные силы Колчака. 14 ноября пал Омск. Адмирал Колчак отрёкся от власти. Он был выдан белочехами и расстрелян в Иркутске. Остатки войска Колчака, в том числе и казаки вместе с атаманами Семёновым и Анненковым ушли в Китай. Часть казаков влилась в дивизию Блюхера. В 1920 году советской властью казачьи войска были упразднены⁴⁴.

Так закончилась официальная история сибирского казачества.

Но, несмотря ни на что, его дух не исчез бесследно. В образе жизни сибиряков из поколения в поколение передаются многие лучшие

Казачка за самопряхой.

традиции казачества, которые стали отличительными чертами «сибирского характера» – широта и щедрость души, готовность прийти на помощь в трудную минуту, надёжность, стойкость и твёрдость духа.

Казачество всегда было сильно традициями самоорганизации, так как это братство людей, объединённых особым состоянием духа и сознания, нравственности и морали. В наши дни понятия «казачья служба» ориентируется на приоритеты, которые предпочитали наши предки, – это служба вере православной, народу, земле, казачьему братству. Главное «оружие» тех, кто верен казачеству, – это огромный интеллектуальный и культурный потенциал. Примером напряжённейшей казачьей службы может быть творческая, политическая и общественная деятельность народного художника России В.М. Клыкова, создателя памятника Прасковье Луполовой в Ишиме, а также концертная деятельность замечательного ансамбля казачьей песни Тоболовского дома культуры (Ишимский район) под руководством Александра Пахтусова.

Движение за возрождение российского казачества, подвергнувшегося репрессиям в годы советской власти, приобрело широкий размах в 90-е годы прошлого столетия. На первом этапе возрождения казачества ему определены такие виды государственной службы как служба в Вооружённых силах России, служба по охране государственной границы, таможенная служба, служба по охране общественного порядка и др.

Очень хочется верить, что современные казаки, в том числе и наши земляки, достойно продолжают дело своих предков, верой и правдой будут служить на благо России. А дело Ермака и его последователей пусть не исчезнет из нашей истории, нашей памяти и служит примером мужества и патриотизма для последующих поколений.

Фотографии Н.Г.Катаньева 1909 года (из альбомов, подготовленных к Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске 1911 года; ныне – ОГИКМ; <http://frontiers.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfdigcol/ogicoll.html>).

Примечания

1 Выражаю искреннюю благодарность нашему земляку Фёдору Максимовичу Пашкову, проживающему в городе Москве, за огромную исследовательскую работу в центральных архивах по выявлению исторических сведений, связанных с Коркинской слободой и городом Ишимом, которые использованы в данной публикации.

2 Шамбаров В. Казачество. История вольной Руси. – М.: ЭКСМО, 2007. – С. 79.

3 Там же. С. 133.

4 Там же. С. 130.

5 Андриевич. История Сибири. Ч. 1. – СПб., 1889. – С. 103-101.

6 Там же. С. 104.

7 Дополнение к актам историческим. Том 7. – СПб., 1857. – С. 292-296.

8 Дополнение к актам историческим. Том 10. – СПб., 1857.

9 Кош-Карагай (тюрк.) – лагерь (стан) у черного (соснового) леса.

10 Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. – С. 356-401.

11 Шамбаров В. Казачество. История вольной Руси. – С. 93.

12 Там же. С. 132.

13 «Народная этимология» объясняет происхождение этих слов так: «челдонь» – люди, которые на челнах по Волге спускались на Дон за добычей, где с местными казаками участвовали в военных столкновениях со степняками, а иногда там же занимались разбоем, то есть имели навыки казачьей жизни; по другой версии их называли «чалдонь» – выходцы из междуречья рек Чалая и Дон. Точное происхождение этих слов, однако, не известно.

14 РГАДА, Фонд «Сибирский приказ». Кн. 594. Лл. 994-995.

15 Щеглов В.М. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. – Иркутск, 1883. – С. 123. (В переиздании 1993 г. – с. 88.)

16 РГАДА, Фонд «Сибирский приказ». Кн. 985. Л. 40.

17 Если опираться вслед за автором на сочинение В.М.Щеглова, то временная логика нарушается: время основания Абатского острога последний относит к 1680 году, т.е. после основания деревни Коркиной в 1670 году. См.: Щеглов В.М. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири. – Сургут, 1993. – С. 91. (Прим. ред.)

18 РГАДА, Ф. 199 «Партфели Миллера». Известие № 29. Лл. 68-110.

19 Любопытно, что в «Атласе Тобольской губернии, состоящем из одной генеральной карты и девяти городских планов, с описанием на оных древних произшествий», составленном в Тобольске губернским землемером 8 класса Филимоновым, на листе про Ишим указывается: «начальное заселение города было учинено около 1720-го года пашенным крестьянином Коркиным стоварищи, для хлебопашества, и когда умножилось селение, то названа была Коркиной слободою» (БАН, Собрание рукописных карт, доп. опись № 67, Атлас Тоб. губернии, л. 12). (Прим. ред.)

20 Ф.М.Пашков, сделавший выписку из архивного дела, давал такой комментарий: «Следует учесть, что сказано не о времени постройки Коркинского острога, а о дате превращения его в слободу. Но ещё раньше, до острога, была деревня Коркина». См.: Пашков Ф.М. О чём поведали «Партфели» Миллера // Ишимская правда. – 1993. – 25 мая. – С. 2. (Прим. ред.)

Казаки: прадед, дед, внук и правнуки.

21 Так, быть может, именно эту деревню и имеет в виду В.М.Щеглов как основанную в 1670 году? (Прим. ред.)

22 РГАДА, Фонд «Сибирский приказ». Кн. 921, ч. II. Л. 124.

23 Там же. Кн. 1000. Л. 651.

24 Там же. Кн. 1226. Л. 2.

25 См. также: Лашков Ф.М. Петр Онофриев // Коркина слобода. – Вып. 1. – Ишим, 1999. – С. 44-47.

26 РГАДА, Фонд «Сибирский приказ». Кн. 1104. Л. 18.

27 Там же. Кн. 1306. Л. 35.

28 Там же. Кн. 474, ч. I. Л. 59.

29 Там же.

30 Там же.

31 Там же. Кн. 474, ч. I. Л. 173.

32 Там же. Ф. 199 «Партфели Миллера». Известие № 29. Лл. 68-110.

33 Дистрикт – в России XVIII века низшая административно-территориальная единица.

34 РГАДА, Ф. 199 «Партфели Миллера». Известие № 29. Лл. 68-110.

35 Там же.

36 Помешкин Г.Н. Материалы для истории Сибири. Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1-4. – М., 1866-67.

37 РГАДА, Ф. 199 «Партфели Миллера». Известие № 29. Лл. 68-110.

38 Помешкин Г.Н. Материалы для истории Сибири.

39 Там же.

40 Шамбаров В. Казачество. История вольной Руси. – С. 357.

41 Там же. С. 361.

42 Там же. С. 481.

43 Там же. С. 525-531.

44 Там же. С. 551-574.

Ишим в начале XIX века (общий обзор)

Новое административное деление России, в том числе и Тобольской губернии, введено Петром I в 1720 году, в этом же году по указу Императора был образован *Ишимский дистрикт* (англ. district – округ, район), по названию реки, так как города с названием *Ишим* ещё не было. Центром дистрикта стала Коркина слобода, получившая статус города, его права и преимущества по Высочайшему указу Государыни Императрицы Екатерины II от 19 (30) января 1782 года¹.

Река

Слобода, расположенная в излучине реки Ишим на высоком Коркинском мысу с западной и восточной сторон была ограждена берегом реки, название которой и было присвоено городу – *Ишим*, как это делалось тогда по всей Руси. Река в этом месте делала большую петлю на север и огромную, занимающую немалое пространство, петлю на юг. Большая южная петля ограничивала значительную площадь выгонных полей, где нагуливали вес не только коровы и овцы жителей города, но паслись и «драгунские» и «артиллерные» лошади. Петля не отделяла пастбища от города, но постепенно Ишим сделал крутой поворот, закрыл водой город с южной стороны, и все луга очутились за рекой. Сама петля какое-то время оставалась маленькой речкой. На плане города Ишима Тобольской губернии «в существующем его положении», составленном в 1866 году, южная петля обозначена старицей². Постепенно старица превратилась в длинную цепочку небольших водоемов, каждый год затопляемых весенними водами, а летом почти полностью пересыхающих. Северная петля существовала дольше. Берега реки подмывались весенними водами, грунт берега разрушался, разрушались и построенные на берегу дома. В 1828 году Совет Главного управления Западной Сибири рассмотрел ходатайство об укреплении берегов реки Ишим и принял решение о проведении отводного канала через озеро Синкино. Место для «предназначаемой копани» канала обозначено на карте 1818 года. Решение было принято, но и к 70-м годам позапрошлого столетия эта «копань» не была проведена, вероятно, потому, что гидротехнические работы по изменению русла реки были достаточно трудоемкими. На плане города 1866 года озеро Синкино по-прежнему примыкает к западному руслу северной петли Ишима. Вообще история изменения русла реки Ишим требует особого изучения, а пока по этому вопросу существуют только версии³.

Итак, город Ишим Тобольской губернии располагался (и располагается теперь его историческая часть) в излучине реки.

Население

В Тобольском архиве обнаружен «Геометрический специальный план города Ишима Тобольской губернии» 1818 года⁴, копия которого хра-

нится в Российском государственном архиве древних актов⁵. Там же есть «Геометрический специальный план уездного города Ишима» 1808 года, с обозначенной на нём «выгонною землею купцов, мещан и разного звания людей»⁶ («выгонные земли идут попеременно под пашню, а затем под пастбище, на несколько лет сряду»⁷). Оба плана имеют описание и «предисловие», где даются сведения не только о строениях города, но и о его площади, числе жителей с делением их на социальные слои и по половому признаку. Изучение этих планов, их сравнение с более поздними и современными планами (картами) города, материалами Первой Всеобщей переписи населения, проходившей в Российской империи «на основании Высочайше утверждённого положения 5 июня 1895 года» и состоявшейся в Тобольской губернии в 1897 г.⁸, позволяют в данной статье дать общее представление об Ишине начала XIX века, ввести некоторые уточнения в исторические материалы, обратить внимание на языковые особенности в обозначении городских реалий Ишима того времени.

Согласно «Геометрическому специальному плану» 1808 года, Ишим занимал пространство в «117 десятин сорок сажень, всего удобной и неудобной земли и подселением города 3600 десятин восемьсот девять квадратных сажень». Граница города проходила на уровне современной улицы им. В. Чкалова. Южные, восточные и западные границы проходили по берегу реки, в настоящее время это река Ишим и его старица. Город состоял из 12 кварталов и полукварталов. В «предисловии» плана находим, что по данным «к шестой ревизии спискам состоит число домов 208»⁹. В этих домах проживали «мужских купцов шестнадцать, женских двадцать, мещан четыреста, женских двести сорок пять и разных званий людей мужских триста девяносто семь, женских четыреста сорок пять, душ и полов то же число состоит ныне и на лицо» – всего 1523 души. Обратим внимание на временное несоответствие плана 1808 года и его «предисловия», расположенного на том же листе, где и план. Возможно, к существующему уже плану «предисловие» добавлено после прошедшей в России в 1811 году шестой ревизии или план города 1808 года составлен после этой ревизии, что менее вероятно.

К 1818 году число домов в городе выросло до 212, а число жителей несколько сократилось, – может, просто были учтены не все, кто жил «по пашпартам» *Пашпорт (паспорт, пашпорт)* в то время – это «вид, свидетельство, лист или письмо для проходу, проезду или проживанию»¹⁰. К «Геометрическому специальному плану» Ишима 1818 года приложена ведомость, «учиненная в Ишимской городской ратуше... о числе домов в городе и о числе жителей во оном находящихся»¹¹. Ведомость была «учинена» (составлена) ратманом Дмитриевым (имя не названо), за секретаря служил Семён Бурцев.

Богоявленский собор в исторической застройке Киселёвского мыса. 2005.
Фотография П.Д.Земляных.

Заметим, что в XVIII и начале XIX вв. орган городского управления, как и здание этого управления, назывался в России пришедшим в русский язык из немецкого ещё в древнерусскую эпоху словом *ратуша*, а члены ратуши, её чиновники, именовались *ратманами*. Из 212 домов в городе 14 принадлежали «господам чиновникам», т.е. ратманам, 78 – мещанам, 35 домов «держали» «служащие и неслужащие воинских нижних чинов и казаков», 29 домами владели крестьяне, 15 домов имели «солдатские и прочего звания вдовы», 9 домов принадлежали «священным и духовным жителям», 8 послушникам, по 5 – купцам и дворовым людям, 4 – приказным служителям (мелкие канцелярские служащие). Как видим, Ишим был мещанским городом, купечество ещё только зарождалось. Купцов, вместе с семьями, в городе проживало всего 11, из них 3 не имеющих своего дома и живущих по *пашпартам*. Мещан с домами было в Ишиме 357 человек «обоего пола», из них 157 «мужеского» и 200 женского да ещё «по пашпартам» 237 душ мещан того же «мужеского» пола и 264 женского пола – всего 858 жителей. Меньше всех проживало в Ишиме приказных служителей – 5 мужчин и 8 женщин. «Солдатских и прочего звания вдов» в городе был 31 житель: 4 «мужеского» пола (наверное, дети-мальчики) и 27 женского, среди которых были также дети-девочки. Много «служащих и неслужащих воинских нижних чинов и казаков» – 65 «мужеского» пола и 95 женского, в это число – 160 – включены и дети. Среди «служащих воинских» числились не только охранники тюремного острога, но и представители других чинов: *драгуны*, предназначенные действовать как в конном, так и в пешем строю; *пушкари* – литейщики орудий, бывшие и артиллеристами, палившими из пушек; *затинщики* – воины при затинной пищали (так называли крепостное орудие, устанавливаемое в затине – за тыном, за забором). «Господ чинов-

ников» тоже хватало: 118 (!), среди которых 69 женщин – членов чиновничьих семей, а из 49 мужчин часть также была членами семей ратманов. Проживало в селении с «городским управлением» также 140 крестьян, которые занимались скотоводством и земледелием.

«Крестьянской столицей» Ишим оставался долго. Так, например, в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи по городу Ишиму в 1897 году находим значительное число записей, когда в графе «Занятие, промысел, должность или служба» жители Ишима отмечали свой род занятий, используя синонимы «хлебопашец», «землепашец», «земледелец» или слово «крестьянин». В современном русском языке слово *крестьянин* имеет одно значение: «сельский житель, занимающийся возделыванием сельскохозяйственных культур и разведением сельскохозяйственных животных как основной работой»¹². В словаре В.И.Даля приводится два значения данного слова: «крещёный человек; мужик, землепашец или земледел, селянин, поселянин, сельский обыватель, принадлежащий к низшему податному сословию»¹³. Это объясняется так: общеславянское слово *крестьянин* восходит к заимствованию из греческого языка *christianos* – христианин, которое является суффиксальным производным от *Christos* – Христос. Отсюда исходное значение – *последователь Христа, христианин*, затем *православный вообще*. Под влиянием существительного *крест* позднее появилось слово *крестьянин*. Отметим, что в документах переписи 1897 года вероисповедание жители Ишима отмечали словом «православный», в сокращённом варианте – «прав.»

Итак, согласно ведомости ратуши о числе жителей города¹⁴ и заметкам на плане 1818 года¹⁵, в Ишиме к 20-м годам XIX века официально проживал 1441 человек. Мещане составляли 59,5% жителей, «служащие и неслужащие

воинских нижних чинов и казаков» – 11,1%, крестьяне – 9,7%, «господа чиновники» – 8,1%, священники и «духовные жители» – 2,6%, «солдатского и прочего звания вдовы» – 2,1%, послушники – 1,6%, приказные служители – 0,9%. Очевидно, что население города состояло из представителей разных социальных слоёв: мещан, купцов, священников, военных, чиновников, крестьян и других групп жителей.

Планировка

Как внешне выглядел Ишим? В центре города – большая площадь, восточная и западная стороны которой доходили до берега реки, позднее это пространство было застроено. Главным фундаментальным сооружением площади, как и всего города, была каменная соборная церковь во имя Богоявления Господня. Около церкви располагалось здание духовного правления. Строительство соборной церкви, главного храма города, началось в 1775 году и длилось около сорока лет¹⁵. Церковь воздвигли вблизи от деревянной, которая считается первой церковью в Ишиме. Деревянная церковь, освящённая в честь Николая Чудотворца, особо почитаемого на Руси святого, имеет драматическую историю. Выстроена Николаевская церковь была в начале XVIII века, а в 1726 году сгорела от трапезной ветхой печи и вновь была построена в 1731 году. Время разборки деревянной церкви необходимо уточнить. На «Геометрическом специальном плане» города Ишима 1808 года обозначена «деревянная ветхая церковь», расположенная на площади города северо-западнее «каменной церкви во имя Богоявления Господня», а на таком же плане 1818 года деревянной церкви нет. Значит, она была разобрана или снесена именно в этот исторический промежуток времени: с 1808 по 1818 годы¹⁷.

В южной части города (современная улица им. Л.Н.Толстого между 2-м и 4-м Южными переулками) действовало первое учебное заведение в Ишиме – открытое в 1817 году Ишимское уездное училище, дом для которого пожертвовал купец Ф.Еманюков. В районе современной 3-го Южного переулка располагалась *мирская еласть* – городская ратуша, основное пространство площади занимали казённые постройки. В одном из строений вело службу *уездное казначейство*, здесь же заседал *уездный суд*. Думаю, не случайно в 1919 году именно на Киселёвской улице (динамика переименований: им. В.Чапаева – им. А.Жданова – Коркинская) находилась камера народного суда 19-го участка Ишимского уезда. На площади находился каменный погреб для хранения казны – денежные кладовые окружного казначейства.

Кроме названных служб, на площади стояли три соляных *магазейна*. Соляные *магазейны* в Ишиме, по-видимому, представляли собой помещения для обработки и хранения казённой соли, привозимой в Ишимский округ из Тобольска. Для продажи этого и других важных товаров использовались торговые, в том числе мясные, лавки. На плане Ишима 1818 года отмечены три такие лавки. Почему на планах использовано слово *магазейн*? Слово *магазин*

в значении «склад, место для хранения продовольственных запасов для армии» после прихода в начале XVIII века в русский язык из немецкого языка (*Magasin*) использовалось в России в двух формах: *магазин* / *магазейн*. Позднее обе формы получили и другое значение – «помещение для продажи, торговли». Это значение постепенно вытеснило первое – «склад». Ко времени Геометрических планов Ишима 1808 и 1818 гг. *магазины* / *магазейны* были помещениями для торговли, поэтому на Плане 1808 года торговые места названы *магазейнами*, на Плане 1818 года, хранящемся в Тобольском архиве, – также *магазейны*, а на Плане РГАДА – это *магазины*. В современном русском языке слово функционирует в одной форме – *магазин* – в значениях: 1) учреждение, производящее розничную торговлю, а также помещение, в котором производится такая торговля; 2) коробка в аппарате, приборе для вкладывания однородных штучных изделий, частей чего-нибудь (например, патронов в стрелковом оружии), а также набор однотипных элементов, заключённых в общий корпус¹⁸. Употребление слова *магазин* в значении «склад для хранения чего-нибудь» квалифицируется как устаревшее.

Вернёмся в Ишим. В городе начала XIX века имелись *литейные дома*, стоящие не только в центре, но и разбросанные по всему маленькому тогда городку. Питейная продукция на Руси всегда хранилась в винных подвалах, такой был и в Ишиме. Каменный винный подвал был вырыт в восточной части площади (современная улица Береговая, в сторону реки от корпуса № 2 ИГПИ им. П.П.Ершова). Об этом подвале, вмещающем до ста бочек питья, читаем в материалах Первой Всеобщей переписи населения 1897 года: в 1-ой городской части, 1-ом квартале Ишима, на площади Церковной (Соборной) стоял деревянный, крытый деревом, дом-караулка, «наследие Паклевских», в котором жил мещанин Бушков Андрей Дмитриевич – «комендант при винном складе»¹⁹. Интересно, когда и куда исчез этот винный подвал?

На планах Ишима начала XIX века обозначен *тюремный острог* – тюрьма. Общеславянским именем существительным *острог* (производное от слова *острый*) называли на Руси оборонительные сооружения. По Далю, острог – «часть кола, или палисадник из свай, вверху заострённых». В древнерусских княжествах и в Русском государстве XVI-XVII веков острог – это деревянное пограничное укрепление, «городьба на стоячих заострённых брёвнах, вкопанных вокруг населённого пункта или его части». Позднее в Московской Руси XVIII века острогом стали называть город, селение, являющиеся укреплённым населённым пунктом. Постепенно слово стало употребляться в значении *тюрьма*, например в сочетании *тюремный острог*. Обратимся снова к словарю Даля: одно из значений слова *острог* – «тюрьма, арестантская, здание, окружённое острогом или стеною, где содержат узников, заключённых, тюремный замок»²⁰. Таким образом, историческое образование *острог* ушло в состав устаревшей лексики русского языка, его вытеснило слово тюркского происхождения *тюрьма* (др.-тюрк. *turma*) –

Историческая часть г. Ишима, вид с севера. Конец 1990-х. Фотография А.В.Зверева.

«место содержания лиц, лишённых свободы (арестантов, заключённых), место заключения»²¹.

Итак, тюрьма в Ишиме располагалась в северной части города, южнее современной поликлиники № 2 (дом № 6) на улице им. А.Пономарёва. Примечательно, что на плане 1808 года помещение для тюремной охраны называлось русским словом *караулка*, образованного от заимствованного из тюркского ещё в эпоху Золотой орды слова *караул*. На карте 1818 года такое помещение названо пришедшим из французского языка словом *кордегардия* (*corps de garde*), с таким же значением, что и *гауптвахта* (нем. *Hauptwache*) – «1) караульное помещение с площадкой для построения караула, 2) помещении для содержания военнослужащих под арестом»²². После постройки в Ишиме «каменного тюремного замка» (1858 г.) здание тюремного острога стало на какое-то время *цейхгаузом* инвалидной команды. Обратим внимание на то, что заимствование из французского *инвалид* (*invalide*) имело в XIX веке более узкое, в сравнении с настоящим временем, значение: «отслуживший, заслуженный воин, неспособный к службе за увечьем, ранами, дряхлостью»²³; значит, «инвалидная команда» – это группа, объединение инвалидов-воинов. Слова *кордегардия* и *цейхгауз* (нем. *Zeughaus* – «воинский склад оружия, обмундирования, снаряжения и т.п.»²⁴) ушли в пассивный словарь русского языка.

Для хранения оружия и военного снаряжения на площади города в её северо-восточной части располагался *арсенал*, сбитый из глины («здание, где хранится оружие всякого рода, военные доспехи и припасы; бывают тут и мастерские; оружейная»²⁵).

В южной части города, в районе современного 4-го Южного переуллка, на берегу западного русла Ишима (сегодня – старица) находилась *больница*, а в северной части площади стояла *богадельня* – приют для стариков, инва-

лидов. В научно-популярных очерках «Ишим далёкий – близкий» в статье «Из истории здравоохранения» написано, что «первая городская (городская – Е.Ш.) больница была открыта в Ишиме в начале 60-х годов XIX века»²⁶. Такая информация недостоверна, так как на «Геометрическом специальном плане» Ишима 1818 года обозначен и такой предмет городского пейзажа, как больница.

Перспективы

На названном Плане 1818 года показаны перспективы на пространственные изменения города. План составлен землемером Панютным (инициалы не указаны) с использованием раскраски тушью разного цвета. Существующие к тому времени «строения с огородами» на карте находились «на покрытых жидкою тушью кварталах» красного цвета. Часть строений на восточном и западном берегах города планировалась для переселения, так как весеннее половодье «каждогодно» разрушало их. Эти дома и предполагалось «переносить» на «вновь назначенные» площади Ишима. Линии, «вытянутые жёлтою краскою, обозначают ныне назначенную черту городу и назначенные вновь кварталы под построение для переселения домов». Новые кварталы под построения продвинулись на север до берегов рек Карасуль и Мергень. На востоке «назначенная» городская черта проходит с севера на юг по территории современного военного городка. Интересен такой факт. На подлиннике «Геометрического специального плана» Ишима 1818 года, хранящемся в Тобольском архиве, на западной границе города обозначено: «назначенные кузницы» (планируемые для строения), а на копии Плана, сделанной более грамотно и отправленной в столицу (РГАДА), о том же написано: «кузницы». Вероятно, таким образом предполагаемое выдавалось за явное. Кузницы построены позднее, на берегу реки Ишим в районе нынешней автоко-

понны 1319. По берегу Ишима здесь проходила дорога «из Тобольска». Другая дорога шла в восточной части (территория современного парка) – «в город Омск».

В 1818 году в Ишиме планировалось большое строительство. На территории кладбища, которое находилось до этого времени за городом, а по новому плану должно было войти в его черту, назначалось место «для построения на будущее время церкви» (в 1842 году здесь была построена Свято-Троицкая церковь с тремя престоломи)²⁷. «Назначенные» вновь кварталы планировались под застройку как «для переселения домов, выстроенных не по плану и опасность имеющим от подмытия берегов реки Ишим, равно и для заселения явившихся жителей, живущих по пашпартам в разных местах, так и для будущего размножения города».

На новом земельном пространстве города строить казённые дома не планировалось, все кварталы должны были занять жилые строения. На уже существующей тогда территории, западнее острога (южнее современной поликлиники № 2 по улице им. А. Пономарева), на берегу реки Ишим, «назначалось место» – земельный участок для продажи хлеба, сена, леса и дров. На центральной площади города, где возвышалась соборная церковь, предполагалось построить присутственные места и гостиный двор. Впоследствии здания городских учреждений с канцеляриями и полицейского управления появились в районе современной Октябрьской площади, ранее – Базарной.

Таким образом, бывшая Коркина слобода в начале XIX века являла собой небольшой компактный городок с населением около 1500 человек разных социальных слоёв, разбитый на достаточно чёткие кварталы, имеющий действующую соборную церковь во имя Богоявления, уездное училище, тюремный острог, много торговых лавок и питейных домов. Улицы города были пока ещё безымянными, – во всяком случае, на картах или планах города того времени не названа ни одна улица. Ишим жил не только планами по расширению своей территории и «будущему размножению», но и их воплощением в жизнь. Город стремительно застраивался, и к середине XIX столетия имел вдвое больше домов, в нём возведена церковь во имя святой Троицы, открыто уездное приходское училище, построены каменные корпуса торговых лавок, строятся заводы (точнее – заводики); в Ишиме проживает около двух с половиной тысяч жителей²⁸. Город растёт и развивается.

Примечания

¹ См. подробнее: Пашков Ф.М. Как Коркина слобода стала Ишимом // Коркина слобода. Вып. 4. – Ишим, 2002. – С. 5-9; Кузурманов Г.П., Кутырёв А.Г. Крепостные стены Коркиной слободы // Коркина слобода. Вып. 7. – Ишим, 2005. – С. 5-9.

² План города Ишима Тобольской губернии, составленный в 1866 году «в существующем его положении», хранится в фондах ИКМ.

³ См. подробнее: Кузурманов Г.П. Синкинский канал (версия) // Коркина слобода. Вып. 1. – Ишим, 1999. – С. 14-17; Меньшиков В.Н. Об укреплении берега реки Ишим и строительстве Синкинского канала // Коркина слобода. Вып. 4. – Ишим, 2002. – С. 14-24; Кутырёв А.Г. Из истории реки Ишим (к 170-летию Синкинского канала) // Ишимская правда. – 2003. – 29 апреля. – С. 3.

⁴ ТФ ГАТО. Ф. 154. Оп. 21. Д. 123.

⁵ РГАДА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 11. Лл. 9-10.

⁶ РГАДА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 16.

⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. 1. – М.: Русский язык, 1980. – С. 285.

⁸ ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 607-612.

⁹ РГАДА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 16.

¹⁰ Даль В. Толковый словарь... Т. 3. – С. 22.

¹¹ РГАДА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 11. Л. 9-10.

¹² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: «АзЪ», 1994. – С. 300.

¹³ Даль В. Толковый словарь... Т. 2. – С. 192.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1343. Оп. 1. Д. 11. Л. 9-10.

¹⁶ Крамор Г.А. Новая датировка строительства Богоявленского собора в Ишиме // Словоцеские чтения – 2005. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. – С. 183-184. См. также: Крамор Г.А. Православные святые Ишима // Сибирский фолорост России. Ишим. – Тюмень: Тюменский издательский дом, 2005. – С. 77-103; Фролов Л.В. Храмы земли ишимской // Ишим далёкий – близкий. – Ишим: Изд-во ИПГИ им. П.П. Ершова, 1997. – С. 133-137.

¹⁷ В 1789 году к главному Богоявленскому алтарю будущего собора перенесли старый иконостас из деревянной Никольской церкви, увеличив его в ширину и высоту; саму церковь было решено разобрать только в 1803 году, употребив брёвна и доски на постройку ограды вокруг нового храма и на городском кладбище. На месте же алтаря прежней церкви был поставлен кирпичный памятник, не сохранившийся до наших дней. См.: Крамор Г.А. Православные святые Ишима. – С. 82. (Прим. ред.)

¹⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – С. 330.

¹⁹ ТФ ГАТО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 608.

²⁰ Даль В. Толковый словарь... Т. 2. – С. 107.

²¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – С. 807.

²² Захаренко Е.Н. и др. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2003. – С. 143.

²³ Даль В. Толковый словарь... Т. 2. – С. 44.

²⁴ Захаренко Е.Н. и др. Новый словарь иностранных слов. – С. 723.

²⁵ Даль В. Толковый словарь... Т. 1. – С. 24.

²⁶ Колтырова Т.М. Из истории здравоохранения // Ишим далёкий – близкий. – С. 122.

²⁷ Фролов Л.В. Храмы земли ишимской // Ишим далёкий – близкий. – С. 137-138. Следует уточнить, что в 1826 году прихожане возбудили перед Ишимским духовным правлением ходатайство о разрешении строительства Троицкой кладбищенской церкви, и уже в 1834 году она существовала, но в деревянном исполнении. В 1842 году было окончено строительство каменной Троицкой церкви (4 февраля 1843 года освящён главный престол), к которой впоследствии были пристроены приделы во имя Всех святых и Сорока мучеников Севастийских. См.: Крамор Г.А. Православные святые Ишима. – С. 85. (Прим. ред.)

²⁸ Примечательно, что по данным Статистической таблицы Тобольской губернии за 1869 г., общая численность города Ишима к концу XIX-го столетия увеличилась до 5482 человек.

И. Б. ГАРИФУЛЛИН,
К. Б. КАБДУЛВАХИТОВ,
А. П. ЯРКОВ

«Мусульманский» аспект в сибирских крестьянских волнениях периода утверждения советской власти

Этнический и конфессиональный аспекты социально важных событий и явлений относительно недавно стали рассматриваться в сибиреведении, хотя это может помочь в выявлении скрытых пока от исследователей механизмов внутренних процессов, происходивших в обществе. Это связано с тем, что взгляд на участие тех или иных этноконфессиональных групп определялся концепцией, изложенной в «Истории гражданской войны в СССР»¹ (а затем во многих научных работах), повторявшей мифы сталинской эпохи, которая игнорировала особенности жизни тех групп населения, где социальные отношения строятся по особой системе координат.

Касается это и мусульман, где, как отметила О.Ю. Бессмертная, историографии российского ислама даже первого постсоветского десятилетия присущи два основных подхода – «русский» и «мусульманский», которые, по сути, являются следствием политического манипулирования социальной памятью мусульман. В результате, по её мнению, сформировались крайние позиции: либо мусульманам всегда лучше жилось в России, чем где-либо; либо мусульман при царизме угнетали, но хорошо к ним относились в годы советской власти². Советские же авторы объясняли восстания и выступления мусульман против власти их темнотой, невежеством, политической несознательностью, а иногда насильственной мобилизацией или прямой экономической зависимостью от богатой верхушки.

Между тем явная или скрытая борьба против советской власти была частью всенародного (а не этнически или конфессионально избирательного) сопротивления военно-коммунистической диктатуре. Об этом повествует вся история сибирских крестьянских волнений, самое известное из которых – Ишимское (Западносибирское) восстание.

Для начала определимся, что наименования *мусульмане* и *мусульманский этнос* не всегда имели конфессиональный оттенок, а были этносоционимами. Религия для царской власти и для советской власти в первые её годы нередко выступала критерием этнической идентичности и в таком виде фиксировалась в документах³. Только с отказом от понятий *мусульманское бюро РКП(б)*, *мусульманская секция женсовета* прилагательное *мусульманское* стало заменяться⁴. Хотя вполне очевидно, что у значительной части населения ислам продолжал играть важную роль – в традиционном механизме организации их жизни устойчиво сохранялась вера в неизблемость религиозных установлений. При этом «перелицовка», приспособление к новым социальным реалиям для многих мусульман была болезненна. Поэтому служители ислама как

представители по-своему стройной идеологической системы были для верующих даже в тяжёлые 1920-30-е годы носителями абсолютной истины, символом стабильности, воплощением «статичного начала в эпоху динамики».

У советского периода взаимоотношений власти и мусульман была предыстория, когда Временное правительство 3 марта 1917 года отменило все сословные, вероисповедные и национальные ограничения, а с лета 1917-го на территориях сибирских татарских и бухарских волостей были образованы земские управы. Тогда же была провозглашена национально-культурная автономия мусульман Внутренней России и Сибири и принят закон об автономии, согласно которому вопросы, касающиеся религии, просвещения и языка, «незамедленно и целиком» переходили в руки самих мусульман.

После Октябрьской революции вопрос о национально-культурной автономии стал развиваться по двум «сценариям»: советская власть (её установление произошло в Западной Сибири, включая Актюлинскую область, вплоть до марта 1918), Временное Сибирское правительство (июль-ноябрь 1918) и Временное Всероссийское правительство А.В. Колчака не признавали её, а Временное правительство Автономной Сибири и Самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), напротив, поддерживали. Идеи о законодательном оформлении автономии у мусульман и сибирских областников совпали. Более того, собравшийся 6-19 декабря 1917 года в Томске Чрезвычайный съезд областников принял первую Сибирскую Конституцию и предложил временно пользоваться законами Российской республики, изданными до 24 октября того же года, т.е. игнорируя декреты советской власти.

Не только подобные факты «не замечались» советскими учёными в угоду идеологическим догмам. «Забывалось», например, что на выборах в Учредительное собрание избирательный список «Мусульмане» в Тобольском округе обогнал по числу поданных голосов (25 830) кадетов (13 793), большевиков (12 061) и левых эсеров (3 733).

Ещё до победы революции В.И. Ленин писал: «Мы постараемся оказать отсталым и угнетённым... народам бескорыстную культурную помощь»⁵. Большевики не скупились на заявления о защите интересов трудящегося нерусского населения. В первых же законодательных актах советской власти было определено «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России». Особую роль в этом сыграли «Декларация прав народов России» (ноябрь 1917), которая отменяла законы, ставившие в неравное положение людей в зависимости от принад-

Татарская деревня Балахлей в Аромашевском районе –
один из очагов восстания 1921 года. Май 2005. Фотография Г.А.Крамора.

лежности к различным нациям и религиям, и «Обращение к трудящимся мусульманам России и Востока», принятое 20 ноября 1917 года.

Безусловно, определенная часть нерусских народов Сибири не поддержала формирующийся режим. В особенности это касалось зажиточных татар, бухарцев, казахов и части представителей мусульманского культа, не все из которых жили в достатке. Тем не менее, они вкюпе оценивались властью как классовые враги. П.И.Рощевский писал в традициях своего времени: «Мусульманская буржуазия и муллы постарались в этой обстановке усилить своё экономическое и религиозное влияние на мелкобуржуазные и трудовые слои татарского населения», а созданные в Тобольске и Тюмени мусульманские советы охарактеризовал как буржуазно-националистические⁶. Автор даже не пытался понять другое восприятие событий в умах сибиряков различного этнического происхождения.

Однако классово-политическое волнение усиливалось. На Тобольском уездном мусульманском съезде (май 1918) избранные на съезд бедняки заявляли: «Мы, мусульмане, уверены, что Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не оставит пролетариев-мусульман в руках их угнетателей и поможет образовать такти комиссариат, в который войдут только истинные представители и друзья мусульманского пролетариата и крестьянства». О реальном расколе в мусульманском сообществе Сибири свидетельствует сам ход съезда, где были представлены только 15 приходов из 120. Заявив, что трудящиеся татары «работают вместе с советами не по доброй воле, а из страха», представителям буржуазии удалось избрать в комиссариат своих «почётных и уважаемых» лиц, чтобы легче было бойкотировать решения властей, принятые в интересах бедноты⁷.

В конце мая 1918 года татарские и бухарские купцы Тюмени и Тюменского уезда, члены бывшего национального управления и муллы договорились принять срочные меры против большевиков-соплеменников. Для этого они решили убрать с дороги руководителей мусульманского комиссариата – братьев Габидуллиных, натравив против них верующих⁸. Активны были в наступлении на коммунистические идеи и зажиточные казахи. Штаб-квартира партии «Уш Жуз» располагалась в 1917-1918 гг. в Омске, а её деятельность охватывала казахские районы

Западной Сибири и территорию современного Казахстана⁹. Программа партии предлагала поднять «тюркско-татарское зелёное знамя, созданное Аллахом», а в жизни руководствоваться сводом законов на основе шариата¹⁰.

Как видим, в короткий период «смуты» и «белого» правления жизнь мусульман Сибири протекала неоднозначно. К сожалению, пока мало исследована периодика на татарском и казахском языках, когда выходили такие газеты как «Юл», «Халк сюзю», «Том сюзю», «Чулпан» и журнал Национального управления мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири «Мухтарат», где, в частности, содержались призывы вступать в отряд/дружину «зелёного знамени» для борьбы с большевиками.

Увы, в военных конфликтах страдали не только политически активные люди. Х.Курмантаев вспоминал, как во время колчаковщины в юртах Пушняцких была учинена расправа над Б.Саиткуловым, К.Рузубакиевой с грудным ребёнком, Х.Хайбуллиным и другими только за то, что они указали дорогу красноармейцам.

Но была не только война. Так, в одном из номеров «Русской армии» сообщалось, что Тобольское губернское земство летом 1919 года организовало мусульманские педагогические курсы для 100 человек (из них 18 женщин и 3 муллы). Курсисты затем выразили благодарность земству, увидев в том «зерно новой совместной жизни русского и татарского народов на основе сердечного братского единения»¹¹.

«Белые» ушли, «красные» вновь пришли, гражданская война закончилась, но кризис в сельском хозяйстве усилился. Дело в том, что для Сибири характерен более поздний переход к продналогу, который был определён в 53 млн пудов хлеба, что составляло 59 % объёма фактического выполнения развёрстки¹². Кроме развёрстки на хлеб, зернофуражные и масличные семена в 1920–1921 гг. в Тюменской губернии были введены развёрстки на картофель, мед, птицу, крупный и мелкий рогатый скот, кожи и шерсть, льноволокно, пеньку и другие продукты сельского хозяйства. Всего же в 1921 году на крестьян было наложено 34 вида развёрсток¹³.

Как и внедрение трудовой повинности, развёрстки осуществлялись без учёта объективных возможностей, что вызвало недовольство и возмущение сибиряков. Так, «товарищ комиссар Крутиков», прибывший с отрядом в Варварин-

ские юрты для выполнения «шерстяной развёрстки», дал «боевую задачу» населению – в ночь с 17 на 18 декабря 1920 года собрать 7 пудов шерсти. Задание не выполнили, хотя были острижены все овцы, которые позже от стужи сдохли. Четверо селян находилось под стражей в качестве заложников более суток. При обыске у бедняка Айтмайдандинова шерсти не оказалось, но комиссару приглянулся тулуп, который комиссар и надел, а рваный скинул, приказав сдать в продконтору. Рваные не приняли взамен шерсти, но комиссар уехал в тулупе, оставив и без того бедного бедняка раздетым¹⁴.

В ответ на сборы и обзоры напряжённость в русской деревне, татарских юртах, казахских аилах, немецких хуторах стремительно нарастала, и, как результат, в Западной Сибири и в Северном Казахстане в начале 1921 года вспыхнуло крестьянское восстание, которое, начавшись в Ишимском уезде, быстро распространилось по краю, захватив север и юг.

Среди повстанцев были представители всех социальных групп – крестьяне и кочевники, бывшие офицеры и служители культа, купцы и рабочие, советские служащие и казаки. Не была индифферентна к восстанию ни одна из этнических составных края.

В отношении к продналогу «ослабел энтузиазм» и у относительно аполитичного в предшествующие годы татарского населения. Обеспокоенность от возможного разорения была особенно высока среди середняков и зажиточных, которые и выступили первыми в поддержку восставших. В Тобольском уезде больше всего участников восстания было в юртах Бегитшевских, Баишевских, Тукузских, Миткинских, Казанка, Ренчики, Бигатино, в Тюменском уезде – в Тарханы, Матмасах, Карбанских юртах, в Ишимском – среди татар Новой Алтулы и Балахлея.

Восставшие не делились по происхождению, но были объединены убеждением: «Мы хотим, чтобы каждый человек верил, как хочет: православный – по-своему, татары – по-своему, и чтобы нас всех силком не заставляли верить в коммунизм». Эти строки взяты из издававшейся во время восстания в Тобольске газеты «Голос Народной армии».

На опасные симптомы «всеобщности» власть с опозданием, но отреагировала. Так, в мае 1921 года секретарь Тюменского губкома ВКП(б) писал: «Среди тюркских народов необходимо вести большую политическую работу, отсутствие её привело к тому, что мусульмане нашей губернии, ранее не отличавшиеся особой воинственностью, в дни бандитизма (так называли крестьянское восстание. – *Прим. авт.*) активно участвовали в выступлении против советской власти».

Обложенные налогами, лишённые избирательных прав сельские муллы и их жёны оказались не только авторитетами для озлобленных единоверцев, но и наиболее подготовленными идейно для участия в восстании. Во многих поселениях мусульмане выделяли повстанцам продукты, предоставляли оружие и подводы, а бывшие или действующие муллы проводили агитационную работу среди населения. Так, ставший учителем З.Мировалев был пропагандистом и агитатором при штабе повстанцев в Тобольском уезде, редактировал газету и выпускал листовки о значении восстания, проводил собрания с целью сбора продуктов и оружия для повстанцев¹⁵.

Не стоит оценивать события однозначно, поскольку были жертвы среди тех, кто не разделял позицию восставших. Так, зверски убиты сочувствующие советской власти: в юртах Ишеевских – братья Рузумбаевы, в юртах Чебургинских – Мурзакаев, инспектор отдела национальностей¹⁶. В Кречетинской волости Тюменского уезда повстанцами арестованы и увезены в неизвестном направлении 19-летний беспартийный делопроизводитель волостного военкомата А.Ахметчанов и приехавшая к нему в гости 60-летняя мать, приёмщик лесозаготовок и член партии 30-летний Х.Сайфутдинов, милиционер и член партии Н.Ахметчанов. Не уступали в жестокости и беззаконии и органы советской власти. Так, без суда здесь было расстреляно 28 крестьян, поддержавших повстанцев, в основном молодые люди¹⁷.

Отголоски восстания ещё долго эхом отдавались в Сибири. Многие репрессированные в 1930-х годах татары, бухарцы, казахи во время следствия и судебных процессов признавались (сами или под принуждением) в «преступлениях против власти», а органам дознания как нельзя на руку были эти факты, чтобы «раскрыть» «длительно действующий контрреволюционный заговор».

В архиве Управления ФСБ по Тюменской области хранятся не только следственные дела репрессированных в 1920-30-х гг. служителей мусульманского культа, но и введённые недавно в научный оборот дела участников событий 1930 года, когда возмущённые непомерными налогами, закрытием мечетей, «неправильным отношением к муллам, которые являются простыми крестьянами, выбранными для богослужения», жители татарских сел стали коллективно выражать своё недовольство. Это движение ОГПУ оценило как «контрреволюционную повстанческую организацию», состоявшую из 230 человек¹⁸.

По мнению ряда учёных, события лета 1930 года были инспирированы органами политического сыска, которые, опираясь на ставшие известными им факты десятилетней давности, попытались выявить «потенциальных врагов советской власти». К тому же события совпали по сроку с «временным отступлением» в коллективизации – статья И.В.Сталина «Головокружение от успехов» обвинила местные кадры в «извращениях большевистского курса». Вот строки из заключения уполномоченного тюменской оперативной группы ОГПУ Фролова об освобождении из-под стражи арестованных по делу «Подпольной армии муллы Фазыла Шафикова»: «Анализ следственного материала вызывает ряд объективных условий, послуживших поводом к недовольству обвиняемых, а именно: решение XV партсъезда о реконструкции сельского хозяйства, на основе производственного кооперирования и коллективизации в ряде сельсоветов Ярково и Тавдинского районов, – разрасталось. Действия отдельных партийно-советских работников на местах в сельсоветах и деревнях – носили явно оппортунистический характер, явление правого и левого загибов имело постоянное место. Не учитывались специфические условия в наименованном населении, быте, его некультурности и неграмотности. Коллективизирование населения на 100 % проводилось без достойной массовой культурно-разъяснительной работы. Практиковались принудительные приёмы: застрашивание,

экономический зажим середняка (переобложение налогом и т.п. способы) и прочие противопартийные и советские методы. На этой почве среди населения росло недовольство советской властью, непонимание действенных целей реконструкции сельского хозяйства...»

Среди арестованных Тобольским ОГПУ оказались не только муллы А. Бикшанов, Ч. Имангулов, Ф. Шафиков, бедняк В. Ахметов, но и немало участников событий 1921 года: Ш. Музин, Н. Гибайдулин, М. Шарипов, Л. Айтмуаметов и другие. В иных даже видели деятельных постанцев: так, Н. Музин «заведовал кузницей по изготовлению оружия»; В. Башмиров «готовил проруби для казни коммунистов»; Х. Давлетчин, бывший арендатор рыболовных промыслов, командовал лыжным отрядом, а потому и был избран на одном из подпольных собраний 1930 года старшим по «Варваринской группе». В юртах Бабасановских подпольную группу якобы возглавлял 60-летний повстанец А. Идрисов.

Из материалов следственного дела явствует: секретные совещания начались ещё в 1928 году и нередко проходили во время ифтара (вечернего разговления после поста) в юртах Варваринских и никаха в Верхних Бехтерях. В Матмасовских юртах, по мнению чекистов, всё началось с визита муллы из юрт Варваринских А. Бикшанова к бывшему аульному старшине И. Пяткулину, который собрал у себя недовольных земляков, среди которых присутствовал и бывший повстанец Х. Мамасалеев. Бикшанову чекисты отводили одну из главных ролей для «вовлечения в дело» бывших участников восстания 1921 года. Он якобы предрекал: «Уже в этом году начнётся война. Дни коммунистов сочтены, иностранные государства уже послали войска в Китай, и наступление начнётся отсюда. Но война будет, как и восстание 21 года, бесполезной, если мы не будем помогать свергать советскую власть. Мы должны создать подпольную организацию, которая с объявлением войны сразу поднимет восстание в аулах и будет подрывать советы изнутри»¹⁹.

Немаловажно, что в этом движении не было границы между людьми разного происхождения. К восставшим, по мнению органов ОГПУ, предполагали примкнуть: бывший красноармеец В. Негматуллин и бывшие колчаковцы Александр (командовал во время восстания 1921 года взводом) и Елисей Прелины из деревни Чушумовой²⁰. В «поле внимания» ОГПУ попал и один из создателей в дореволюционное время тобольского «Общества мусульман-прогрессистов» Х. М. Бакиев, который в 1930 году работал муллой в Нижних Аремзянах. Его вместе с сыном арестовали на том основании, что в их доме однажды переночевали родственники, причастные к якобы готовящемуся восстанию.

Не утихло, а ещё более разгорелось желание у работников ОГПУ-НКВД выявить «историю грехопадения» социально чуждого элемента в 1937-38 годах. Так, «следствие установило», что активный участник восстания 1921 года в Ишимском уезде А. Хабибуллин из деревни Новая Алтула совместно с другими «кулаками» (указаны фамилии) «вел антисоветскую агитацию, сговаривал бедняков, чтобы они не вступали в кооперативы, в период восстания был даже начальником штаба повстанцев. Вместе с ним среди повстанцев были односельчане Курмашев, Альмухаметов, Назыров, Валиев, Урузубаев и др.» С. Курмашев на допросе 22

Речка Балахлей у одноимённой татарской деревни.

Май 2005. Фотография Г.А.Крамора.

сентября 1937 года признался в участии в восстании и говорил, что он три раза воевал против красных: раз в Бегитино и два раза в Истяком²¹. Ж. Каримов на допросе сказал, что в «контрреволюционной банде участвовал от начала до конца, воевал в Ашлык, Бегитино, под Тобольском, но в расстрелах коммунистов не участвовал»²².

ОГПУ также дозналось, что в 1921 году в Тобольском уезде активно помогали повстанцам в Баишевских юртах мужчины из семьи Хучашевых (Ракип, Хачигеряй, Ханафи, Нигман). Н. Хучашев отмечал, что «кроме помощи повстанцам продуктами питания, подводами, своим оружием, в повстанческие отряды он направил своих трёх сыновей, двое из которых, как он говорил, убиты в боях с красными». И, возможно, признался вполне честно: «В колхоз я не вступаю потому, что социалистические методы хозяйствования противоречат моим убеждениям».

Большинство служителей исламского культа в Западной Сибири, судя по архивным документам, принадлежало к беднякам и середнякам. Поэтому недопустимо применять по отношению ко всем служителям мусульманского культа советскую классификацию «эксплуататорский класс». Несмотря на то, что часть имамов была противниками социалистических идей, по своему экономическому положению они не отличались особо от большинства соплеменников и единоверцев.

У сибирских мусульман есть особые священные места – астана. Это реальные или символические захоронения людей, внесших существенный вклад в распространение и укрепление ислама в регионе. Наряду со средневековыми по происхождению, фиксируются и астана периода новейшей истории – «паннар сугышы» – могилы мулл, «погибших в годы гражданской войны»²³ (а возможно, и в годы восстания и репрессий), что свидетельствует о тенденциях к интерпретации прежних образов священных мест к новым реалиям эпохи.

Примечания

1 История гражданской войны в СССР. 1917–1922. В 5-ти тт. – М., 1935–1960.

2 Мусульмане в постсоветском пространстве (Материалы «круглого стола») // Россия и мусульманский мир. – 1998. – № 3. – С. 51–52.

3 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. 1898–1970. Т. 2. – М., 1983. – С. 237.

4 В результате в анкетах соаврабтников появляются подобные определения: «М.С. Арсланов, 35 лет, с ноября 1918 г. заведующий просвещением нацмен при ОмгубОНО, образование татарское [т.е. полученное в мусульманском медресе. – Прим. авт.] учитель...» (См.: Рыжанко В. Г. Учётная документация 1920-х гг. как источник по истории интеллигенции Сибири (по материалам ГАТО и ГАОО) // Источники и историография: археология и история: межвуз. темат. сб. науч. тр. – Омск, 1988. – С. 149).

5 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 120.

6 Рождественский П. И. Октябрь в Зауралье. Октябрьская социалистическая революция и борьба за установление Советской власти на территории Зауралья. – Тюмень, 1959. – С. 121, 125.

7 Известия Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – 1918. – 16 мая.

8 ГАСПИТО. Ф. 1545. Оп. 1. Д. 66. Л. 146.

9 ГАОО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 28. Л. 80.

10 Уш жуз. – 1917. – № 2.

11 Русская армия. – 1919. – 27 июля.

12 Отчет Второго съезда Сибирского экономического совещания. – Новониколаевск, 1922. – С. 58.

13 ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 33. Л. 49.

14 ГАТО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 183. Л. 117.

15 Архив УФСБ по Тюменской области. Д. 4290.

16 ГАСПИТО. Ф. 1545. Оп. 6. Д. 98. Л. 16.

17 ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Л. 74–77.

18 Кабдулаваитов К. Подпольная армия Фазыла Шафикова // Муслим-инфо. – 2007. – Апрель.

19 Кабдулаваитов К. Подпольная армия Фазыла Шафикова // Муслим-инфо. – 2007. – Июль.

20 Кабдулаваитов К. Подпольная армия Фазыла Шафикова // Муслим-инфо. – 2007. – Август.

21 Архив УФСБ по Тюменской области. Д. 4056. Л. 34, 82, 105, 106.

22 Архив УФСБ по Тюменской области. Д. 5937. Л. 88.

23 Закиров И.Г. Современный фольклор сибирских татар: образы и сюжеты (по материалам фольклорной экспедиции в Вагайском р-не Тюменской обл.) // Тюркские народы: материалы V сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, Омск, 2002. – С. 432.

И. В. КУРЫШЕВ

Преступность и бандитизм в Ишимском уезде в начале 1920-х гг.

Характер и уровень преступности в обществе выукло выявляет отрицательные черты культурного, бытового уклада жизни населения, показывая степень его морально-правовой и нравственной деградации. Бурные социальные потрясения в России первой четверти XX века (революция, мировая и гражданская войны) привели к невиданному ранее падению нравов и ожесточению общества.

Сотни уголовных преступников, освобождённых из тюрем революционной стихией в марте 1917 года, солдаты-фронтовики, озлобленные тяготами «германской войны», беженцы, лишённые жилья и пропитания, деморализовавшиеся повстанцы, дезертиры, – все эти социальные группировки представляли собой благодатную почву для появления различных форм преступности и бандитизма. В свою очередь, резкое ухудшение экономического благосостояния населения и его моральная деградация обусловили возрастание преступлений против личности и порядка управления.

Весьма высокий уровень преступности, в особенности в начале 1921 года, в разгар повстанческого движения, был характерен для Ишимского уезда, однако признаки ухудшения криминогенной ситуации можно обнаружить здесь и ранее, – хулиганство, вооружённые грабежи и конокрадство во время первой российской революции, столыпинский аграрной рефор-

мы, Первой мировой войны. В частности, «Тобольские епархиальные ведомости» в марте 1916 года сообщали о жестокой мести священнику села Налобина Владимиру Донову. Этот священнослужитель на законном основании отказался венчать дочь крестьянина Г. Меркулова с отпущенным на побывку солдатом, не имевшим разрешения на брак. Раздражённый отказом Григорий Меркулов выхватил из рукава кинжал и нанёс В. Донову две тяжёлые раны в челюсть и спину⁴.

1920–22 годы, с их взрывом крестьянского недовольства продовольственной политикой советской власти, повстанческим движением, всплеском уголовного и политического бандитизма, массовыми эпидемиями тифа и холеры, небывалым голодом, были особенно драматичным периодом для Приишимья.

В докладе секретного отдела ВЧК о повстанческом движении от 11 декабря 1920 г. так характеризовались происхождение и социально-классовая структура бандитизма: «В эпоху социального переустройства, когда один класс низвергается другим, когда хозяйственная жизнь временами деградирует, естественны явления бандитизма, хулиганства, повстанческие движения и пр. Вполне естественно и исторически неизбежно, что и в настоящий переходный период волны жестокой освободительной и всеочищающей гражданской войны образу-

ют на поверхности Советской России накопиться в виде бандитизма. Голод, продовольственные неурядицы, промышленная разруха, безтоварье, близость фронтов, дезертирство, подлая работа наших врагов, — вот почва, на которой бандитизм пустил свои корни»².

В качестве основных социальных группировок, составных элементов бандитизма определялись такие: 1) уголовно-разбойничий элемент; 2) белогвардейские офицеры, старочиновополицейский элемент; 3) дезертиры (зеленоармейцы); 4) феодальная и родовая, патриархальная плутократия инородческих наций; 5) кулачество, казачество, сибирские чалдоны и вообще зажиточные крестьяне.

Заметим, что развитию преступности и бандитизма в первой половине 1920-х гг. во многом предопределялось слабостью региональных властных структур и политического режима, несогласованностью, а нередко и разнонаправленностью действий государственных учреждений ещё не окрепшей советской власти, а также всевозможными злоупотреблениями её представителей на местах. В информационном сводке секретного отдела ВЧК по Тюменской губернии за 1-15 августа 1920 г. отмечалось, что недовольство советской властью связано с выполнением продрозверсток, трудовой и гужевой повинностей, причём это недовольство усугубляется противоречивым характером действий советских органов. В связи с этим бюро народных судей Ишимского уезда в декабре 1920 года обращало внимание уездного ревкома на то, что «тормозом в работе по укреплению законности на основании декретов Советской республики часто являлись некоторые работники административной власти, не отвечающие своему назначению, которые забывали или не знали, что проводится централизация власти»³.

Более того, в Ишимском уезде довольно остро проявилась и неприкрытая, разгорающаяся вражда между отдельными ветвями власти (исполнительной — уездным ревкомом и судебной — народными судьями и следователями). На уездном съезде народных судей, следователей и членов коллегии защитников, обвинителей и представителей сторон, проходившем 15-16 июля 1920 г., отмечалось, что народный суд 4-го участка не мог развить полноценной деятельности в силу давления ревкома и народного судьи 1-го участка. Это обстоятельство имело болезненные последствия при вынесении судебных приговоров.

Народный следователь 1-го участка П. Ф. Герчес докладывал съезду, что с конца 1919 года работал в качестве председателя уголовно-следственной комиссии при уездном революционном комитете, затем — народного следователя 1-го участка. При исполнении обязанностей следователя он постоянно испытывал давление ревкома, которое ещё более усилилось после того, как стал вести следствие по делу о расстреле Чрезвычайной Комиссией нескольких лиц, содержащихся в доме лишения свободы, а затем, после расстрела, брошенных в реку Ишим, происходило нарушение законности со стороны власти. Причём, если следователь не подчинялся распоряжениям уездных властей относительно судопроизводства, то к нему применялись репрессивные меры. В частности, уездный ревком и его председатель Грюнберг всячески тормозили следствие в отношении продроботника М. Лауриса, утверждая,

Ишимский следователь А. А. Беляков в командировке по Голышмановскому району. 26 января 1926. Село Малышенское.

что в данном случае с ним сводятся личные счёты. Позже, после того, как в Ишимском уезде вспыхнуло крестьянское восстание и в судебное разбирательство вынуждены были вмешаться центральные инстанции, Сибирское бюро ЦК РКП(б) и реввоен трибунал республики, по приговору судебной сессии Сибреввоен трибунала 1 марта 1921 г. М. Лаурис был расстрелян Ишимским политбюро (ЧК)⁴.

Вообще, наиболее напряжённые отношения у местных судебно-следственных органов сложились именно с сотрудниками продовольственных органов, подталкивавшими своими преступными, незаконными действиями крестьян к открытому вооружённому протесту против советской власти. В протоколе частного совещания народных судей и следователей Ишимского уезда от 18 марта 1921 г. подчёркивалось, что борьба с продроботниками была особенно трудной, поскольку, пользуясь лозунгом продовольственной диктатуры, они совершали неопишываемые беззакония, а когда представители судебных органов на местах пытались пресечь их преступления, то сами оказывались арестованными⁵.

Народный судья 12 участка Сергеев ещё раньше указывал на то, что между судом и продроботниками установились враждебные отношения, поскольку те самовольно, административным путем подвергают крестьян арестам.

П. Ф. Герчес отмечал, что в Ишимском уезде со стороны отдельных должностных лиц, например, гражданина Лауриса, совершаются произвол, насилия, должностные преступления⁹.

В прениях по этому же вопросу на съезде народных судей 5-6 сентября 1920 г. приводились многочисленные факты нарушений законности при осуществлении продразвёрстки, в том числе конфискации продуктов, скота по личному усмотрению сотрудников продовольственного комитета. В качестве примера приводился эпизод, когда один из продовольственных комиссаров Соколовского участка, войдя в дом и увидев крестьян, спокойно хлебавших молоко, только за это отправил их на принудительные работы⁷.

Начальник продовольственного отряда в деревне Смолянке Ситниковской волости под угрозой расстрела принуждал выдать хлеб гражданам А. К. Борисова и Н. Ф. Бакустина, причём, с целью запугать стрелял в них из револьвера. Более того, одним из продработников был арестован член Ситниковской ячейки РКП(б), член волземотдела Косолапов, у которого реквизировали не только хлеб, но и имущество. Незаконная конфискация одежды, обуви (брюк, пимов и т.д.), недостаток которых испытывался в то время, производилась сотрудником упродкома Гурминым в деревне Николаевке, селе Калмацком. За попытку противодействия Гурмину народный судья 12-го участка Сергеев чуть не полатился арестом⁸.

При выполнении заданий Тюменского губпродкома его сотрудники не останавливались перед применением самых крайних репрессивных мер, причём как раз в тех волостях, которые и без развёрстки находились в очень тяжёлом положении. При этом проявлялась преступная халатность в хранении политых кровью и потом хлебобудов. Например, на Маслянском ссыльном пункте свозимый хлеб плохо сортировался, сваливался на землю и покрывался лишь шкурами и рогожами, ввиду отсутствия на месте амбаров⁵.

Во время ревизии 8 сентября 1920 г. складов Гольшмановского приемо-сдаточного пункта, находившегося в ведении райпродкомиссара Бортникова, в амбарах находилось 47 туш скота, большей частью не пронумерованных и протухших. При этом комиссия наблюдала раздачу населению сдоба, в котором уже появились черви. Местные жители открыто возмущались бесхозяйственностью, которая подрывала авторитет советской власти¹⁰. 1 октября 1920 г. на Бортникова было заведено уголовное дело по обвинению в самоснабжении и халатности.

Атмосферу правового беспредела усугубляли плохое состояние судебно-следственного аппарата, низкий культурный уровень, пьянство, служебные злоупотребления сотрудников Ишимской уездной милиции. На том же заседании народных судей и следователей 18 марта 1921 г. обращалось внимание на то, что в большинстве случаев качественный состав милиции слишком слаб в следственно-розыскной деятельности, некоторые милиционеры проявили полную профессиональную непригодность, выразившуюся в «шкурнических проявлениях», наносивших ущерб интересам населения. Народные судьи отмечали факты пьянства, насилия и истязания сотрудниками милиции населения, причём эти преступления отягощались ложными обвинениями, возводимыми на гражд-

дан с целью скрыть и оправдать свои беззакония¹¹.

Наличие серьёзных проблем в кадровом составе милиции признавали и уездные власти. Так, в докладе заведующего отделом управления от 4 декабря 1920 г. состояние уездной милиции характеризовалось как неудовлетворительное: «90 % безусловно, для исполнения обязанностей милиционеров не пригодны по своему культурному уровню развития, а также есть шкурники. Оздоровить состав очень трудно, за неимением кадра людей. В данное время милиция загружена разной работой, как по проведению продразвёрсток, так и трудовых повинностей, но за совершенным отсутствием как тёплого, так и летнего обмундирования и обуви от неё нельзя ожидать никакой интенсивности, исполняя приказы, обмораживаются и болеют»¹².

На службу в милицию шли, как правило, выходцы из крестьянской бедноты, а также бывшие дезертиры колчаковской армии, что не могло не повлиять на их последующую деятельность. Начальник милиции 2-го района давал такую характеристику социального происхождения своих же сотрудников: «Милиционеры в большинстве случаев — из местных беднейших крестьян, при Колчаке дезертировали по кустам, и многие из них тотчас при вступлении советских войск вступили в ряды милиции»¹³.

Приказы и служебная переписка по управлению Ишимской уездной рабоче-крестьянской советской милиции свидетельствуют о том, насколько трудной являлась проблема нарушений законности внутри неё самой, выражавшаяся, в частности, в отказе гражданам содействовать пресечению преступлений, сокрытию уголовных преступников, пьянстве, спекуляции, незаконных обысках и прочем. В приказе № 10 по управлению Ишимской милиции от 30 июня 1920 г. отмечалось, что «милиционеры весьма плохо относятся к своим прямым обязанностям и заблуждаются в своих действиях. Кроме того, не пользуются почти никаким авторитетом среди населения, обратились в каких-то обывателей и разменялись на мелочь. На проступки обращают мало внимания, разве что какое-то кумовство и т.п. и поощряют население в разного рода преступлениях. [Милиция] зачастую сама принимает горячее участие в распитии самогонки»¹⁴.

Нередко на местах, особенно в отдалённых волостях, отмечались дикий произвол и беззаконие со стороны руководящих партийных, советских работников и милиции. Показательна жалоба жителя села Озернинского Н. А. Малова, направленная в Ишимский уголовный розыск. Он сообщил, что во время Февральского восстания (1921 года) старший милиционер волостной милиции Русак реквизирует у него 4 выделанные овчины, принадлежавшие родному брату красноармейцу Григорию. Малов же, опасаясь ареста, не имел возможности обратиться в вышестоящую инстанцию, поскольку местная милиция, запугивая население, не допускала никаких жалоб¹⁵.

Насилия, реквизиции имущества, глумление, грубый произвол по отношению к поддержавшему повстанцев крестьянскому населению происходили при подавлении коммунистическими и чоновскими отрядами, красноармейскими частями очагов повстанческого движения в 1921 году. Отряд под командованием Мокру-

Первый съезд работников юстиции и органов дознания Ишимского округа. 1920-е.

шина, оперировавший в Викуловской волости, без явных на то причин жестоко избил крестьян села Михайловского. После того, как всех избитых отправили в деревню Аксёново, члены отряда пошли по крестьянским избам с самовольными обысками, насильственно реквизируя имущество, деньги и хлеб. После прокатившейся волны обысков, угрожая оружием, они принуждали пострадавших Дмитрия и Игнатия Михалевичей дать подписку о том, что их имущество во время обыска осталось неприкосновенным. Заведующий Викуловским ветеринарно-врачебным участком А.В.Поздняков, будучи очевидцем этих событий, достоверно свидетельствовал, что члены отряда, из побуждений корысти, совершали налёты человек по десять и просто присваивали себе то, что считали нужным¹⁵. Красноармейцы 29-го кавалерийского полка произвели незаконную конфискацию имущества и скота у крестьян села Малаховско-¹⁶

На упоминавшемся совещании народных судей и следователей 18 марта 1921 г. также указывалось на то, что некоторые должностные лица совершают множество преступлений, в том числе отбирают имущество у жителей для своих надобностей под видом борьбы с контрреволюцией и, оставаясь безнаказанными, терроризируют население, вызывая в нём чувство недоверия; огромное количество потерпевших, спасаясь ещё большего насилия, не жалуются на беззакония сельских и волостных властей¹⁷.

Особую тревогу у делегатов совещания вызывало то обстоятельство, что воинскими частями, коммунистическими ячейками и отрядами без суда и следствия производились расстрелы лиц, заподозренных в бандитизме, на местах систематически совершались убийства участников восстания, зачастую сводились личные счёты. Народный следователь одного из наиболее неблагополучных по уровню преступности 4-го участка Таскаев докладывал 23 декабря 1921 г. в Ишимское уездное бюро юсти-

ции о расстреле красноармейцами эскадрона Трушниковых пяти крестьян деревни Гомзино: И.Лиханова, П.Бульдаева, И.Кизерова, Т.Семухина и Б.Панфилова. Указывая на то, что действия воинских отрядов, расквартированных в южном районе Ишимского уезда, недопустимы, он считал, что «самосуд... только разжигает страсть и увеличивает наших врагов»¹⁸.

Следует отметить, что жестокое подавление восстания, репрессии по отношению к повстанцам во многом были обусловлены чувством мести, проистекавшими из самого хода крестьянского восстания 1921 года в Ишимском уезде, характерными чертами которого являлись ярко выраженное деструктивное поведение, люта я ненависть, изощрённый террор мятежников по отношению к коммунистам, продовольственным работникам, милиционерам, членам волисполкомов.

В феврале 1921 года повстанцы подвергли кровавому погрому коммуны «Заря», созданную вскоре после освобождения этого района 30-й дивизией РККА от остатков колчаковской армии. По воспоминаниям очевидца тех событий, жителя села Дубынки Н.Я.Швецова, «словно саранча, накинулись мятежники на хозяйство коммуны. И пришлое, и местные стали делить добычу, тянули в разные концы одежду, обувь, хлеб со складов, плуги. Те, что были посильнее и посмелее, хватили лошадей, коров, овец. (...) Восставшие всячески издевались над коммунарами, не щадили никого: ни старого, ни малого, ни детей, ни женщин... Даже население Дубынки стало выражать карателям своё возмущение: Тогда мятежники решили устроить коммунарам публичную казнь. Они согнали на площадь всё население Дубынки и вывели оставшихся в живых коммунаров. (...) Отец Клавдий, священник дубынской церкви, крикнул: «Распятъ антихристов!» Из толпы мужиков выскочил Василий Ковалёв и ударом костьля сбил с ног своего сына. К осуждённым подбежал Устин Заполев: «Получай, хриstopродавка!» –

полуобезумевший, с топором, кинулся к своей дочери. Отходя от бездыханного трупa дочери, он с вывозом крикнул восставшим: «Теперь добивайте!»²⁰ В слепой ненависти повстанцы убили 144 коммунара, а тела жертв, перемежёванные рядами брёвен, были ими сожжены.

С ухудшением в годы нэпа экономического положения значительной части сельских коммунистов и советских работников в уезде ими стихийно совершались вооружённые грабежи и кражи. Так, в начале 1922 года народные судьи обращали внимание уездного бюро юстиции на то, что со стороны советских учреждений в лице исполкомов совершались самосуды, несанкционированные расправы и убийства. Например, в Рынковской волости по указанию председателя волисполкома Здорнова был расстрелян неизвестный мальчик пятнадцати лет, имевший до расстрела при себе несколько миллионов рублей денег²¹. В ходе следствия в отношении Здорнова было получено множество достоверных материалов по обвинению его в хищениях, самовольных конфискациях, шкурничестве, агитации против уплаты продовольственного налога.

4 июля 1922 г. по обвинительному материалу народного следователя 3-го участка заведено уголовное дело № 74 в отношении председателя голышмановского волисполкома Г.Афанасьева, начальника милиции 3-го района Ишимской уездной милиции Н.Казанцева, помощника начальника милиции 3-го района И. Тюменцева и других. Им инкриминировались должностные преступления, превышение власти, самочинные аресты, убийство, конфискации и поджоги²².

По этому же поводу народный следователь 4-го участка (Петуховская волость) 17 мая 1922 г. отмечал: «За последние три месяца большая часть работы мною уделялась на борьбу с принявшими стихийный характер грабежами и вооружёнными кражами, так как в большинстве грабежей и краж участвовали должностные лица и члены РКП, приходилось принимать самые крайние меры, иногда отступая от буквы закона, пресекать в корне развивающийся бандитизм. Возложить эту работу на милицию, за её малочисленностью, возможным не представлялось (...) Население в связи с беспощадной ликвидацией грабежей вздохнуло свободнее и, кроме благодарности за борьбу, мы ничего не видим. Немалый тормоз в работе создают некоторые партийные организации, главным образом, сельщайки, которые в связи с арестом замешанных в кражах членов РКП комбинируют всевозможные клеветы, содействуют сокрытию следов преступления и зачастую содействуют преступникам скрыться от следствия и суда (пример: Долговская, Каменская волости)»²³.

Криминогенная ситуация усложнялась длительным существованием (после подавления массового повстанческого движения) мелких уголовно-грабительских шайк, совершавших налёты на сельские поселения вплоть до 1924 года. Уголовно-бандитские элементы продолжали совершать внезапные налёты с целью совершения жестоких убийств местных коммунистов, советских работников и членов их семей, сотрудников милиции, грабежей имущества. Так, 8 ноября 1921 г. отрядом, которым до своей гибели в конце августа командовал П.Шевченко, было ограблено Кротовское почтовое отделение, похищено около 300000 рублей²⁴.

В деревню Берендеево Тушнолобовской волости в ночь на 21 декабря 1921 г. приехали бандиты и, взломав двери, ворвались в дом М.И.Болдырева, подозревая, что он партийный. Банда реквизировала лошадей, около 10 пудов хлеба, имущество из сундуков²⁵.

Количество краж и убийств особенно увеличилось в первой половине 1922 года ввиду сильного голода. На юге Ишимского уезда бродили мелкие уголовно-грабительские шайки²⁶. По данным разведсводки ЧОН (частей особого назначения) от 24 марта 1922 г. в северной части уезда скрывалось более 20 бандитов, расколовшихся на четыре группы и бродивших по лесам. Им так и не удалось соединиться в одну шайку из-за отсутствия опытного командира-организатора. В частности, 8 марта этого года одна из банд вступила в перестрелку со взводом ЧОН в деревне Лалушино, далее продвинулась в деревню Желнино (8 вёрст севернее Готопутова), где совершила убийство милиционера, после чего скрылась по направлению деревни Жидоусовой (10 вёрст севернее села Большое Сорокино)²⁷.

В приказе по Ишимской группе ЧОН от 13 марта 1922 г., вышедшем в селе Готопутово, по этому поводу указывалось следующее: «Остатки бандитов от разрозненной банды Шевченко и других главарей в период августа месяца 1921 г., скрывающиеся в районах Б.-Сорокинское, Готопутовское, Каргалинское и Вознесенское, 3 марта начали вылезать из своих нор, точно кроты почуяв весну. Производя группировку в количестве 12 человек в районе Б.-Сорокинской и 14 человек — Каргалинской волостях, проявили активное посягательство на Советскую власть, делая попытки мобилизации крестьян, попутно с этим производили насильственные грабежи, убийства местных коммунаров и их семей, не исключая пассивного населения данной местности, и когда упомянутые шайки бандитов были окружены действующими ЧОН, всё-таки они продолжали неоднократно производить упорные перестрелки, чувствуя себя сильными, надеясь, как и ранее в случае неустойки, на укрывательство местным населением»²⁸.

В результате сильного неурожая население голодало, в некоторых волостях употребляя в пищу мох и кору, что способствовало росту воровства и краж, а также враждебному отношению к советской власти. За июль 1922 года по Ишимскому уезду фиксировалось 260 краж (из них крупных — 50, без взлома — 33, остальные — мелкие), 7 убийств, самоубийства на почве голода, 5 преступлений по должности, 5 случаев взыточничества, 4 факта подделки документов, 17 голодных смертей в городе Ишиме²⁹. В отдалённых волостях крестьяне в целях обуздания воровства, конокрадства вынуждены были прибегнуть к самосудам из-за попустительства и злоупотреблений милиции.

В некоторых районах уголовно-грабительские шайки продолжали действовать и в течение 1923 года. По данным оперативной сводки от 12 июля 1923 г., составленной разведкой ЧОН, вооружённая банда из 6 человек, в которую входили дезертиры и бежавший из тюрьмы конокрад, курсировала в районе Малышевской, Евсинской и Аромашевской волостей³⁰. В окрестностях Кротовской, Вознесенской и Больше-Сорокинской волостей с 1 августа по 1 сентября этого же года действовала банда Семёна Чечулина, грабившая население. Местные

Сотрудники Вукуловского районного отдела НКВД. Конец 1920-х – нач. 1930-х.

жителю с презрением относились к этим бандитам, поэтому они довольно быстро были выловлены ченовцами³¹.

Особенной остротой отличалась криминогенная ситуация в приграничных с Киргизским краем (Казахской АССР) районах. В 4-м районе процветали вооруженные грабежи, мародёрство со стороны местных властей, кражи лошадей и скота, совершавшиеся, как правило, группами казахов. Уездные правоохранительные органы были бессильны бороться с этим злом из-за отсутствия оперативного взаимодействия между властями двух различных административно-территориальных субъектов. «Что же касается замеченных в краже киргиз принятого мной участия, — сообщил 2 октября 1922 г. народный следователь 4-го района Ишимского уезда, — то такие из-под стражи все отпущены и в настоящее время находятся в Петропавловском уезде, где об аресте последних неоднократно писали отношения, но это остаётся лишь на бумаге, а также видны некоторые увертки местных властей и бездействие милиции, которая идет открыто навстречу преступлению...»³²

Размышляя о мотивах столь частых в начале 1920-х годов злоупотреблений, «Известия рабоче-крестьянской инспекции» писали: «Трудовые массы, стихийно вступившие на путь реквизиций и конфискации, долго ещё будут бродить в смутных понятиях о собственности. Голод годов войны и жившая всегда в русском народе бессознательная острая жажда социальной справедливости породили бичующий гнев против частной собственности богачей, но новые понятия о собственности общественной, а с новыми понятиями и новые нравственные высшие нормы, приходят и придут не сразу. И в этом процессе разрушения старых норм резко выдвинулась наряду с созданием новых, тенденция личного обогащения за счёт общества, вопреки интересам общества»³³.

Со стабилизацией деятельности судебно-административного аппарата и укреплением

советской власти на местах во второй половине 1920-х гг. развитие преступности приостановилось, особенно в таких формах как конокрадство, уголовный бандитизм, преступления против порядка управления. Однако при этом наблюдался рост хулиганства, поджогов, самогонварения, имущественных и должностных преступлений, самовольных порубок леса, а также изнасилований женщин со стороны молодёжи³⁴. Довольно высоким оставалось количество убийств. Так, в отчёте о состоянии ишимского городского отделения и административных отделов милиции за июль-ноябрь 1926 года среди преступлений против личности фиксировалось 65 убийств и 71 половое преступление³⁵. В наибольшей степени в Ишимском округе в 1927-28 гг. были распространены такие преступления как хулиганство, присвоение и растрата, нарушения трудового законодательства, нанесение телесных повреждений, оскорбление и клевета³⁶.

Дальнейшее снижение темпов преступности происходит в связи с прекращением новой экономической политики, утверждением колхозного строя и, главное, тотальным усилением в СССР к середине 1930-х гг. государственно-репрессивного аппарата³⁷.

Фотографии из архива
Р.А.Моревой (ИКМ).

Примечания

1 Тобольские епархиальные ведомости. — 1916. — № 10. — 8 марта — С.165.

2 Цит. по: Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918 — 1939. Документы, материалы. В 4-х т. Т.1. 1918-1922 гг. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. — М.: РОССПЭН, 2000. — С.363-364.

3 ИФ ГАТО, ф.155, оп.1, д.4, л.42.

4 Шлишин В.И. Ишимский судебный процесс (22-28 февраля 1921 г.) // Крестьянство восточных регионов России и Казахстана в революциях и гражданской вой-

не (1905 – 1921 гг.). Сб. научных статей. – Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2006. – С. 233, 234, 247, 248.

- 5 ИФ ГАТО, ф. 80, оп. 1, д. 13, л. 40б.
- 6 Там же, ф. 155, оп. 1, д. 1, л. 14, 160б., 17.
- 7 Там же, л. 30.
- 8 Там же.
- 9 Там же, ф. 2, оп. 1, д. 114, л. 7.
- 10 Там же, ф. 103, оп. 1, д. 1, л. 1-10б.
- 11 Там же, ф. 80, оп. 1, д. 13, л. 5 об.
- 12 Там же, ф. 18, оп. 1, д. 56, л. 49.
- 13 Там же, д. 19, л. 3.
- 14 Там же, д. 26, л. 162.
- 15 Там же, д. 147, л. 18-19.
- 16 Там же, ф. 18, оп. 4, д. 4, л. 1-20б.
- 17 Там же, д. 5, л. 32.
- 18 Там же, ф. 80, оп. 1, д. 13, л. 40б.
- 19 Там же, д. 15, л. 30б.
- 20 Рукопись из архива Дубынского краеведческого музея.
- 21 Там же, л. 34, 480б.

- 22 Там же, л. 760б.
- 23 Там же, л. 53-530б.
- 24 Там же, ф. 18, оп. 1, д. 150, л. 23.
- 25 Там же, л. 22.
- 26 Там же, ф. 755, оп. 1, д. 4, л. 79.
- 27 Там же, д. 34, л. 7.
- 28 Там же, д. 2, л. 8.
- 29 Там же, ф. 2, оп. 1, д. 133, л. 183.
- 30 Там же, ф. 755, оп. 1, д. 35, л. 920б., 94.
- 31 Там же, л. 119.
- 32 Там же, ф. 80, оп. 1, д. 27, л. 35 об.
- 33 Известия рабоче-крестьянской инспекции (Москва) – 1920. – № 5-6. – С. 6.
- 34 ИФ ГАТО, ф. 140, оп. 1, д. 12, л. 1, 23, д. 155, л. 10.
- 35 Там же, д. 155, л. 10.
- 36 Там же, д. 138, л. 23.
- 37 См. также материал «Дело бандита Игишева» на страницах газеты «Серп и молот» в этом выпуске альманаха.

У. Н. КИРИЧУК

«Ликвидировать как класс...»

Из истории раскулачивания в Аромашевском районе

Ещё не так давно в учебниках по истории СССР процессы раскулачивания и коллективизации представлялись как закономерные этапы «классовой борьбы» и построения социализма в отдельно взятой стране. Да и в наше время часто раздаются голоса тех, кто считает, что без этих процессов, сопровождаемых огромным количеством жертв, невозможно было в кратчайшие сроки индустриализировать Советский Союз и вывести «аграрную державу» в число мировых промышленных лидеров.

Вот он – жестокий XX век... Количество чугуна и стали на душу населения для него во сто крат важнее этой самой «души населения»... Судьба человека, отдельной семьи – ничто в сравнении с грандиозными целями машинной цивилизации, будь она капиталистической или социалистической...

Каждый историк знает, что есть два рода источников информации о событиях лет минувших: письменные и устные. Первые считаются менее эмоционально окрашенными, а потому более «достоверными», зато в живом рассказе могут прозвучать те подробности, которые в былые времена никто не решился бы доверить бумаге.

Вот «письменный источник» – пухлая папка из фондов Ишимского госархива (фонд 3, опись 5, дело 78). В ней, на нескольких листах – судьба «кулацкой» семьи Бакшеевых.

Выписка из протокола № 58 заседания президиума Аромашевского РИКа от 19-го марта 1930 года

«Слушали: Рассмотрение материалов сельсоветов по вопросу ликвидации кулачества как класса. (Докладчик Никулин).

Постановили: В целях успешности социалистической стройки, Райсполком считает нижепоименованных лиц, как социально опасных для пролетарской диктатуры и чрезвычайно вредных для колхозного строительства, выселить из пределов района и просить Окрисполком об утверждении: (...)

Усть-Лотовский сельсовет:

- 1) Дмитриев Иван Кириллович
- 2) Рыбьяков Алексей Васильевич
- 3) Бакшеев Андрей Михайлович» (лист 167).

Характеристика гражданина д. Усть-Лотовки Аромашевского района Ишимского округа Бакшеева Андрея Михайловича

«Родился в д. Усть-Лотовке в семье крестьянина кулака. До революции занимался самостоятельно сельхозяством, имея кулацкое хозяйство, в котором имелось перед революцией 17 рабочих лошадей, 6 голов подростков, молочного скота 10-12 голов, подростков 9-11 голов, овец до 30 голов. После революции хозяйство оставалось кулацким, нанимал рабочих на сезонные посевочные работы.

В 1926 г. у Бакшеева было: рабочих лошадей 7 голов, подростков 3 головы, коров 8 голов, а подростков 11-13 голов. В 1927 г. хозяйство немного возросло, с 28 года оно заметно сокращено, так как Бакшеев хотел вывести себя из списка кулаков. В данное время и месяц Бакшеев имеет 1 лошадь и 1 корову. Имущество распродано за неуплату пятикратного штрафа за несдачу излишков хлеба.

В данное время Бакшеев арестован органами ОГПУ за антисоветскую работу» (лист 177).

Выписка из протокола № 8 заседания пленума Усть-Лотовского сельсовета Аромашевского района с участием батрацкобедняцкого актива от 5 февраля 1930 г.

«Слушали: § 1. О выселении кулаков, конфискации их имущества и сохранении такового. (...)

Постановили: Составленные характеристики на кулаков, предложенные с/с, утвердить. Конфисковать имущество и выселить из пределов Уральской области кулаков с их семьями Бакшеева Андрея Михайловича и др.» (лист 178).

Выписка из протокола № 4 собрания граждан д. Усть-Лотовки Аромашевского района от 6 февраля 1930 г.

«Слушали: О ликвидации кулака, конфискации их имущества и хранения такового.

Постановили: Заслушав доклад о ликвидации кулака, общегражданское собрание единогласно постановило об:

1) Ликвидации кулака как класса. Считать это дело уголовным.

2) Имущество передать колхозу. Сохранить таковое полностью.

3) Считать необходимым раскулачить Бакшеева А.М., конфисковать имущество и выселить за пределы Ишимского округа как кулака» (лист 179).

Опись имущества гражданина Бакшеева А.М.

«Дом крестовый – 1 шт., стульев – 6, чашка чайная – 1, крынок – 8, корыто – 1, сермяг – 3, туфлов – 2, конь вороной, кобыла красная, 3 овцы», далее мешок, дровни, телеги, хлеб, дуги, кросна, вожжи, санки, седла, ухваты, таз, две тарелки, ведра, сковороды, ящик, железные кровати, предметы одежды: пальто, рубашки, юбки... – всего 97 наименований на общую сумму 1046 р. 30 к. (лист 180 с об.).

Вот так наличие самовара и луговых подушек становилось уликой в деле обвинения крепкого хозяина и поводом для выбрасывания на февральский мороз его и всей его семьи в том числе одеянии, какое можно было унести на себе.

Даже при изучении таких сухих отчетов становится немного не по себе от безумия, с каким расправлялись с сибирской деревней.

Пожелтевший документ молчит о дальнейшей судьбе Бакшеевых. Но она наверняка типична и схожа с судьбой сотен и тысяч «раскулаченных» по разнарядке высшего партийного руководства крестьян.

Обратимся к «устному источнику» – рассказу ныне здравствующей учительницы Евдокии Сергеевны Южаковой, родившейся в 1931 году в деревне Новый Ашлык.

«Мои родители: отец Южаков Сергей Дорозевич и Южакова Анна Прокопьевна родились и выросли в деревне Новый Ашлык, Аромашевской волости, в то время Уральской области впоследствии относилась к Омской, а ныне – к Тюменской). Деревня небольшая, дворов 25-30, своя власть – в деревне Балахлей, в 7 километрах от нас.

Мама выросла, как тогда считалось, в бедной семье, состоящей из отца, матери, брата и трёх сестер. Хотя в хозяйстве имелись и лошади, и коровы, и овцы, но земли было мало, так как наделы давались только на мужское население. Семья папы – большая: отец, мать, бабушка, бабушка, дети, снохи, внуки – всего 23 человека, жили в одном крестовом доме. Дом добротный. Во дворе – разные постройки: шорня, баня, сарай, конюшня, коровник. Жили натуральным хозяйством. Всё делали сами: пахали, сажали рожь, овёс, пшеницу, лён, коноплю, просо, гречку. Косили, пряли, ткали, шили одежду из сермяги (овечья самотканка), шубы, рабочую обувь из кожи. В магазинах Аромашева или Ишима покупали только материал для выходной одежды. Земли было достаточно, так как в семье – одиннадцать мужчин. Грамоте не учились – нужно работать. Работников не нанимали. Работали много, с раннего утра до позднего вечера. Папа с пяти лет уже ездил с бра-

Мать с детьми. Пришимье.
Конец 1920-х – нач. 1930-х.

том за сеном на лошадях, боронил, а в десять лет самостоятельно возил дрова, сено, косил вручную. Семью в деревне очень уважали (это я слышала от других жителей).

К моменту коллективизации (родители называли это время раскулачиванием) две семьи отделились. Общими силами сначала построили домик для брата Ивана, в котором он жил с женой и четырьмя детьми. Потом поставили дом Сергею. Они с мамой и старшей дочерью Стешей тоже стали жить отдельно. Началась коллективизация. В деревню откуда ни возьмись приехал молодой парень Кудинов, – никто его не уполномочивал, как все говорили, – и представитель властей, не знаю откуда, Василий Пальянов. К ним присоединился деревенский мужчина, никогда в хозяйстве своим не работавший. Вот эти три человека стали вершить дела. Семью бабушки объявили кулацкой семьей, а нашу семью и семью дяди Ивана – кулацким отродьем. Тех, кто остался в родовой семье: деда, бабушку, сноху Пелагею с ребятами, двух братьев-близнецов выселили из дома в шорню (маленькую избушку во дворе). Дом сломали, увезли брёвна. Всё конфисковали: скот, муку.

А потом в 24 часа сослали под конвоем сноху Пелагею с тремя детьми куда-то за Тобольск. Деда с бабушкой и двумя сыновьями, им лет по двенадцать было – на Север, за Самарово (современный Ханты-Мансийск). Взять с собой ничего не разрешили: только немного сухарей, да из одежды то, что на себе. И под конвоем они поехали на подводе. Проводить их не разрешили. Мама говорила: «Я бежала за подводой по деревне, так меня прикладами винтовок отогнали».

Привезли их на новое место зимой, они выкопали землянку. Там были ещё три семьи ссыльных. Вот такое поселение. А в Новом Ашлыке над семьями папы и дяди Ивана началось издевательство. В колхоз их как «кулац-

Крестьянская семья. Пришимье. Конец 1920-х.

кое отродье» не принимали. Стали требовать с них большие налоги. Отдали всё зерно. Стали требовать больше. Папу арестовали за «недоимку» – неполную уплату налогов. Через некоторое время вернулся. Его сразу с лошадей (надел родителей) отправили на лесозаготовки. Условия ужасные: нормы большие, питания ни ему, ни лошади не хватало. Лошадь пала. После срока папу отпустили. Только пришёл, его опять отправили на лесозаготовки с лошадей (это уже мамино приданое). Условия ещё хуже. Лошадь сильная, поэтому накладывали двойную норму. Лошадь прямо в упряжи ушла и издохла. Когда папа рассказывал, плакал: «Я выбился из сил и даже не мог её распрячь. Так мертвую в упряжи и оставил». Через несколько месяцев его отпустили домой, в это время он навещал родителей, так как не очень далеко было. Но навещал тайно. Не успел вернуться – опять потребовали зерно, так как мама без него сеяла и убирала. Сколько было – отдали. И опять – неуплата полностью. Отправили куда-то на строительство железной дороги. Когда пришёл – снова налоги, и снова нечем отдавать. Его арестовали и отправили на Урал. Там отец отбывал наказание на строительстве Первоуральского химзавода «Хромлик».

В это время терроризировали маму. Всё, что было, забрали, всё – до единой картошки: чугушки, ложки, чашки, лопаты, грабли, ведёрки и ту одежду, которую можно считать одеждой. Даже отрезали пружину у зыбки, в которой лежала младшая сестрёнка Женя, ей было пять месяцев. Зыбку бросили на пол, забросали всяким барахлом. Мама в горе этого не заметила. Потом ушли в пригон за коровой (только она оставалась). Мама побежала следом, схватила корову за рога и кричит: «Не отдам, что ж творите, Бог всё видит, он не Никишка, у него своя книжка, вам всё воздастся по вашим заслугам!» На неё наган наставили со словами: «Убью, кулацкое отродье!» А она: «Убивай, гад, ты мо-

жешь!» Корову увели, мама вернулась в домик. «Не плачу, – рассказывала она нам, – сердце закаменело». Прибежала соседка и говорит: «Аннушка, очнись, был бы Серёженька жив, всё у вас будет, а это что за куча?» – «Да, барахло, негодное для них». Стала соседка эту кучу разбрасывать, и ахнула: «Анна, так ведь здесь девчоночка, уже синенькая, да вроде ещё дышит...» И стала её качать. А мама ей: «Не надо, пусть умирает...»

С семьёй брата папы творили нечто подобное. Вот только он не выдержал, не вернулся с заключения – умер. Было у него шестеро детей, старшей дочери на ту пору исполнилось 12 лет. Его жена Александра не перенесла горя, бросила детей и ушла из деревни. Через некоторое время вернулась, но уже ненормальная и вскоре умерла. А дети первое время, как волчата, выли от голода, и все в деревне боялись их навещать и покормить. Потом, крадучись, по ночам стали приносить им еду. Выросли по нянькам, да в нашей семье».

Евдокия Сергеевна рассказывает сдержанно, даже без слёз. Не потому, что это не тревожит её сердце, а потому, что за столько годы она успела всё выплакать и пережить. И переплавить все обиды и несправедливости в одну фразу: «Такое было время, ничего не поделаешь...»

Перетерпеть и простить... Можно ли? Мы, молодёжь, живём во времена, называемые «свободными», имеем возможность открыто высказать своё мнение, вкусно питаться и хорошо одеваться... но не на слезах ли наших дедов и бабушек построено это благополучие?

Жестоко искалечена моя родная деревня и страна. И сколько ещё уроков истории потребуются для того, чтобы понять – нет в нашем земном бытии ничего ценнее человеческой жизни.

Фотографии из архива А.А.Мачехиной.

Культура края

А. К. ОМЕЛЬЧУК

Ишимская Золушка

Я с Татьяной Павловной почти разругался. Тоссорился. Нет, поспорил. Может быть, просто подначивал. Она человек серьезный. Литературовед. Литературоведы – народ серьезный. Им подавай только факты. А какие факты в литературе? Слезами можно обливаться только над вымыслами. Есть, понятно, логика факта. У литературы, естественно, женская логика. То есть – полное отсутствие логики.

Мы с Татьяной Павловной, видимо, поменялись местами. Я – за женскую логику литературы. Она – за достоверность даже в вымысле. Она за Ксавье де Местра и против Софи Коттен. Я не против де Местра, но Софи, с её отсутствием логики достоверности, мне ближе. Да, если любви не было, но она обязана была быть, значит – любовь была. Вопреки логике достоверности и отсутствию фактов.

– Любовной интриги не было?

– Конечно, нет. Беллетристика. Де Местр ближе к истине.

– Да солдафон ваш де Местр!

– Он реалист.

– Девичьей души он не понимает.

– Он описывает реальную ситуацию.

– Сколько героине лет?

– Двадцать.

– И в таком возрасте никакого намёка на любовь?

– Документально не зафиксировано.

– Солдафон, солдафон!

– В самой реальной истории так накручено – никакой любовной интриги не требуется.

– А зачем Софи интрига потребовалась?

– Чтобы читатель слёзы лил.

– Иначе читателя не растрогать?

– В этом-то всё и дело. Без всяких любовей – потрясающе трогательная история.

Татьяна имеет право. По праву первооткрывательства. Что же она открыла миру, отчаянная литературоведка из скромного, затерянного в сибирских пространствах Ишима?

История Парашки Луполовой незатейлива и безыскусна. Дворянка и капитанская дочка должна была разделить родительское «несчастье». Её отца, то ли драгуна, то ли гусара, то ли прапорщика, то ли поручика, а может быть, капитана или майора (сведения скудны и противоречивы), участника боевых кампаний суворовских войн, полкового казначея Григория Луполова судили и выслали в Сибирь, определив местом поселения незаметную деревню Жилияковку в двух верстах от заметного Ишима. Верная жена отправилась с «несчастливым». Жили в пачуге,

Прасковья. Иллюстрация к русскому переводу книги Ксавье де Местра «Параша Сибирячка». СПб., Издание литографа Ив.Селезнёва, 1845. РНБ.

кормились от убогого хозяйства. За 3 рубля 50 копеек бывший вояка вёл переписку бумаг в местном земском суде.

Параша (Прасковья, Праскута) выросла девочкой работающей, послушной, симпатичной, резвой, рукодельницей, благочестивой.

За что ссылают полковых казначеев? Дал маху. Не совладал. Может быть, не устоял. Но если не в каземат заточили, не на каторгу в кандалах отправили, а только в Сибирь, но с семьёй на вольное поселение, скорее всего, грех

ЗА
Ш
П
?

*А. Св. как растает Вилья, она по
шла к маме Жилияковке.*

ЕЛИСАВЕТА Л^о,

ИЛИ

НЕЩАСТЯ СЕМЕЙСТВА,

сосланного въ Сибирь и потомъ
возвращеннаго.

Истинное происшествiе.

Соч. Г. Ж. Коттенъ.

Книжка I.

МОСКВА, 1807.

ВЪ Университетской Типографiи.

Русское издание книги М.-С. Коттен, повествующей об истории Параша Сибирячки. М., Университетская типография, 1807. РНБ. Фотография В.Еремеева.

случайный невелик. Может быть, это особенно и угнетало бывшего казначейского майора: кара казалась чрезмерной. Несправедливость безысходна и приводит к повседневному отчаянию.

Дочка остро переживала отцовское отчаяние, но в молодом сердце на месте безысходности родилась непреклонная решимость. Она рассудила не по-детски мудро: справедливость ли, снисхождение ли — она найдет только в императорской столице, у государя, хотя — не училась! — трудно представляла себе, где на этой грешной земле расположены Москва, Киев и Санкт-Петербург, предполагая, что на пути в столицу Киева не миновать. Настойчивая девушка родителей уговорила и даже сумела через тобольского губернатора выправить себе паспорт, где именуется «капитанской дочкой».

Об этой истории давно знает Европа. Два века. В XIX столетии Параша Луполова считалась национальной героиней России. О ней написаны романы и повести, поставлены спектакли и оперы, последний роман переиздан уже в начале Миллениума, естественно, в Париже. И только мы — в тех местах, где это все и происходило, начинаем открывать её для себя — только сегодня. Наверное, в силу своего крайнего нелюбопытства и кастрированной памяти. Очень избирательной памяти. История напрямую связана с Сибирью, с нашими местами. И с Тюменью, и с Тобольском, но в первую очередь — с Ишимом. Есть в этом прелестном опрятном городке старый район с обыденным названием Жилияковка. Раньше — пригородная деревня. В Жилияковке всё это и началось в начале далекого XIX века.

Жизнь становится подвигом нечаянно. Нужно одно-единственное решение. Одно-единственное желание. Помочь несчастному, страдающему. Отцу.

Ровно два века назад из убогой Жилияковки в дальнюю, очень дальнюю дорогу отправилась деревенская девушка.

Пешком.

В Санкт-Петербург.

В национальную историю.

Во французские романы.

Ишимский литературовед Татьяна Савченкова раскопала эту потерянную историю. Историю подвига. Историю дочерней верности.

История сибирской Золушки в своё время не прошла мимо журнальной публики, о ней много писали в газетах, а позднее лубочные издания подавали её как русскую народную историческую былинку. Так хрупкая и, скорее всего, болезненная сибирячка стала былинной героиней.

Пешком Параша вошла во французскую и русскую литературу. Романы и пьесы о Параше-сибирячке стали заметными художественными событиями, достаточно упомянуть, что о них писали великий Стендаль, строгий Сент-Бёв, безжалостный Виссарион Белинский.

Первой на Парашин подвиг откликнулась модная и европейски известная француженка Мари-Софи Коттен романом «Елизавета, или Ссылённые в Сибири». Елизавета — это Параша, но Софи легкомысленно по-женски и по-французски писала настоящий роман, используя сибирскую фабулу.

Французский диссидент и пушкинский родственник Ксавье де Местр в своей «Юной си-

бирячке» был ближе к действительности, ибо писал романтическую историю «из русского быта».

Возможно, пушкинская «Капитанская дочка» – не без парашинного влияния. Но её пропустим, не будем домысливать и приписывать Пушкину всё мыслимое и немыслимое.

Не мог обойти столь притягательно-привлекательный сюжет Парашин земляк, первый крупный – в истории отечественной словесности – писатель из Сибири Николай Полевой. На исходе жизни он занялся пьесами и написал драму «Параша-сибирячка». Столичный спектакль с Зарварой Асенковой и Василием Каратыгиным в присутствии императора Николая I имел безудельный успех. Популярный итальянец Гаэтано Доницетти по мотивам коттеновского романа написал оперу, которая долго и с успехом шла на сцене.

Посмотрим на дочерний подвиг сибирячки глазами её талантливых современниц-современников.

Конечно, самое трудное – это начало пути.

В романе Софи Коттен героиня мало понимает, что ей предстоит.

«Елизавета спросила Смолова (недостовверно романтический герой. – Прим. А.О.), когда он сообщит сведения, нужные для её дороги. «Я об этом постараюсь, но можешь ли ты пройти 3500 вёрст, которые лежат между Ишимским уездом и С.-Петербургскою губернией?» – «Ах! – вскричала Елизавета, повергаясь пред образами. – Тот, который посылает меня на помощь моим родителям, даст мне силы». Смолов, помолчав несколько, со слезами на глазах сказал: «Нельзя думать о подобном предприятии, пока не настанет хорошее время, теперь невозможно привести его в действо; теперь наступило время, в которое дороги скоро испортятся, теперь ты потонешь во влажных лесах Сибири».

Реальная Параша шла по плохим зимним дорогам, от деревни к деревне, неважно одетая, с единственным родительским рублем в бармане, уставая и от дороги, и от напряжения. Дремучая тайга – тысячи опасностей. Безлюдье.

Но и с людьми облегчение не приходило.

Де Местр описывает эпизод одной из её сибирских стоянок.

«Кровь застыла в жилах бедняжки, она умоляла не убивать её, уверяя снова, что у неё нет денег, но жестокая женщина в эту минуту молча стала обыскивать сарафан и осмотрела внимательно башмаки. В это время мужик подошёл с зажженной лучиной и, взяв из рук жены сумку, развернул её и не нашёл ничего, кроме паспорта. Наконец старуха, видя, что поиски тщетны, слезла с печи, Параша, как говорится, была ни жива ни мертва. Не найдя денег, злодеи оставили её, ушли спать и вскоре преспокойно захрапели. Параша от ужаса долго не могла уснуть и боялась, что они снова станут её обыскивать, но потом она немного успокоилась, усталость победила страх, и Параша крепко уснула. Уже совершенно рассвело, когда старуха разбудила её. Параша сошла с печи и была неожиданно удивлена переменою своих страшных хозяев – они стали гораздо добрее и ласковее. Параша начала собираться в путь, но они никак не хотели отпустить её и говорили: «Да погоди маленько, мы тебя хоть накормим на дороге!» Старуха гораздо более за-

Современное издание романа
Ксавье де Местра «Юная сибирячка».
Париж, 2001. ИКМ.

ботилась об этом теперь, чем накануне; она взяла ухват, вытащила из печи горшок щей и налила их в чашку, а муж между тем открыл подполье, где стоял бочонок квасу, и нацедил полную кружку для гостя. Несколько успокоенная таким добрым обхождением, Параша простодушно и откровенно отвечала на их вопросы и рассказала, зачем идёт в Петербург. Хозяева слушали её, по-видимому, с большим вниманием и, желая оправдать своё оскорбительное обращение и дурной поступок, уверяли, что хотели удостовериться, точно ли у неё так мало денег и не беглая ли она воровка. «Мы не думали обокрасть тебя, – говорили они, – и ты сама увидишь это!» Наконец Параша вышла от них, не зная, благодарить ли за ночлег, и почитала себя счастливою, что выбралась из их дома. Пройдя несколько вёрст, Параша вздумала сосчитать деньги. Читатель, конечно, не менее её удивится, узнав, что сверх восьмидесяти копеек она нашла в своей котомке ещё сорок копеек; их положили хозяева.

Параша особенно любила рассказывать это приключение, как неоспоримое доказательство покровительства Божия, внезапно изменившего сердца злых людей».

Мир – не без добрых людей. Точнее: Параша не просто шла за императорским прощеньем, она открывала для себя мир добрых людей. Достоверный де Местр: «На четвёртый день после выезда стало невыносимо холодно, и

странница до того иззябла, что не смогла сойти с воза. Когда извозчики решились остановиться для ночлега на близлежащем постоялом дворе, то они помогли ей сойти и привели в избу. Хозяйка заметила, что у Параша правая щека была отморожена, стала оттирать её снегом и вообще очень заботилась о бедняжке. Попутчики решительно отказались везти Парашу далее, представляя ей, что она замёрзнет в дороге без шубы при таком холоде, который, как надо полагать, ещё усилится. Бедная девушка стала горько плакать, предвидя, что ей не скоро представится такой удобный случай и такие добрые люди в дороге. Притом и хозяева даже, как казалось ей, не были расположены держать её и желали, чтобы она скорее отправилась. В таком затруднительном положении, потеряв всякую надежду добраться до Екатеринбурга, сидела Параша в углу избы и вполне предавалась горести. Извозчики, тронутые её положением, сделали складчину на покупку ей бараньей шубы, которая в тех местах стоила в то время не более пяти рублей, но, к несчастью, продажной не нашлось ни одной, а никто не решался уступить своей, потому что было весьма трудно в такой мороз обойтись без тёплой одежды. Мужички давали хозяйской работнице за полушубок даже семь рублей, но и та не соглашалась. Один из извозчиков вздумал довольно странным средством помочь Параше. «Мы станем, — говорит он, — давать ей наши тулупы поочередно, или пусть она наденет мой совсем, а между тем один из нас пройдёт с версту без шубы». На это все охотно согласились; тотчас же рассчитали, сколько каждому придётся пройти в одном зипуне. Таков уж русский человек: он всегда добивается до точного счёта, оттого-то и не скоро вдаётся в обман. Параша, видя доброту этих честных людей, приняла с душевною признательностью их предложение. Надев тулуп, она села на воз, а добрый извозчик, укутавшись рогожею, которою прежде покрывалась Параша, сел на облучок и, правя лошадей, во всё горло затынул весёлую песню. Мена тулупов шла исправно на каждой версте, пока обоз, наконец, не достиг благополучно Екатеринбурга».

Это не только она, бедная Параша, просила милости у Александра I, этой милости просили все, кто помогал юной страннице преодолеть дорогу. Ямщики, трактирщики, купчихи, крестьяне, священники, сельские лекари, столбовые дворянки, монахини, паромщики. Начиная с Екатерины Парашу передавали как эстафету. Встречу с государем помогли организовать представительницы блестящих и знатных фамилий: княгиня Дарья Трубецкая, Авдотья Голицына, Татьяна Юсупова, мать-императрица Мария Фёдоровна и царская жена Елизавета Алексеевна.

«Когда Параша, ослеплённая величием и блеском царских чертогов, проходила по тронной зале, графиня В. указала на трон. Параша, всплеснув руками, в ту же минуту с невыразимым благоговением произнесла: «Как, это престол государя!» Она побледнела и в избытке чувств, трепеща от волнения, упала на колени, и целовала ступени трона, обливая их слезами. «Батюшка, — воскликнула она, рыдая, — знаешь ли ты, где я теперь?!» Рыдания её не прекращались. Эти чувства благодарности были так искренни и сильно выражены, что у всех окружающих признательную девушку полились слёзы по какому-то невольному сочувствию. Утом-

Памятник Прасковье Луполовой, Ишим.
Скульптор В.М.Клыков. Январь 2005.
Фотография Г.А.Крамора.

лённая сильными ощущениями, Параша пожелала возвратиться домой. Через несколько дней те же дамы повезли её в Эрмитаж».

Николай Полевой государственный апофеоз и столичный финал живописует в явлении V:

«Параша (без чувств, её несут на руках. Народ теснится кругом).

Один из народа: Я стоял подле самого суна, а подле меня стала слепенькая старушка с мальчиком да эта девушка, а сама вся так и дрожит, и слышу: молитву творит. Ну, знаешь, не до того... А как вышел наш надежда на Красное крыльцо, да как глянул орлиным взглядом, да поклонился, так уж от слёз-то я и света не взвидел. Кричу: ура! Забыл всё — сердце так бы вот на дорогу ему выложил, а вот скажи он — так и на тысячу бы один пошёл... А он-то, сокол наш, и пошёл, и идёт, и кланяется, а как поравнялся с нами, девушка-то и упала ему в ноги, да руками-то ухватилась, и рыдает, и говорит: «Государь, государь, помилуй, помилуй! Прости моего отца! Я из Сибири пришла пешком — помилуй его, государь!»

Народ: Из Сибири! Пешком!

Один из народа: А он остановился, взял у неё из рук какое-то письмо и говорит: «Встань, встань! Мой друг!» — И сам её поднимает...

Народ: Он с ней говорил! Он сам поднимал её!

Один из народа: Тут всем, кто стоял, как будто Господь слово дал, все за один голос: «Надежда Государь! Помилуй!» А кто на колени, кто ему в ноги. «За твоего отца все просят — я прощаю его!» — сказал государь.

Братцы, друзья, русские люди! О, если бы в ту минуту могли вы видеть лицо его... Эх, какая молодая, а, видно, спознала горе...

Ишимская Золушка угадала на бал императорской милости-справедливости. Начиная император простил войку-казначей, чина и дворянства, правда, не вернул, но возвращение из Сибири «на прежнее жилище» разрешил.

Всё завершилось благополучно.

Но это бывает только в пафосных пьесах классического и романах жесточайше сентименталистского толка. О дальнейшей судьбе семьи Луполовых практически ничего не известно.

Знаменитая сибирячка прожила недолго. В Сибирь она уже никогда не вернётся – уходила навсегда. Совершив паломничество в желанный Иев (видимо, чтобы убедиться в верности народной приметы, что язык до Киева всегда дойдёт), Параша постриглась в монахини и быстро сгорела от чахотки. Ей исполнилось 25.

Наверное, это цена подвига. История поучительная, но без счастливых героев. Деятельный век Европы помнил эту простую сибирскую девушку. Её подвиг славил Сибирь. На всю Европу. В русском народе не затерялось её простое имя. Были попытки канонизировать молодую монашенку. Но что-то не заладилось, не задалось. Параша, конечно, святая, но в святцах мы её не найдем.

Если старые книги XIX века переиздаются – даже и уже – в XXI – не хватает отцовскому человечеству дочерней самоотверженности?

Редкий пример. Или просто: забытая тема?

Я приехал на свидание с Парашей. В Ишиме недалеко от монумента Ленину, – значит, явно это центр города – сегодня стоит памятник великой пешеходке Прасковье Луполовой. Я, кстати, стоя здесь, задался вопросом: а как Параша попала в

Сибирь впервые, вслед за отцом? Тоже пешком? Памятник, вдохновившись, очень быстро сделал прославленный русский скульптор (и многодетный отец) Вячеслав Клыков. Автора пафосного конного маршала Жукова почти на Красной площади, видимо, девичий Прасковья подвиг удивил и покорила. Бронзовая Параша выразительна и впечатляюща. Правда, мне она показалась излишне решительной и монументальной. Эдак чуть помпезно величественна. Девчонка же, не героиня... Хрупко и нежно. Но, может быть, скульпторам виднее. Но вот пьедестал – это уж совершенно зря. Многовато чугуна. Зачем? По земле шла, не отрываясь. Великая пешеходка. Но не решительная, смиренная, не величественная в своем замысле – разве бы дошла? Впрочем, чего со скульптором спорить? Памятник стоит. Скорее всего, единственный на всю Россию памятник русской дочери. Из Сибири.

Заканчиваю эту главу и узнаю неожиданное известие: Клыков умер...

И почему-то первая мысль:

– Успел!

Параше – в Ишиме. Впрочем, и Василию Шукшину в Сростках. И адмиралу Колчаку в Иркутске.

Публикуется по: Омельчук А.К. Сибирская книга. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2008. – С. 135-141.

Иллюстрации изданий любезно предоставлены К.В.Артюховым, режиссёром фильма «Параша Сибирячка» (СПб, «Кинор», 2008).

А. К. ОМЕЛЬЧУК

Сирота русской литературы

«Слово о полку Игореве»,

«Конёк-Горбунок»,

«Война и мир».

Я к чему?

Если русскую литературу оценивать не по тому, как она отражает, а как выражает национальный характер, по качеству ментальности, по русской самоидентичности, то обнаружим, пожалуй, только эти три вершины: «Слово о полку Игореве», «Конёк-Горбунок», «Война и мир».

Найдём что-нибудь ещё? Пожалуй. Но калибром послабже.

Вершины эти – не только литература. Больше чем литература. Это ещё и – национальное самоопределение. Русская идентичность.

Как говорится, к слову – о Петре Ершове. Наконец-то ишимские края посетила настоящая зима. Сибирская. До этого тянулись зимы тёплые – про Сибирь нечаянно забудешь. Слава богу Циклону: завернул так завернул – старик Цельсий зашкаливает за 50. Но как всегда – нехвата. В Аромашеве из-за холодов пилорама встала Мёртво. Важный заказ срывается. Эксклюзивный сруб надо в деревню Безрукову везти. Да какое там! Пилы не шевелятся.

Знатный заказ. Исторический. В Безруковой!

часовню ставят. На месте церкви святого Петра Столпника. В своё время Пётр Павлович Ершов немало своих лишних денег потратил, чтобы в родной деревеньке появился храм... единственный на всю Россию во имя его тёзки – христианского «родного» святого.

Главный ершововед в его родных местах профессор Татьяна Савченкова (морозы наконец-то ждали, машина из Аромашево всё-таки добралась, по-деревенски скромно идёт торжественное освящение места для ершовской часовни) торопливо рассказывает, что она в последнее время разыскала. В сейфе научной библиотеки Томского университета совершенно случайно обнаружился – прижизненный! – портрет Петра Павловича работы земляка, тобольского современника Михаила Знаменского.

– Как живой! Посмотрите, какой Ершов красивый. Не то, что на гравюрах.

Гравюры она не уважает.

До этого Татьяна Павловна в Питере (о, это очень долгая история!) обнаружила тоже прижизненный портрет кисти Николая Газтановича Маджи и сейчас выясняет, где же пересеклись дороги автора и героя. Итальянец Маджи оказался из австрийских подданных, с Ершовым судьба их сводила и в Ишиме, и в Тобольске.

¹ Родина Ершова сегодня называется не деревней Безруковой – село Ершово. Удумали! Слава Богу – деревенские по привычке зовут Безруковой.

Пётр Павлович Ершов. Конец 1850-х.
Картон, масло. Художник Н.Г.Маджи. РНБ.

– Вы видели? – интересуется Савченкова. – Помните? У Маджи очень точный портрет. Пётр Павлович никогда не был толстым, как его изображают на гравюрах. Нет. Настоящего лица Ершова Россия до сих пор не знает.

Чувствую, женщина-профессор Татьяна любит Петра Ершова как мужчину. Не исключительно как классика, но и как мужчину, которого постоянно стремятся обидеть. Жалеет. Любит. Красивый мужчина. Совсем не толстый. Ясно, что Татьянины поиски неотвратимо приведут к тому, что Россия, наконец! – узнает подлинное лицо русского классика из Сибири.

Странно представить, что в России – уже и XXI века – его кто-то не знает. Понятно, фамилию могут забыть, имя-отчество перепутать, но о Коньке-Горбунке, наверняка, вспомнит всякий, даже далёкий от любой литературы живущий человек. «Конек-Горбунк» вошел в мифологию страны, в систему мифических, но и сугубо прагматических национальных ценностей, без которых немислим народ – страна.

Загадка: мы не знаем, кто «изобрёл» знаменитую на весь мир русскую Бабу Ягу. У Конька-Горбунка – родитель известен.

Редкому гению удаётся эдак совпасть с собственным народом. Самому Пушкину оказалось не под силу. Пётр Ершов совпал. Однажды. Но – навсегда. В нашем Отечестве, впрочем, это не доблесть.

Пётр Ершов – в общественном сознании, скорее, случайный гений. Гений случая.

Озарило.

Один раз.

Повезло.

Но один раз – в системе ценностей литературных координат в России: не считается. Признанным гением останется тот, кого необязательно читают, но кого почитают.

Грех Ершова – он читаем. Сегодня, до сих пор, надолго, возможно – навсегда.

Это – грех. Это – драма. Это – трагедия. Востребован, но не оценён. Крамольно: возможно, и не надо оценивать?

Жизнь Петра Ершова проста до неприятельности, так истово он влачил свою лямку обыденного быта, что его жизнь вся целиком становится сплошной загадкой. Из его жизненного быта не вытекает его бытие.

И, наверное, кому-то кажется, не обошлось. ошибка Бога.

Зачем? Зачем – объяснять? Зачем – оправдываться? Жизнь личности и жизнь творца – параллельные – и как в случае с нашим героем – не обязательно пересекающиеся прямые.

Случай «Конька-Горбунка» настолько нехарактерен и беспрецедентен и для отечественной, и для мировой литературы, что сразу вызвал однозначно естественную реакцию: не поверить.

Не может быть!

Может быть, первооткрыватель ершовского гения блестящий столичный эстет Пётр Плетнёв поверил, но загадочная – 19 лет! сопляк – молодость гения сразу породила версии.

Естественно напрашивалось:

– Пушкин помог? Пушкин помог.

В нашу эпоху, когда выделяться помогает исключительная экстравагантность, версия трансформировалась. Уже: Пушкин написал!

Самые отчаянные доказательства, что Ершов – удобная личность и просто псевдоним настоящего автора «Конька-Горбунка»: скромный сибирский студент Ершов великим быть не может, великую сказку может написать исключительно великий Пушкин. Если он «наше всё» – отдадим ему всё наше...

Помогал или не помогал?

Это важно?

Это неважно.

Точные слова рождаются нечаянно. Случайно. И чем случайней – тем точнее. Пушкин не может – определённо – быть автором этой народной сказки на века. Перед Пушкиным стояла иная задача: он закладывает основы отечественной литературы и обязан идти вперёд народа. А с народом вместе идёт – из народа поднявшийся – молодой, неизвестный, опрометчивый, многое не ведающий и не понимающий ишимский отрок Пётр. Это он может быть конгенитален, гениален своему народу. Стихийно. Импульсивно. Как выдох.

У любого шедевра, который мы считаем народным творчеством, естественно же, есть автор. Но он неизвестен. Безымянен. Запомнят. Да это и неважно. Народная сказка «Конек-Горбунк» народна окончательно. И «Горбунк» стал бы народным творчеством, да вот – на беду – автор известен. Пётр Ершов своим явлением приоткрывает завесу тотальной тайны: как творит народ.

Это даже не трагедия Ершова-творца. В народном творчестве оседают только шедевры. Всё остальное – народом натворённое – пропадает. Отсеивается. Временем. Промывается временем, как водой – золотой песок.

Ершовский «Конек» – золотой самородок, и разве беда, что всё «остальное», ершовское остальное, должно отсеиваться? И отсеялось.

Человечеству много шедевров не нужно: много — уже не шедевр. Потому он и шедевр: изредка и надолго. Не на время, а на времена. Время не берёт. Хотя во всем своём скромном «остальном» творчестве Пётр Ершов, понятно, не провинциальный элигон.

Старый Пушкин... виноват... оговорился. Какой Пушкин старый? Стареющий? Усталый? Следовательно, так усталый Пушкин — уже накануне своей смерти (может, перед смертью люди кажутся старыми) высказался о Ершове ждёно, но определённо восторженно:

— Этот Ершов владеет русским стихом как своим крепостным мужиком.

«Наше всё» был ко всему прочему порядочным циником: но — как точно! Классически точно!

Наверное, уважая лишь это ждёное пушкинское резюме, — ретивым ершововедам и записным пушкинистам не следовало бы задаваться светлыми рефлексиями: ах, почему всего один шедевр?

Неписанный и всё ещё не сформулированный закон литературы: зачем будущее? когда есть блистательное прошлое?

Литература — как женщина. И кто ей поставит это в вину?

Литературовед, который решит заняться образом Сталина в отечественной литературе, должен будет обратиться — да, да, мистика! — к Ершову. Первый Сталин именно у него. В рассказе «Панин бугор» в сборнике «Осенние вечера». Правда, Александр, Александр Сталин. Очень благородный молодой человек. И страстный.

Мистика: не читал ли товарищ Джугашвили «Панин бугор» и не позаимствовал ли у героя в собственных сибирских странствиях свой грозный псевдоним? Почему бы и нет? Разве возможность исключена: Сталин Советского Союза в нашу эпоху прискакал на ершовском коньке-горбунке! Есть некие очевидные, но недоказуемые вещи: почему бы вечно ссыльному Кобе не полистать на каком-то житейском полустанке потрепанную книжицу «Живописного сборника» с ершовскими «Осенними вечерами» в ветхом бумажном переплёте издания 1857 года?

Кстати, ещё об одной странности. Ишим недавно стал всемирно знаменит своим непреклонно восстановленным бюстом Сталина. На весь мир прогремел! Понятно, ишимские большевики — твердокаменные сталинисты. Но зачем ненужная слава застенчивому провинциалу Ишиму? Возможно, какая-то неслучайность заставила? У меня твёрдое убеждение — в ближайшем Ишиме земляки восстановили бюст ершовскому Александру Сталину. Есть же здесь памятник Коньку-Горбунку...

Неважный провидец, прокурор отечественной словесности, неистовый демократ Белинский Петру Ершову отказал безапелляционно: «Конёк» — «не имеет... никакого художественного достоинства».

Всегда найдётся очередной неистовый Виссарион, который — со своей трансцендентной кочки, из своей безупречной норки — великого современника не заметит. Заметит — укоротит.

Судьба Ершова не укладывается в прокрустово ложе благополучного литератора. У Ершова — по судьбе в литературе — есть, пожалуй, единственный наперсник — Артур Рембо.

КОНЕКЪ-ГОРБУНОКЪ.

IV 6
7926

РУССКАЯ СБАЗКА.

Сочиненіе П. Ершова.

ВЪ ДВЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИНЦЕ.

1834.

IV 6
7926

Титульный лист первого издания сказки П.П.Ершова «Конёк-Горбунок». СПб., Типография Х.Гинце, 1834. БАН.

Впрочем, великому французу повезло: он умер рано. Юноша умер вовремя.

Безупречная слава — умереть вовремя. Своевременно. Ершову не суждена столь безупречная слава. Он жил.

Обыватель вечности.

Лучше, чем сам Ершов, нашего тобольского провидца никто не понял. Он себя приговорил. Он себя не разгадал, но приговорил. «Непостижимое мученье». Это он о своём творчестве.

И искромётный «Конёк-Горбунок» прорвался — естественно и вольно! — из этого «непостижимого мученья» юной гениальной души.

Великая дорога великой литературы... Странник на обочине. Обязательное одиночество.

Гений на обочине. Драма жизни — житейская драма. Гений обычной судьбы.

Сирота русской литературы.

На безрукоемском погосте почему-то особенно ясно осозналось, что Пётр Ершов — наш современник.

Физически. Он с нами — ходит с нами по нашим улицам, по нашим тусовкам, покупает в наших магазинах десяток яиц, кило ситного и фунт парного мяса... Вот часовню вознамерился восстановить. Всем миром.

Только наряд странноват. Как это у него всегда получается: несовременный современник. «Конёк-Горбунок» — это эпос.

Портрет П.П.Ершова в окружении героев сказки «Конёк-Горбунок». 1860-е. Акварель. Художник М.С.Знаменский. РГБ.

Эпос русского народа. Русская Илиада. Эпос русского духа.

Для эпоса полтора века – разве срок? Мы – современники последнего русского эпоса.

Дети это осознают лучше, поэтому рисуют эпос. «Конёк-Горбунок» – поэма философическая, неожиданно мудрая – неслучайно: ушла к детям. Дети – своим незамутнённым,

незасорённым умом, осваивающим мир, – больше понимают в проблемах мироздания и судьбах человечества. А ведь их вечный сверстник Петя Ершов писал именно об этом и только об этом.

На всех своих известных портретах Пётр Павлович Ершов на себя не похож. Оглушительно. Права ершововедка Татьяна.

Задним числом Ершова обижают, хотят обидеть: «Обмолвился», «Выдохся».

А чего плохого? Да, выдохся. Но выдох-то какой глубокий – «Конёк-Горбунок». Хороша обмолвка! Зачем ему было писать ещё что-то? Он – выдохнул. За раз. Но на века.

«Конёк-Горбунок» – с его-то вопиющей простотой и ишимской простоватостью – самое загадочное произведение русской литературы! Другого такого шедевра памятливая отечественная литература не припомнит. Заглянем в эпилוג «Конька-Горбунка». Космическая феерия!

Пётр Ершов – первый космонавт русской литературы. Конечно, и до него, и вместе с ним – летали. Но невысоко – как у Гоголя: на высоте Вия. И только Ершов поднялся в космические выси. Может быть, дать себе труд задуматься: на такой взгляд на нашу Землю способен только тот, кто посмотрел на неё со стороны? Из космоса. Каков космический замах! Космическая дерзость! Эпилוג «Конька-Горбунка» помните? Кто невеста деревенского парня Ивана из-под Ишима?

То-то! Дочь Месяца – сестра Солнца. Он знал цену любви. Он платил всю жизнь за свою неоценённую любовь.

*Враги умолкли – слава Богу,
Друзья ушли – счастливый путь.
Осталась жизнь, но понемногу
И с ней управляюсь как-нибудь...*

Вечное отточие.

Публикуется по: Омельчук А.К. Сибирская книга. – Тюмень: Тюменский дом печати, 2008. – С. 185-190.

Г. В. МАКСИМОВА

Судьба «крутого» иконописца Крутова

В сёлах Курганского, Ялуторовского, Ишимского уездов с их преимущественно крестьянским населением в XIX веке ощущалась нехватка иконописцев и иконостасных мастеров. Поэтому оживление церковного строительства в Сибири и рост заказов привлекали заинтересованных лиц разных губерний: Пермской, Уфимской, Пензенской, Орловской, городов Невьянска, Туринска, Тобольска и других. Например, в Курганском уезде в начале 1840-х годов работал над иконостасами тобольский мещанин Фульвиан Пленин. Во второй половине XIX – начале XX веков в архивных материалах упоминаются вятские (М.Боботов), ялуторовские (П.Бельков, Д.Мальцев), уфимские (С.Майков), тобольские (Л.Моисеев, А.Иванов, М.Андреев,

И.Козлов, А.Запольский), пермские (А.Брезгин, Головины), ишимские (С.Багишев, Л.Ющенко, Д.Ещенко), екатеринбургские (П.Коротков, А.Кожеников, Кобяков) и другие иконописцы¹.

Многие приезжие художники оставались в Зауралье. Например, В.Емельянов, крестьянин из Екатеринбургского уезда, поселился в селе Иковском, тобольский мещанин К.Иконников – в Кургане, выпускник Академии художеств И.Лукашевич – в Шадринске.

Деятельность сосланного в Ишимский округ крестьянина Стефана (в быту Степана) Ивановича Крутова, переехавшего позже в Курган, вызывает особый интерес. В материалах Государственного архива Курганской области 1850-х годов² С.И.Крутов упоминается то как высланный

административным порядком «на водворение», то как крестьянин из поселенцев деревни Грачёвой Казанской волости Ишимского округа. К моменту поселения в Ишимском округе (вероятно, в 1856 году) у него уже был опыт строительства деревянных церквей и иконостасной работы. Позже он пишет: «...репутация моя оплавывалась мною по трём епархиям около двадцати лет», т.е. фактически Крутов работал в церквях трёх разных губерний.

В 1857 году он обращается за рекомендацией к преподавателю рисования и иконописания Тобольского духовного училища Якову Бирову. Тот пишет: «...иконописные опыты его были мною освидетельствованы и по освидетельствовании нахожу искусство его очень хорошим и что он Крутов может писать иконы в вятские храмы и принимать на себя иконостасные работы».

Пока иконы работы Крутова не выявлены, но, судя по всему, они были выполнены в живописном стиле, со светотеневой моделировкой.

Благодатная пора наступает для крестьянских (по сословию) иконописцев после отмены крепостного права. Поработав в разных селах Курганского и Ишимского уездов и подружившись с курганскими купцами Дунаевыми и Корниловым, поручившимися за него, С.И.Крутов сколачивает капитал и в 1862 году переходит в мещанское сословие. Перебирается из места поселения в деревне Грачёвой в Курган и заводит в городе иконостасную мастерскую с девятью нанятыми рабочими.

Какими же были иконостасы Стефана Крутова? В отличие от других местных и приезжих мастеров он часто определяет в договорах на подряд стиль резьбы и живописи: то готический, то «рококовый». Однако термины употребляются им условно, для придания большей важности документу. При приеме работы в церкви села Белозёрского священник А.Лебедев признаётся: «...не понимая вполне искусства резьбы рококовой, я обратился к причту и обществу спопечителем церкви, но они отказались в знании искусства резьбы». Резьба оказалась более упрощённой по сравнению с рисунком, о чём и засвидетельствовал вызванный священником из Кургана проживавший там тобольский резчик К.Иконников.

По договорам видно, что создавал Крутов иконостасы с колоннами и вазонами, с обложением икон рамками или «венком». Золочение делал на мардан и на гульфарбу (приёмы), более простые и дешёвые по сравнению с золочением на полимент).

Сохранилось описание иконостаса деревянной церкви села Скатинского (1860 год). Остов окрашен кинноварью (тёмно-красной краской), карнизы и резьба вызолочены на гульфарбу. Доски икон сосновые, живопись выполнена масляными красками. Царские врата решётчатые, золочёные, с изображением Святого Духа в виде голубя. Над царскими вратами – круглая икона «Тайная вечеря», выше – образ Савофа. Справа от врат – Господь Вседержитель со сферой в руке, слева – Богородица Знаменная. Также в «местном» ряду – образы апостолов Петра и Павла и пророка Илии (храмовая), на диаконских дверях – образы царя Давида и

Богородице-Рождественская церковь в селе Рыково, иконостас для которой делала мастерская И.А.Хлопотова (1912).

По такому же проекту, в «византийском» стиле, была построена Ильинская церковь в селе Готопутовском Ишимского уезда (1910; разрушена). 2007. Фотография В.Шевцова (www.kurganen.org).

пророка Моисея. Над ними в круглых рамках – «Введение Богоматери во храм» и «Сретение», выше в резных овальных рамках – «Рождество Христово» и «Рождество Богоматери». Характерны большеформатные иконы (хотя храм небольшой), изображение сцен Праздников на круглых и овальных досках, введение ветхозаветных образов.

Для каменной церкви села Белозёрского мастерская Крутова выполнила развёрнутый четырехъярусный иконостас с двадцатью колоннами.

За свою восемнадцатилетнюю деятельность в Сибири С.И.Крутов не только строил церкви и выполнял иконостасы, но иногда полностью заполнял церковь утварью, необходимой для службы: делал аналои, писал хоругви на жесты, плащаницы на полотне, доставлял за свой счёт напрестольные серебряные кресты, сосуды, колокола. Поэтому прихожане охотно заключали договоры с этим мастером.

Была и другая причина частых побед Крутова на торгах – по характеру он оправдывал свою фамилию. Был достаточно грамотным, настойчивым, хитрым. Знал, когда нужно снизить цену по подряду. Если соперник мог только выстроить церковь, Крутов предлагал ещё иконостас и утварь. Иногда упрощал уже утверждённый Тобольской консисторией рисунок при изготовлении иконостаса или вместо серебряния его остова просил разрешить использовать краску, уверяя, что это будет прочнее и что изображения святых «натуральнее будут выглядеть в воздухах» (т.е. на живописном фоне). Это было дешевле.

В начале 1870-х называл себя «торгующим по свидетельству купца 2 гильдии», при этом

мог пройти до какого-нибудь села полсотни верст пешком – из экономии.

Интригующие события произошли в 1870-х годах. Применяв хитрость для победы в торгах на иконостас церкви села Белозёрского и работая три года над этим иконостасом, Крутов нашёл немало недоброжелателей (тобольский иконописец И. Козлов, члены местного причта). Были жалобы в консисторию, разбирательства. И вот однажды в споре рассерженный Крутов «круто» выразился в церкви, за что был отдан под суд города Кургана «за нарушение благовоения храма». В январе 1874 года дело было прекращено из-за смерти Стефана.

В 1870-е годы иконописанием для храмов Курганского уезда занимался и родной брат Стефана Аристарх Крутов, числившийся крестьянином села Введенского того же уезда (село

близ Кургана). По мнению дальней родственницы Крутовых (по линии Аристарха) Екатерины Васильевны Меньшиковой, семья Крутовых происходила из мещан города Пензы.

Примечания

1 Мастерская Сергея Павловича Багешева, находившаяся в Ишиме, выполняла иконостасы в сёлах Курганского уезда: Половинском (1860), Ардагульском (1898-1899) и других. В начале XX в. Багешев находился уже в «старо-преклонном» возрасте (ГАКО, ф. 235, оп. 1, д. 14, д. 3-а, д. 59). Ющенко Лазарь Моисеевич, ишимский мещанин, жил по ул. Мало-Никольской в своём доме. В 1901-02 гг. изготавливал иконостас для деревни Лисьей, иконы писал «в духе православной церкви» на чеканном золотом фоне (ГАКО, ф. 235, оп. 1, д. 59).

2 Использованы материалы ГАКО: ф. 235, оп. 1, д. 7, 11, 15, 27, 31, 65, 70, 126, 196; ф. 34, 109.

Г. В. МАКСИМОВА

Иконостасная мастерская И. А. Хлопотова¹

У иконописцев на Руси не было практики ставить подпись на свои произведения: считалось, что возможность творить даётся свыше. Лишь некоторые из них подписывали иконы. Неудивительно поэтому, что более трёхсот произведений в фондах Курганского областного художественного музея (КОХМ) безымянны. Но в определённый период изучения коллекции и архивных материалов по Белозёрскому району целая группа произведений, объединённых общими стилистическими и технологическими признаками, временем создания и местом происхождения, обрела своего автора – Иосифа Андреевича Хлопотова.

Будучи екатеринбургским мещанином, он переехал в начале XX века свою иконописно-иконостасную мастерскую в город Ишим Тобольской губернии², обслуживая разные уезды (в т.ч. и Курганский), как это было принято в практике этого периода³. Владельцы мастерских ездили к заказчикам сами, привозили живописцев, плотников и других мастеров, материалы и инструменты (как писал один из них в объявлении: «расстоянием не стесняюсь»). Или, наоборот, изготавливали иконостас в своей мастерской, где были оборудованы специальные места для резных, золотарных и других работ, привозили и устанавливали его на месте. И хотя плотников в Зауралье было в достатке, резчики иконостасов из мастерских, имевших много заказов, обладали большим опытом.

Мастерская Хлопотова процветала. Например, в 1905-07 гг. ею одновременно выполнялись заказы в сёлах Михайловском, Усть-Суерском, Могилёвском Курганского уезда, в 1909-12 гг. – в сёлах Брылинском, Рычковском, деревнях Васильевке и Камышной⁴.

Отличительные черты иконостасов Хлопотова – включение большеформатных (145 см и более) икон, что придавало иконостасу монументальность и смешение во втором и третьем ярусах праздничных сцен и изображений святых, что не допускалось в классических иконостасах, но после строительства Исаакиевского собора, храма Христа Спасителя стало модным⁵.

Интерьер Никольской церкви в селе Михайловском Курганского уезда. Освящена в 1906. Роспись – мастерская И. А. Хлопотова. Архитектор – Н. А. Юшков (в 1913-16 – исполняющий должность ишимского городского архитектора). 1996. Фотография В. А. Бухрова. КОХМ.

К группе икон Хлопотова (их около двадцати в фондах курганских музеев, храмах Курганской епархии, у частных лиц) относятся храмовая икона «Рождество Богородицы» 1912 г. (для Рычковской Богородице-Рождественской церкви), иконы «Рождество Христово», «Богородица с младенцем в рост», «Святые Пётр и Павел» и другие. Некоторые из них выполнены по образцам В. М. Васнецова, Ф. А. Бруни, Т. А. Неффа и других художников-академистов.

Здание, в котором располагалась мастерская И.А.Хлопотова. Ишим, ул. Большая Черняковская (ныне ул. Ленинградская). 1939-40. Фотография из архива Н.П.Хрулёва, ИКМ.

Для этих произведений характерны: подробная проработка складок одежды и деталей, введение фигур в реальную среду, что подчеркивает достоверность евангельских событий, изображение нимбов то в виде желтовато-белого свечения, то в виде белого контура, крупные сетка гравированного орнамента и плетёнка на полях, иногда эмалевые «наугольнички» и «венчики». Художник работал масляной краской в живописной манере, популярной для этого времени, — на чеканном золотом или живописном фоне. Сохранившиеся произведения были описаны⁶, и можно радоваться, что безмолвные иконы «заговорили», а в этикетках на выставке можно написать имя автора и дату.

Но прошло время, и тайна приоткрылась дальше, стали известны имена сотрудничавших с Хлопотовым людей. Теперь ясно, что каждая из икон написана самим Иосифом Андреевичем или работавшим у него по найму живописцем Павлом Васильевичем Пестовым, пермским помещиком, который проживал в Екатеринбурге⁷, а позолочена позолотчиками Михаилом Чукардиным, Алексеем Цукановым и Александром Махнутиным⁸. Для золочения использовалось сусальное золото, книжечки которого можно было купить на ярмарке. В начале XX века золото иногда использовалось обильно, что мы и видим на хлопотовских иконах.

Из сохранившихся икон И.А.Хлопотова одна («Святой Пантелеимон-целитель», 1912) заключена в деревянный корпус с резными золочеными деталями. Это фрагмент, вырезанный из цельного иконостаса церкви села Рычково в начале 1960-х годов при закрытии храма (это была вторая волна их массового закрытия после 1930-х гг.). Иконостас был сделан из сосны, покрашен бирюзовой эмалью, покрытая сусальным золотом резьба выполнена из сосны и липы. Живопись помещена, как говорится в договоре, «под двойное бемское стекло»⁹. По этому фрагменту иконостаса можно судить о работе не только тех же позолотчиков и живописцев,

но и резчиков-токарей: Александра Каменского и Павла Тишенкова¹⁰.

Среди сохранившихся икон мастерской Хлопотова большинство происходит из Белозёрского района, но несколько — из села Михайловского. Здесь силами мастерской не только были поставлены три иконостаса для Николаевской церкви, но и весь храм был расписан, а карнизы, своды и откосы окон украшены орнаментами, виньетками, евангельскими изречениями. Некоторые росписи и орнаменты сохранились до наших дней.

Росписи с евангельскими сценами и другие изображения выполнены теми же живописцами. В сохранившейся сцене «Усмирение бури» чувствуется экспрессия, фигуры апостолов даны в сложных ракурсах в контрасте с прямостоящей фигурой уверенного в своей власти над стихией Христа. Росписи более динамичны по сравнению с иконами. А орнаменты, украшавшие храм, выполняли орнаментчики Николай Ушаков и Сергей Попов.

Работников мастерской Хлопотов привёз с собой из Екатеринбурга, но использовал и местных мастеров. Родом из Ишима был М.С.Чукардин, обучавшийся иконописанию в мастерской С.П.Багишева¹¹. Поэтому кроме золотарных он мог выполнять для Хлопотова и живописные работы¹².

Примечания

1 Впервые опубликовано в журнале Курганского областного художественного музея «Музей и мы», № 2 (3) за 2002 г., с. 38-41.

2 По воспоминаниям Е.М.Чукардина, дом и мастерская Хлопотова находились в двухэтажном здании рядом с Никольской церковью. В списке национализированных домов (1923 г.) на усадьбе, принадлежавшей И.А.Хлопотову (№ 27 на ул. Большой Черняковской) и реквизированной «по бесхозяйственности», числятся полукаменные двухэтажные дом и флигель полукаменный, 2 амбара, 2 завозки, 2 поднавеса, баня, конюшня (ИФ ГАТО, ф. 2, оп. 1, д. 453, лл. 13206-133). Ныне это

здание, в значительной степени перестроенное, занимает Ишимский районный суд (ул. Ленинградская, 27). – Прим. ред.

3 В номерах «Омских епархиальных ведомостей» за 1916 год регулярно появлялась такая реклама (с 1895 г. приходы г. Ишима относились к Омской епархии): «Иконостасная мастерская Иосифа Андреевича Хлопотова. Имею честь уведомить причты и церковных старост Омской епархии, что мною принимаются заказы на устройство иконостасов, киотов, в разных стилях, оклеенных дубом и орехом, крашенных разными колерами масляными красками, сплошь золочённых на полимент и на разные масла, а также эмалевые сплошь, с тонкой прозолотой под фаянц. Принимаю заказы на внутреннее украшение храмов стеной живописью и арнаментами. / В Тобольской и Омской епархиях мною исполнено более 100 иконостасов, последние иконостасы в 1915-16 году поставлены в Тоб. епархии в сёлах Истошинском, Ишимского уезда, в Студёновском, того же уезда, в Омской епархии в селе Ядринцевском в 30 верстах от Омска, в г. Омске в высшем начальном городском училище. / Чертежи и сметы высылаю по первому требованию. / Адрес: г. Ишим Тоб. губ., иконостасному мастеру Иосифу Андреевичу ХЛОПОТОВУ» (ОЕВ. – 1916. – 7 августа. – № 32. – Часть неофиц. – С. 35). – Прим. ред.

4 Мастерская также принимала заказы на золочение «на французское масло» церковных глав и крестов; один из иконостасов, изготовленный в мастерской для церкви с. Усть-Мясского, был белым с золочёной резьбой, другие (для церквей сёл Брылинского, Михайловского, Рычково) – голубые (Максимова Г.В. Работа сибирских иконописцев и церковных строителей Курганского уезда во 2-й пол. XIX – нач. XX вв. // Культурное наследие Азиатской России. – Тобольск, 1997. – С. 161). Также в ОЕВ сообщалось, что в 1914 г. для домовою Кирилло-Мефодиевской церкви Ишимского духовного училища была приобретена выполненная в Петербурге художником Ивановым икона Спасителя, благословляющего детей, для которой И.А.Хлопотов изготовил киот, покрытый белой эмалью и позолотой (Фролов Л.В. Храмы земли ишимской // Ишим далёкий – близкий. – Ишим, 1997. – С. 142). – Прим. ред.

5 Иконостас – алтарная преграда (чаще всего – деревянная, но могла выполняться из фарфора и других материалов), в которую вставлялись иконы, расположенные рядами: местный ряд, деисус, праздники, апостолы, пророки. Исполняемый в петербургском Исаакиевском соборе и в московском храме Христа Спасителя приём совмещения в пределах одного ряда изображений евангельских сцен и христианских святых переняли разные фирмы.

6 Курганский областной художественный музей и культура края. Вып. 2. – Курган, 1997. – С. 15-16.

7 ГАКО, ф. 80, оп. 1, д. 24, лл. 87-88, 167.

8 Там же, лл. 66, 70, 77, 99.

9 «Бемское стекло» – «богемское», т.е. из Богемии; марка особо качественного стекла. – Прим. ред.

10 ГАКО, ф. 80, оп. 1, д. 24, лл. 38, 83.

11 Сообщено Н.Л.Проскуряковой.

12 Помимо мастерской И.А.Хлопотова, в г. Ишиме работала также иконописная мастерская Сергея Павловича Багешева, располагавшаяся в начале ул. Большой Никольской (ныне ул. Ленина), напротив духовного училища; в ней трудилось порядка 15-20 мастеров (Подробнее о ней см. в публикации Е.М.Чухардина в этом выпуске альманаха). Тюменский искусствовед И.А.Ма-

**Иконописец М.С.Чухардин (стоит) и мастер-позолотчик по дереву (сидит; фамилия неизвестна).
Фрагмент групповой фотографии работников мастерской И.А.Хлопотова. 1900-е. ИКМ.**

нуилова отмечает, что в использовании чеканных золотых орнамента и фона ишимские иконописцы были сходны с иконописцами тобольскими, но ишимский орнамент крупнее и менее ажурный, к тому же ишимцы практически не использовали включения цветных эмалей, в отличие от тобольяков. Отличие икон Хлопотова и Багешева состояло преимущественно в том, что произведения мастерской Хлопотова свойственно «ярко выраженное жанровое начало, включение в композицию множества бытовых деталей, реалистических подробностей», они скорее напоминали картины на библейские темы; стиль мастерской Багешева хотя и основан на объёмной светотеневой манере письма, но более тяготеет к традиционной иконной статичности и использованию золотых фонов вместо живописных. (Мануйлова И.А. К вопросу о сложении иконописных традиций Урало-Сибирского региона // Сборник научных трудов Тюменского музея изобразительных искусств. Вып. 3. – Тюмень, 2002. – С. 54; Калинина К.В. Тюмень. Мир художественного музея. – Тобольск, 2005. – С. 337.) – Прим. ред.

К статье Г.В. Максимовой
«Иконостасная мастерская
И.А. Хлопотова».
Фотографии А.Ю. Алпаткина.

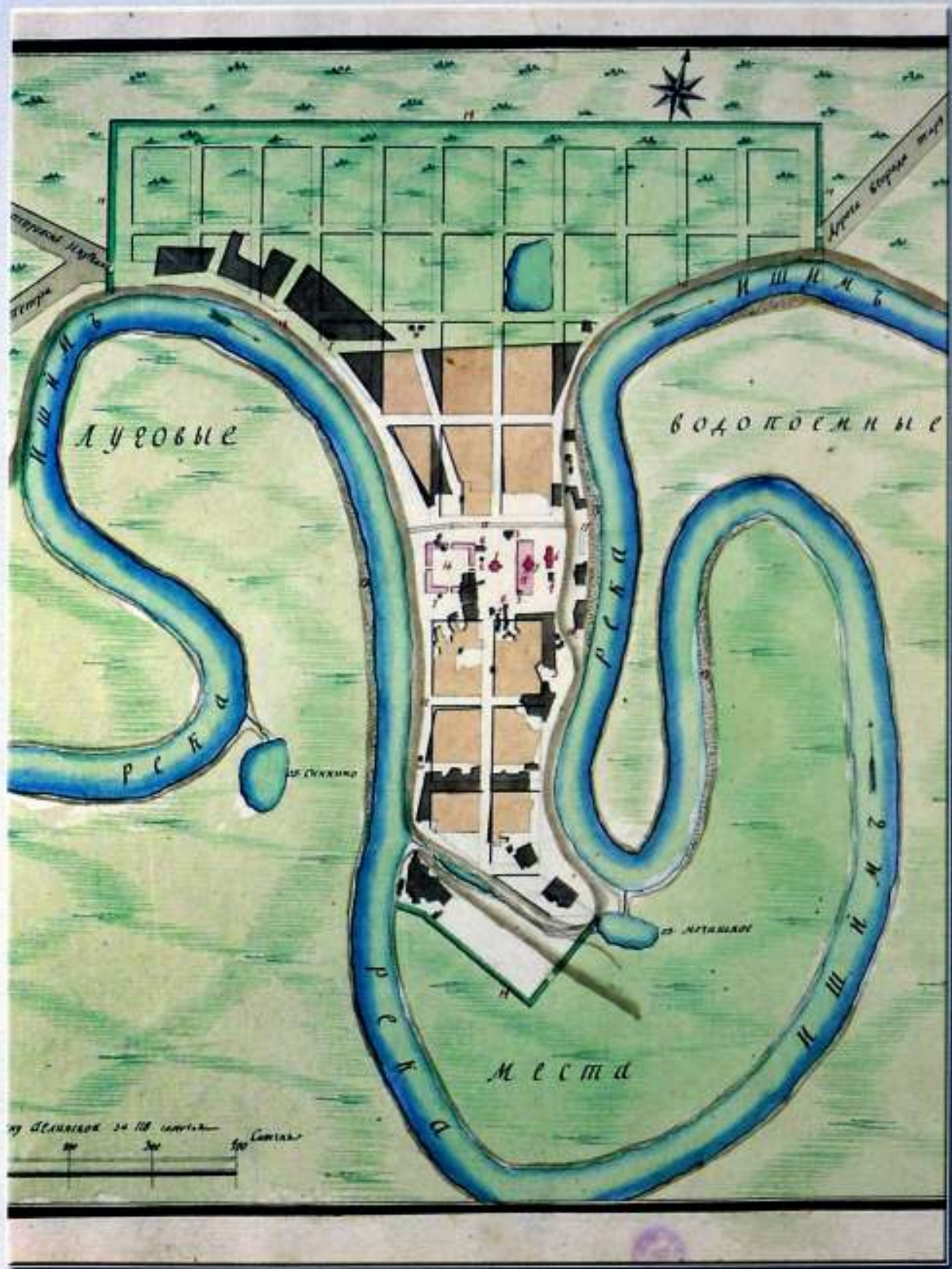
Икона «Целитель Пантелеимон»
с фрагментом иконостаса церкви
села Рычковского. 1912. КОХМ.

Икона «Рождество Богородицы».
1912. КОХМ.

Икона «Введение во храм
Богородицы». 1912. КОХМ.

План г. Ишима. 1806. Фрагмент. Из «Атласа Тобольской губернии».
Собрание рукописных карт БАН.

К статье Е.В. Шиловой «Ишим в XIX веке».

План г. Ишима. 1818. Фрагмент.
ТФ ГАТО.

К статье Г.А. Крамора «Если заблудитесь – церковь ищите!..»
Фотографии автора.

*Архиепископ Димитрий
и епископ Евтихий у аналая
с обретенной иконой.
14 сентября 2008.*

*Икона «Усекновение главы
Иоанна Крестителя».*

*Церковь Рождества Иоанна Крестителя в с. Черемшанке.
Сентябрь 2008.*

Г. А. КРАМОР

«Если заблудитесь – церковь ищите!..»

Явленная икона и святой источник в Черемшанке

В августе 2008 года пришли радостные вести из Черемшанки. В этом приишимском селе сохранился, хотя и в изуродованном виде, один из немногих старинных храмов. Он славился именной иконой Иоанна Крестителя. Одноимённо с нею и назывался. Теперь он возрождается.

И икона вроде тоже нашлась.

Та самая?! Чудотворная?

Прежде чем ехать в гости к черемшанцам, надо было поднять все известные архивные материалы. Увы, про столь знаменитую в Приишимье икону и храм, в котором она находилась, в них говорится до обидного мало.

Что рассказали архивы

«В селе Черемшанском церковь каменная, выстроена в 1853 г. Престол один во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Здесь чтимая икона Крестителя Господня», – лаконично сообщает одна справочная книга¹.

«Церковь в селе каменная, одноэтажная, построена на средства прихожан в 1852 году, в церкви один престол во имя св. Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна. В селе имеется часовня во имя чтимой иконы Пророка и Предтечи Крестителя Иоанна, построенная над колодезем, где, по преданию, явилась сия икона», – уточняет другая².

Даже самый авторитетный сибирский церковный историк XIX века протоиерей Александр Сулоцкий после описания главной ишимской святыни, Боровского списка с Абаляцкой иконы Божией Матери, лишь разводит руками: «В Ишимском округе есть и другая многочисленная икона, а именно икона Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, она находится в церкви села Черемшанского, в 14 верстах от города Ишима, но пишущий никаким образом не мог получить о ней обстоятельных сведений»³.

Информация «из первых рук» обнаружилась в три тысячи вёрст от Ишима – в бывшей столице империи. Здесь, «на берегу Невы», в архиве института истории материальной культуры хранятся метрики, разосланные в 1887 году Императорской Академией художеств по епаршиям державы Российской. Цель – выявить неизвестные церковные древности. Из Ишимского округа ответили десять настоятелей. В том числе – 53-летний священник села Черемшанского Стефан Мефодьев.

Благодаря тщательно составленным вопросам авторов метрики у нас есть возможность представить, как выглядела Иоанновская церковь 120 лет назад.

«Строением началась с 1853-го, а закончена 1855 года», находится «на ровном месте, при речке, называемой Черемшанке»⁴, «из записи памятной книги видно, что храм сооружён по случаю Явленной Иконы Иоанна Предтечи, при спуске с горы к пруду по течению

воды устроен колодез с оградкой в виде часовни, в день памяти угодника 24 июня бывает стечение народа для отправления молебствий и после литургии бывает крестный ход на колодез»⁵. В конце добавлено: «есть чтимая икона Св. Иоанна Предтечи Явленная, по описанию памятной книги существует около 150 лет, которая до построения церкви находилась в часовне; по преданию Черемшанских жителей, явилась икона при спуске с горы неподалёку от церкви к истоку при впадении в реку на льне, над которым в настоящее время колодез и над ним галерея, окружены приличной оградкой, а в ближайшее время эта икона перенесена в означенную церковь и помещается в правом клиросе; печатного описания об этой иконе нет. Празднование ея... 24 июня...»⁶.

Известно, что почитание иконы продолжалось и в первые годы советской власти. Расчётливый селькор писал в окружную газету в 1924 году: «Иванов день» дал мне 300 руб. деньгами, 80 аршин холста и больше пуда масла. Как мне в Бога не верить?!» – говорит Черемшанский поп, целуя свою «явленную»⁷.

Злопыхательство безбожников, однако, не находило поддержки у черемшанцев. Осенью того же года председатель правления сельхозтоварищества Заворохин взялся прочитать в сельсовете лекцию на тему «Откуда взялась вера в Бога». «С большим интересом слушали крестьяне научные доводы, а как стал лектор делать выводы, что Бога нет и что только попы народ дурачат, – лишь двери забрякали!»⁸. И неудивительно – ведь, по доносу селькоров, даже председатель Черемшанского сельсовета «работу всегда начинает с благословения Божия и перекрестясь», а «весь угол канцелярии украшен иконами»⁹.

К концу 30-х годов государство изменило тактику борьбы с религией: похабная атеистическая пропаганда уступила место экономическому давлению (удушению приходов налогами) и активным репрессиям священников. Приход, оставшийся без пастыря, самораспадался, а церковное здание изымалось на государственные нужды как «пустующее».

Так произошло и с храмом в Черемшанке.

Уже осенью 1938 года его использовали как колхозный зерносклад. 21 ноября 1939 года президиум сельсовета, рассмотрев «постановление союзной и несоюзной молодёжи и решение общего собрания колхозников к-за «Верный путь» о постройке клуба», решил: «беспризорную... церковь переоборудовать на клуб колхозной молодёжи». Исполком Ишимского района удовлетворил ходатайство сельсовета почему-то лишь через год, 23 ноября 1940 года, а спустя ещё неделю оно получило одобрение исполкома облсовета¹⁰.

Судьба явленной иконы в этих документах уже не прослеживалась.

Икона святой Троицы Ветхозаветной.
Иоанновский приход с. Черемшанского.
Мастерская С.П.Багишева (?).
2-я пол. XIX в. Цировка («чеканка»)
по полям и позолота утрачены.

Судьба церкви после закрытия

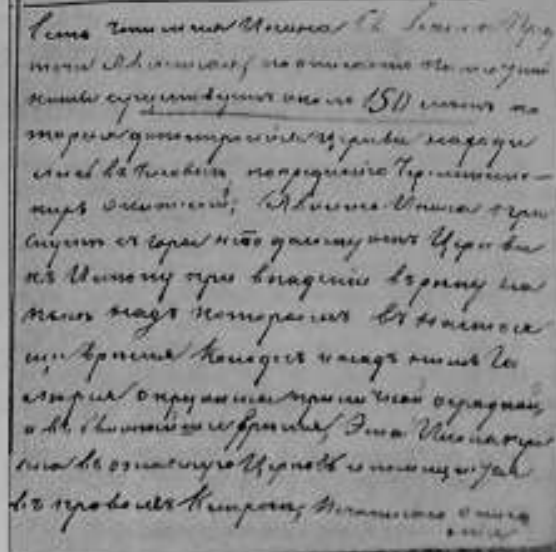
Михаил Николаевич и Анастасия Степановна Носковы живут в Черемшанке с самого рождения – он с 1938 года, она с 1940-го. С их слов удалось контурно восстановить историю церкви после ее закрытия¹¹.

Во время войны в церкви был «похаус», то есть лагерь. Все так же хранили колхозное зерно. После войны переоборудовали для занятий сельской школы, основное здание которой – деревянное, с четырьмя классными комнатами – стояло рядом с храмом. Прежде в нём располагалась церковно-приходская школа. Оно служило делу народного просвещения до начала 50-х годов, когда его «разломали».

В 1952 году в церкви устроили клуб с библиотекой. Заведующий клубом, переведённый из деревни Перво-Песьяной «избач» Старовойтов оказался хозяйственным мужиком. Лазил на крышу, сам купола снимал – их три было¹² – а из железа буржуйки клепал. «Мы рядом с церковью тогда жили, – вспоминает Анастасия Степановна. – Помню, бабушка стояла у окна и причитала: «Хоть бы ты оборвался!» Так ведь навернулся с крыши, но верёвкой был привязан, на ней и повис».

Тогда же разломали колокольню. Когда-то звон висевших на ней колоколов раздавался далеко – слышали его даже в деревне Троицкой, за восемь километров. «Всех колоколов семь, заведены в разные года с постройкой церкви на пожертвованную сумму»¹³, – коротко добавляет метрика 1887 года.

В ней же указано: «около церкви... при спуске к колотцу устроен сад с деревянную оград-

Запись священника Стефана Мефодьева
о явленной иконе Иоанна Крестителя
в метрике ИАХ. 14 марта 1887.
Архив ИИМК РАН.

кою»¹⁴. Анастасия Степановна помнит с детских лет, что на этом же спуске стояла каменная часовенка, вокруг росли тополя. Часовенку снесли сразу после войны, тополя исчезли после.

В начале 1970-х годов клуб переехал. В освобожденном помещении устроили магазин. В 1995 году Песьяновское правление потребительской кооперации продало здание церкви как обыкновенное строение частному лицу – Вячеславу Степановичу Ольшевскому.

А что же икона?

Судьба икон из черемшанской церкви туманна. Вроде как Старовойтов показал себя и бондарем, наладив производство бочонков из иконных досок. Михаил Николаевич же вспоминает: «Когда задумали в церкви клуб делать, иконы оттуда вывезли – целый грузовик – и почему-то к нам в дом. Пролежали они в подполе дня три, а потом их снова сгрузили и куда-то увезли. У нас осталось икон пять, помню одну – Александра Невского. А когда тот дом продали, то иконы оставили в нём...»

Про икону Иоанна Крестителя никто из моих собеседников вспомнить не мог. Да, «самые старые бабушки» рассказывали: была чудотворная икона, молились перед ней, цветы ставили, а что там было изображено – никто не знает. А ведь когда-то именно благодаря ей в селе появился каменный храм, к ней приходили толпы паломников на «Иванов день!»

Но теперь все рассказы неизменно связаны с колодецем. Возможно, потому, что икона исчезла, храм закрыли, а он – остался. Его и в советские годы называли «Ивановский колодець». Оттуда брали воду всем селом. И память о чудотворениях жила.

М.Н.Носков: «В Омской партшколе меня спросил преподаватель, откуда приехал. Узнав, что из Черемшанки, поведал историю про свою тётку. Она в детстве не могла ходить,

Икона «Усекновение главы Крестителя Господня Иоанна». Иоанновский приход с. Черемшанского. XVIII в.

Отец привёз её на телеге в Черемшанку на святой колодец. Окропили её водой – она встала и домой уже пошла на своих ногах.

А.С.Носкова: «Я училась в 7 классе в ишимской школе № 2. Это был 1956 год. Нас отправили осенью на уборку урожая в деревню Цашмурина Бердюжского района. Бабушка, у которой мы жили, сказала: «Да мы же ходили в Черемшанку на Иванов день, дождя молили». Цли с иконами, пешком – а там километров 100 будет. Три дня и три ночи идут, в поле мнут. Праздник отпразднуют, наберут воды – и домой уже под дождем возвращаются».

Недавно колодец расчистили. Мужики рассказали, что на дне крепкого сруба брёвна оказались положены крестообразно, на них нашлось много монет, которые бросали паломники. Сруб, однако, продолжался и дальше, но крест рубить и углубляться не решились. Вода теперь из источника идёт светлая и вкусная.

Последний священник

Бабушка М.Н.Носкова Татьяна Дмитриевна дружила с Евдокией Степановной Коротаевой. Пока не закрыли церковь, трудилась в ней. После – работала в колхозе. В советские годы тайно крестила младенцев мирским чином, «погружением». Вдвоём с Татьяной читали Библию, извлечённую из-под второго дна старинного сундука.

Евдокия Степановна была разведена. Одна воспитывала сына: Юрий Никанорович Коротаев живёт теперь в Екатеринбурге. Остался там после службы в армии. Но к матери приезжал каждое лето, до её смерти в 1983-м. Ровеснице

века шёл 84-й год. Родилась она не в Черемшанке. Её отец, священник Стефан Асафов, был переведён сюда предположительно из села Ларики Ишимского района уже в советское время. Вскоре после переезда его арестовали и отправили «на восток». Вернулся через некоторое время, больной и искалеченный. Умер и похоронен в Черемшанке. После него приезжал ещё священник, но и его вскоре арестовали и расстреляли.

Об этом рассказывал чете Носковых Ю.Н. Коротаев.

Из справочной книги Тобольской епархии нам известно, что Стефан Григорьевич Асафов, выпускник Казанской крещёно-татарской школы, в 1905 году был рукоположен во диакона и в 1913 году служил ещё в селе Дубровинском Тобольского уезда¹⁵.

Имя последнего черемшанского священника тоже не затерялось во тьме веков. Благодаря его папачам.

В архиве УФСБ по Тюменской области хранится дело по обвинению бывшего архиепископа Ишимской епархии (обновленческой) Александра Филиппова и группы лиц из подчинённого ему духовенства, которые «являлись участниками к-р. (контрреволюционной) повстанческой группы, вели к-р. деятельность против Советской власти, вербовали к-р. элемент в религиозные общины, призывали на борьбу с Советской властью, за восстановление закрытых церквей и за срыв хозяйственно-политических кампаний в колхозах»¹⁶.

Среди обвиняемых – Алексей Михайлович Воронов, священник с. Черемшанского. Родился, 17 июля 1886 года в г. Юрьеве-Польском

Архиепископ Димитрий у святого источника в Черемшанке.
14 августа 2008.

Иваново-Вознесенской области. Семейное положение – «одиноким». Русский, окончил городское училище, в армиях не служил. До революции – в мещанском сословии, после 1917 – «служитель религиозного культа». Скупые строки биографии не говорят, как попал в наш край. Арестован Ишимским РО НКВД 29 сентября 1937 года¹⁷.

Сельсовет новой колхозной эпохи за день до этого дал приезшему полу убийственную характеристику: *«Проживал в Черемшанке с декабря м-ца 1936 года... Привлекал в церковь даже молодежь, этим самым срывал в колхозах трудовую дисциплину... Вел агитацию, что, согласно Сталинской Конституции, можно верить, в церковь ходить всем, молодым и старым... И этим самым делал каждое воскресенье и в религиозные праздники во всех ближних колхозах срыв работы...»¹⁸*

В допросах Алексей Воронов свою вину в «распространении религии» не отрицал. Прорекнул, что «власть эта временное дело, что будет скоро война», убеждал, что по новой Конституции «православная вера должна существовать свободно» и призывал колхозников во время Всесоюзной переписи «записываться в число верующих»¹⁹. Но слово и дело разошлись в нашей стране – в который раз... Буквальное понимание Конституции оказалось поводом к аресту, а отождествление религиозной деятельности с контрреволюционной – поводом к расстрелу. Он последовал здесь же, в Ишиме, 13 октября 1937 года, через три дня после поспеш-

ного решения «тройки» УНКВД Омской области²⁰.

1 февраля 1958 года Тюменский областной суд счёл вину обвиняемых недоказанной и постановил решение по делу отменить²¹.

Из этого же дела удалось узнать, что Евдокия Степановна Коротаева действительно служила при церкви псаломщиком, т.е. вела службу на клиросе²². Чудесным образом ей удалось избежать страшных репрессий.

Возрождение прихода

К началу XX века благочестие в народе побавилось. Женщины в воскресный день шли в церковь молиться, а их мужья в это время играли в бабки на площади перед храмом. *«Наиграются – идут звать жен: хватит, дескать, поклоны бить»*, – рассказывает М.Н. Носков. Однако же к тому факту, что церковь превратилась в жилой дом, черемшанцы отнеслись резко негативно. Спустя десять с лишним лет взаимопонимание было найдено. В.С. Ольшевский поступил благородно: так и не сумев обжить купленное здание, подарил его в мае 2008 года православному приходу.

Русское село консервативно. Когда-то безбожникам потребовались десятилетия, чтобы искоренить религиозность в деревенском народе. Теперь нужны десятилетия, чтобы убедить сельян в обратном. Обычно во вновь открытых храмах на службе увидишь не более десятка человек. В Черемшанке же немедленно организован достаточно активный приход.

На заранее объявленный молебен в день Усекновения главы Иоанна Предтечи 11 сентября 2008 года собралось около трёх десятков человек. Вместе с благочинным Ишимского благочиния Тобольско-Тюменской епархии о. Владимиром Ашмариним в Черемшанку приехала хоровая группа семинаристов. Давно стены храма не слышали слаженного пения. Молились в той части храма, которая называется трапезной – примерно третья часть здания. Её благоустроили за одно лето. Первый молебен состоялся в июне, отслужили и 7 июля, в день престольного праздника Рождества Иоанна Крестителя. Хотя штатного священника пока нет, прихожане собираются для совместной молитвы дважды в неделю – в 5 часов вечера во вторник и в 9 утра в воскресенье.

В облике здания угадываются очертания храма – ориентация с запада на восток, полукруглые алтарной апсиды, дверные проёмы на запад, юг и север (последние заложены). Над основным объёмом – обычная двускатная крыша. Старых фотографий церкви нет. Чтобы представить её облик, руководствуемся теми же метриками 130-летней давности:

«Размер церкви в высоту 10 сажень, в длину 10 сажень и ширину 4 сажени»²³, «построена из кирпича обыкновенного, купол деревянный, покрытый железом, фундамент обшит тесом», «кирпич весу 12 фунтов, обожжённый, связи в стенах железные», «как по наружности храма, так и внутри стены гладкие, никаких особенных изображений нет», «кровля на два ската, покрыта железом и выкрашена зелёною краскою, около крыши

проведены желоба железные с таковыми же трубами», «фонарь [центральная глава] глухой, шея гладкая, без украшений», «главы три, покрыты железом и вызолочены», «кресты на главах железные, восьмиконечные, по две цели у креста, вызолочены», «окна обыкновенные, в высоту 3 аршина, ширина 1 1/2 аршина, в алтаре оных 3, всех окон 11, с железными решётками, стёкла простые», «двери сходные [западные] двои [двойные], потом северные и южные [наружные] обиты железом по дереву, а двои внутренние северные и южные полустеклянные; первые на железных петках, а последние полустеклянные на шпирях [шарнирах]», «паперть устроена с одной [западной] стороны», «своды [в поперечных стенах, отделяющих трапезную и алтарь от основного помещения] устроены в виде круговой дуги без опоры на столбах, пополок из дерева, общекатурены, ровные», «пол деревянный во всей церкви, выкрашен», «престол из дерева, ширина 1 аршин, длина и высота 1 аршин 1 четверть», «клироса устроены просто, по дереву, на ступень выше храма», «амвон устроен из дерева», «колокольня каменная... четыре слуховых окна для повешения колоколов, без особых изображений и надписей»²⁴.

Облик аскетичный, но достаточно величественный. Таким здание было ещё в 1940-х годах. «Церковь белая, красивая, издали видная, — словно вновь созерцает её А.С.Носкова — Мама говорила, когда мы по ягоды или грибы уходили: «Если заблудитесь — церковь ищите!»»

После службы попечитель восстановления Константин Первицкий показал «фронт работ». Над колодцем устроили двускатный навес. Подновили шиферную кровлю церкви, но требуется капитальный ремонт конструкций крыши. В основной части храма потолок прогнил и обрушился, поэтому трапезную отгородили от неё санерной перегородкой. Необходимо укрепить фундамент — по южной стене рядом с алтарём пошла глубокая трещина. Разобрать нелепые пристройки к притвору, сделанные прежним хозяином. Устроить газовое отопление (забегая вперёд, добавлю: зимой оно уже действовало). Найти средства на дооформление юридической документации...

В приходо-расходной документации — полная прозрачность: на стене в притворе висит очёт на 1 сентября. Доходы: 41895 рублей, в основном — пожертвования. Расходы: 31831 — на ремонтно-строительные работы. Конечно, помощь требуется ещё и ещё. «Ведь в Черемшанку к колодцу приезжало столько людей жалиться, и столько было исцелено — может быть, потому этих людей и бывшие черемшанцы вспоминают о святыне, помогут ей?» — невольно задаёт вопрос Константин. Его призв поддерживает благочинный, Черемшанский приход пока числится приписным к Никольскому храму города Ишима, где настоятельством отец Владимир. С его благословения публикуем банковские реквизиты, на которые можно перечислить свою лепту.

МПРО приход храма во имя Святителя Николы

Колодец над святым источником в Черемшанке. Вид с юга. 11 сентября 2008.

ИНН 7205006052

КПП 720501001

Банк: ЗАО «Тюменьагропромбанк» г. Тюмень

Р/счёт 40703810300080000045

Кор/счёт 30101810100000000885

БИК 047102885

Настоятель прихода иерей Владимир Владимирович Ашмарин

С пометкой: «для Черемшанской церкви».

Загадочная икона

В возрождающемся храме привлекают внимание две старинные иконы. Одна — образ святой Троицы Ветхозаветной, или «Гостеприимство Авраама». Фигуры ангелов написаны на чеканном, когда-то покрытом золотом, фоне. Манера письма — живописная и несколько наивная. Похоже, эта икона создана в ишимской мастерской С.П.Багишева.

История её такова. В безбожную эпоху икона была пущена по воде. Так она доплыла вниз по течению речки Черемшанки до села Большого Удалова, где её увидела полоскавшая бельё Лукерья Безуглова. Взяла к себе в дом, потом благословила снохе, а она отдала её Юрию Михайловичу Лаптеву для музея Черемшанской школы. Там она и ждала момента возвращения в храм.

Вполне вероятно, что эта икона — ровесница храма. В метриках 1887 года указано: «Иконо-

стас простого устройства, гладкий, на дереве, в два яруса с простыми полуколоннами, позолочены; царские врата из двух створок в половине с резьбой, в коих помещаются четыре евангелиста; выкрашены с позолоткою», «на стенах помещаются иконы живописные на досках», «иконы в иконостасе и алтаре письма русское, находятся без повреждения и без надписей, имеютя со времени построения церкви, из коих есть в ризах медные посеребренные, в кивотах с резьбой позолочены», и ещё уточнение: «в иконостасе древних икон нет, а писаны все по построению церкви»²⁵

Другая икона, на центральном аналое – «Усекновение главы Иоанна Крестителя». В тот день – как раз икона праздника. Её принесла в храм Л.В.Горбачёва. Образ хранился у её свекрови, Елены Ивановны Горбачёвой, а той достался в наследство от матери. Существует легенда, что он был когда-то тройным: Рождество Иоанна, Усекновение главы и Честная глава Крестителя. Подтвердить или опровергнуть это сейчас уже невозможно. «Икона, когда хранилась у нас, была очень тёмная, – замечает Людмила Васильевна. – Ничего видно не было. А когда принесли сюда, стала проясняться. Хотели её поновить, подкрасить, но отец Владимир сказал, что этого не нужно делать».

Эта икона сразу привлекает внимание своей древностью. Её размеры: примерно 53 на 63 см, толщина 2,5 см (в старой метрической системе – 12 на 14 вершков, толщина 1 дюйм). Доска на обороте выкрашена серо-зелёной краской и скреплена двумя шпонками, нижняя из которых чуть выдвинута (Л.В.Горбачёва говорит – после случайного падения иконы); сверху – кольцо для подвешивания (вероятно, более позднего времени, т.к. конец штыря вышел в живописный слой на лицевой стороне). Изображение нанесено маслом на грунт, положенный непосредственно на доску, без паволоки, и в значительной степени потёрто; левый нижний угол частично утрачен. Вверху по центру – надпись славянскими буквами, с титлами: «Усекновение ч[ес]т[н]ыя главы Кр[ес]тителя [Господня] Иоанна». Манера письма – «итальянская», со светотеневой моделировкой и свободной композицией; иначе говоря – «живоподобная». По сути, это – картина, без позолоты и чеканного фона. В центре композиции – воин-римлянин в зелёной тунике и стальных доспехах, занёсший правую руку с мечом над стоящим на коленях и склонившимся Иоанном; левой рукой воин придерживает голову узника. У правого края вполоборота стоит другой воин в красной тунике. Поза его «барочно» слегка изогнута. Позади него в арке дверного проёма – юноша-слуга с блюдом. У левого края иконы видно изображение полукруглого зарешеченного окна и каменной кладки.

Так писали в XVIII веке. И если эта икона – из черемшанского храма, то она явно старше его. Вспомним: в 1887 году возраст явленной иконы определяли – «около 150 лет». Значит, и она написана в XVIII веке.

Конечно, возникает заманчивое предположение: а не та ли это икона, явленная? Увы, ни подтвердить, ни опровергнуть это предположе-

ние на документальной основе мы не можем. В 2005 году была найдена икона св. Евфимии, обретенная в 1911 году в селе Прокутинском и стяжавшая славу чудотворной. Но вновь обрести её удалось благодаря подробнейшему описанию, сохранившемуся в архивах. А описания черемшанской иконы у нас нет – никакого! И нет в живых тех «самых старых бабушек», которые видели явленную икону. Неизвестны её размеры. Есть только указание на сюжет. Храм построен и освящён в память Рождества Иоанна Крестителя. Такой же сюжет должен быть на явленной иконе. На вышеописанной же – сюжет казни пророка. Хотя и это обстоятельство не является решающим. Народное почитание именно «Иванова дня», в который по давней церковной традиции освящают водные источники, могло нивелировать разницу между двумя праздниками, посвящёнными одному святому: главное, что на иконе – всё тот же Иоанн Креститель. Вспомним и о том, что целое столетие после обретения икона находилась в открытой часовне у источника, – именно это могло содействовать столь сильной утрате красочного слоя, которое видно на иконе, лежащей на аналое в восстанавливаемом храме.

Не будем спешить с окончательными выводами. Ведь чудотворность – свойство не самой иконы как доски с изображением. Чудотворностью икону наделяет Господь по Своему непостижимому Промыслу и по вере тех, кто обращается к образу с молитвою. И коль скоро Он в силе «из камней сотворить сынов Авраамовых», то в Его власти и явить или не явить новые чудеса от черемшанской иконы.

Первое же чудо – чудо совместной молитвы и церковного делания – в Черемшанке уже совершилось.

Визит архипастыря

14 сентября 2008 года в Черемшанке впервые побывал правящий архиерей Тобольско-Тюменской епархии архиепископ Димитрий. Его сопровождали настоятель ишимского Богоявленского собора епископ Домодедовский Евтихий, благочинный о. Владимир Ашмарин и хор семинаристов. Поклонившись образу пророка и предтечи Господня и обратившись со словом и благословением к собравшимся в храме черемшанцам, владыка Димитрий проследовал к колодцу и испил студёной воды. По мнению архипастыря, святой источник, имеющий столь давнюю историю, должен стать одним из мест притяжения паломников. А это поможет возродиться и храму.

И тогда вновь черемшанские мамы будут напутствовать своих детей простыми, но глубокими по смыслу словами: «Если заблудитесь – церковь ищите!..»

Фотографии автора.

Примечания

1 Тобольская епархия. Часть 2, отдел 2. Описание церкви и монастырей Тобольской епархии. Вып. 4. – Омск: Тип. А.К.Демидова, 1892. – С. 35.

2 Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – Тобольск: Епархиальное братство во имя св. вмч. Димитрия Солунского, 1913. – Ч. 2. – С. 56-57.

3 Сулодкий А.И. Описание наиболее чтимых икон, находящихся в Тобольской епархии // Соч. в 3-х т. Т. 1. О церковных древностях Сибири / Под ред. В.А. Чулина. - Тюмень: Изд-во Ю.Мандрики, 2000. - С. 149.
 4 Архив ИИМК РАН, ф. Р-III, оп. 1, д. 6851, л. 1об.
 5 Там же, л. 2.
 6 Там же, л. 9 с об.
 7 Я. Х. Почему попы в Бога верят? // Серп и молот. - 1924. - 1 августа. - № 8. - С. 3.
 8 Огод. Правда глаза колет // Серп и молот. - 1924. - 6 декабря. - № 61. - С. 3.
 9 Иконы из сельсоветов надо убрать // Серп и молот. - 1925. - 27 января. - № 11. - С. 3.
 10 ИФ ГАТО, ф. 179, оп. 1, д. 1, лл. 57, 64, 71, 119.
 11 Воспоминания М.Н. и А.С. Носковых. Запись от 09.09.2008 и 17.02.2009. Архив автора.
 12 Т.е. над колокольней, основным объемом и алтарем.

13 Архив ИИМК РАН, ф. Р-III, оп. 1, д. 6851, л. 8об.
 14 Там же, л. 2об.
 15 Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. - Ч. 4. - С. 10.
 16 РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 2358, л. 150.
 17 Там же, лл. 8 с об, 31.
 18 Там же, л. 9.
 19 Там же, л. 34 с об.
 20 Там же, лл. 84, 90.
 21 Там же, лл. 150-151.
 22 Там же, л. 32.
 23 1 сажень = 3 аршинам = 2,13 м; 1 аршин = 16 вершкам = 0,71 м.
 24 Архив ИИМК РАН, ф. Р-III, оп. 1, д. 6851, лл. 2об, 3, 3 об, 4, 4об, 5, 5об, 6, 7об, 8об.
 25 Там же, лл. 7, 8об, 9, 9об.

Г. А. КРАМОР

Символ «двоеданской вольницы»

Из истории старообрядческой церкви в селе Окунёве

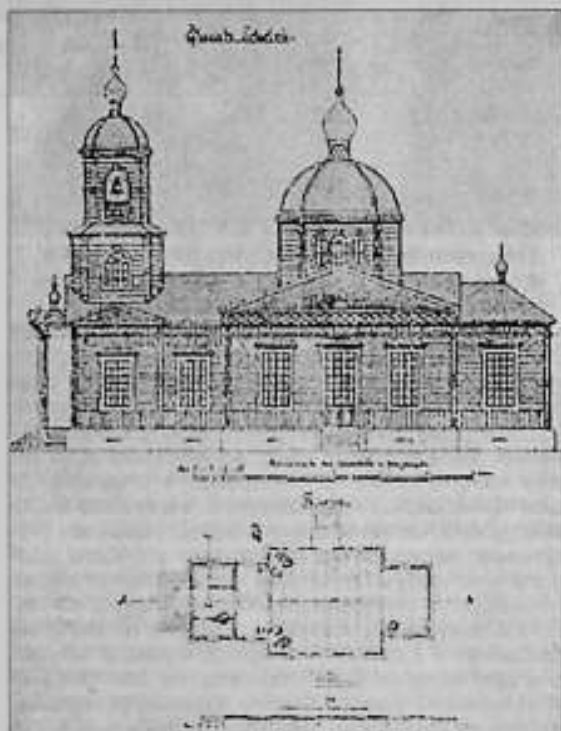
Сто лет назад в селе Окунёве Ишимского уезда (ныне Бердюжский район Тюменской области) состоялось торжественное освящение старообрядческой церкви. Это был первый «двоеданский» храм на территории Тобольской губернии после того, как император Николай II манифестом от 17 апреля 1905 года разрешил старообрядцам открыто исповедовать и выражать своё понимание Православия.

Здание церкви, ставшее поистине символом «двоеданской вольницы», появилось в результате долгой борьбы староверов за свои права. История этой борьбы и история храма очень сложны на свидетельства – конспиративный характер жизни старообрядческих общин не позволял вести летописи и хранить архивы.

«Подпольная» церковь

«Вотчиной старообрядцев» в Тюменской области принято считать территорию нынешнего Исетского района. Однако и в Приишимье прожвало немало противников реформ патриарха Никона, направленных на «обновление» русского Православия. Именно староверы заселяли плодородные земли ишимской лесостепи начиная с середины XVII века. Самые ранние свидетельства о существовании в Приишимье старообрядчества относятся к событиям 1722-35 гг., связанным с бунтом Тарского гарнизона¹. Основные «очаги» старообрядчества в Ишимском уезде к XIX веку находились по сторонам от Московско-Сибирского тракта – к северу (территория нынешних Сорочкинского, Викуловского районов) и к югу (Казанский, Бердюжский районы). Одним из наиболее сильных таких «очагов» была Окунёвская старообрядческая община.

Русское старообрядчество – явление неоднородное. Возникнув во 2-й половине XVII века, оно стало почковаться на множество «толков», или течений. В общем их можно разделить на две группы. Одни, «поповцы», пытались сохранить институт священства. После того как в мир иной ушли последние священники доиконовского поствления, штат клириков стал пополняться исключительно за счёт перебежчиков из стана «никониан». Общины, которые

Проект старообрядческого храма в Кусинском заводе Уфимской губернии. В таком же стиле был построен и храм в селе Окунёве. Журнал «Церковь», № 22 за 1910 г. (www.temple.ru).

окармливались таким духовенством, назывались «беглопоповскими». Другие, «беспоповцы», считали, что в наступившие «последние времена», в преддверии конца света, духовенство предалось растлению, а потому нет больше настоящих священников. В этом отношении общины беспоповцев оказались парадоксально схожи с набравшим в то же время силу протестантским движением на Западе, которое декларировало отказ от церковной иерархии ради возвращения к «первохристианским» временам.

Епископ Арсений Минусинский. 1920-е. Фотография из книги Г.Ф.Сысолятина «Повести о крутых временах» (Абакан, 1996).

Юго-восточный угол церкви, переделанной под клуб. Справа – фрагмент памятника землякам, погибшим в Великой Отечественной войне. 1960-е. Фотография из архива З.П.Каргаполовой.

Основу жителей Окунёвой составляла старообрядческая община, принадлежавшая к т.н. часовенному согласию беглопоповского направления. Ещё до 1826 года, во времена правления либерального по отношению к старообрядцам императора Александра I, в деревне была выстроена часовня, а фактически – церковь, поскольку, несмотря на отсутствие «особого дозволения» иметь престол, в ней имелся стоящий посередине «неподвижной налой, покрытой пеленой, в виде церковного престола, на котором поставлено Евангелие и крест, и подле клырсов две хоругви [с] изображением святого Богоявления и Преображения»; службы совершал, вероятно, поп Иван Никитин, уличённый в совершении богослужения в старообрядческой часовне в расположенной неподалёку деревне Старорямовой. В 1839 году, после ареста Никитина, часовня была закрыта и опечатана².

Вступивший на престол в 1825 году император Николай I строил внутреннюю политику исходя из известной формулы: «православие, самодержавие, народность». Однако носителем традиций православия он видел только «государственную» церковь, управляемую Синодом. Гонения на старообрядцев усилились. В качестве компромисса им предлагалось присоединяться к движению единоверия. Суть его заключалась в том, что староверам разрешалось служить по дореформенным книгам, но священники им ставились от Правительствующего Синода. Большинство старообрядцев не приняло единоверия добровольно; тогда обра-

щать в него стали с применением силы, а отнятые храмы и утварь отдавались единоверческим приходам³. Однако многие двоеданы принимали единоверие формально, не признавая действительность совершаемых таинств и посещая богослужения беглопоповцев. Так же и окунёвцы – хотя в соседнем селе Травнинском (ныне село Дальнетравное Казанского района Тюменской области) в 1847 году построили единоверческий храм, к которому приписали и Окунёву⁴, они не оставляли намерения иметь свою церковь, хотя и нелегальную.

Её строили вновь – и вновь теряли. Так, определением Tobольского губернского суда от 17 декабря 1851 г. и 18 января 1852 г. утверждённым Правительствующим Синодом, была, опять же, назначена «к сломке» старообрядческая часовня в деревне Окунёвой Ишимского округа; исправная церковная утварь и богослужебные книги переданы в распоряжение библиотеки Tobольского архиерейского дома, единоверческих церквей и Обдорской миссии⁵. В 1867 году происходит очередная конфискация, теперь уже молитвенного дома. Церковную утварь увезли в Tobольскую духовную консисторию, откуда иконы переправили в «единоверческую церковь в Травино» (Травнинское), где они находились ещё в 1908 году, а «стены молитвенного дома были проданы в 1872 году с аукциона»⁶. Чего стоило упорство окунёвцев в материальном плане, может сказать стоимость конфискованного – более трёх тысяч рублей⁷. (Для сравнения – оклад мелкого чиновника составлял 15-20 рублей в месяц.)

«Двоеданская» церковь в Окунёве, переделанная под клуб. Вид с юго-востока. Позади строится новый дом культуры. 1970. Фотография из архива З.П.Каргаполовой.

В качестве противовеса старообрядческим настроениям в Окунёвой приблизительно в 1897 году появилась деревянная «никонианская» церковь во имя Рождества Христова. Точная дата её постройки (как и момента, когда деревня получила статус села) пока не выявлена. Известно, что в октябре 1896 года состоялось присоединение «раскольнического семейства» Чекаловых из деревни Окунёвой к «синодальной» церкви. Но торжество состоялось в Михаило-Архангельской церкви села Пегановского⁸, а не в Окунёвой. Однако в 1897 году в деревне уже открыта церковно-приходская школа, которая с 1904 года помещалась в собственном здании. Христорождественская церковь значилась как приписная к храму во имя Казанской иконы Божией Матери в соседнем волостном селе Лузском⁹, т.е. не имела собственного священника и прихода. Священноначалию важен был сам факт существования этого храма для убеждения староверов в их неправоте. Потому и церковь, называемая ими «мирской» (с ударением на «и», — от слова «мир» в значении «общество»), стояла во время служб полупустой. Жители деревни также разделялись на две группы, о чём свидетельствует существование двух кладбищ — «двоеданского» и «мирского». Такое разделение сохраняется до наших дней. Хотя большинство окунёвцев уже далеко от религии, но потомки староверов находят упокоение именно на «двоеданском» кладбище, находящемся на возвышенности к востоку от села¹⁰.

К этому же времени окунёвские старообрядцы уже полностью определились с принадлежностью к т.н. «белокриницкой» иерархии, или иерархии «австрийского согласия»¹¹. Имели они и пастыря — уроженца этой же деревни Алексея Феодоровича Васильева, возведённого в сан священника епископом Савватием Московским (бывшим Сибирским). Васильев кормил, помимо Окунёвой, старообрядцев деревни Песьяной Пегановской волости и, вероятно, села Бердюжье. В 1895 году он уже со-

стоял под судом, будучи обвиняем в «сворачивании православных в раскол» и из заключения призвал свою паству обратиться «из раскола в истинное православие»¹².

Долгожданный храм

Пасхальный день 17 апреля 1905 года принёс особое ликование и окунёвским старообрядцам. Впервые царским манифестом было признано их выстраданное право иметь собственный храм. Характерно, что первой 27 февраля 1907 года в Тобольском губернском правлении зарегистрировалась именно Окунёвская старообрядческая община¹³. Незамедлительно приступили они и к исходатайствованию разрешения на постройку собственной деревянной церкви.

30 ноября 1908 года состоялось её торжественное освящение. Чин совершал епископ Антоний Пермский и Тобольский¹⁴ в сослужении епископа Иоасафа Томского¹⁵, окунёвского протоиерея Петра Каргополова и ещё шести священников, трёх диаконов и нескольких стихарных. Сборный хор пел антифонно, с двух клиросов. На торжество собрались не только прихожане-окунёвцы, но и «никониане», беглопоповцы, беспоповцы — почти двести человек. Храм едва вмещал всех прибывших. Также в церкви присутствовали миссионер Тобольско-Сибирской епархии М.Зверев¹⁶ и его помощник единоверческий священник С.Григорьев¹⁷. После величественной службы епископы в облачении и в окружении народа направились на квартиру другого местного священника Григорьева, где «была уготована скромная трапеза». Вечером, а также наутро 1 декабря в присутствии епископов состоялась беседа миссионеров с екатеринбургским начётчиком А.Д.Токманцевым на темы «О причинах разделения церквей» и «О необходимости в Церкви епископства». Как сообщает корреспондент журнала «Церковь»,

Ювеналий Львович Денисов,
сын последнего старообрядческого
священника с. Окунёва. Новосибирск.
1970-е. Фотография из архива
А.Ф.Каргаполовой.

«старообрядцы, выходя из церкви с беседы, были полны радости и торжества, и были печальны и улыбки лица новообрядцев и единоверцев»²⁵.

Храм стал одним из центров религиозно-общественной жизни старообрядцев Зауралья, особенно после падения монархии, сулившего им поначалу широкую перспективу для ещё более свободного осуществления своей деятельности²⁶.

12 ноября 1917 года в селе Окунёве состоялся съезд старообрядческих священников 4-го благочиния Пермско-Тобольской епархии. Помимо вопросов об улучшении церковного пения и обустройства школ на приходах в повестке значился и вопрос об отношении к новому советскому законодательству о регистрации браков и разводов. Было постановлено: считать разводы, данные гражданскими властями, «неправильными и недействительными»²⁷.

11 ноября 1918 года в Окунёве собрался уездный съезд старообрядцев всех согласий. Задача: подготовка и проведение губернского съезда во главе с освобождённым секретарём А.П.Каргаполовым. Ему поручили познакомиться с опытом подобной работы на Алтае. Также съезд принял решение: считать село Окунёво центром старообрядчества всей Тобольской губернии и здесь же провести губернский съезд старообрядцев всех согласий²⁸.

Съезд состоялся 18-19 декабря 1918 года. На него прибыли делегаты от 34 общин, которые избрали председателем Тобольского губернского исполнительного комитета А.Ф.Чекиарева из

деревни Яровой Армизонской волости. На обсуждение вынесли вопросы об объединении старообрядчества губернии, избрании исполнительного комитета, учреждении печатного органа, об отношении Тобольского губернского комитета ко Всероссийскому комитету старообрядцев в Барнауле, о сети старообрядческих учебных заведений и о «посылке агитаторов по приходам»²⁹.

В Окунёве же состоялся и Епархиальный съезд старообрядцев, который направил приветственную телеграмму Верховному правителю Сибири А.В.Колчаку, за подписью председателя собрания, епископа Амфилохия Уральского и Пермско-Тобольского³⁰: «Да поможет Вам Всевышний на избранном Вами тернистом пути донести взятое бремя до сердца России – Москвы и очистить святыню русскую от коммунистической мерзости»³¹. В ответном послании адмирал отвечал: «Глубоко тронут приветствиями Епархиального съезда старообрядческой Пермской епархии. Жду от деятелей его активной и положительной работы по борьбе с большевизмом и его влиянием в русском быту, одним из хранителей чистоты которого искони было старообрядчество»³². Оба послания опубликованы в № 12 журнала «Сибирский старообрядец» (г. Барнаул) от 15/28 июля 1919 года.

В народе храм незамедлительно нарекли «двоеданским». Но как же он именовался на самом деле? Окунёвец, краевед Николай Фомич Каргаполов называет его церковью Христа Спасителя. В устной беседе он признался, что опирался в своих выводах на сочинения другого окунёвца, Геннадия Филимоновича Сысолятина. Однако в его повестях такое название не встречается. Сестра краеведа, Анна Фоминична Каргаполова, исповедующая старообрядчество, также ссылается на Сысолятина, уверяя, что храм был освящён во имя праздника Положения Честной Ризы Господней (10 июля ст.ст./23 июля н.ст.).

Г.Ф.Сысолятин, родившийся в Окунёве в 1922 году, действительно, описывает в мемуарной повести торжественную службу на этот праздник в связи с приездом в 1928 году епископа Арсения³³, крестного отца его матери: «Владыка Арсений, в сверкающем облачении, стоял на двухступенчатой кафедре, поставленной перед правым клиросом. Его голова, увенчанная золотой митрой, была как бы в таком же нимбе, в каких изображены на иконах святые»³⁴. Весьма вероятно, что этот приезд был связан с престольным праздником. К тому же, по воспоминаниям старожилов, 23 июля, в «праздник Ризы», в селе устраивалась ярмарка³⁵ – а традиционно на Руси ярмарки и торжки приурочивали к престольному празднику. Поэтому есть все основания считать, что и храм назывался во имя Ризоположения.

В описании интерьера и внешнего вида церкви Сысолятин лаконичен: «высокий золоченый иконостас, свешивающееся с потолка блестящее паникадило, дутые медные подсвечники». И ещё – о колоколах: «Зазвонят в надтреснутый большой колокол, значит, это никонианская церковь подаёт голос. Если звук густой, тягучий – это звонит старообрядческая церковь. Никониане свой колокол успели расхлестать, а у старообрядцев он новый»³⁶. А.Ф.Каргаполова вспоминает: «мирская» церковь имела необшитые бревенчатые стены, а старообрядческая – обшита досками и выкрашена в белый цвет, «как лебедь». Над храмом возвышались три главы³⁷.

Вероятно — над колокольной, основным объёмом и алтарным прирубом. Архитектурный тип такого храма — русский стиль с элементами стиля модерн — известен по публикациям в старообрядческом журнале «Церковь» 1910-х гг.

Мемуаристы также расходятся в упоминании имён священников, служивших в этот период в храме. Н.Ф. Каргаполов указывает, что до постройки храма священником служил о. Алексей Колмаков, после постройки — «Пётр Савельевич Каргаполов (отец Паисий)» (?!), после него — о. Лев Денисов, «дом которого и сейчас стоит в ризце (бывшая дирекция совхоза, больница)»³¹. Г.Ф. Сысолятин уточняет: Пётр Савельевич Каргаполов — его, Геннадия Филимоновича, дедушка. Вероятно, он и есть протоиерей Пётр Каргаполов, которого старообрядческий журнал «Церковь» называл настоятелем нового храма, хотя Геннадий Филимонович считал деда простым «естьянином». Но живущие в сельской местности лица духовного звания обычно вели скромный образ жизни и сами трудились на пашне; а в 1920-х гг. Пётр Савельевич как священник мог уже выйти «на покой» по возрасту. Среди односельчан он имел прозвище «Каллиграф», поскольку занимался переписыванием церковных книг. Его рукой была переписана и украшена книга «Апостол» (Деяния и послания св. апостолов), сам же он её читал посреди церкви, взяв с благословением из рук священника: «Раскрывал, держа на воздетых руках. Молящимся были видны радужные заглавные буквы, изукрашенные листьями и цветами, блестящие золотой и серебряной красками»³². Скончался П.С. Каргаполов 17 декабря 1926 года³³.

Описывая приезд в 1928 году владыки Арсения, Г.Ф. Сысолятин вспоминает, что тогдашний настоятель храма отец Трифон³⁴ служил вместе с другим священником — протоиереем Ефросином, своим родным братом³⁵. Все трое состояли в родственных узлах: так, сын о. Ефросина Яков в 1929–30 гг. бежал к дяде-епископу в Минусинск из Окунёва, когда пришли арестовывать его отца³⁶. В селькоровском пасквиле, посланном в ишимскую окружную газету «Серп и молот» в октябре 1924 года, также упоминается «старообрядческий поп Трифон Яковлев»³⁷. По «попа Трифона» вспоминал окунёвский старожил Сидор Фёдорович Сорокин: во время ареста в феврале 1921 года он спас от расправы повстанцев его отца, Фёдора Евлантьевича, взяв его на поруки³⁸.

Про о. Льва Денисова Н.Ф. Каргаполов узнал от своей старшей сестры Анны Фоминичны. Нам она также рассказала, что о. Лев был последним священником в старообрядческой церкви и похоронен у южной стены храма, ближе к алтарю; до него служил, по её словам, о. Трифон. У неё сохранилась фотография сына о. Льва. Ювеналий Львович Денисов воевал, был пленён, а после освобождения из плена отправлен в Магадан. Впоследствии жил с женой в Ханты-Мансийском округе, имел пятеро детей. Но жена написала на мужа донос — дескать, учит детей религии. И он «крадчи» уехал жить в Новосибирск, к сестре. Завёл новую семью и работал при старообрядческом храме³⁹.

«Двоеданский клуб»

Не совсем ясна и дата закрытия «двоеданской» церкви. Г.Ф. Сысолятин указывает, что в 1930 году в церкви был уже устроен клуб. Он

Бывший причтовый дом старообрядческой церкви на окраине с. Окунёва. Июль 2007. Фотография автора.

описывает поход с тёткой Марьяной в бывшую церковь, где комсомольцы задумали ставить похабную сценку «из жизни духовенства». «Как — в настоящих ризах, с настоящими свечами и кадиллом, перед настоящими иконами такое глумление над чувствами верующих?!» Тётка Марьяна отчитала ретивых комсомольцев и, забрав «родительскую» книгу Апостол, покинула здание бывшего храма⁴⁰. В том же году семья Сысолятиных выехала из Окунёва.

Вероятно, храм был закрыт лишь на время, т.к. Н.Ф. Каргаполов вспоминает, как в 1935 году на Пасху его, четырёхлетнего ребенка, привели в старообрядческую церковь ко Причастию. Священник причащал Колю, а его крёстный Савося Новожилов⁴¹ держал у подбородка плат, чтобы частица Христовых Таин не упала случайно на пол⁴². Подтверждает его воспоминания старшая сестра, А.Ф. Каргаполова. По её словам, службы в храме продолжались до 1935 года. Священник на Пасху приезжал из Ишима. И ещё год «бабушки ходили и молились»⁴³.

Последним старостой был Тихон Евдокимович Каргаполов (1875–1935). У него хранилось множество церковных книг — по преданию, среди них были и те, что он успел спасти из храма перед его закрытием. После его смерти невестка Ефросинья Федотовна, жена Анфиногена Тихоновича, к которому перешёл отцовский дом, сложила книги в два больших мешка и поставила их в подпол. В послевоенные годы дом снесли, а мешки так и остались в подполе, засыпанном землёй. «Лет сорок назад Николай,

младший сын, пытался их откопать, да где там! Безуспешно», — заключила свой рассказ о книжном наследии Зинаида Петровна Каргалолова (Корушина), супруга Павла Анфиногеновича⁴⁴.

В 1936-37 гг. храм подвергся окончательному разорению. «Сняли купола, растащили иконы, могилы двух священников, что с южной стороны похоронены, раскопали, кости разбросали как попало... Верующие на это смотреть не могли, только дети глазели. Хотели под школу приспособить. Во время войны зерносклад устроили. После войны клуб открыли...»⁴⁵

Клуб этот в народе так и называли — «двоеданский». «Высокое крыльцо, могучие деревянные колонны, россыпь хвойных иголок на крыльце перед окованной железом дверью. Парадный вход!»⁴⁶ — вспоминает одну из первых послевоенных «ёлоч» писатель-окунёвец Николай Васильевич Денисов. — «А вот ноябрьский праздник. Красные транспаранты, плакаты, флаги по всему внешнему фасаду двоеданского клуба. И внутри — кумач по стенам, над сценой-клиросом. Красным увиты портреты Ленина-Сталина. Да, когда-то потом, на месте бывшего иконостаса и царских врат, приспособят портреты членов Политбюро... Потолки в храме — что надо, высоченные. Правда, под верхотурой, где раньше парили ангелы, сейчас пусто — белая известка»⁴⁷.

На фотографии 1970 года, сохранившейся в архиве Зинаиды Петровны Каргалоловой, видны бревенчатые, необшитые стены клуба-храма (по её словам, обшивку сняли после войны; по фотографии же можно предположить, что они и не были никогда обшиты)⁴⁸. Позади уже выводится крыша нового, кирпичного дома культуры. Вскоре бывший храм разобрали. Из брёвен построили клуб в деревне Одышка, неподалёку от Окунёва. Теперь и тех брёвен нет — клуб в Одышке новый.

«Никонианскую» же церковь разобрали гораздо раньше, в послевоенные годы. «Мы ребятами по её фундаменту бегали», — говорит Н.В. Денисов. Из брёвен построили дирекцию совхоза в Глубоком. На месте этого храма — стадион окунёвской школы⁴⁹.

Но кирпичный фундамент старообрядческой церкви сохранился и хорошо виден на площадке перед новым домом культуры. Чуть южнее ещё растут тополя, посаженные, по рассказам старожилов, у могил священников. По рассказам бабушки З.П. Каргалоловой, «было их две, а может, и три, по количеству посаженных тополей»⁵⁰. В этих затоптанных и осквернённых могилах до сих пор покоятся честные останки пастырей.

Было бы правильно с точки зрения исторической справедливости и человеческой памяти установить на их могилах общий крест. Обозначить этим поминальным старообрядческим восьмиконечным крестом и место, где стоял храм, которому 13 декабря 2008 года исполнилось бы ровно сто лет. Хотя нет — правильнее сказать: исполнилось. Ведь у каждого алтаря храма, даже разрушенного, по христианскому верованию, стоит незримо ангел. В Окунёве — ангел скорбящий...

Столетие

«В нашем селе теперь человека три-четыре только истинно верующих. Но грамотных среди них нет. Я вот славянского не знаю... Собираемся только на Пасху. Лестовка вот у меня

есть, дома молюсь», — заметила на прощание Анна Фоминична⁵¹.

Уже готова эту статью к печати, получил письмо от Зинаиды Петровны. Она рассказала, как отметили в Окунёве столетие храма: «В этот день собрались верующие на месте церкви. По остаткам фундамента определили, где был алтарь, благо снегу мало, легко всё обнаружилось. Положили цветы, иконки, зажгли свечу, и почти в течение часа продолжался молебен. Молитвы читала Анна Фоминична и другая женщина, которая умеет петь по-церковному. Погода была теплая, как бы нам в помощь. Стоя среди молящихся, я ощутила какое-то особенное чувство, не поддающееся описанию, лёгкость души, что ли. Молитвы, ление завораживали и хотелось, чтобы это подольше не заканчивалось. Народу было немного, но все расходились умиротворённые, словно напитавшиеся добром...»⁵²

Примечания

1 Мамсик Т.С. «Против совести своей есть тягчайшая цель изменения последовать...» Из истории ишимского старообрядчества // Коркина слобода. Вып. 6 — Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2004. — С. 17.

2 Мамсик Т.С. Староверы Каргалоловы и их окружение. Из истории ишимского старообрядчества // Коркина слобода. Вып. 7 — Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2005. — С. 34-35.

3 Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. — Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. — С. 153.

4 Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск: Епархиальное братство во имя св. вмч. Димитрия Солунского, 1913. — Ч. 2. — С. 222.

5 Справка об отобранных у старообрядцев храмах, монастырях, церковной утвари, богословских книгах и прочих церковных принадлежностях // Старообрядцы — 1908. — № 7. — С. 583.

6 Там же. — С. 584.

7 Чернышов А.В. Старообрядчество и старообрядцы Западной Сибири (XVII-XXI вв.). Аннотированные библиография, источниковедческий обзор, документы. — Тюмень: МИ «РУТРА», 2006. — С. 128.

8 Там же. — С. 119.

9 Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. — Тобольск: Епархиальное братство во имя св. вмч. Димитрия Солунского, 1913. — Ч. 2. — С. 56.

10 Фадеев А.Ю. История села Окунёва. Материалы краеведческой практики 1994 г. / Руководитель Т.П. Савченко. Информанты: Фадеева Фелицата Андреевна (1913 г.р.), Каргалолова Анна Фоминична (1924 г.р.). — (Рукопись). — С. 2.

11 Старообрядцы-«поповцы», осознавая неудобство существования института священства без епископской иерархии, долго искали возможности её создания. Наконец в 1846 году им удалось убедить перейти в староеверие митрополита Америкосия, грека по происхождению. Местом пребывания митрополии стал монастырь в селении Белая Криница на территории Австро-Венгрии, почему и основанная митрополитом Америкосием иерархия стала называться «австрийской», или «белокрыницкой». См.: Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. — С. 160-233.

12 Чернышов А.В. Старообрядчество и старообрядцы Западной Сибири. — С. 103, 120.

13 Там же. — С. 161.

14 Антоний (Афанасий Паромов; 1855-6/19.09.1918) — епископ Пермский и Тобольский (в 1898 г. именовался Тобольским и Колыванским); родился в с. Невьянский завод Екатеринбургского у. Пермской губ. Из братии монастыря, основанного иноком (впосл. игуменом) Феодором. В 1869 г. поставлен в священникои архиеп. Савватием. Им же рукоположен во епископы 14 июля 1894 г. в сослужении епископов Кирилла Нижегородского и Павсия Саратовского. В августе 1899 г. Освященным Собором определен на Пермскую и Тобольскую епархию. Резиденция находилась в Вознесенском монастыре, отстоявшем от ст. Шамары на пять верст.

А.Ф.Каргаполова за молитвой. Август 2007. Фотография автора.

В 1912 г. по неясным причинам решил отказаться от управления епархией и уйти на покой, но под влиянием усиленных просьб других епископов переменял решение. Составил комментированный «Святоотеческий сборник» (М., 1910). Скончался в скиме.

По другим данным, родился ок. 1846 г. в Пермской губ., в крестьянской семье старообрядцев часовенного согласия. В 1880 г. присоединился к белокрыницкому согласию и поселился в Архангельском скиту в тайге, в 120 км от Томска. В 1882 г. поставлен в священноинонии еп. Савватием, 14 июля 1884 г. хиротонисан во епископа Пермского и временно Сибирского. В 1889 г. основал женский монастырь на р. Юкса. В сентябре 1889 г. освобожден от управления Сибирской епархией и отбыл в Шамарский скит на р. Сылве для управления Пермско-Тобольской епархией. После революции ездил в Нарымский край, выбрав там новое место для пребывания кафедры (поскольку Урал был захвачен большевиками). Умер на обратном пути в Миасском монастыре, успев узнать, что Шамарский скит разгромлен красноармейцами. Его нетленные мощи в 1930-е годы уничтожены большевиками.

(<http://www.krotov.info/history/19/56/belokr.html>)

15 **Иоасаф** (протоиерей Иоанн Семёнович Журавлев; ум. 1921) – епископ Томский и Алтайский, избран в кандидаты на епископскую степень на Освященном Соборе 22.08.1905 г. Рукоположен во епископа Томского и всей Сибири в Москве 12.02.1906 г. архиеп. Иоанном Московским и еп. Арсением Уральским. В 1911 г. становится епископом Томским и Алтайским, так как на Иркутскую кафедру был рукоположен священноинос Иооиф (Антипов). В 1918 г. ещё управлял епархией. (<http://www.krotov.info/history/19/56/belokr.html>)

16 **Михаил Зверев** – священник, с 1911 – настоятель Крестовоздвиженской церкви в г. Тюмени (Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – С. 4. – С. 23).

17 **Симеон Григорьев** – священник единоверческой церкви в с. Травинском (Дальне-Травном) (Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 года. – С. 4. – С. 18).

18 Духовное торжество старообрядцев, приемлющих священство Белокрыницкой иерархии, Деревня Окунёва, Ишимского уезда, Тобольской губернии // Церковь. – 1909. – № 2. – С. 66.

19 Насколько известно, окуневская церковь была единственным старообрядческим храмом «австрийского согласия» в Ишимском уезде. Поэтому следующая история, произошедшая «в одном из сел Ишимского уезда» в 1914 году и описанная в журнале «Церковь», может стать ещё одним штрихом в повествовании о ней: «Решив отремонтировать церковь после

пожара, старообрядцы подрядили за 1050 руб. некоего «иконостащика Д.А.Карпова». Пока шла работа на трёхъярусном иконостасе, прихожане пытались найти местного иконописца, но безуспешно. Тогда Карпов предложил свои услуги по подысканию исполнителей. Ему показали «образец» – икону «Предста Царица», писанную на золоте, «образ расчеканен и эмалью покрыты поля», изготовленную в мастерской Шамарского монастыря [на Урале]. Подрядчик согласился с условием оплаты за 44 иконы 1500 руб., после чего, получив задаток в 200 руб., он поехал в г. Владимир и вскоре привёз бригаду из 7 человек. Вся работа была исполнена менее чем за три месяца. И хотя некоторые «австрийцы» находили, что «иконы неладно писаны», храм всё же был освящён» (Белобородов С.А., Гончаров Ю.А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитый промысел в Зауралье в XVII – начале XX в. // Сибирская икона. – Омск: Иртыш-92, 1999. – С. 211.)

20 Чернышов А.В. Старообрядчество и старообрядцы Западной Сибири. – С. 52.

21 Там же. – С. 52.

22 Там же. – С. 51-52.

23 **Амфилохий** (Журавлёв) – епископ Уральско-Оренбургский. Уполномоченный еп. Антония Пермского на Освященном Соборе в декабре 1903 г. Жил в Ново-Архангельском скиту в 120 вёрстах от Томска. Хиротонисан 23.09.1916 г. епископами Антонием Пермским, Иооифом Иркутским и Амурским и Иоасафом Томским. В 1921 г. скрывался в томской тайге, где печатал антисоветские листовки на типографском оборудовании журнала «Сибирский старообрядец». (<http://www.krotov.info/history/19/56/belokr.html>)

24 Чернышов А.В. Старообрядчество и старообрядцы Западной Сибири. – С. 174.

25 Там же. – С. 175.

26 **Арсений** (Антоний Давыдов) – священномученик, епископ Минусинский, Урянхайский (т.е. Тувинский) и Семипалатинский, участник Освященных Соборов 1925, 1926 и 1927 гг. на Рогожском кладбище. Епархией управлял с 1920-х гг. Арестован в 1933 г. Погиб мученической смертью от рук большевиков в 1938 г. (<http://www.krotov.info/history/19/56/belokr.html>)

27 **Сысоятин Г.Ф.** Сторожка // Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2001. – С. 170.

28 **Фадеев А.Ю.** История села Окунёва. – С. 3.

29 **Сысоятин Г.Ф.** Безотцовщина // Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. – С. 17.

30 Воспоминания А.Ф.Каргаполовой. Запись 13.07.2007, с. Окунёво. Архив автора.

31 Каргаполова Н.Ф. Первое и последнее посещение

- Окунёвской старообрядческой церкви имени Христа Спасителя // Избранное. – Тюмень: б/и, 2006. – С. 59.
- 32 Сысояллин Г.Ф. Безотцовщина. – С. 18.
- 33 Там же. – С. 23.
- 34 Там же. – С. 18.
- 35 Сысояллин Г.Ф. Старожка. – С. 170.
- 36 Сысояллин Г.Ф. Безотцовщина. – С. 73.
- 37 Окунёвский стукан. Святой и любит святых // Серп и молот. – 1924. – № 40. – 15 октября. – С. 3.
- 38 Воспоминания С.Ф. Сорокина (1910 г.р.). Запись 29.09.2004, с. Окунёво. Архив автора.
- 39 Воспоминания А.Ф. Каргалоловой. Запись 6.08.2007, с. Окунёво. Архив автора.
- 40 Там же. – С. 59-60.
- 41 Савостьян (Севастиан) Аввакумович Новожилов, правнук Андрея Фадеевича Новожилова, одного из строителей окунёвской церкви, выполнявшего отделочные работы. Дед Дмитрий Андреевич рано научил его чтению. «Когда собирались молиться, дед звал его, и он читал церковные книги». Но, учась в бердюжской школе, стал комсомольцем, противником чего был его отец Аввакум Дмитриевич, не вступавший даже в колхоз. Пропал без вести во время войны. См.: Ярмаляк В.В. Мы – окунёвские! // Тюмень литературная. – 2003. – № 4 (78). – С. 40-41.

- 42 Каргалолов Н.Ф. Первое и последнее посещение... – С. 60.
- 43 Воспоминания А.Ф. Каргалоловой. Запись 6.08.2007.
- 44 Воспоминания З.П. Каргалоловой. Запись 6.08.2007, с. Окунёво. Архив автора.
- 45 Воспоминания А.Ф. Каргалоловой. Запись 13.07.2007.
- 46 Денисов Н.В. На закате солончаки багряные. Лирическое повествование – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. – С. 272.
- 47 Там же. – С. 273.
- 48 С.Ф. Сорокин (запись 29.09.2004, с. Окунёво) также вспоминал, что двоедандский храм был обшит, в отличие от мирской церкви. Или такую иллюзию создавали ладно подогнанные, обтесанные и покрашенные брёвна?
- 49 Воспоминания А.Ф. Каргалоловой. Запись 13.07.2007.
- 50 Письмо З.П. Каргалоловой от 11.01.2008. Архив автора.
- 51 Воспоминания А.Ф. Каргалоловой. Запись 6.08.2007.
- 52 Письмо З.П. Каргалоловой от 26.12.2008. Архив автора.

Т. П. САВЧЕНКОВА

«У каждого писателя есть свой причал...»

Интервью с Н. В. Денисовым

**Н.В. Денисов на встрече с земляками.
Окунёво, Бердюжский район.
6 августа 2007.**

28 апреля 2008 года в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П. Ершова состоялась встреча преподавателей и студентов, а также сотрудников Литературного музея П.П. Ершова с поэтом и прозаиком Николаем Васильевичем Денисовым, который позна-

комил слушателей со своими новыми книгами – стихотворным сборником «Под луной» (2007) и публицистическим романом «Огненный крест» (2008).

Николай Васильевич – наш земляк, он родился 9 ноября 1943 года в селе Окунёве Бердюжского района Тюменской области. По окончании в 1960 году средней школы работал в совхозе, был рыбаком на Тобольском рыбозаводе, трактористом, корреспондентом районных газет. После службы в Военно-Морском Флоте окончил в 1971 году Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. В 1980-х гг. много странствовал, по его собственным словам, «земными и морскими путями». Работая корабельным поваром и механиком, он побывал в Арктике, в странах Европы, в портах Восточной и Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке. 31 мая 1991 года принял крещение в православной церкви города Каракаса, столицы Венесуэлы. Его крёстными стали бывший русский кадет Георгий Волков и Лидия Руднева, происходящая из семьи потомков командира легендарного крейсера «Варяг».

Но малая родина всегда оставалась в памяти и душе писателя. В стихотворениях и прозе Николая Васильевича отражены родное Окунёво и Ишим XX века. Эти места притягивают его и сегодня, ведь в Окунёве сохранилось родовое гнездо: деревянный домик некогда многочисленного семейства Денисовых, окружённый старыми тополями, а на тихом сельском погосте – могилы родителей. Ишим же – это первый город, увиденный в детстве. Здесь, в таком уже далёком 1966 году, Николай Васильевич работал редактором районного радио, а затем корреспондентом отдела сельского хозяйства газеты «Ишимская правда». Впечатления, навеянные родным краем, перелились в художественные образы повестей «Пожароопасный период. Хроника одного лета» (1994), «На закате»

Дом № 28 (быв. 24) на ул. К.Маркса в г. Ишиме. Здесь на квартире у Евдокии Афанасьевны Ступаковой в конце 1960-х жил Н.В. Денисов. Снимок сделан незадолго до сноса. 26 октября 1991.

Н.В. Денисов у перестроенного родного дома в с. Окунёве. 6 августа 2007.

е солончаки багряные. Лирическое повествование» (2003).

Сегодня Н.В. Денисов живёт в Тюмени, работает над новыми произведениями, является редактором газеты «Тюмень литературная», председателем Тюменского регионального отделения Союза писателей России. И в череде этих разнообразных дел и обязанностей он всегда изыскивает «паузу», чтобы приехать в Ишим и Окунёво, где по его инициативе создан Литературный музей писателей Бердюзского района. Здесь его с постоянным интересом ожидают читатели, и ишимская земля всё так же побуждает к новым творческим исканиям.

– Николай Васильевич, Вы много путешествовали, видели разные страны, города, то есть с полным правом можете называть себя человеком мира, космополитом в исконном смысле этого слова. Что значит для Вас малая родина – село Окунёво Бердюзского района?

– У каждого русского писателя есть тот причал или изначальная отправная точка, откуда он пошёл в большую жизнь. Есть дом, и есть из этого дома дорога в мир, которая никогда не должна зарастать и на которую всегда возвращаешься в физическом плане, то есть своими ногами, или в плане духовном, то есть своими мыслями. Николай Рубцов писал: «С каждой ибюю и тучею. / С громом, готовым упасть. / Чувствую самую жгучую. / Самую смертную связь...» Вот эта связь со своей родиной и должна быть у каждого писателя.

– При каких обстоятельствах произошла первая встреча с Ишимом? Какими были ощущения от этого города?

– Ну, конечно, восторженные ощущения. В пятом классе я приехал впервые в Ишим. Мы появились здесь с другом, самостоятельно, так как взрослые ребята ушли по своим делам, а нас бросили. И мы стали путешествовать. И, конечно, испытали восторг, особенно от больших домов. Меня поразила тогда дорога по улице Карла Маркса, там был бульжник, которого мы сроду не видели, так как у себя в деревне всегда бегали босиком по пыльной просёлочной дороге. А самое главное, нам хотелось увидеть паровозы, железную дорогу. И – реку, у нас в Бердюзском районе рек нет, а только озё-

ра. И всё это мы увидели. И здесь же начались фантазии какие-то, мечты о профессии, связанной с путешествиями. (Рассказывающая об этом путешествием глава из повести «На закате солончаки багряные» перепечатана в шестом выпуске «Коркиной слободы». – Прим. ред.)

– Когда создавалась повесть «Пожароопасный период», место действия которой разворачивается в Городке, так похожем на Ишим? Где Вы работали, кем Вы были в эту пору?

– Я писал её, уже живя в Тюмени, а вот когда я над ней работал, неоднократно приезжал сюда обновить впечатления, ходил по городскому саду, рассматривал скульптуры. Ещё помню церковь, спортивный магазин на Ленинградской улице, старую почту. Мне хотелось точно описать эти места.

– Какое время отражено в повести? – Конец шестидесятых – 1966 или 1967 годы. Хотя я добавил туда некоторые реалии середины 80-х, когда писал книгу.

– Это было ещё до Литературного института?

– Нет, я и Володя Нечволода уже учились в нём заочно, работая в «Ишимской правде».

– А когда приехали работать в Ишим?

– В 1965 году после демобилизации я немного поработал в «Тюменском комсомольце», где мне что-то не понравилось, а перед этим я побывал в Ишиме в гостях у Кости Яковлева, Володи Нечволоды. Они и сказали мне: «Да что там делать в Тюмени, у нас такое литобъединение, приезжай, ведь это твой родной город». Я бросил всё и приехал сюда в январе 1966 года. Устроился редактором районного радиовещания. Был также диктором, оператором. Времена эти были очень интересными – все писали, кроме редактора Бортвина. По четвергам мы оставались на литературное объединение – оставалась вся редакция, приходили студенты, преподаватели. Я знаю, что Тюменская областная организация значительно пополнилась новыми членами отсюда, из Ишима. Иван Ермаков печатался здесь, здесь жил Георгий Первышин – замечательный баснописец, я считаю, один из лучших в России. В Ишиме вырос Александр Плотников, моряк, мой старший приятель, который живёт в Москве, капитан I ранга, командир подводной лодки. А Володя Нечволода был в это время редактором городского радиовещания. С Володей работала старушка Мария Дмитриевна Сафронова, которая ещё с трид-

У могилы младшего брата на «двожданском» кладбище под Окунёвым. 6 августа 2007.

цатых годов была диктором ишимского радио. Володя мог устраивать всякие неожиданные вещи. Однажды, заканчивая передачу, он заключил её следующей фразой: «До свидания, дорогие радиослушатели. Оля, я пошел домой». И это – на весь город. Ещё как-то он позвонил всем журналистам в редакцию и каждому сказал: «Придите на почту, получите почтовые переводы». Редактор Бортвин стал проводить планерку – а никого нет. Нечволода любил такие вещи устраивать.

– Кто прототипы этой повести?

– Пашка Алексеев – это Володя Нечволода. Вадим Дальский – Костя Яковлев, который теперь, кажется, в Израиле живет. Бугров – Бортвин, редактор газеты. Талынцев – Полынцев, начальник пожарной охраны. Михаил Петрович, заведомо писем, – Гена Слесарев, сейчас на Украине живет, в Харькове. Дмитрий Дворцов-Майский, поэт – некий ишимский стихотворец Дмитрий, фамилии которого не помню, но стихи его привожу в повести: «Корабль мирный, / Флаг советский, / Стою надёжно у руля...» Он свои стихи ещё и рисунками оснащал. Хозяева квартиры Ирина Афанасьевна – это Ляля Афанасьевна, Иван Захарович – Архип Захарович. По фамилии – Ступаковы. Я жил в их доме № 24 на улице Карла Маркса (в квартале между улицами Плеханова и Суворова). Окно моей комнаты выходило в яблоневый сад, я порой через окошко туда и выбирался, гонял там кур.

– Топография города, его окрестности узнаваемы. Река, парк, Никольская церковь, городской кинотеатр, магазины и прочее, а также окрестные селения, деревни. К примеру, Травкино – это Новотравное?

– Да. Село Караульное – это Карасуль и в то же время моё село Окунёво. Например, эпизод

с денатуратом и одеколоном в магазине я посмотрел в Окунёве. А в топониме Кошкырагай читается Кошкырагай Ишимского района.

– А Безлобово, переименованное в Персиково – это случайно не Безруково, переименованное в Ершово?

– Нет, Персиково – это выдуманное название.

– Как человек, имеющий отношение к литературоведению, могу сказать, что произведение «Пожароопасный период» достаточно сложное в жанровом отношении. Вы обозначили его как «хронику», но можно сказать, что это и повесть с элементами иронической пасторали (при описании Персикова), и фантазмагорическое произведение, которое можно назвать «мениппеей», с её смешением разных времён, пространств, верха и низа, реальности и фантазии. Как бы Вы сами определили художественную природу «Пожароопасного периода»?

– Это повесть-хроника и фантазмагория. Главные герои фактически существуют в разных временах, в 60-х и 80-х годах. А в финале повести герои садятся на коней и скачут куда-то навстречу солнцу. И этот финал в дальнейшем можно развернуть, то есть показать, где они были. У меня есть 30-40 страниц второй части этой повести, в которой герои вернулись обратно, но в Городке уже наступили другие времена.

– Какие писатели были для Вас значимы при создании повести? Может быть, Гоголь или Булгаков?

– Скорее всего, мне ближе Гоголь.

– А в чём выражается гоголевский элемент?

– В иронии. И кроме того, я полюбил этого писателя с детства, меня к нему отец прихо-

тил. Он порой шутил: «А вот Николай Васильевич Гоголь на печке сидит!» Его забавляло совпадение моего имени-отчества с гоголевским.

– «Мёртвые души» любите по-прежнему?

– Да, а ещё «Вечера на хуторе близ Диканьки», с их «чертовщинкой», которая проникла и в эту повесть.

– А что Вы можете сказать о названии своего произведения?

– Здесь прямой смысл соединяется с иносказанием. Ведь в одной из первых сцен начальник пожарной охраны рассказывает о пожарах. А время создания повести – 1986-й год, то есть некое предчувствие не самых благоприятных для страны перемен.

– В повести обращает на себя внимание образ городского юродивого Гены. Что Вы можете сказать о его прототипе?

– Я встречал его очень давно. Потом мне рассказывали случай: молодой лейтенант шёл по городу, а навстречу ему Гена в фуражке и со звездой майора на погонах. Лейтенант отдал ему честь и лишь потом заметил босые ноги Гены. Он засмутился и не знал куда деваться.

– А эпизод с церковными колоколами?

– Это было с моим товарищем Толей Савельевым, который работал на городском радио. Он-то мне и рассказал: «Во время летней радиопередачи я открыл форточку, а в этот день был какой-то церковный праздник, загремели колокола, и всё это пошло по проводам». И это во времена атеизма! Я и обратился к этому случаю в повести.

– Есть ли ещё какие-то творческие замыслы, может быть, связанные с родным селом?

– Мне хочется вернуться к стихам, к каким-то прежним образам. Я ведь стихи не бросил писать, хотя сейчас меня «держит» вторая книга «Огненного креста», которая уже на девяносто процентов готова. И, как я уже говорил, в моих планах – продолжение «Пожароопасного периода».

В подготовке интервью к публикации принимала участие М.М.Сметанкина. Фотографии Г.А.Крамора.

**Н. А. СОЗОНОВА,
О. А. МИШКИНА**

Начало печатного дела в Ишиме

С 18 марта 1892 года¹ мы ведём отсчёт истории Ишимской типографии, расположенной на улице Чкалова.

Не много найдется в нашем городе предприятий, история которых насчитывает более сотни лет. Ишимская типография в 2012 году отметит 120-летний юбилей. Родившись в страшный 1892 год, когда в городе свирепствовала и уносила сотни жизней холера, она, видимо, изначально получила особый запас прочности, который позволял выживать в сложные времена. Значение же типографии в жизни Приишимья трудно переоценить.

С началом нового тысячелетия мы начали собирать материалы по истории предприятия, из которых постепенно сложились страницы интереснейшей летописи, говорящей о тесной связи истории типографии с историей города. Перелистаем её первые страницы, взяв за основу биографии трёх человек, благодаря которым были заложены крепкие основы печатного дела в Ишиме.

Иван Анисимов

Основателем и первым владельцем типографии в Ишиме был И.В.Анисимов, крестьянин Марайской волости Курганского округа. Иван Васильевич, 1860 года рождения, до того сменил много мест службы. Первый сын в семье зажиточного крестьянина, он закончил Курганское уездное училище, затем служил конторщиком на стекольном заводе, управляющим у купца I гильдии Дмитрия Ивановича Смолина, а впоследствии его доверенным лицом в Ишиме².

В «Списке всех дворовых и усадебных мест города Ишима Тобольской губернии» за 1896 год в числе владельцев Иван Васильевич Ани-

Основатель Ишимской типографии И.В.Анисимов с женой. 1900-е. Из книги «Ялutorовск. След в истории» (Тюмень, 2003).

симов не значится³. Есть основание полагать, что жил он вместе с семьёй в доме курганского купца Д.И.Смолина, имевшего в Ишиме дом, который находился на улице Большой Никольской, на месте нынешней усадьбы № 58 (ул. Ленина)⁴.

Скопив некоторый капитал и будучи поддержан своим работодателем, Анисимов решился на собственное дело.

13 февраля 1892 года из нашего города в губернский Тобольск ушло прошение о дозволении «открыть в Ишиме типографическое заведение»⁵. Не получив ответа, И.В. Анисимов

Ф.Ф. Суханов (1876-1929). 1900-е.
Фотография. ИКМ.

в середине марта «осмелился беспокоить Его превосходительство повторением покорнейшей просьбы»⁶. Он объяснял свою настойчивость тем, что типографское оборудование (скоропечатная машина и ручной станок) к тому времени уже было приобретено, но находилось далеко от Ишима, в городе Таре, а с наступлением весны нарушался санный путь.

Но наш «первопечатник» беспокоился зря. Архивные документы под грифом «секретно» рассказывают, как развивались события после отправки Иваном Васильевичем первого прошения. В срочном порядке канцелярией губернатора были посланы предписания ишимскому и курганскому окружным исправникам и начальнику Тобольского жандармского управления. Нетрудно догадаться, что они собирали сведения о личности будущего владельца типографии. Вскоре на имя тобольского губернатора поступили рапорты. Курганский исправник сообщал, что «Иван Анисимов в селе Марайском не проживает уже около 20 лет... и о политической благонадежности его никто ничего сказать не может»⁷. Отзывы же ишимского исправника и начальника Тобольского жандармского управления были положительны.

После сбора этой информации делу сразу же дали ход. Оперативности чиновников Тобольской губернской канцелярии можно позавидовать. Уже 26 марта 1892 года И.В. Анисимов дал подпись ишимскому окружному исправнику о том, что «свидетельство на право открытия типографии в городе Ишме от 18 марта за № 197 им получено», и он обязуется «не допускать ни под каким предлогом к типографским работам политических ссыльных или лиц неодобрительного поведения»⁸.

Следует заметить, что И.В. Анисимов впоследствии, уже в Ялуторовске (где им также была открыта типография), увлекся революци-

онными идеями. В его типографии печаталась нелегальная литература, листовки, прокламации, воззвания⁹. В Ишме же Иван Васильевич строго соблюдал данные им обязательства, печатая лишь уставы и отчёты разных учреждений, ведомств и выполняя заказы частных лиц.

Он сумел создать замечательную, необыкновенно дружную семью. Дети – сын Сергей и дочь Елена – разделяли взгляды, убеждения отца и были его единомышленниками.

Семейная легенда семьи Анисимовых интересна и довольно романтична. О ней поведал А.А. Постников, автор повести «Тахта», опубликованной в 9 выпуске альманаха «Коркина слобода». Прототипами героев повести стали реальные люди, жившие в Ишме на рубеже XIX–XX веков. Образ Леночки Анисимовой – красивой, умной, необыкновенной девушки, который сам автор назвал чудесным, не может не вызывать уважения и восхищения¹⁰.

В 1900 году И.В. Анисимов переехал в Ялуторовск, где продолжил типографское дело. В 1906 году отец и сын Анисимовы были арестованы за пропаганду революционных идей, а типография закрыта. Ивана Васильевича сослали на север губернии. После ссылки он тяжело заболел и в 1914 году умер.

Внуки, правнуки И.В. Анисимова бережно хранят семейные реликвии и передают из поколения в поколение яркие события семейной истории, самые дорогие воспоминания. Нам удалось найти в Ялуторовске правнука И.В. Анисимова – Юрия Ивановича Спицына. Он поведал о том, что Елена Ивановна (Леночка) ещё в молодые годы уехала в Белоруссию, где завела семью и прожила всю жизнь. У Сергея Ивановича было трое детей: Лев, Борис и Антонид. Юрий Иванович – её сын.

Фёдор Суханов

В июне 1892 года в Ишимскую типографию был принят учеником наборщика шестнадцатилетний Фёдор Суханов, окончивший к тому времени Ишимское четырёхклассное училище.

Сейчас его личные документы и фотографии хранятся в архиве внучки – Нелли Валентиновны Деевой. Среди бумаг наиболее интересен аттестат, выданный содержанием типографии И.В. Анисимовым 29 июня 1898 года: «Предъявитель сего ишимский мещанин Фёдор Фёдорович Суханов служил в моей типографии с июня месяца 1892 года и остался в ней продолжать службу по продаже мною типографии г-ну Двойникову. Поступив в типографию учеником, Суханов в 1893 году был уже самостоятельным наборщиком, а с 1895 года и по настоящее время был печатником на скоропечатной машине. В течение означенных 6 лет своей службы Суханов всегда отличался аккуратностью и абсолютной трезвостью...» Как видим, этот аттестат – и послужной список, и краткая характеристика. Вероятно, подобным образом были аттестованы все работники Ивана Анисимова, когда типография переходила в 1898 году к новому владельцу – Семёну Ивановичу Двойникову.

Судьба Ф.Ф. Суханова на протяжении четверти века была связана с Ишимской типографией. Он в совершенстве овладел профессиями наборщика и печатника, досконально изучил производство. Из «Трудового списка» мы узнаём, что с 1898 по 1904 год он вновь работал наборщиком, а с 1904 по 1917 год заведо-

С.И. Двойников (в центре) с сотрудниками типографии (справа сидит Ф.Ф.Суханов; в верхнем ряду первый слева – наборщик И.А.Горский, работавший в типографии с её основания). 1910-е. Фотография из архива Н.В. Деевой.

зал типографией. Видимо, кроме «аккуратности и абсолютной трезвости» Фёдор Фёдорович обладал и организаторскими способностями, поскольку был назначен на ответственную должность в 28 лет.

В 1914 году Ф.Ф. Суханова избрали гласным Ишимской городской Думы. Участвуя в общественной жизни города, он, по словам Н.В. Деевой, был далёк от политики и не примыкал ни к каким партиям. Возможно, поэтому в мятежном 1917 году он покинул типографию, заняв пост аведующего пожарно-страховым отделом в городской Управе.

В 1920 году, ввиду острой нехватки кадров, его пытались вернуть в типографию. На запрос губернский Совет народного хозяйства ответил отказом, мотивируя это тем, что «т. Суханов Ф. Ф. имеет под своим контролем целый уезд... и ни в каком случае отпущен быть не может, как необходимый и незаменимый для нас сотрудник губпесо»¹¹. Лестный отзыв и о Суханове, и о типографии, которая всегда была настоящей кузницей кадров.

Семён Двойников

Семёну Ивановичу Двойникову наш город обязан появлением настоящей типографии, где увидели свет первые ишимские газеты.

Жизненный путь С.И. Двойникова во многом схож с судьбой И.В. Анисимова. Выходцы из крестьянского сословия, они своим умом, смекалкой, трудолюбием прокладывали дорогу в жизни. Не являясь коренными жителями Ишима, сумели оставить заметный след в истории города и добрую память о себе.

С.И. Двойников родился в 1862 году в Каслинской волости Екатеринбургского уезда Перм-

ской губернии. Получил домашнее воспитание¹². В Ишине жил предположительно с 1889 года. Сначала торговал зерном, занимаясь его скупкой у крестьян из окрестных деревень. За короткое время сумел завоевать уважение и авторитет среди населения за простоту в общении, рассудительность, трудолюбие. Несомненно, он не был лишён и коммерческой хватки – дела его шли успешно.

В июне 1898 года С.И. Двойников купил типографию у И.В. Анисимова¹³. При этом руководствовался, надо полагать, не только практическими соображениями. Он всегда тяготел к образованию, просвещению, чему печатное дело, разумеется, способствовало.

На тот момент типография существовала всего шесть лет. Мало мощное, полукустарное «типографическое заведение», которое приобрёл Двойников, его усилиями было превращено в современное для начала XX века полиграфическое предприятие. Основательный хозяин шёл к этому медленно, но верно.

В 1904 году Двойников выкупил у Любови Константиновны Лавровской, вдовы коллежского советника, дом с флигелем в Черняковском переулке, где прежде снимал жильё¹⁴. В архивах сохранилась дарственная 1889 года на этот дом: «Я, Лавровский Пётр, дарю деревянный дом с флигелем на ул. Малой Никольской жене Лавровской Л.К. Стоимость 900 рублей серебром. С правой стороны сосед[ство] ишимского купца Михаила Ивановича Карнаухова, слева наследники ишимского мещанина Лаврентия Молокова»¹⁵. В купчей С.И. Двойникова и Л.К. Лавровской 1904 года, несмотря на другое название переулка, указаны те же соседствующие усадьбы: Пелагеи Карнауховой и Прасковьи Молоковой. Сопоставив данные дарствен-

Одно из первых изданий типографии С.И.Двойникова – брошюра священника с. Голышмановского Иоанна Газова. 1899. БАН.

Афиша, отпечатанная в типографии «Наследников С.И.Двойникова». 1918. Фототрорепродукция из архива Н.П.Хрулёва.

ной 1889 года и купчей 1904 года со Списком дворовых и усадебных мест 1896 года, где переулок обозначен уже как Дементьевский, а фамилии соседей – те же, мы пришли к выводу, что речь идёт об одном и том же деревянном доме с флигелем – доме Двойникова. Двойное, а то и тройное название улиц тогда встречалось повсеместно.

К счастью, дом сохранился до наших дней на усадьбе № 17 на ул. Чкалова. Несмотря на ветхость, он ещё хранит следы былого величия. Симметричная композиция, обшивка профилированной доской, декоративное оформление наличников, парадный вход с ажурным кованым козырьком делали здание архитектурно выразительным¹⁶.

Как все дома обеспеченных горожан, дом Двойникова имел два входа: парадный и «чёрный», выходящий на обширный хозяйственный двор с флигелем, баней, двумя конюшнями. Во дворе также размещались сарай, четыре амбара, погреб, завозня¹⁷.

По воспоминаниям А.К.Шабуровой, все хозяйственные постройки, изгороди пошли на дрова во время Великой Отечественной войны, а деревянный флигель разобрали за ненадобностью в 1953 году. Он был срублен из соснового леса, крыша покрыта тёмсом. Размеры внушали уважение: 7,5 на 4,5 метра. Он располагался внутри двора и стоял к улице торцом. Когда его разбирали, типографские рабочие дивились: брёвна, в обхват, и плахи, в ладонь толщиной, – отлично сохранились. В советское время слово «флигель» уже не употреблялось, его заменили на пролетарское «красный уголок». И он выполнял соответствующие этому функции.

Место для размещения типографии в городе Двойниковым было выбрано на редкость удачно. Условия позволяли расширять производство, наращивать мощности.

Если в 1903 году в типографии работало четверо рабочих¹⁸, то к 1912 году число работников и учеников увеличилось до тринадцати человек. Помимо прежних заказов – уставов и отчётов – здесь печатались важные правительственные постановления, афиши, плакаты, визитки.

В 1913 году в типографии Двойникова было напечатано 133 наименования реклам, плакатов, открытых писем, книг, брошюр¹⁹.

В 1915 году на своей усадьбе, рядом с домом и флигелем, Семён Иванович построил новое каменное здание типографии²⁰, с элементами стиля «модерн», которое служило городу по своему назначению до 1996 года. По воспоминаниям Антона Андреевича Мантицкого, для типографии было закуплено новое оборудование в Германии, отсюда же поставлялись расходные материалы – краски, шрифты (даже в 20-е гг)²¹.

Время диктовало необходимость выпуска собственной периодики. Типография Двойникова стала первой в издании городских газет. В марте 1917 года здесь выпускали листок «Телеграммы непосредственно от Петроградского Телеграфного Агентства», в декабре того же года типография – теперь уже «наследников С.И.Двойникова» – издаёт полноценную газету «Современные известия»²². В сложный после-революционный период местная пресса была

Былая усажда С.И.Двойникова в застройке ул. Крестьянской (до 1917 – Дементьевский пр., до 1919 – ул. Двойниковская, ныне – ул. им. В. Чкалова), 1939-40. Фотография Г.Н.Лимахина. Архив редакции газеты «Ишимская правда».

единственным оперативным средством, доносящим читателю информацию о событиях в мире, стране, городе. О её важности говорит тот факт, что когда в мае 1919 года рабочие типографии объявили забастовку, приостановив тем самым выпуск газеты «Ишимская жизнь», то военное начальство было готово предпринять самые решительные меры для возобновления выхода газеты, дабы предупредить панику среди населения. Вмешательство губернских властей позволило разрешить напряжённую ситуацию экономическими мерами через «согласование новых тарифных ставок»²¹.

А.С.Иваськов и А.И.Олендзский, работавшие в типографии до революции, позднее рассказывали товарищам по работе, что Двойникова на предприятии очень уважали и неизменно называли «хозяином».

Семён Иванович Двойников оставил заметный след в истории Ишима и как общественный деятель. Трижды – с 1907 по 1917 гг. – он избирался городским головой²⁴. Будучи «отцом города» целое десятилетие, Двойников сделал много полезного для его жителей. Журналы заседаний Ишимской Думы свидетельствуют о том, что думцы и городской голова заботились о благоустройстве города. Появление дощатых тротуаров на центральных улицах города Ишима в 1910-12 гг., как и установка дорогостоящих газовых фонарей, лично закупленных Двойниковым в Петербурге, – всецело их заслуга²⁵.

С.И.Двойникова волновали и проблемы народного образования. При его содействии в 1910 году в Ишиме открыта мужская гимназия, в 1915 году – женское высшее начальное училище²⁶. За годы нахождения Двойникова на должности городского головы было сделано немало для улучшения финансового состояния школ и для облегчения материального положения учащихся. Согласно постановлению Думы за счёт городских средств утверждались стипендии для учащихся, учебным заведениям оказывалась по-

мощь в виде выдачи денежных пособий. Общественное служение на ниве народного образования было оценено тем, что после его смерти для учащихся была учреждена стипендия имени С.И.Двойникова в размере 45 рублей.

Одним из главных событий в годы правления Двойникова явилось строительство железной дороги Тюмень – Омск. В Ишиме долгое время бытовала легенда, что «отцы города» не поладили в размере взятки, которую с них запросили строители железной дороги при прокладке Транссибирской магистрали, и были наказаны тем, что дорога прошла стороной от существующих в то время границ города на расстоянии трёх-четырёх километров. Так или иначе, строительство «чугунки» требовало и от городских властей большого внимания, посильной помощи. Поэтому, когда весной 1911 года в Ишим прибыл первый паровоз, на его платформе вместе с железнодорожным начальством находился и городской голова Двойников²⁷.

Деньги из казны С.И. Двойников старался расходовать с максимальной пользой для города. Он умел отстаивать интересы города и горожан перед губернскими властями. Об этом свидетельствуют как архивные документы, так и воспоминания его современников. Ни одно важное общественное событие в Ишиме не обходилось без его участия. Заслуженной наградой за труды стала серебряная медаль «За усердие» на Станиславской ленте.

Семён Иванович был женат на Прасковье Александровне Баяевой, происходившей из богатого купеческого семейства, жившего напротив. По воспоминаниям Г.Н.Папулова, у Баяевых было настоящее поместье из нескольких домов. Взрослые сыновья – Владимир и Александр Павловичи – жили с семьями отдельно. Глава большого семейства был уже довольно старый, с большой бородой, его все беспрекословно слушались. Ребёнком Георгий Николаевич бывал вместе с матерью, которая в своё время

Каменное здание типографии С.И.Двойникова. Март 2008. Фотография Г.А.Крамора.

училась в гимназии вместе с одной из дочерей Баева, в их доме на семейных торжествах²⁸.

Семейству Баевых принадлежали пивной завод, магазины, лавки.

Умер Семён Иванович Двойников 24 февраля 1917 года. Похоронен у Богоявленского собора, прихожанином которого он был. Расходы на погребение взял на себя город: 100 рублей было уплачено за совершение погребального обряда и 100 рублей на нужды церкви²⁹.

За вклад в развитие города Ишима и в знак благодарности улица, именованная раньше переулком Дементьевский, в 1917 году названа Двойниковской³⁰.

После смерти С.И.Двойникова опекуном его детей был назначен отец Прасковьи Александровны – Александр Павлович Баев. Дочери Елене 1911 года рождения шёл шестой год, Гале, родившейся в марте 1915 года, было около двух лет. Крёстный отец Галины – известный ишимский купец Василий Назарович Перминов, чья усадьба соседствовала с типографией Двойникова³¹.

Типография «Наследников С.И.Двойникова» весной 1918 года на короткий срок была национализирована. Здесь выходила первая советская газета «Известия Ишимского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов». С падением в июне советской власти товарищество «Ишимский издатель» выпускало в типографии газеты «Ишимская жизнь» и «Ишимский край». Документы за хозяина подписывал А.П. Баев; заведовал предприятием А.С.Иваськов.

Осенью 1919 года отступающие войска Колчака демонтировали типографию. Лишь в марте 1920 года оборудование было обнаружено на товарном дворе ст. Красноярск³². После его

возвращения в типографии начался выпуск новой советской газеты «Серп и молот».

Но это – уже другая история...

Быть ли музею?!

На улице Чкалова около века стоят рядышком два старинных одноэтажных дома – кирпичный и деревянный, свидетели бурных исторических событий XX века. В кирпичном 80 лет неизменно находилась типография, в деревянном до 1967 года размещалась редакция газеты «Ишимская правда», позднее – контора типографии. Но лишь немногие знают, что до революции здания входили в единую усадьбу С.И.Двойникова.

Очевидно, этот уголок Ишима обладает огромной силой притяжения не только для полиграфистов, но и для газетчиков: осенью 2008 года в здание бывшей типографии переехала редакция газеты «Ишимская правда», – газеты, которая печаталась здесь со дня своего основания.

Мы располагаем уникальным наследием и удивительной возможностью сохранить для будущего не только здание старинной типографии, но и замечательный памятник деревянного зодчества – дом последнего городского головы дореволюционного Ишима, внесшего огромный вклад в развитие города. Дом Двойникова, находящийся сейчас в аварийном состоянии, не должен кануть в безвестность, обратившись в щепки. После реставрации он может стать украшением города и достойным местом для размещения в нём музея ишимской полиграфии. Но кто сможет взять на себя задачу его восстановления?

Этот вопрос пока остаётся без ответа...

Наличники уличного фасада дома С.И.Двойникова.
Сентябрь 1995. Фотография Г.А.Крамора.

Примечания

1 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 14, д. 88. Все даты даны по старому стилю.

2 Коновалова Е.Н. Типографское дело в Ишиме и Ялutorовске (конец XIX – нач. XX в.) // Коркина слобода. – Вып. 4. – Ишим, 2002. – С. 24-29.

3 ГАТО, ф. И-234, оп. 1, д. 1.

4 Там же, л. 4об.

5 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 14, д. 13, л. 1.

6 Там же, л. 2.

7 Там же.

8 Там же, л. 4.

9 См.: Шестакова Н.М. Семейный альбом рассказывает // Коркина слобода. – Вып. 1. – Ишим, 1999. – С. 59-60.

10 Постников А.А. Тахта // Коркина слобода. – Вып. 9. – Ишим, 2007. – С. 152.

11 См.: Сарафанникова Л.А. Секреты старой шкапки // Ишимская правда. – 1998. – 7 марта. – С. 3.

12 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 35, д. 894.

13 По данным Тобольского архива, сделка произошла в 1899 году. Однако, по нашему мнению, дата, указанная в аттестате Ф.Ф.Суханова – 29 июня 1898 года, – фактически более верна. Вероятно, официальное оформление документов произошло позднее, чем собственно акт купли-продажи.

14 ГАТО, ф. И-255, оп. 1, д. 86.

15 ГАТО, ф. И-239, оп. 1, д. 47.

16 «Стилевые и конструктивные особенности постройки позволяют отнести её к концу XIX века. Общий облик здания соответствует основанным на эстетике классицизма требованиям, предъявлявшимся Строительным уставом к городским строениям. Это нечётное число окон по фасаду, общая симметричная композиция, строгое и лаконичное декоративное убранство, которое характерно для оформления наличников дворовых фасадов (прямоугольные надоконные доски с кронштейнами и декором в виде тянутого ромба с розетками в виде солярных знаков). В то же время оформление окон уличного фасада и парадного входа более декоративно и характерно уже для эстетики эпохи романтизма, или эклектики. Навершая наличников решены в духе барокко: волнообразный карниз размыкается в середине объёмными лепестками пальметок, помещен-

ными между завитками-волютами; в тимпане размещается объёмная резная розетка. Пиластры украшены пролильной резьбой с повторяющимся орнаментом в виде затейливого перекрещивания линий. Сам фасад вертикально обшит профилированной доской, что придает зданию облик каменного рустованного сооружения. Парадный вход акцентирован хорошо сохранившимся ажурным кованым козырьком на кронштейнах работы ишимских кузнецов. Общий облик здания чрезвычайно декоративен и после реставрации дом мог бы стать украшением города и стать достойным местом для размещения в нём Музея истории печатного дела в Ишиме» (Из исторической справки, подготовленной Г.А.Крамором в феврале 2008 г.)

17 ИФ ГАТО, ф. 2, оп. 1, д. 453, лл. 130об-131.

18 В записную книжку краеведа // Ишимская правда. – 1995. – 4 марта. – С. 2.

19 Коновалова Е.Н. Типографское дело в Ишиме и Ялutorовске. – С. 26.

20 ТФ ГАТО, ф. 353, оп. 1, д. 1039, лл. 120, 153. Разрешение С.И.Двойникову на постройку каменного дома выдано 20.03.1915. (Выявлено Г.А.Крамором.)

21 Воспоминания А.А.Мантшицкого (1901-1998). Запись 31.03.1986 г. Архив Г.А.Крамора.

22 См.: Глашков Ф.М. Пресса смутного времени // Ишимская правда. – 1996. – 18 июня. – С. 3; Крамор Г.А. Первые газеты Ишима // Ишимская правда. – 1998. – 26 сентября. – С. 3.

23 Из архивных выписок Ф.М.Пашкова.

24 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 35, д. 894.

25 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 35, д. 887.

26 Меньщиков В.Н. Владелец типографии и городской голова С.И.Двойников // Ишимская правда. – 1998. – 25 июля. – С. 3.

27 Первый паровоз // Ишимская правда. – 2000. – 13 апреля. – С. 3.

28 Воспоминания Г.Н.Папулова. Запись 2002 г. Архив Н.А.Созановой.

29 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 35, д. 1191.

30 С осени 1919 – ул. Крестьянская, ныне – ул. им. В.Чкалова.

31 Матрические книги Богоявленского собора за 1911, 1915, 1917 гг. (Ныне – в фондах ГАТО.)

32 Меньщиков В.Н. Владелец типографии и городской голова С.И.Двойников.

Страницы истории ишимского театра

Новый летний театр, построенный в городском парке. Ишим. 1960-е.

Когда в Ишиме состоялся первый спектакль, сказать трудно: самодеятельные постановки устраивали во многих купеческих семьях и учебных заведениях. Для широкой публики первые спектакли показали заезжие антрепренёры. Так, в 1802 году господин Винт предоставил городскому управлению удостоверение о своей квалификации и получил разрешение на театральное представление, которое состоялось 14 декабря. С публики было собрано 9 рублей 80 копеек, из которых 2 рубля 45 копеек поступило в городскую казну.

Ишимцы были постоянными зрителями театральных представлений заезжих артистов на зимней Никольской ярмарке. Спектакли давали не только на ярмарочных площадях, но и в помещениях училищ, куда приглашали местную интеллигенцию и купечество.

Наиболее ранние сведения о создании в Ишиме кружка любителей сценического искусства относятся к середине XIX века. Дебют местных актёров-любителей состоялся 15 сентября 1856 года. В помещении приходского училища ими был дан благотворительный спектакль.

Газета «Сибирский листок» за 9 декабря 1893 года рассказывает о проведении Никольской ярмарки в Ишиме и повествует, в частности, об игре артистов-любителей: «Водевиль "Юбилей" очень весёлый. Пьеса "Цепи" довольно хорошая и была исполнена хорошо. Выдающиеся роли играли: жена врача Бончковская, г-жа Короткевич, учительница г-жа Данильченко, землемер Буланин. Все играли хорошо, только помещение для театра маленькое – самый большой сбор 150 руб., – притом холодное, так что многие были в шубах. Этот спектакль был в пользу общества попечения о начальном образовании. Театр был полон; скоро опять будет спектакль с увеличенными ценами на места и, наверное, тоже будет полон». Трое из артистов – А. Г. Бончковская, А. А. Буланин, Т. Ф. Короткевич – являлись членами общества попечения о бедных.

В начале XX века в Ишиме произошло важное событие, способствующее развитию театрального искусства. Документы Тобольского архива свидетельствуют, что в 1910 году вятский мещанин Сергей Александрович Астапов,

бывший актёр со звучным псевдонимом Ярославцев-Сибиряк, построил на территории городского сада здание концертного зала. Позже бытовало другое название этого помещения – летний театр. Вытянутое с запада на восток здание имело шесть окон, две двери, было украшено резным фронтоном с высоким шлицем. Внутреннее помещение разделялось на зал с балконом и двадцатью восемью рядами кресел, сцену, дамскую уборную, «раздевальню», режиссерскую, коридор. Это помещение сдавалось в аренду для гастролей заезжих театральных трупп, благотворительных спектаклей местных любителей-театралов, танцев, концертов и даже сеансов синемаатографа – новинки того времени. Каждое лето театр Астапова принимал гастролёров из Тобольска, Тюмени, Омска, Томска и других городов. Снесли летний театр только к 50-м годам прошлого века.

Профессор медицины Александр Николаевич Аравийский вспоминал о годах своей ишимской юности (1912–17 гг.): «В спектаклях "Дни нашей жизни", "Ревизор", "Лес" участвовали все мои товарищи. Мой путь к театру начался с детских лет, с домашних детских спектаклей в нашей семье, организатором и руководителем которых был мой отец Н. А. Аравийский». Ставили их именно в летнем театре². Любителей драматического искусства в Ишиме было достаточно, чтобы играть спектакли собственными силами. Да и профессиональные коллективы приезжали в Ишим охотно, зная, что здесь их ждёт благодарная публика.

В Ишиме советская власть укрепилась лишь в конце 1919 года. Тогда же в городе открылся Театр имени А. В. Луначарского. Имя наркома просвещения дано не случайно: он стоял во главе центрального театрального комитета (Центротеатр). Задачей нового ишимского театра ставилось «претворение в жизнь ленинских принципов о развитии социалистического искусства» согласно декрету от 26 августа 1919 года «Об объединении всех театральных организаций и театрального дела». Находился театр в бывшем магазине купцов Кутыревых на углу Базарной площади и улицы Малой Никольской. Почти одновременно с рождением театра улице также присвоили имя А. В. Луначарского.

Заведующий театром Александр Васильевич Чернов был принят на должность в ноябре 1919 года и сразу начал набирать сотрудников. Штат театра состоял из 11 человек – в основном административного и обслуживающего аппарата. Артисты-любители в штате не значились и получали заработную плату в размере 20 процентов от общего сбора за спектакль. Каждый из артистов был занят на основном месте службы. Как правило, это были учителя, квалифицированные рабочие артелей, служащие редакции местной газеты: Любителей было так много, что театр имел возможность ставить премьеру каждые пять дней, занимая при этом разных артистов. Репертуар выбирали сами, играли в основном классиков – Чехова, Островского, Горького.

Относился театр к отделу народного образования (ОНО), который рекомендовал Чернову продавать билеты в театр только на номерован-

Члены драматического кружка клуба ст. Ишим – участники постановки пьесы «Кинжал», 1930-е.

ные места, резервируя три бесплатных для ОНО, для Ревкома и для коменданта города. Артистам также выдавались контрамарки, но общим числом не более десяти на каждый спектакль.

А.В.Чернов был и режиссером, и гримером, и декоратором. В докладе от 11 марта 1920 года он рассказывал о трудностях при постановке спектаклей: «Не было возможности достать костюмы, парики, грим. Первый спектакль играли при трёх керосиновых лампах, при этом керосин был получен за час до начала спектакля»³. Состоялся он 18 декабря 1919 года. Сохранился список пьес, сыгранных в марте и апреле 1920 года: «Женитьба», «Светит, да не греет», «На дне», «Власть тьмы», «Дядя Ваня» и др. Остро стоял вопрос о гонораре артистов. Чернов замечает: «Я уверен, что многие из исполнителей не раз засохдали свои последние сбережения для того, чтобы достать к спектаклю всё, что нужно». Особенно сложно было достать костюмы и обувь, так как купить всё это «представлялось невозможным». Чернов просил ОНО разрешить устраивать два бенефиса (один в городе и один на станции) со сбором в пользу того, чей бенефис, так как «бенефисы полагаются исполнителям всегда во всех театрах». В списках исполнителей значатся: учителя Низовцевы (два брата и две сестры), Серафим Иванович Сепп, супруги Уваровы (архитектор и актриса, перебравшиеся в Ишим из Тобольска), супруги Чукардины и другие. При первом ишимском театре был создан оркестр из десяти человек и два кружка исполнителей: взрослых – для постановки «вечерних

сценических пьес» и детей – для постановок «пьес для детского понимания»⁴.

Однако историю театра имени А.В.Луначарского можно вести с более раннего времени. Ещё в феврале и августе 1919 года, то есть при правительстве А.В.Колчака, в газете «Ишимская жизнь» опубликованы анонсы спектаклей. Февральский спектакль – благотворительный, «в пользу семьи трагически погибшего во время урагана при исполнении служебных обязанностей ж/дорожного артельного старосты Любимирова». Ставили драму С.Белой «Роман министра» с участием артистов: «г-жи Бутлеровой, Васильевой, Наль, г-д Попова, Ногина, Уварова, Чернова»⁵. (Через девять месяцев он станет заведующим нового театра.) В августе под заголовком «Городской театр» объявлено: «19 августа сего года в 1 час для солдат местного гарнизона устраивается спектакль. Вход бесплатный. Устроитель – Особый отдел Управления делами Верховного правителя»⁶. Это была добровольно образовавшаяся труппа любителей драматического искусства, которая рискнула заявить о себе как о театре в первые месяцы новоустановленной советской власти⁷.

К сожалению, театр им. А.В.Луначарского просуществовал недолго⁸.

В начале 1920-х гг. на театр были возложены задачи по развитию и воспитанию зрителей. При ОНО создали театральную секцию, которая объединяла и контролировала работу драматических самостоятельных кружков. И уже через год отдел народного образования докладывал, что в Ишимском уезде «9 детских домов, 11 клубов, 65 культпросветов и 67 театров» (60 в уезде и 7 в городе). Под «театрами» подразу-

Актёр Евгений Матвеев с ишимскими театральными. 1947.

мевались самодеятельные драмкружки при клубах и в народных домах, где вместо грима «местные культурники употребляли сажу и муку». Театральная секция снабжала их драматической литературой напрокат (в течение месяца по 1-2 пьесы) и отчасти гримом. Однако «в огромном большинстве своём это, в лучшем случае, подобие театра со сценой и зрительным залом, в худшем – вывеска»⁹.

Судя по заметкам в газете «Серп и молот», в 1926 году собственного театра в Ишиме уже не было¹⁰. Поэтому политпросвет решил «серьёзно поставить театральное дело», для чего через областное руководство вызвали «драматическо-опереточную» труппу из артистов московских, ленинградских и других театров. Об этом свидетельствует ряд публикаций в газете «Серп и молот». В № 49 за 1926 год говорится, что уже подписан договор с руководителем труппы товарищем Медведевым. «Приезжающая труппа имеет солидную художественную силу. В составе имеется ряд крупных актёров и актрис. Главным режиссёром труппы приглашён бывший артист Ленинградского Литейного театра товарищ Степанов-Колосов. В предстоящем репертуаре труппы насчитывается много интересных новинок». Предполагалось отремонтировать сцену, переоборудовать её и пополнить новыми декорациями.

Однако «некоторые затруднения» всё же остались: «полное необорудование сцены, отсутствие мебели, декораций и прочих театральных аксессуаров». Когда труппа находилась уже в Ишиме, в газете появилась заметка с перечнем предстоящих спектаклей и характеристикой актёров. На открытии 27 мая 1926 года в здании летнего театра в городском парке играли пьесу А.В. Луначарского «Поджигатели». Насыщенные массовыми сценами и балетом представление затянулось до трёх часов ночи. За сезон с 27 мая по 1 сентября

1926 года труппа поставила более 20 спектаклей.

Газета активно откликалась на каждую новую театральную постановку и по окончании сезона в заметке «О зимнем театре» автор сетует на то, что «Ишим вновь погрузится в зимнюю спячку. Из культурных развлечений останется один кинематограф с картинками не первого экрана. Культурные запросы населения требуют организации театра и, нам кажется, вопрос этот назрел и требует своего разрешения». Корреспондент предлагает создать из увлекающихся театральным искусством членов профсоюза различных организаций «кое-что вроде театрального кооператива без всякой цели на наживу»¹¹.

Профессионального театра так и не создали, но драмкружки работали при каждой артели. Ишимцы воспринимали спектакли как что-то особенное, торжественное. Отправляясь в парк, старались одеться празднично, по окончании спектакля обсуждали игру актёров и обменивались впечатлениями. Многие с уважением и ностальгией вспоминают работу театра тех лет. В Ишиме было три основных сценических площадки для постановок: сезонный летний театр в городском парке и Дома культуры – городской (ГДК) и железнодорожный (ЖДК, клуб им. Ильича); при последних действовали самодеятельные театральные коллективы.

В.М. Егорова вспоминает: сильным был драмкружок локомотивного депо, а в клубе железнодорожников в спектаклях участвовали не только кружковцы-театралы, но и участники коллективов бальных и народных танцев. В книге приказов ЖДК конца 30-х – начала 40-х мы находим записи о направлении режиссёра и художественного руководителя на курсы в г. Ленинград Валентина Михайловна в те годы была ещё ребёнком, но помнит, что в конце 30-х годов в клубе появились профессиональные ак-

Режиссёр М.Л. Стафеев. 1960-е.

Режиссёр И.Г. Букин с актрисами народного театра. Ишим. 1958.

теры и музыканты, которых называли «тридцатитысячниками»¹². Они способствовали повышению профессионального уровня самодеятельных артистов. Завсегдатаями клуба были рабочие депо, железной дороги, домохозяйки. Артисты-любители не имели возможности готовить большие спектакли, поэтому ставили одноактные пьесы Чехова и играли отрывки из пьес современных авторов. Ставили и оперетты: «Свадьба в Малиновке», отрывки из «Марицы», «Сильвы», «Баядерки». Голоса артистов были действительно сильные. В 1943 году на смотре художественной самодеятельности в г. Омске четырнадцатилетней Валечке Егоровой отказали в премии, посчитав, что она – профессиональная певица. В том же году клуб им. Ильича признали лучшим на Омской железной дороге.

О театре ишимцы не забывали даже в тяжелое военное время. В каждом выпуске газеты «Серп и молот» за 1940-41 годы читателям предлагались афиши спектаклей. Только летом 1941 года упоминается пять основных режиссёров-постановщиков. Премьеры шли через два дня. Чаще всего за сезон с марта по сентябрь 1941 года ставили «Без вины виноватые» Островского и «Трактирщицу» Гольдони, хотя репертуар состоял из 17 спектаклей. В зависимости от времени года играли в клубе или в летнем театре.

Ишимские зрители знакомились с постановками не только местных артистов, но и профессионалов. В октябре 1941 года в Омск эвакуировали Московский театр им. Вахтангова (он расположился в здании театра драмы), украинский театр им. Заньковецкой и Сталинградскую оперетту. Омские же театры были вынуждены разъехаться по другим городам области. Так, Омский театр юного зрителя имени XX-летия

Ленинского комсомола оказался в Ишиме. В ноябре 1942 года ему был сдан в аренду клуб им. Ильича. Омичи привезли с собой 10 спектаклей, но сыграли, видимо, не все. В «Серпе и молоте» за 1942-43 гг. встречаются объявления о постановках музыкальной комедии «Дочурка», пьес «Приказ по фронту», «Свадебное путешествие», «Осада мельницы». Последний спектакль, показанный в Ишиме, режиссировали эвакуированные в Омск москвичи – Елена Ивановна Зотова и её муж, известный советский актёр Николай Павлович Охлопков. Антифашистская направленность пьесы не вызывала сомнений, хотя речь шла о франко-прусской войне 1870-71 годов.

С июня 1943 года ТЮЗ работал в летнем театре городского сада и брал на себя некоторые расходы, связанные с ремонтом и содержанием здания. Интересно, что перед началом сезона в мае 1943 года омский отдел по делам искусств рекомендовал директору театра А.Ф. Арнарскому «доукомплектовать театр героиней, основной героиней и старухой»¹³, хотя труппа и без того насчитывала 34 человека. В этом же году Омский ТЮЗ организовал две агитбригады артистов для художественного обслуживания весенней посевной кампании. Бригады выезжали с короткими сатирическими спектаклями в колхозы и совхозы района. Осенью 1943 года, после 11-месячного пребывания в Ишиме, ТЮЗ вернулся в Омск.

Сразу после его отъезда ишимцы вновь подняли вопрос об организации в городе профессионального театра. На областном совете 23 декабря 1943 года было принято решение организовать в Ишиме колхозно-совхозный театр, запланировав для него дотацию в 100 тысяч рублей. Театр располагался в городском Доме культуры, его директором был назначен Михаил Фёдорович Тарасов. И вновь штат театра состоял из обслуживающего персонала, артисты же были самодеятельными – те, кто перешёл из драмкружков предприятий и клубов¹⁴. Просуществовал он так же недолго, как и театр им. А.В. Луначарского. Зданию был необходим ремонт, а средств не хватало. В мае 1949 года театр закрыли.

Но уже через год неутомимый Степан Михайлович Федоров, отмеченный впоследствии званием Почётного гражданина г. Ишима, вновь собрал артистов в любительский кружок при городском Доме культуры¹⁵. Так началась но-

Сцена из спектакля «Эзоп». Режиссёр М.Л.Стафеев. 1965.

Слева направо: Клея – Л.П.Пархоменко, Агностос – А.А.Зубов, Мели – Н.А.Манцурова, Ксанф – В.И.Петров, Эзоп – М.Л.Стафеев.

вая эра в развитии ишимского театра, – как и прежде, самодеятельного.

Во время войны и в первые послевоенные годы не только Омский ТЮЗ и ишимские артисты радовали своим искусством горожан, но и гастролёры из других театров. В летних выпусках местной газеты периодически повторялись объявления о необходимости квартир для артистов. «Мюзик-Холл» с участием артистов московских и ленинградских театров привозил программы с лением, украинскими сценками, балетом и художественным словом. Приезжал даже известный гипнотизёр Вольф Мессинг с «психологическими опытами передачи мыслей на расстоянии».

Но самым частым гостем после образования в 1944 году Тюменской области (в состав которой вошёл и Ишим с районом) был, конечно, Тюменский театр драмы. Ишим стал первым гастрольным городом для будущего народного артиста СССР, актёра и режиссёра Евгения Матвеева. В 1947 году он приезжал сюда молодым артистом и надолго запомнил наших зрителей. Евгений Семёнович с благодарностью вспоминал нехитрые подарки ишимских поклонниц, от всего сердца преподносивших ему баночки с солёными грибами и вареньем. Каждый год Тюменский театр драмы привозил в Ишим богатый репертуар (не менее восьми спектаклей в месяц), рассчитанный не только на взрослого зрителя, но и на детей. Приезжали, как правило, в июле.

В 50-е годы директор ГДК Ким Аркадьевич Осинцев пригласил из Минусинского драмтеатра актёра и режиссёра Игоря Георгиевича Букина, окончившего факультет основ режиссуры в Московском народном университете искусств. К режиссёрской работе в Ишиме он приступил в 1954 году. Восемнадцатилетним юношей

Игорь ушёл на фронт, был ранен. Дважды его мать получала похоронку на сына. Неслучайно, что «военная» тема занимала важное место в постановках молодого режиссёра.

Драматический коллектив был многочисленный, в основном – молодёжь и люди среднего возраста. Работали с азартом и полной самоотдачей. Участвовали в ежегодных областных смотрах художественной самодеятельности. 30 октября 1959 года на очередном смотре в г. Тюмени драматический коллектив Дома культуры города Ишима был удостоен звания «народный». Играли спектакль «Барабанщица» по пьесе А. Салынского.

1960-80-е годы – время расцвета ишимского народного театра. И.Г.Букина сменил М.Л.Стафеев, В.А.Егорочкина, С.Е.Клебанов, М.С.Волковец. Постановки готовили очень тщательно и подолгу, во многих участвовали учащиеся музыкальной школы, танцевальные коллективы. В спектакле по пьесе Д.И.Ашкинадзе «Герои не умирают» было задействовано 73 человека, включая симфонический оркестр музыкальной школы и массовку из учащихся ГПТУ и рабочих механического завода.

В спектакле «Валентин и Валентина» действие происходило в двух квартирах. Сцена была разделена на две части, декорации коммат стояли на шарикоподшипниках и тресах и свободно двигались. Во время смены декораций действие переносилось в зрительный зал. Активно были задействованы свет и музыка. Такие нетранспортабельные спектакли играли не часто – 4-5 раз. Но многие работы жили подолгу. Так случилось со спектаклем «Эзоп». Его ставили около семидесяти раз, с ним выезжали на гастроли в южные районы области, на смотры в Тюмень и Омск, где коллектив был награждён дипломом II степени, – в то время как «Эзоп»

На смотре художественной самодеятельности в Тюмени. 1960-е.

Слева направо: 1 – В.И.Петров, 3 – М.Л.Стафеев, 4 – Л.П.Пархоменко, 5 – Н.А.Манцурова, 6 – Е.Г.Тарасова (костюмер).

Тюменского театра драмы прошёл лишь десять раз и был снят, так как действие спектакля оказалось слишком затянуто. Ишимский «Эзоп» шёл, как говорили критики, «на порыве», и в этом была заслуга режиссёра Михаила Лаврентьевича Стафеева.

Народный театр – это коллектив единомышленников, семья творческих людей. Артисты коллектива – рабочие заводов, учителя, врачи, пенсионеры¹⁹. Увлечение театром у ишимцев было так сильно, что драмкружки появились повсюду. Коллективы железнодорожного депо, завода «Ишимсельмаш», обувной фабрики и городской пожарной охраны участвовали на областных смотрах художественной самодеятельности, где занимали призовые места.

В конце 1960-х гг. режиссёр И.Г.Букин перешёл в ЖДК, возглавив коллектив самодеятельного театра. В 1970 году он также получил звание «народного» – за спектакль «Бой с тенью» по пьесе В.А.Тура. Оба ишимских народных театра работали плодотворно и дружно. Были случаи, когда артисты переходили из коллектива в коллектив на время постановки спектакля по приглашению режиссёра. Ишимцам запомнился спектакль «С лёгким паром!» по пьесе Э.Рязанова и Э.Брагинского, который они увидели раньше, чем был снят фильм «Ирония судьбы».

В 70-е годы в Тюменской области всего было 13 народных театров, и два из них работало в Ишиме. Это говорит о неподдельной любви горожан к театральному искусству.

Каждое лето на гастроли в Ишим приезжали также труппы из Тюмени, Омска, Томска, Свердловска и других городов. С Тюменским театром драмы ишимские самодеятельные артисты очень долго дружили. З.Ансаров, Г.Дьяконов-Дьяченко, Ю.Замятин и другие артисты были добрыми друзьями и учителями ишимского коллектива. Они входили в постоянную комиссию по утверждению репертуара и спектаклей, помогали добрым советом, приезжали на просмотр премьер.

К сожалению, с развитием телевидения интерес к театру начал угасать. Последней постановкой народного театра Дома культуры стала пьеса В.Шукшина «После третьих петухов». Спектакль состоялся 3 мая 1994 года, прошёл один раз и больше коллектив не собирался.

В настоящее время в Ишиме работает коллектив народного театра в новом составе. Первой постановкой возрождёвшегося театра стал спектакль «Самоубийца» по пьесе Н.Эрдмана, показанный в марте 1998 года. С тех пор началась традиция ежегодных премьер к Дню театра. Театр назвали «Зеркало», его самодеятельные артисты, в основном – студенты, поэтому работа театра зависит от учебного процесса (лето – время каникул).

В апреле 1999 года спектаклем «Некто в котелке» по А.Милну коллектив подтвердил звание «народного» и получил диплом II степени.

В первые годы XXI века в Ишиме проходили ежегодные «Театральные игрища» – конкурс творческих работ самодеятельных театров районов юга Тюменской области. Ишимский народный театр на конкурсах всегда был первым. Приезжавшие на «Театральные игрища» профессиональные коллективы давали мастер-классы самодеятельным артистам.

Режиссёру театра «Зеркало» Данилу Илдаровичу Султанову удалось привлечь для работы опытных артистов из прежнего состава. 27 марта 2008 года театр показал премьеру водевиля «Беда от нежного сердца» по пьесе В.Соллогуба. Молодых героев пьесы играли артисты основного состава, а на роли «стариков» режиссёр пригласил самодеятельных артистов старшего поколения. Это уже третья премьера водевиля. Впервые спектакль ставил И.Г.Букин в начале 1960-х годов. Через 20 лет его включил в репертуар М.С.Волковец; в том спектакле главного героя играл нынешний профессиональный режиссёр театра Д.И.Султанов, тогда молодой самодеятельный артист.

Вслед за этим последовала премьера восстановленного спектакля «Забывать Герострата» по пьесе Гр. Горина, постановка в обновленном составе комедии К. Гольдони «Слуга двух господ».

История ишимского самодеятельного театра продолжается.

В 2009 году наш город отмечает две юбилейные даты: в октябре – 50 лет со дня присвоения самодеятельному ишимскому театру звания «народного» и в декабре – 90 лет со дня рождения театра им. А.В. Луначарского.

Фотографии из фондов ИКМ.

Примечания

1 ИФ ГАТО, ф. 125, оп. 1, д. 89, л. 2об.

2 «Во вторник в городском саду студенческим обществом была поставлена популярная пьеса Островского «Лес». Из исполнителей следует отметить следующие: Аравийского – Счастливецва, удачно схватившего тип, задуманный автором; Куминова – Несчастливецва, игравшего с большим подъемом, но несколько портившего свою игру излишней театральностью тона в моменты проявления искренних чувств благородной души непризнанного трагика; и Динабурга, весьма удачно передавшего тип старика лакея; хорошо прожил свою роль и Мэстиций – Булатов, взявший верный тон в пьесе. Из женских персонажей была на месте только Резанова – Улита, остальные роли очевидно были не по силам исполнительницам. В общем спектакль прошел довольно гладко, но на настроение публики, переполнявшей театр, весьма охлаждающее действовало позднее начало и громадные антракты, затянувшие спектакль до 3 часов ночи. (Театр. «Лес» // Ишимский край. – 1918. – 26 июля. – № 36. – С. 4.) – Прим. ред.

3 ИФ ГАТО, ф. 12, оп. 1, д. 36, л. 5.

4 См. также буклет, изданный в Ишиме в 1980-е гг. Бровко М.А. Театр им. А.В. Луначарского в г. Ишиме в 1919 году. – Прим. ред.

5 Ишимская жизнь. – 1919. – 27 февраля. – С. 4.

6 Ишимская жизнь. – 1919. – 19 августа. – С. 4.

7 Самодеятельная театральная жизнь теплится в Ишиме и в период первого установления советской власти. Так, в газете «Известия Ишимского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» (№ 65 от 23.05/5.06.1918) на стр. 4 сообщалось: «Театральный кружок П.С.Т.П.С. [профессионального союза торговых-промышленных служащих] объявляет, что спектакль («Возра Революционер» и «Омосквичился»), назначенный на 1 июня нового стиля венду военного времени переносится на другое число...» Этот же кружок упоминается в объявлениях в газете «Ишимская жизнь» колчаковского периода: 1919 года; действовал он в помещении Профсовета в доме Е.И.Ещенко (ныне ул. Ленина, 60). – Прим. ред.

8 «Театр Луначарского» еще числится как «функционирующий» в докладе заведующего уездным ОНО за 1921 год. См.: ГАТО, ф. 80, оп. 1, д. 27, л. 23. – Прим. ред.

9 ИФ ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 77, л. 3.

10 Так в анкете по деятельности окружных театров отмечалось, что в 1925 году работа по подготовке спектаклей велась силами любителей в кружках при профклубе ст. Ишим. Там же отмечаются некоторые особенности состояния летнего театра: вместимость зала – 280 человек; билеты продавались по цене от 35 коп. до 1 руб.; оборудован театр неважно, «анешне смахивает на крытый сарай»; площадь сцены 25 кв. сажен, имеются 4 актёрских уборных; мебели в режиссуре нет, а в реквизиторской – 217 «никуда не годных» предметов; костюмы имеются «крестьянские, боярские и много другого хлама» (ИФ ГАТО, ф. 127, оп. 2, д. 106, лл. 17, 18). – Прим. ред.

11 Серп и молот. – 1926. – 27 августа. – С. 3.

12 Этот термин из более поздней эпохи: «тридцатипятилетками» называли передовых работников различных отраслей народного хозяйства, направленных КПСС в деревню в 1955-57 гг. для руководства экономически слабыми и отстающими колхозами с целью организации подъёма колхозного производства. Известно также движение «двадцатипятилетчиков», назвавшееся после принятия в ноябре 1929 г. пленумом

Программы Ишимского народного театра разных лет.

ЦК ВКП(б) постановления о направлении в деревню на работу в колхозы и МТС 25 тысяч рабочих с организационно-политическим опытом. (См.: <http://slovari.yandex.ru/dict/bse/>). – Прим. ред.

13 ГАОО, ф. 1839, оп. 1, д. 50, л. 56.

14 М.Е. Бударин, историк и драматург, вспоминал: «Я писал и печатал рецензии на спектакли профессионального ишимского театра драмы. Главный режиссер этого театра, Леонид Георгиевич Армагов, стал первым моим наставником в практике сцены и театра. На репетициях он знакомил меня с приемами режиссуры... Это был совхозно-колхозный выездной драматический театр. Тогда в стране развернули сеть совхозно-колхозных театров с благой и разумной идеей: двинуть искусство в массы. Театры находились на государственном бюджете, зарплату платили вперевья, оркестр получал деньги, билеты продавались. Всего было 35 человек актёров и вспомогательного состава, 12 человек – оркестр. Репертуар разнообразный, классический и революционный. Я писал рецензии на «Власть тьмы» Льва Толстого, «Лес» Островского, «Любовь Яровая» (о гражданской войне), современные пьесы, комедии. Билеты всегда раскупались: театр в Ишиме любил». (Бударин М.Е. Ишимская юность: время интересное, но жестокое... // Коркина слобода. – 2004. – Вып. 6. – С. 136.) Но поскольку рецензии М. Бударина, писавшего в газете «Серп и молот» под псевдонимом М. Будман, относятся к концу 30-х гг., то, возможно, речь идет о гастрольях 2-го областного колхозно-совхозного театра, который в 1939 году проводил в Ишиме уже летний сезон (Глинский С., Санейко А. Ишим // Омская правда. – 1939. – 23 ноября). – Прим. ред.

15 См. также: Тюменцева Е.В. Актёр Режиссёр. Автор // Ишимская правда. – 1999. – 10 апреля. – С. 5. – Прим. ред.

16 Любопытно, что на ишимской сцене пробовав себя в качестве актёра и лозт Н.В. Денисов в пору своей работы на радио. Его имя можно увидеть в программе спектакля «Обелиск» (драматург Г.Мамлин, режиссёр М.Стафеев, сезон 1956-67 гг.) в роли Игоря Бабеда, ученика 9 класса. Там же звучала песня на стихи его друга, поэта В.А. Нечволоды (музыка В.П. Вострикова). – Прим. ред.

Лики прошлого и настоящего

В. П. ФЕДОТОВА

Род Флоринских в Сибири

У каждого из нас свои корни. Светлеет разум, обогащается память, когда листаешь архивные документы. В словаре прочла: «Помни старину, кто при ней был, тот тебя помянет». А дальше: «Где старья, там и статья». Вот и я попыталась написать статью о моих предках, носящих звучную фамилию Флоринских – священнослужителей, общественных деятелях, личностях целеустремлённых, трудолюбивых.

Путь в Зауралье

Родоначальниками династии в Зауралье были Марк Яковлевич и Мария Андреевна Флоринские, которые в 1837 году приехали в село Пески Шадринского уезда Пермской губернии из села Фроловского Юрьевского уезда Владимирской губернии, где Марк Яковлевич служил дьяконом, – как и его отец Яков Иванович и дед Иван Семёнович. Село это упоминается в 1389 году как великокняжеское имение Дмитрия Донского. А корни фамилии Флоринских ходят в середину XVII века, одна из ветвей расцвела в начале XX века именем о. Павла Флоринского, замечательного учёного и богослова.

Такое далёкое переселение было вынужденным. Сгорела деревянная церковь. Многочисленная семья Флоринских лишилась средств к существованию. Единственный доход давала работа в саду и огороде.

Дядя М.Я. Флоринского по матери архиепископ Аркадий (1784–1870, в миру Григорий Фёдоров) занимал в то время кафедру в Пермской епархии. Он был известен как деятельный архипастырь – за двенадцать лет его руководства в епархии появилось более ста новых церквей. Священнослужителей же не хватало. Поэтому диакон Марк Флоринский был приглашён в зауральское село Пески на должность священника.

У Марка Яковлевича и его жены было шестеро детей. Александра, Мария, Иван, Василий, ещё один Иван «Малушка», и в Песках родился сын Семен (мой прадедушка). Отец был первым учителем своих детей. Они успешно осваивали не только грамоту. Их знакомили с канонами церковной службы. Родителям хотелось, чтобы сыновья продолжили дело рода Флоринских и стали священнослужителями. Дети помогали отцу во время службы: зажигали свечи, подносили кадило, пели на клиросе. Четверо

сыновей окончили Далматовское духовное училище. Иван и Василий продолжили учёбу в Пермской духовной семинарии, Иван «Малушка» и Семён – в Тобольской.

На приусадебном участке в Песках Флоринские zaloжили фруктово-ягодный сад – один из первых в Зауралье. Батюшка в свободное время занимался пчеловодством и очень желал, чтобы его примеру следовали сельчане. Но главным его делом было, конечно, служение Богу.

По приезду в Пески он организовал строительство новой церкви Казанской Божией Матери. Собственноручно составил план постройки, образцом которой служил Казанский собор в Петербурге. Одновременно строилось здание церковно-приходской школы, в которой после обучались сельские ребятишки.

В этой церкви служил сначала о. Марк, потом его сын Симеон, его внук Иоанн Яковлевич Кокосов. Последним священником был Иоанн Северьянович Пантуев, муж правнучки Марка Яковлевича.

Первые Флоринские прожили в Песках до конца своих дней. Марк Яковлевич скончался в 1872 г., прожив 72 года. Его жена Мария Андреевна умерла в 1883 г. в возрасте 80 лет. Оба похоронены перед алтарём Богородицкой церкви.

В советское время служба в храме прекратилась. В 50-х годах прошлого столетия он использовался под склад. «В настоящее время церковь разрушена до неузнаваемости, – пишет в газете «Курган и курганцы» от 2 августа 2005 г. Елена Колесникова. – остался только первый ярус, сняты двери и рамы. Внутренняя часть здания обожжена. Но на некоторых углах ещё сохранились фрагменты росписи».

• Дети Марка Флоринского

О старшей дочери Александре (1830 г.р.) сведений нет.

Мария (1827–1891) была замужем за священником Вознесенской церкви с. Крестовского Камышловского уезда Яковом Эрастовичем Кокосовым, который приехал из Владимирской губернии. Ветвь Кокосовых довольно подробно исследована кандидатом исторических наук, заведующей кафедрой управления методическим советом Курганского института повышения

Вознесенская церковь в селе Падеринском. Кон. XIX в.

квалификации и переподготовки работников образования Ольгой Юрьевной Бабушкиной в её диссертации «Генеалогия православного духовного Южного Зауралья». Отец Иаков поступил на место священника церкви села Крестовского, находящегося в 15 км от села Пески, в 1840 году. Здесь он служил до своей трагической смерти в 1848 году во время «картофельного бунта». После себя оставил троих малолетних детей: Александра (4 года), Владимира (3 года) и Ивана (1 год).

Старший сын Флоринского Иван (1832-1892) служил священником церкви Шлиссельбургской крепости под Петербургом (упоминается в романе «Палач»). С женой Августой Петровной имели сына Архадия.

Иван «Малушка» (1837-1894) – священник церкви села Першина. В 1860 году в своём доме открыл первую безвозмездную приходскую школу. Безвозмездной школа называлась потому, что учитель не получал мзды – оплаты. Иван Маркович был и заведующим, и учителем школы. На его средства приобретались учебники и пособия. Школа занимала две комнаты и содержалась на средства учителя в течение десяти лет. В 1870 году её сменило земское училище с трёхлетним сроком обучения. Учителем и заведующим был назначен священник Флоринский. Из отчёта члена Училищного совета И.М.Первушина следует, что «ученики знают краткие молитвы, составляют слова, считают до сотни и более, знают сложение и вычитание небольших двузначных чисел... Учитель... занимается делом усердно, толково». Иван Маркович служил в церкви и преподавал в училище до конца своих дней. Был женат, имел детей, но сведения о них отсутствуют.

Василию Марковичу (1834-1899) судьба указала другой путь. О нём я расскажу чуть позже и подробнее.

Семен Флоринский (1836-1907) после смерти отца служил священником в церкви села

Пески, затем его перевели в церковь села Скаты. У него было четверо сыновей. Василий, Сергей, Владимир и Алексей. Трое старших братьев закончили Далматовское духовное училище, двое из них продолжили обучение в Тобольской духовной семинарии. Алексей закончил Харьковский ветеринарный институт.

Дети Семёна Флоринского

Василий Семёнович служил священником в селе Андроповском Тюменского уезда, заведующим церковно-приходских школ сёл Девятово и Жидяково того же уезда. Умер от тифа в 1919 году. Его внучка Марина Николаевна Щербакова – преподаватель Московского государственного университета.

Владимир Семёнович, окончив курс духовного училища, с 1906 года служил псаломщиком в церкви села Евсинского Ишимского уезда. Расстрелян в 1932 году.

Алексей Семёнович за участие в революционной деятельности партии эсеров был направлен из Харькова под надзор полиции в Тобольскую губернию. О нём я также расскажу позже.

Сергей Семёнович (1870-1939) – третий сын, мой дедушка. После окончания семинарии в 1892 году он был рукоположен во священника к Михаило-Архангельской церкви села Кротовского Ишимского уезда. Состоял законоучителем и заведующим церковно-приходской школы, благочинным 4-го благочиния Ишимского уезда. В 1909 году по собственному прошению уволен от должности и перемещён на настоятельскую вакансию в церковь села Падеринского Курганского уезда.

Первая деревянная церковь в Падеринском была построена в 1759 году, а в 1847 году воздвигнут каменный храм во имя Вознесения Господня. В нём и служил отец Сергей. Он также состоял законоучителем в Падеринском земском училище, в Ново-Лушниковской школе, а

Мария Петровна Елпатьевская, в замужестве Флоринская. Фотография, подаренная жениху, будущему священнику, до замужества. 1880-е.

Братья Флоринские. Слева направо, сидят: священники Василий и Сергей, стоят: псаломщик Владимир и Алексей. 1910-е.

с 1 сентября 1910 года заведовал Галкинской церковно-приходской школой, в которой обучались в 1910-1911 гг. 25 мальчиков и 24 девочки. В приходе состояли села и деревни: Падеринское, Ново-Лушниково, Передергино, Беспалова, Галкино, Билкова. Общее количество дворов – 680, жителей – 4244.

В 1909 году отец Сергей принял в подотчёт 150 томов книг церковной библиотеки. Год от года приумножал книжное богатство, ибо сам был большой любитель чтения и приучал к этому окружающих. К 1912 году библиотека насчитывала 170 книг, а к 1917 году – более 400 томов.

Жена его, Мария Петровна Флоринская, урожденная Елпатьевская, была родом из села Агарак Ялуторовского уезда. В их семье родилось 12 детей, но выжило только восемь: Екатерина, Пётр, Мария, Зинаида, Степан, Михаил, Эмилия, Виктор. Каждому родители старались дать образование. Многочисленная семья была трудолюбивой, дружной, патриархальной. Отец воспитывал ребят своим примером, старался все возникающие недоразумения «гасить» добром, ласковым словом. Глядя на отношение родителей друг к другу, братья и сёстры между собой тоже ладили, помогали в домашнем хозяйстве: ухаживали за домашним скотом и птицей, трудились на огороде, старшие заботливо опекали младших.

Из «Клировых ведомостей» за 1912 год мы узнаём, что старшая дочь Флоринских Екатерина, окончив Тобольское епархиальное училище, работала учительницей в Костоусовской школе; Мария училась в 3-м классе того же

училища; Пётр – ученик 2-го класса Курганского духовного училища; Зина обучается в Падеринской школе. Их отец «поведения весьма хорошего и скромного, отличный семьянин и заботливый отец».

Отец Сергей не только служил в церкви и преподавал в школах своего прихода, он вел уроки в Курганском духовном училище. Когда в Падеринском организовали артель маслоделов, он вошел в её состав. За заведование столовыми Красного Креста в Падеринской волости отцу Сергию «предоставлено право ношения Высочайше установленного Знака Красного Креста с соизволения Императрицы Марии Феодоровны по постановлению Главного управления Общества Красного Креста от 25 апреля 1913 г.». За труды по Первой всеобщей переписи населения о. Сергей награждён бронзовой медалью для ношения на груди; за усердное плодотворное пастырское служение – фиолетовой скуфьей; за труды по благоустройству церковно-приходской школы – Библией; за усердное отношение к делу церковно-народного образования ему выдана грамота за подписью епископа Тобольского и Сибирского Антония; определением Священного Синода за заслуги по духовному ведомству вручена камиллавка.

5 мая 1917 года С.С. Флоринский обратился в Тобольскую консисторию с просьбой перевести его в церковь села Агаракского Ялуторовского уезда. Просьбу удовлетворили.

Преподаватели и воспитанники Курганского духовного училища.
Во 2-м ряду, 4-й справа – о. Сергей Флоринский. 1910-е.

Семья Флоринских уехала в мае 1917 года. В 1920 году он уже имел сан протоиерея. В 1922 году вернулся в Падеринское, где служил до 30-х годов. После закрытия церкви работал сначала счетоводом, а потом сторожем в колхозе. Умер в 1939 году. Новая власть отобрала корову и лошадь, выгнала из дома. Грозили смертью, но добрые прихожане спрятали семейство, помня о бескорыстной службе и славных делах отца Сергея. Мария Петровна скончалась в 1966 году.

Что же стало с детьми? Три дочери работали учителями, одна – на производстве в Свердловске. Степана унесло лихолетье Гражданской войны. Михаил погиб под Сталинградом в 1943 году. Пётр – счётный работник, участвовал в строительстве Народного дома в Кургане (ныне здание облдрамтеатра).

Виктор Сергеевич Флоринский, мой отец, родился 26 февраля 1913 года и был крещён с наречением имени Виталий. Впоследствии, скрываясь от преследования властей, сменил имя на Виктора, а дату рождения на 10 декабря 1915 года. Более полувека трудился в Зауралье на ниве народного просвещения: уполномоченным по ликвидации безграмотности в деревне, учителем, завучем, директором школы, заведующим отделом образования Лебяжьевского района. Работал до 80 лет, в последнее время – начальником бюро пропусков на Курганском автобусном заводе. Ветеран войны, отец троих детей, четырёх внуков и шести правнуков. Скончался в 2005 году.

К сожалению, отец с мамой, Зинаидой Филлимоновой Флоринской (1913–1957), разошлись после рождения второго ребёнка, сына Сергея. Я была старшей, родилась 13 октября 1932 года в селе Медвежье Варгашинского района Курганской области. При удочерении отчимом Петром Степановичем Силантьевым поменяли отчество – так я стала Валентиной Петровной. По

окончании Курганского педагогического института 25 лет проработала учителем русского языка и литературы, около десяти лет – в Курганском областном совете профсоюзов, столько же – заведующей отделом культуры райисполкома, пять лет – директором театра «Гулливер». Трудилась до 70 лет. Мой муж Иван Филиппович Федотов (1932 г.р.) – земляк, по профессии музыкант, учитель пения, более тридцати лет проработал в школе, труженик тыла. У нас трое детей, внуки.

Строитель университета

Василий Маркович Флоринский прожил следуя заповеди апостола Павла: «Всё испытывайте, хорошего держитесь».

По воспоминаниям современников, он обладал поразительной работоспособностью, разносторонностью интересов и знаний. Был требовательным к себе и к подчинённым. Отличался пунктуальностью, в жизни следовал моральным принципам, был настойчив в достижении намеченной цели. Следил за внешностью, но не щеголял. В жизни был неприхотлив, особенно в поездках, когда приходилось ночевать на постоянных дворах или просто в повозке. Обладал литературным даром, писал стихи. Собирал русские древние рукописи, археологические древности, картины, гравюры, русский лубок, китайский фарфор, календари. Сохранял все присыпавшиеся ему письма.

О Василии Марковиче Флоринском в XX веке советские историки старались забыть, умолчать. Причина проста: Василий был сыном священника и глубоко верующим человеком.

За сорок лет упорного труда В.М. Флоринскийнискал себе уважение в научных кругах всего мира. Но прежде он окончил Петербургскую медико-хирургическую академию, более

двух лет стажировался за границей, защитил диссертацию и стал доктором медицины, опубликовал многочисленные научные труды по акушерству и гинекологии, издал учебник для вузов. Его перу принадлежат работы в области естественных наук, археологии, философии. В российских газетах им было напечатано более трёхсот статей, рецензий, обзоров из разных областей науки, педагогики, исторических исследований. Кавалер десяти орденов, он также состоял членом десятка научных обществ в России и за рубежом.

Наконец, он показал талант организатора: помимо проектирования и строительства Томского университета, приложил немало усилий для развития просвещения в Томске, построил новые здания для мужской и женской гимназий, открыл несколько ремесленных и городских училищ.

Вася родился в селе Флоровском в феврале 1834 года. Когда семья переехала в Пески, ему было около трёх лет. «Под влиянием здешней природы и обстановки совершилось моё физическое и духовное развитие. Пескам я обязан почти всеми лучшими задатками моей дальнейшей жизни», — вспоминал он впоследствии.

В 9 лет Васю отвезли в Далматовское пятилетнее начальное духовное училище, по окончании которого он был отправлен в Пермскую духовную семинарию для продолжения образования: там уже два года учился его старший брат Иван. Василий досрочно, на год раньше, с отличием окончил семинарию и поспешил в Петербургскую духовную академию, о которой так много был слышан от своих учителей. По дороге в столицу он познакомился с Николаем Добролюбовым. Они успешно сдали экзамены, но на учёбу их не зачислили: места были отданы вдовствующим священникам, имеющим преимущественное право на учёбу. Семнадцатилетние молодые люди не отчаялись: Добролюбов тут же поступил в педагогический институт, а Флоринский — в медико-хирургическую академию. Ему довелось учиться у терапевта С.П.Боткина, химика А.П.Бородина, физиолога И.М.Сеченова.

В апреле 1861 года Василий Флоринский успешно защитил диссертацию и получил звание доктора медицины. Кстати, к концу третьего года обучения его как одного из преуспевающих студентов, хорошо владеющего немецким и французским языками, командировали на два года за границу. Кроме вышеназванных языков в академии он овладел английским, греческим и латинским.

Флоринский прошёл стажировку в медицинских учреждениях Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Чехии, Австрии. Он знакомится с новейшими достижениями зарубежной науки, делает для себя необходимые заметки, пишет отчёты в академию, направляет статьи в редакцию петербургского «Медицинского вестника». К моменту возвращения в Россию у него опубликовано около 20 научных трудов.

По окончании академии администрация предложила Флоринскому, специалисту по акушерству и гинекологии, человеку пылкому, ищущему, заняться ещё и педиатрией. Он согласился. И в историю отечественной медицины В.М.Флоринский вошёл как создатель пер-

Супруги Флоринские: Мария Петровна и Сергей Семёнович. 1935.

вой в России педиатрической клиники при высшем учебном заведении.

В 31 год Флоринский обвенчался с М.Л.Фуфаевской, происходившей из рода военных дворян Новгородской губернии. У них родились дочь Ольга и сын Сергей, который умер в 4 года. С Марией Леонидовной Василий Маркович жил в любви и согласии до самой своей кончины.

В 1871 году В.М.Флоринского приглашают на работу в Министерство народного просвещения. Для создания нового университетского устава при Министерстве создали особую комиссию, куда вошёл и Флоринский. Члены комиссии побывали во всех восьми университетах России. Отчёты Флоринского были самыми обстоятельными.

Через шесть лет Василий Маркович вернулся от «бумажных дел» к преподавательской работе, возглавив кафедру акушерства, женских и детских болезней при Казанском университете. «После 25 лет столичной жизни, — писал он, — тихая провинция пахнула на меня живой струей — и яркого солнечного света, и душевного спокойствия... Я здесь отрезился от бесконечных комиссий и сухих канцелярских дел, принадлежа только самому себе и своей кафедре...»

В 1880 году В.М.Флоринский выпустил книгу «Домашняя медицина. Лечебник для народного употребления», выдержавшую 9 изданий, а годом раньше — «Русские простонародные травники и лечебники».

Покидая Министерство просвещения, Флоринский помнил договор с министром о том, что ему в дальнейшем предстоит занять должность официального представителя министерства при строительстве Сибирского университета. И с 1880 года в период летнего отпуска (с мая по сентябрь) Флоринский ежегодно отправляется в Сибирь, чтобы решать важнейшие государственные вопросы: выбор города, в котором будет основан университет; выбор места постройки; подготовка проектных и строительных работ; приобретение оборудования, книг для будущей университетской библиотеки; решение кадровых вопросов и т.д. Окончательно семья Флоринских переехала в Томск в 1885 году.

На размещение у себя университета претендовали Тобольск, Омск и Томск. После многочисленных дискуссий Государственный совет остановил выбор на Томске. Возглавить работу по строительству Сибирского университета по-

**В.М.Флоринский, попечитель
Западно-Сибирского учебного округа
(1885-95).**

ручалось В.М.Флоринскому. Василий Маркович считал эту работу главным и наиважнейшим делом жизни.

Он был весьма дальновиден и практичен.

Ещё летом 1875 года Флоринский узнал, что в Петербурге много лет хранятся запакованными в ящиках книги, принадлежащие старикам братьям Строгановым – ценнейшее собрание русских и иностранных изданий по разным отраслям знаний. Один из братьев, восьмидесятилетний Александр Григорьевич, жил в Одессе; Флоринский же прибыл туда как член комиссии по пересмотру университетского устава. Василий Маркович напомнил Александру Григорьевичу о знаменитой истории покорения Сибири: род Строгановых триста лет тому назад послал в Сибирь дружину Ермака, а сейчас необходимо «духовное покорение» края. Строганов нашёл мысль весьма здравой и согласился передать бесценное богатство в дар будущему университету. Через два года Флоринский заручился согласием другого брата – Сергея Григорьевича и его сына Николая Сергеевича. Всего было получено 142 ящика с книгами общим весом 28 тонн 320 кг. «Обширная и всесторонняя по содержанию библиотека – есть необходимый и самый прочный фундамент нашего духовного развития... Профессор без хорошей библиотеки – это воин без оружия», – говорил Василий Маркович.

Позднее Флоринскому удалось заполучить в дар университету библиотеку князя Сергея Михайловича Голицына – пять тысяч томов.

Золотопромышленник и исследователь Сибири Александр Михайлович Сибиряков также выкупил в дар университету библиотеку поэта Василия Андреевича Жуковского.

А сколько времени, стараний, выдумки вложил Василий Маркович в создание ботанического сада при университете! В 50-е годы прошлого века, когда я училась в Томском государственном университете, мне не раз приходилось бывать в университетской роще. Это любимое место отдыха студентов. А ботанический сад! Трудно словами описать роскошные красоты земного богатства, возделанного талантом людей.

Многое удалось преодолеть В.М.Флоринскому, чтобы в июле 1888 года состоялось открытие Сибирского университета. Это был большой праздник, на который собралось всё население Томска. На день открытия в структуре университета был только один факультет – медицинский. На 72 студенческих места претендовали 236 абитуриентов. Конкурс выявил лучших. 44 человека – уроженцы Сибири.

Ныне в ТГУ на 20 факультетах обучаются 23 тысячи студентов.

В июне 1898 года Василий Маркович обратился в Министерство просвещения с просьбой об отставке. Ему было 64 года. Постоянные хлопоты и заботы, работа в течение десятка лет без отпусков, продолжительные поездки по учебным заведениям огромнейшего Западно-Сибирского округа, полечителем которого он был назначен – всё это подорвало здоровье, начались приступы стенокардии, прогрессировала одышка.

После выхода в отставку супруги решили поселиться в Казани, где жила их дочь Ольга, которая была замужем за профессором Казанского университета Сергеем Васильевичем Левашевым (1856-1919). У них уже была десятилетняя дочка Машенька.

3 января 1899 года Василий Маркович скончался от паралича сердца в Петербурге. Похоронен в г. Казани на небольшом кладбище Спасо-Преображенского монастыря в Кремле. Мария Леонидовна Флоринская умерла в Казани до 1915 года, достигнув 68-летнего возраста. Ольга Васильевна с мужем и дочерью переехали в Новороссийск, где Сергей Васильевич был ректором университета, избирался депутатом IV Государственной Думы.

В 1938 году в Казани грянула сенсация: в подвале одного из домов обнаружили огромный клад домашних вещей, рукописей, книг, журналов, фотографий, картин и т.д., принадлежавших когда-то В.М.Флоринскому. Все серебряные вещи ушли в пользу государства. Книги передали Казанскому университету, картины – музею изобразительных искусств. В краеведческом музее хранятся мебель, вазы и другие предметы быта, археологические коллекции и личный архив, который насчитывает 4550 единиц хранения.

Имя В.М.Флоринского было возвращено отечественной истории только на исходе XX века. В 1980 году он был упомянут в книге Б.Тучина «Хроника Томского университета», в 1994 году в Томске издана книга его родственника по линии сестры Марии Е.Ястребова «Василий Маркович Флоринский», а с 2003 года его имя носит музей археологии и этнографии Сибири ТГУ.

В пучине политической борьбы

Как мы помним, трое из четырёх сыновей Семёна Марковича Флоринского – Василий, Сергей и Владимир – продолжили священнические традиции. Младший же, Алексей, окончив Тобольскую духовную семинарию, стал чиновником. В семье он рос, как раньше говорили, «на особицу», был не по годам серьёзным ребёнком, в споре со старшими проявлял свой характер.

– Ох, Лексаша! Негладко будет тебе жить на свете. Всё на своём норовишь настоять.

– А я за правду! – пытался возражать подросток.

– У каждого своя правда, – вразумляли родители. – Главное – будь незлобивым человеком, живи с Богом в сердце и к людям благоволи.

– А где же этого блага набраться-то? – спрашивал Алёша. – Небось до Бога высоко...

– Не гневи Господа! – резко пресекали мальчишку.

Алёша убежал в лес, где размышлял о своей будущей судьбе. Его тянуло на путь, который шёл его дядя Василий...

После Тобольска бывший семинарист подался в далёкий Харьков. Деревенский уклад жизни, любовь к природе и всякой домашней живности привели его в ветеринарный институт.

Свобода от родительской опеки, идеи о преобразованиях, вера в свои силы и юношеский порыв к действию на благо и радость простого народа – вот чем жил студент эпохи перелома веков. Алексей – активист студенческих сходок, оратор и хороший знаток деревенского жития-бытия – вступил в партию эсеров. Ему казались близкими «крестьянские идеи» социалистов-революционеров. Добром это не закончилось.

В мае 1904 года Алексей Флоринский был выслан из Харькова в Тобольскую губернию под особый надзор полиции. Он «проходил» по делу Харьковского комитета партии эсеров.

Здесь его, человека грамотного и имеющего духовное образование, принимают надзирателем в Ишимское духовное мужское училище.

(Поразительно, как могли политического ссыльного принять в духовное учебное заведение? Выпускник училища Иван Скосырев вспоминал: «В нём ничего не было от религиозника. По его отношению к нам и к своей работе мы, потом вспоминая его, подумали, что он работал у нас надзирателем с той же целью, с какой революционеры шли «в народ» для пропаганды новых идей. Именно он вкладывал в нас идеи нового мироощущения» (Скосырев И.А. Ишимское духовное училище в 1901-07 гг. // Коркина слобода – Вып. 7. – Ишим, 2005. – С. 143). Результат не заставил себя ждать – в октябре 1906 года учащиеся объявили забастовку. – *Прим. ред.*)

В 1906 году в Кургане возник Союз сибирских маслодельных артелей. Появился и печатный орган – «Народная газета», выходившая еженедельно «для служения интересам, нуждам и запросам сибирского крестьянства». Организация с прозоровскими взглядами привлекала тридцатилетнего интеллигента на работу в качестве уполномоченного в Союз. Затем он

Главный корпус Томского государственного университета. 1990-е.

становится секретарём Биржевого комитета при Союзе маслоделов, заведующим Каменской конторы маслодельных артелей.

А.С. Флоринский активно сотрудничает с «Народной газетой». В № 30 за 1913 год он пишет об открытии в Киеве Всероссийской выставки, в которой принимали участие кооперативные организации, в частности Союз сибирских маслодельных артелей. С 1 по 7 августа здесь же проходил второй Всероссийский кооперативный съезд. В отчёте об этом киевском событии Флоринский писал: «Наши кооператоры должны понять, что они являются строителями будущего, творцами новой, лучшей жизни человечества, поднимают своими руками из пасты нищеты, страдания и рабства, материального и духовного, не только себя, но и своих братьев по положению и труду».

В трёх номерах газеты была опубликована его пьеса для театра «Две силы» (сцены из жизни сибирских кооператоров). В одном из номеров – рассказ «Бегунцы». Но как драматург и писатель он не состоялся.

В том же 1913 году в Кургане образовалось небывалое в жизни российской кооперации учреждение – «Бюро оппозиции Союзу сибирских маслодельных артелей» под руководством А.С. Флоринского.

29 марта состоялось собрание представителей Союза и торговцев. Глава оппозиции огласил на этом собрании Манифест. Звучала резкая критика руководства Союза, звучал призыв: «Долой Балакшиных со всей их системой управления и ведения союзных дел!» «О кооперации говорят, что она дочь нужды и мать благосостояния, – продолжал Флоринский. – Если это так, то наша кооперация – законная дочь. Россия и Сибирь через кооперацию должны прийти к благосостоянию. То же мы видим из истории других стран». Флоринский считал, что покупка молока у селян проводилась Союзом по весьма заниженным ценам, а за конечный продукт – масло – руководители Союза получали немалую прибыль.

Оппозиция, возглавляемая А.С. Флоринским, утверждала, что Союз разоряет сибирских кре-

стьян, а оппозиционеры, действуя совершенно бескорыстно, стоят на защите крестьянских интересов. Об этом подробно можно прочесть в книге В. Плющева «Гимн кооперации (1913-1915)».

1917 год. Накал революционной борьбы в России. Февральская революция. Алексей Флоринский окончательно порвал с Союзом маслоделов и примкнул к меньшевистскому крылу РСДРП. Он избран гласным губернского земства. На крестьянском губернском съезде, проходившем 21-26 мая 1917 года в Тобольске, А.С. Флоринский выступал как представитель продовольственного комитета.

9 июля 1917 года его избирают гласным Тюменской городской Думы. 27 июля думцы постановили: избрать на срок выборных полномочий Думы городским головой Алексея Семёновича Флоринского. 1 августа прошло первое заседание. Председательствующий Флоринский произнёс: «Мы все должны показать на деле свою готовность отдать спасению родины и Февральской революции все свои силы, все свои помыслы и саму жизнь... Мы окажем всяческое содействие потребительской кооперации и будем проводить тщательный надзор за торговлей в целях препятствия спекуляции...»

Октябрьский переворот не стал для Флоринского неожиданностью. Он категорически осуждал наступательную тактику большевиков, считая, что в данных условиях в России нельзя «установить» социализм, тем более таким способом: «Захват власти за две недели до выборов в Учредительное собрание есть узурпация прав народа. Выступление Петроградского Совета наносит тяжёлый удар по армии в то время, когда наступление врага грозит гибелью родине и завоеванной свободе».

Выступая на чрезвычайной сессии губернского земства, Флоринский произнёс краткую, прочувствованную речь, в которой утверждал, что земские самоуправления должны работать с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как органами революционной демократии «в контакте и против власти Советов народных комиссаров, которые своими действиями и декретами широко открывают ворота контрреволюции».

8 марта 1918 года городскому голове был вручён документ за подписью председателя Совета рабочих и крестьянских депутатов: «Дан сей мандат на право занятия помещения городской Думы вооружёнными силами, её роспуска и принятия от городской управы всех дел городского хозяйства и денежных сумм. Сим мандатом категорически и немедленно прекращается деятельность городской Думы».

23 июля 1918 года, после установления власти Временного Сибирского правительства, городским головой Тюмени вновь избран А.С. Флоринский. Обстановка – весьма напряжённая. Из Екатеринбурга свои декреты посылала советская власть, из Омска шли требовательные указания пока неизвестного Сибирского правительства.

Флоринского вызвали в Омск. Поездка была вызвана крайне острым финансовым положением и носила «хозяйственный характер». Тюменский городской голова констатировал: настроение в Омске спокойное, работа Временного правительства направляется не в сторону политики, а в сторону реальной будничной жизни.

После Омска он посетил Курган, отметив, что «Курганская Дума... является лучшей Думой в Тобольской губернии по своей работоспособности, законности вынесенных постановлений, строго согласованных с городским положением».

Осенью 1919 года большевики вновь, и теперь надолго, занимают Западную Сибирь. А.С. Флоринский уезжает из Тюмени в Омск, далее его след теряется.

Однако его племянник, Виктор Сергеевич Флоринский, вспоминал, что с дядей Алексеем он несколько раз виделся после Великой Отечественной войны и вёл с ним пространные беседы. И не где-нибудь, а в селе Падеринском, где когда-то служил священником его родной брат Сергей. С 1946 года Алексей каждое лето приезжал в село. Он рассказал племяннику, что из Омска уехал в Нижний Новгород (с 1932 года – Горький), где проживал его единственный сын, также Алексей (жена А.С. Флоринского рано ушла из жизни). Рядом с ним он и скончался в 1956 году.

Фотографии из архива автора.

В. М. ЛУЗИНА

Верный рыцарь искусства Художник Евгений Чукардин¹

«Каждый человек в молодости строит планы и мечтает быть полезным обществу и родине. Некоторым это не удаётся, но люди с твёрдой волею сознают, что вся наша жизнь в трудах, в стремлении вперёд, в принесении пользы ближнему...»

М.С. Чукардин, «История моей жизни»

В коллекции Ишимского историко-художественного музея среди прочих работ хранится акварельный автопортрет Евгения Михайловича Чукардина, который даёт яркое представление о личности художника. Перед нами

человек, осознавший своё призвание, определивший для себя задачи творческого пути, знающий и преодолевший немало трудностей.

По воспоминаниям близких и учеников Евгения Михайловича, главной задачей своей жизни он считал служение искусству. Подобно художникам-передвижникам (Крамскому, Васнецову, Сурикову, Левитану и другим, которые стали его кумирами с юности), он хотел быть полезен «обществу и народу» через «утверждение истины, добра и красоты» средствами искусства. Идеи художников и писателей-демо-

Е.М.Чукардин. Автопортрет. Бумага, графитный карандаш. 1929. Архив семьи Чукардиных.

Портрет жены в costume цыганки. Художник Е.М.Чукардин. Холст, масло. 1930-е. Архив семьи Чукардиных.

кратов о социальной справедливости, как и идеи просвещения, доступности искусства народу стали для него личным идеалом.

Евгений Михайлович Чукардин, как и знаменитый русский художник К.С.Петров-Водкин, вышел из среды иконописцев. Волшебство и красоту живописи он также открыл для себя впервые в иконописной мастерской отца. Маленьким он увидел готовые иконы в хозяйском амбаре при мастерской, которые «стояли, сверкая золотыми чеканными фонами и чудесными переливами красок... Я был поражён богатством цвета: вот сверкают настоящей сталью латы Георгия Победоносца; ярко блестит изумрудный глаз и чешуя поражаемого им дракона. В стальных латах и сверкающем плаще склонился перед строем Димитрий Донской. Это всё, поразившее меня в раннем детстве, и определило выбор моей профессии», — писал в своих воспоминаниях художник, обнаруживая ещё один замечательный дар — литературный.

Схожие чувства испытал К.С.Петров-Водкин при встрече с «искусствниками» — иконописцами: «Первое, что затронуло меня, — это разложенные в фарфоровых баночках краски; они сияли девственной яркостью. Это впечатление от материалов врезалось в меня на всю жизнь. (...) Однажды я застал в первой прописи работу мастера Филиппа Парфёныча. Это было изображение Георгия Победоносца. Белый, сверкающий конь рыцаря и пурпурный плащ над зелёным драконом и розово-жёлтая фигура девушки ошеломили меня неожиданной ярко-

стью», — вспоминает он в книге «Пространство Эвклида».

Евгений Михайлович оставил нам дневники, стихи, записал по рассказам отца его жизнеописание²; в воспоминаниях он смог колоритно воспроизвести тот глубинный исторический фон, без которого любой образ будет схематичным и неубедительным.

Судьба Чукардиных оказалась в личном плане переплетённой с семьёй подрядчика иконописной мастерской Сергея Павловича Багешева. Мать Евгения Михайловича, Пелагея Васильевна, была замужем в первом браке за Николаем Сергеевичем Багешевым, возглавлявшим, по желанию отца, мастерскую иконописцев. Впоследствии мастерская сгорела; Николай — тоже, но «от водки». Пелагея Васильевна вышла замуж вторично за Михаила Степановича Чукардина, талантливого человека с очень непростой судьбой. Поскольку он был «рождён во грехе», до венчания родителей, то его отец, волостной писарь Фёдор Мельников (калмык по национальности), отказался от незаконнорожденного сына и отдал его на воспитание в семью Степана и Юлии Чукардиных, у которых не было детей. После венчания Мельников хотел взять Мишу обратно, но новые родители воспротивились этому. (Впоследствии одна из родных сестёр Михаила, Зинаида Мельникова, потрясённая историей об отказе, порвёт все отношения со своей семьёй.)

Степан Чукардин, унтер-офицер в отставке, родом был из-под Петербурга, а в Ишиме от-

На побылке в кругу семьи. Слева направо: мать Марии Александровны (?), Михаил Степанович, Римма Евгеньевна, Мария Александровна, Евгений Михайлович. Ишим. 1944. Фотография из архива семьи Чукардиных.

бывал воинскую службу. Женится на Юлии и остался здесь жить. Степан был человеком добрым и относился к Мише как к родному сыну. Но семейное счастье было недолгим. Степан умер от чахотки, когда Мише было пять лет. Юлия устроилась на работу санитаркой в больницу и через год вышла замуж за поляка Валенского. Он работал лесником. Однажды ранил в лесу незаконного порубщика, бросившего на него с топором, за что по зталпу был отправлен на польскую границу. Но через некоторое время он выхлопотал себе возвращение в Сибирь, и семья вновь оказалась в Ишиме.

В 1889 году десятилетнего Мишу на два года отдали учиться в Никольскую церковно-приходскую школу.

Заметив рисовальный талант мальчика, мать отвела его на обучение к С.П.Багишеву, у которого её подруга служила кухаркой. Сергей Павлович имел славу хорошего иконописца. По письменному договору хозяин обязался на восьмилетний срок предоставить юному ученику жилище, одежду и пищу. Посещения матери были запрещены. Юлия имела право видеть сына только два раза в году, на Пасху и на Рождество.

Хозяин определил мальчика учеником к иконописцу Николаю Петровичу Симакову. Миша блестяще освоил мастерство. К сожалению, из всего наследия Михаила Чукардина как иконописца сохранилась единственная работа – образ Абалакской Божией Матери³.

Через год после смерти Николая Багишева Михаил женится на его вдове Пелагее, которая была старше Чукардина на 17 лет, и переходит работать в мастерскую Иосифа Андреевича Хлопотова. По воспоминаниям Риммы Евгеньевны Чукардиной, бабушка была красивой статной женщиной, умела со вкусом одеться и долго

соперничала с молодыми красавицами Ишима своей яркой внешностью.

В 1901 году в семье Чукардиных рождается сын Евгений. Михаил очень хотел, чтобы Еня (так звали его в семье) осуществил его заветную мечту – получил образование. После окончания приходского училища Евгений неполных восемь лет учится в мужской гимназии. В его судьбе принимают участие братья по матери – Багишевы, один из которых, Николай Николаевич, был сельским учителем. Евгений часто гостил у них летом, свободное время проводил на охоте и на рыбалке. В окрестностях Ишима он открывает для себя красоту сибирского пейзажа и гимназистом впервые начинает работать красками с натуры. В августе 1919 года Евгений Чукардин из восьмого класса гимназии был мобилизован в армию Колчака в качестве писаря штаба 15 Сибирского стрелкового кадрового полка.

В декабре того же года, после возвращения в уже советский Ишим, он устроился в земельный отдел ревкома художником-декоратором. Заведующий земельным отделом Е.Клюев сообщил в отдел народного образования о «художнике-самородке Чукардине», и того пригласили работать учителем рисования в школе. В 1923 году Евгения Михайловича снова призвали на военную службу в ряды Красной Армии, но по состоянию здоровья (катар верхушек легких) он был освобожден от воинской обязанности.

Как стипендиат Ишимского окрисполкома в 1923 году Чукардин «для повышения образования» направляется на учёбу в Омский художественно-промышленный техникум имени М.А.Врубеля. В Омске Евгений Михайлович открывает для себя широкий мир художественной культуры. Со дня открытия в техникуме был создан «Кабинет по изучению культуры», в

30-е годы получивший статус музея. Сюда с 1924 года направлялись произведения искусства всех видов и жанров из расформированного Румянцевского музея, Зимнего и Мраморного дворцов, музея Академии художеств, собраний Юсупова, Боткина, Шувалова, Рябушинского. Позднее делились с Омским музеем Третьяковская галерея, Русский музей, Эрмитаж. Так Евгений смог познакомиться с подлинными картинами Серова, Репина, Левитана, Крамского, Шишкина, шедеврами западноевропейского искусства.

Так в Омске, с одной стороны, осуществляется заветная мечта Чукардина; с другой стороны – безденежье и голод (отец не мог оказать материальной помощи сыну) приводят к тому, что он заболевает туберкулезом. Но молодость и лечение побеждают недуг, и Евгений Михайлович не только успешно завершает образование, но и получает направление в ленинградскую Академию художеств как один из лучших выпускников. Однако продолжать учебу в большом и далёком городе без финансовой поддержки было невозможно.

К тому же в Омске Евгений Михайлович познакомился с Марией Александровной Афанасьевой (она получила библиотечарское образование и позднее сделала очень многое для становления библиотечного дела в Ишиме). В 1924 году молодые поженились, в 1925 году у них родилась дочь Римма; в 1926 году вместе с семьёй Евгений Михайлович приехал из Омска в Ишим. До 1931 года он работал учителем рисования и черчения в школе II ступени им. К.Маркса (впоследствии школа № 1), а летом исполнял обязанности воспитателя детской трудовой колонии в Синицынском бору.

В своей автобиографии⁴ Чукардин далее повествует о зачислении его в 1929 году преподавателем в новообразованный Ишимский педагогический техникум (с 1937 – училище). С 1935 по 1939 год также преподавал черчение на Ишимском рабфаке Омского ветеринарного института. В сентябре 1941 года Евгений Михайлович призван в РККА и зачислен художником при полкчасти 119 Омского запасного стрелкового полка, в котором оставался до демобилизации в июле 1945 года. Был награждён медалью «За победу над Германией».

Испытания и тяготы выпали на долю Чукардина немалые; но невзирая ни на что, он следует незыблемому правилу: «Ни дня без рисунка». По воспоминаниям дочери, Евгений Михайлович не только был очень загружен преподавательской работой, но брал на себя большую часть работы по дому: носил воду, топил печи, ухаживал за садом. Через десять лет после смерти отца (Михаил Степанович умер в 1952 году⁵) начал перестраивать отцовский дом⁶.

И каждый день в доме или во дворе, в зависимости от времени года, Евгений Михайлович ставил мольберт и принимался трудиться как художник. В доме Чукардиных сохранились десятки альбомов, заполненных набросками и этюдами. Чаще всего это акварельные зарисовки пейзажей, порой бытовые сценки, выполненные карандашом, пером и тушью. Вот мальчик висит на водоподъёмной колонке: силёнок не хватает нажать рычаг, и он использует обычный

Оформление праздничной колонны педучилища. 1930-е. Фотография. ИКМ.

для детей приём. А вот – прохожие, поразившие художника своим обликом, например, местные «стиляги». Иногда рисунки сопровождаются забавными надписями или заметками о нюансах света и цвета, которые художник бессилен передать. Он пишет маслом, работает цветными карандашами, использует технику гризайль (вид однотонной, монохромной живописи, выполняемой исключительно в сером, белом и чёрном цвете).

Столь честное отношение к своей профессии (а ведь Чукардин долгое время оставался первым и единственным художником-профессионалом в Ишиме!) заставляет задуматься о том, где стирается грань между провинциальным специалистом и непроvincиалом. Наверное, именно там, где художник-педагог ставит перед собой самую высокую планку и стремится её достичь.

Работа Евгения Михайловича как учителя – подвижнический труд. В его кружке в педтехникуме занималось более семидесяти человек в две смены. А выставки учащихся были настолько масштабны, что коллеги в один голос называли его «Учителем с большой буквы», «прекрасным педагогом».

В 1935 году в педтехникуме открылась персональная выставка Чукардина – первая художественная выставка в Ишиме. Хотя экспозиция была лишь трёхдневной (с 1 по 3 мая), в книге отзывов мы находим множество восторженных и порой несколько нелепых записей, что иллюстрирует неоднородность контингента, по-

**«Стиляги». Этюд. Художник
Е.М.Чукардин. Бумага, акварель.
22 февраля 1963.
Архив семьи Чукардиных.**

сещавшего выставку: «в наш Ишим проскользнул настоящий луч света», «привет художнику и любимому преподавателю». А такие записи, которые могли в то время послужить политическим обвинением, вызывают сейчас только улыбку: «не показана борьба рабочего класса», «недостаточна пропорция тела пионеров». Преподаватель М.С.Гаврилова оставила такие строки: «Очень радуемся величайшей победе г. Ишима. Да здравствует ИЗО!» Всего было представлено 87 работ. В ишимской газете «Серп и молот» отмечалось: выставка «подводит итоги десятилетней творческой деятельности художника и заслуживает внимания, как одно из редких в Ишиме явлений художественной жизни».

На обозрение публики Евгений Михайлович представил в основном портреты близких и друзей, эскизы декораций, пейзажи. Однако были в экспозиции и портреты Сталина и Ворошилова. Украшение праздничных колонн демонстрантов, рисование пропагандистских лозунгов – это была неприменная участь и бремя художников той эпохи.

Высокую оценку посетителей получили два крупных исторических полотна – «Торжество» и «Дорога на казнь». Эти картины говорят о влиянии В.И.Сурикова на творчество художника⁷.

**«Посадка деревьев». Художник Е.М.Чукардин.
Бумага, акварель. 1950-60-е. ИКМ.**

Сохранившиеся свидетельства скрупулёзной работы художника над этими картинами могут послужить иллюстрацией этапов подготовки исторической композиции в учебниках для художников. Тщательно и многократно Чукардин отработывает тему в целом и в деталях карандашом, пером и тушью, в акварельных цветовых эскизах, работах маслом.

Ещё в молодые годы Е.М.Чукардин и его жена играли в Ишимском драматическом театре им. Луначарского⁸. В репертуаре драмтеатра были постановки Шекспира, Горького, большой успех получила пьеса «Степан Разин» молодого поэта Василия Каменского. Написанная поэтом-авангардистом, эта пьеса отличалась яркостью и образностью языка и послужила основой для сюжета и названий двух исторических полотен ишимского художника.

30-е годы XX века порой называют временем «ренессанса» в культуре Ишима⁹. Насколько такое определение уместно – вопрос спорный. Но отблески идеала человека эпохи Возрождения в личности Чукардина мы находим. Это возвышенность и взыскательность ума, благородство сердца и жажда познания, чувство собственного достоинства.

Говоря о включённости Е.М.Чукардина в историю художественной жизни страны, можно выделить следующие моменты. Евгений Михайлович оценивал своего отца как яркую, талантливую личность, а мечты Михаила Степановича об идеале во многом воплотились в деятельности его сына. Таким образом, жизнь Е.М.Чукардина стала связующим звеном между дореволюционным и постреволюционным искусством Ишима. Отношение его к искусству как к святому ремеслу является прямым продолжением заветных чаяний его отца.

За время с года 1926-го (когда художник окончил техникум) по год 1935-й (когда он представил свою выставку) произошли большие изменения в советском искусстве. На смену авангардистским поискам приходит реалистическое искусство. Ассоциация художников революционной России (АХРР) – этой организации было суждено сыграть исключительную роль в будущем. «Застрельщиками» в создании АХРР стали живописцы, связанные с Товариществом передвижных выставок. Она была поддержана широким кругом художни-

Художники Г.И.Шарапов, М.Е.Чукардин, А.В.Фомин (слева направо). 1952.
Фотография из архива семьи Чукардиных.

ков, от старейшин (К.Юон, Н.Касаткин, И.Бродский, Ф.Малявин и др.) до учащихся творческих вузов. С этой организацией был связан и В.С.Петров-Водкин. Инициативой АХРР была организация тематических выставок, которые носили характер творческих отчётов, доказывающих «нужность» художников обществу, их «включённость в жизнь страны». Были восстановлены в правах станковые формы искусства: вновь входит в обиход термин «наследие». АХРРовцы в большинстве своём опирались на традицию позднего передвижничества, их основные жанры – пейзаж, портрет, бытовой, исторический. Это была действительно «фиксация жизни». Мы должны учитывать и особые «просветительские задачи» АХРРовцев. Они стремились вступить в диалог с каждым, писали «портрет времени», который мог понять и неискушённый зритель.

Омский техникум им. Врубеля был открыт по решению Наркомпроса и существовал в его системе, поэтому влияние АХРР в обучении художников в сибирском регионе было определяющим.

На упомянутой выставке 1935 года было представлено много разнообразных пейзажей. Путь к ним начинался от зарисовок крыши собственного дома в разное время суток и продолжался лирическими этюдами реки Ишима, Синецкого бора, лесных опушек, полей Пришимья. И позднее пейзаж оставался одним из любимых жанров художника. В коллекции его работ есть листы в технике гризайль, выполненные пером и тушью, карандашом с последующей растушёвкой. Некоторые из них передают ощущение первозданной силы и мощи природы. В них звучат эпические ноты, как во многих графических работах И.И.Шишкина, творчество

которого покорило молодого художника еще в юности.

Есть работы менее эмоциональные. Но они остались для нас драгоценной страницей летописи эпохи, прожитой нашим городом. Акварель «Посадка деревьев перед зданием администрации» при некоторой плакатности вызовет у нас бурю ностальгических чувств. Ведь эти посадки сейчас вырублены, и городской летний сад не шумит уже листвою мощных тополей. А в пейзажах Чукардина мы чувствуем мудрое преклонение перед каждым выращенным деревом, будь то куст акации или сирени, или хрупкие яблоньки, пусть неэкзотичные, но так щедро украшавшие наш город в течение полувека.

Наш город-сад вдохновил многих поэтов на лирические задушевные слова. И сам художник-поэт Евгений Чукардин в своей «Элегии» ощущает прочную связь человека и природы.

Немало работ Чукардин посвятил бору, окрестностям Ишима: «Въезд в Синецынский бор», «Кучум-гора», «Сосны», «Дом отдыха».

Помимо пейзажа, к любимым жанрам Чукардина можно отнести портрет. Он написал серию портретов: отца, матери, бабушки, жены, любимой внучки, многих своих учеников.

Акварельные портреты передают очень тонко хрупкий мир детства, портреты маслом импозантны и парадны (например, «Портрет жены в цыганской шали»). Портрет матери выполнен в стиле провинциального портрета XVIII-XIX века. Критика во время первой выставки определила близость-подобных работ к лубку, но это неверно. Работа, сделанная с фотографии, действительно, достаточно условна, но в ней чувствуется та же «платина времени», что и в портретах живописца Гр. Островского.

Иллюстрация к сказке П.П.Ершова
«Конёк-Горбунок».

Художник Е.М.Чукардин. Бумага, чёрная
тушь, акварель. 1950-60-е. ИКМ.

«Овраг». Бумага, графитный карандаш.
1950-60-е. ИКМ.

Художника волновало и трогало буквально всё. Римма Евгеньевна вспоминает, что отец её был необычайно деятельным человеком, хотя любил порой тишину и одиночество, как любой творческий человек¹².

Евгений Михайлович был страстным любителем чтения. На его полках стояли Шиллер и Шекспир, Пушкин и Чехов, Горький и Шолохов. Книги часто читали вслух для членов семьи и для гостей. Насколько разнообразны были интересы художника, говорят подписки на книги Брема «Жизнь животных», «Историю искусств» Гнедича, книги по истории шахмат и математические головоломки.

Евгений Михайлович очень любил музыку. Сам играл на мандолине, его жена — на гитаре и фортепиано (оно сохранилось в доме Чукардиных). Дочь Римма Евгеньевна училась музыке у частного педагога, играла для гостей произведения Шопена и вальсы разных композиторов. Всей семьёй ходили Чукардины и на концерты в Дом культуры. Сохранились наброски Евгения Михайловича с одного из концертов с надписью «Слушай «Крейцерову сонату» Бетховена».

Дом Чукардиных был открыт для гостей. Здесь бывали разные люди: М.А.Зверев-Лесной, К.А.Осинцев, Г.А.Первышин, Т.П.Курочкин, Г.И.Шарапов, Н.Д.Помешкин, студенты и студийцы. Много спорили, играли в шахматы.

Всю жизнь Евгений Михайлович занимался педагогическим трудом; работал не только со взрослыми, но и с детьми. Вёл кружок в Доме пионеров, а в 1957 году возглавил кружок самодеятельных художников при народном театре (создан в городском Доме культуры его директором К.А.Осинцевым), откуда в 1961 году ушёл на пенсию. Посеянные Чукардиным зёрна дали обильные всходы — эстафету руковод-

ства в кружке, преобразованном в художественную студию, принял его ученик Г.И.Шарапов, который подготовил немало выпускников, продолживших образование и ставших замечательными художниками.

Как педагог, Чукардин покорял всех внутренней культурой, интеллигентностью, мягкостью, деликатностью в общении. И здесь опять хочется вспомнить Петрова-Водкина, который в педагогической работе ставил целью «помочь вырасти художнику» и «не навредить ему при этом». Уважение к традициям, универсализм, связь с настоящим и прошлым, самостоятельность мышления роднят художников-педагогов при всей разнице масштабов творчества.

Евгений Михайлович принимал активное участие в воспитании дочери и внуки. Большой интерес к сказкам поэтому не был случаен в его творчестве. Художник создал иллюстрации к «Царевне-лягушке», «Сказке о царе Салтане», «По щучьему велению»; много работал над серией графических листов (карандашом, пером и тушью) к «Коньку-Горбунку» нашего земляка П.П.Ершова. Внука вспоминала, что эту сказку читали и перечитывали много раз.

Все иллюстрации к сказкам похожи; порой образы переходят из серии в серию. В них мы можем наблюдать стремление к психологизму, использование «местного» материала (так, героини сказок имеют сходство с женой художника). Мягкий графический почерк создаёт в «Коньке-Горбунке» почти живописное богатство оттенков, нюансов белого, черного и серебристо-серого тонов.

Искусство иллюстрации книги переживает в 1930-е годы в советском искусстве своё второе

рождение. Иллюстрация становится излюбленным жанром художников, здесь они чувствуют себя свободными. Сама конструкция книги меняется, вытесняя на второй план проблемы макетирования, занимавшего «книжников» предыдущего десятилетия. Книга возвращается к традиционной форме. Иллюстрация, как правило, монтируется в виде самостоятельного рисунка, гравюры «на тему», не вторгаясь в набранный текст, а сопровождая его портретами героев и изображением событий. То есть мир литературного произведения поддерживается его изобразительной трактовкой. Характерной особенностью книжной графики того времени является обращённость к народной жизни, интерес к национальным традициям.

Все эти черты отличают и иллюстрации Е.М. Чукардина к ершовской сказке «Пьющая Царь-девица», «Иван с пером Жар-птицы», «Ловля Иваном жар-птиц» достаточно отличаются друг от друга. Последние из названных иллюстраций особенно интересны и носят станковый характер. Изумление, восторг настолько точно отражены на лице главного героя, что позволяет ещё раз увидеть в художнике замечательного портретиста и мастера жанра. Как и Ершов, автор добавляет толику добродушного юмора и иронии в характеристику героя, добываясь подлинного созвучия с текстом сказки. Тщательно отрабатывается фон, и здесь автор, опять же, активно использует местный материал в изображении флоры. Он выписывает тщательно каждый листик, добываясь исключительно живописного эффекта.

Хотелось бы верить, что эти работы, наконец, дождутся своего часа и придёт время издать сказку Ершова с иллюстрациями Чукардина. И сам яркий след Евгения Михайловича в истории художественной жизни Ишима требует ещё пристального внимания и осмысления.

Е.М. Чукардин прожил долгую жизнь и скончался в 1985-м, пережив жену на четыре года. И рисовал, сколько позволяли силы – лишь в последние три года ему пришлось оставить любимое дело из-за старческой глаукомы и пережитого сердечного приступа. Уже в преклонном возрасте он написал стихотворение «Элегия», посвящённое Марии Александровне. Грустные строки размышляющего над ушедшими годами художника позволяют увидеть нашего талантливого земляка ещё с одной стороны: как автора, духовный строй поэзии которого богат тонкими обертонами смысла:

*В движеньи дней стремительных – туда,
Где не грозит уже ничто ошибкой,
Вдруг ранит сердце иногда
Картина прошлого несмелою улыбкой.*

*Вот юность. Смех. Огни. Цветы.
Смелы черты мужчин, нежны девичьи руки,
Даль широка и верится в мечты
Под вальса звучного чарующие звуки.*

*В раскрытых окнах – тишина полей,
Струит весеннего благоухания волна,
И сыплет серебро в верхушки тополей
Безмолвная волшебница-луна.*

*Тогда решили жребий свой и мой
Глаза раскосые девчонки строгой,
Что так доверчиво пошла за мной
Моей простой и грустною дорогой.*

*Всё это – далеко, под слудом лет,
Под инеем зимы далёкие те лица
Пора закрыть и свой ненужный след,
Своих стихов последнюю страницу.*

(20 января 1966 г.)

Примечания редакции

1 Автор статьи выражает благодарность за помощь в работе семье Чукардиных: дочери Римме Евгеньевне, внучке Ольге Васильевне, правнуку Николаю; научным сотрудникам фондов ИКМ.

2 Публикуется в этом выпуске альманаха.

3 После установления советской власти М.С. Чукардин занимался изготовлением вывесок, исполняя лишь редкие (в 1920-е гг.) заказы на написание икон частным лицам.

4 Фонды ИКМ, КП 2 237/39.

5 Михаил Степанович Чукардин родился 8 ноября 1879 г., умер 29 декабря 1952 г.; Пелагея Васильевна Чукардина (Багешева) родилась 4 мая 1863 г., умерла 24 декабря 1928 г. Даты указаны по записям, сделанным рукой Е.М. Чукардина в брошюре – церковном календаре на 1927 год, хранившемся среди бумаг художника. Календарём много и активно пользовались – об этом говорят многочисленные карандашные пометки и потрёпанное состояние страниц. Этот факт приоткрывает малоизвестную сторону духовной жизни Евгения Михайловича, которую он должен был тщательно скрывать в советские годы. Известно также, что в 1950-х гг. он принимал участие в написании икон для иконостаса Александро-Невского придела Никольской церкви, заново открытой в 1944 году (*Евгений, епископ (Курочкин И.Т.) На стезе церковного служения // Коркина свобода. Вып. 8. – Ишим, 2006. – С. 84*).

6 Участок на улице Солдатской (ныне Красноармейская), где стоит дом, числится как принадлежащий крестьянке Юлии Яковлевне Чукардиной ещё в «Списке всех дворовых и усадебных мест в гор. Ишиме», составленном в 1896 г. в преддверии Первой всеобщей переписи населения (ГАТО, ф. И-234, оп. 1, д. 1, л. 100б).

7 Можно указать на ещё один источник вдохновения Чукардина как жанрового художника – альбом с черно-белыми репродукциями работ А.Д. Кившенко, изданный в Петербурге в 1896 году и приобретённый художником для своей библиотеки в 1952 году (о чём свидетельствует карандашный инскрипт-автограф Чукардина). В репродукциях таких полотен как «Иоанн III разрывает басму и велит казнить ханских послов» или «Марфу посадницу и вечерю колокол везут в стан Иоанна III» видны переклички с историческими студиями Евгения Михайловича (напр., «Степан Разин», над которым он трудился в 1963 г.) или же с его иллюстрациями к сказкам; в последнем случае также заметно влияние графических иллюстраций П.П. Соколова-Скала из издания «Конька-Горбунка» 1951 года.

8 См. буклет, изданный в Ишиме в 1980-е гг.: Боярхо М.А. Театр им. А.В. Луначарского в г. Ишиме в 1919 году.

9 См.: Бучинский А.И. И вдохнули жизнь – в икону // Аргументы и факты в Западной Сибири. – 1995. – № 23 (65). – С. 6.

10 Кроме того, Е.М. Чукардин хорошо фотографировал. Большинство снимков из семейного альбома сделаны им самим.

История жизни моего отца (по его рассказам)¹

Пусть эта тетрадь будет надгробным памятником той доли жизни, которая канула в вечность.

Мой дед по линии отца – Фёдор Мельников, по национальному происхождению калмык. По натуре способный, окончил уездное начальное училище, имел прекрасный почерк. Служил письмоводителем в канцелярии, потом назначен был в уезд волостным писарем. Человек невыдержанный, без основания самоуверенный, гуляка, склонный к диким поступкам, жестокий, среди товарищей симпатией не пользовался. В молодости пользовался вниманием со стороны девиц, [но] поступал с ними грубо. Чтобы выделиться, был склонен к совершению диких поступков. Как-то во время катания на лодках нарочно опрокинул лодку, – хорошо, что обошлось без жертв. На спор с товарищами закурил в церкви от лампадки. За это ему грозила каторга, но, к счастью, дело замялось. Сверстники его не любили и избегали.

Жена его Екатерина, моя бабушка, была женщиной безвольной и не смела подать голос против него. Дети при нём были безгласны. В его присутствии в семье была тишина, и если малыш нарушал её, то грозный окрик восстанавливал порядок.

Дети были: Михаил, Фёдор, Елизавета, Лидия, Зинаида. Старший, мой отец Михаил, был прижит и рожден ими до брака. Родить ребенка до брака тогда было позорным делом, и, чтобы не испортить карьеры такому важному в селе лицу как волостной писарь, ребёнок был отдан на воспитание простым людям Степану и Юлии (Юлии) Чукардиным, – чтобы потом, как говорила бабушка, Екатерина Мельникова, после совершения брака, взять Мишу обратно. У Чукардиных своих детей не было. На требование Мельниковых возвратить ребёнка они ответили отказом и вписали его в свои документы.

Степан Чукардин человек был добрый, жалел Мишу и говорил: «Подрастёт, отдам его в школу, буду учить, дам ему образование». Юлия в противоположность Степану была женщина с расчётом: «А может, Степа, это Бог нам счастье даёт». Степан был из-под Петербурга². Отбывал здесь, в Ишиме, воинскую службу. Демобилизовался в звании унтер-офицера³, женился на Юлии и остался здесь жить. По характеру – спокойный, выдержанный. Иногда подсмеивался над неспокойной и задиристой Юлией. Она гордилась тем, что она – жена унтер-офицера и в стычках с соседками выставляла им это на вид.

Степан был выше среднего роста, блондин, с мягкими чертами лица. Юлия – стройная, подвижная, [имела] сухое лицо с правильными чертами. Энергичная, смелая, но горячая и сварливая. Юлия была неграмотна. Степан любил в свободное время почитать книжку, купленную

Н.С.Багишев с женой Пелагеей Васильевной (во втором браке – Чукардина). 1890-е. Фотография Н.А.Лузьянова (?). Архив семьи Чукардиных.

на базаре или на ярмарке. В зимние вечера все трое сидели на печке. Керосиновая лампа – на подойнике. Юлия слушала чтение, плакала над несчастьем и расплялась гневом, её лицо подёргивалось от ненависти к злему персонажу в книжке; она жалела, что этого человека нет сейчас здесь, чтобы с ним немедленно расправиться.

Степан недолго жил. Мишке было пять лет, когда умер вочим от чахотки. Был душный летний день. Окошки и двери открыты. Мишка один, забившись на печку, испуганно выглядывает вниз. Посреди комнаты на полу, на подстилке лежит Степан; туда положила его Юлия перед уходом на работу, чтобы прохладнее было. Около него – тарелка ягод, принесённая сосвдом, приходившим его проведать. Степан недвижим, глаза его широко открыты. Мать на работе, дома никого нет⁴.

Юлия с Мишкой остались одни. Она уходила на работу в больницу, где работала санитаркой, а его оставляла под присмотр хозяйки. За шалости наказывала его, но попытки соседских ребятшек обижать малыша пресекала реши-

Икона, которой были благословлены молодожёны Николай и Пелагея Багишевы. Иконописец С.П.Багисhev (?). 1890-е. Архив семьи Чукардиных.

Келейная икона Божией Матери «Абалакская». Иконописец М.С.Чукардин. Нач. XX в. Богоявленский собор г.Ишима.

тельными мерами, и соседи, зная характер её, следили, чтобы ребята не обижали Мишу.

Через год после смерти Степана к ней приехал поляк Валенский — энергичный, деятельный, горячий по характеру. Они поженились. Если со спокойным Степаном они жили сносно, то теперь часто возникали перебранки. Непредвиденное несчастье круто ухудшило их жизнь. Валенский, будучи лесником, обнаружил в лесу порубщика, который бросился на него с топором. Валенский, выстрелив, тяжело ранил его. Суд присудил его к высылке этапным порядком на родину, в Польшу. Вместе со ссылкой шли их семья.

Несколько месяцев тянулась дорога этапом. Холод, дожди, грязь, брань конвоиров. На остановках этапа жители попутных селений приносили милостыню. Женщины плакали над детьми арестантов, старались дать им что повкуснее, особенно в праздники. Арестанты этапа любили детей и, где можно, облегчали им тяжесть пути⁵.

Село — место ссылки Валенского — находилось на самой польской границе. Жители были поляки. Русские — только солдаты-пограничники. Молодые парни-сибиряки были рады появлению земляков. Мишка сразу попал в центр внимания. Его зазывали на перерыв, садили есть с собой, давали лучшие куски из котелков, учили петь солдатские песни. Из списанного обмундирования сшили ему солдатскую форму. Офицеры не препятствовали.

Семья Валенских недолго была в Польше. Валенский выхлопотал себе возвращение в Сибирь. Возвращались через родину Юлии — Орловскую губернию. Заехали в село, к родным, к отцу-старика. Недалеко от села стоял господский дом. Ещё будучи крепост-

ными, вся семья Юлии служила там дворовыми. Отец был бурмистром⁶. Юлия вспомнила, как господские барышни брали её с собой купаться в летнее время и баловались с ней на реке.

Прощание с родными было печальное. Провожали в далёкую Сибирь. На то, чтобы свидеться [ещё], надежды не было. Провожали до покотины⁷. Юлия плакала и, обращаясь взглядом назад, долго ещё видела сутулую фигуру отца, опершегося на палку.

Когда перевалили через Урал, Валенский сказал: «На шаньги переехали!»⁸

1889 год, Мишу отдали в церковно-приходскую школу⁹, построенную одновременно с [Никольской] церковью и домом для причта¹⁰ по завещанию и на средства умершего купца Черняхова¹¹, — каменное двухэтажное здание с большими узкими окнами¹². Он ходил с матерчатой сумкой на ленте через плечо. В сумке были букварь, аспидная доска¹³, чернилка-непроливайка. Всё черновое письмо делали на аспидной доске грифелем и только на чистовую писали в тетрадях. У Миши был хороший слух, и [он] пел в церкви на клиросе. В морозные дни, возвращаясь из школы, шли шумной ватагой. Шедший с ребятами пьяненький дьякон, их законоучитель, брал худо одетых ребят к себе под полы тулупа.

Валенский заделался торгашом-мелочником. С Юлией они жили плохо. По причине её сварливого характера были частые ссоры.

Июльская жара. Лошаденка, где рысцей, где шагом, тащит их телегу по пыльной дороге. Они сидят на телеге с завязанным в пологе мелочным товаром. Юлия жалуется на нездоровье, высказывает предположение, что причиной является табак и просит у мужа совета: не бросить ли ей курить? Тот советует ей табакерку не

М.С.Чукардин в пору работы в мастерской И.А.Хлопотова. На обороте – подпись: «На память Ене от папы». Декабрь 1906. Фотография П.И.Жилина. ИКМ.

выбрасывать и попробовать не курить. Она говорит, что имеющийся при себе табак будет соблазнять и бросает табакерку и курительную бумагу на дорогу. После чего Юлия чувствует себя обновленной. Валенский хочет остановить лошадь, чтобы поднять брошенную табакерку, но жена запрещает ему это делать.

Вскоре весёлое и довольное настроение от совершенного покидает её. Она замолкает, потом несмело говорит мужу, что хотя ей и хочется курить, она поборет это желание и курить не будет. Чем дальше, тем настроение больше портится. Через паузу она объявляет о своем желании покурить. Муж отвечает молчанием. Потом она спрашивает: далеко ли в возу табак? Муж отвечает утвердительно и советует ей потерпеть до деревни, где они будут распаковывать воз для продажи товара. Юлия начинает плакать и укорять мужа в жестокости и, накаляясь всё больше, вдруг останавливает лошадь, соскакивает с воза, выхватывает топор, заткнутый на возу, и рубит связывающие его верёвки. Валенский отталкивает её, достаёт из-под полога осымущу махорки, курительную бумагу и с руганью бросает ей. Восстановив порядок на возу, едут дальше.

При всей несдержанности Юлия была верным и неизменным другом, когда кто-либо задевал [мужа] со стороны. Так, на суде по поводу ранения браконьера, когда Валенского приговорили к высылке по этапу на родину, Юлия крикнула на весь зал, что приговор судьи не-

правилен, и что судье такому надо не за столом сидеть, а под столом. Оскорбленный судья сказал ей: «Ах ты, дрянь!» На что Юлия ответила: «Дрянь, да из дворян!» Оскорбление суда грозило Юлии высадкой, но дело как-то замялось¹⁴.

Две зимы мальчик посещал школу. Учительница хвалила его за тихий нрав, способности к рисованию. Юлия задумывалась об определении его к мастерству. Подруга её служила кухаркой у иконостасного подрядчика Багишева. Через неё и через хозяйку была подготовлена почва, и Багишев велел привести мальчика. Составили письменный договор: хозяин обязывался в восьмилетний срок обучить Мишу иконописному мастерству, предоставить жилище, кормить, одевать. Мальчик за это обязан был выполнять всякую работу, какую бы ни заставил [делать] хозяин. Посещение матери было запрещено, Юлия имела право посещать сына только два раза в год – в Пасху и Рождество.

Дом Багишева находился на Больше-Никольской улице против большого двухэтажного здания духовного училища, рядом с домом купца Еманакова¹⁵, выходящего фасадом на Соборную площадь, западная сторона которой обрывалась крутым берегом к старому руслу реки Ишим, а восточная – к новому¹⁶. В центре площади возвышался старинный двухэтажный каменный собор в честь Богоявления Господня. В нижнем этаже совершались службы в обычные дни, а в верхнем – в праздничные. Собор был расписан масляными красками. Снаружи, над входом, была написана большая картина «Крещение Господне». Внутри на стенах от пола до потолка были написаны фигуры апостолов и святых. На арках – большие картины из Библии и Евангелия. Мне запомнилась с детства большая картина из Библии «Сон Иакова». Кроме собора на площади были: уездное (четырёхклассное) училище, детский приют, ночлежка – дом для ночлега нищих, бедняков. В нём могли переночевать бродячие. Конечно, этот дом был под контролем полиции. В нём оказывались и пьяницы, пропившие с себя всё донага.

Багишев Сергей Павлович был единственным подрядчик по иконостасным делам в городе, уезде, да и в ближайших городах имел иногда заказы¹⁷. Человек был деловой, злой, раздражительный, религиозный. Будучи сам иконописец, при перегрузках заказами постился, ходил к исповеди, общался [Христовых Таин] и садился за мольберт. Дела его портили изредка запои, которые случались при сдаче заказа. Получив изрядную сумму денег, он выставлял своим мастерам ведро водки, отказываясь сам пить. Мастера, расположившись около церкви на лужайке и зная слабость хозяина, упрасивали его, льстили, отказывались без него пить и просили выпить только одну... Эта одна рюмка была наклонной губительной плоскостью, на которой он не мог удержаться. На следующий день мастеров отправлял домой в город, а сам оставался пьянствовать. При нём появилась любовница – деревенская потаскушка, музыкант <фамилия нрзб.>, который развлекал его.

Семьи Багашевых и Чукардиных. Крайние слева – Александр Николаевич Багашев с женой Александрой (учителя), их дети Зинаида и Анфиса. Слева направо, стоят: Евгений Чукардин, ученик приходского училища; Владимир Николаевич и Николай Николаевич Багашевы, также учителя. В центре, в очках – их мать Пелагея Васильевна. Слева от неё стоит муж, Михаил Степанович Чукардин. 1910. Фотография П.И.Жилина. ИКМ.

Потом он сваливался, болел, пил лёжа.

Сообщали его жене. Та приезжала и начинала его поправлять. Остановив его запой, больного увозила домой.

Жена его Агафья Егоровна, хозяйственная, сварливая, скупая, мужа боялась как огня. При нём говорила шёпотом. Старший сын Виссарион был часовщик, жил отдельно. Средний Иван – хороший резчик, работал у отца в мастерской. По примеру отца пил. Не имея денег на выпивку, воровал инструмент и пропивал¹⁸.

Все сыновья были женаты. Старика Багашева заботила мысль, кому передать руководство мастерской. Больше надежд было на младшего сына Николая. Он не был хорошим специалистом по отдельному мастерству, но знал все виды производства и мог руководить мастерской. Но помешать ему в этом деле могло слабоволие и отсутствие твёрдого характера. Николай недавно женился. Жена его Пелагея [Васильевна] была дочерью ларихинского диакона. Вышла замуж убегом, что было тогда в моде. Полинька (Пелагея) была высокая, стройная, с правильными чертами лица.

Одна дочь Сергея Павловича Лариса была замужем за учителем Ишимского городского училища Субботиным.

Мастеров в мастерской было в среднем 15 человек. Половина – здешние, половина – странствующие: из других иконостасных мастерских, монахи- послушники из монастырей, некоторые устраивались только на зиму, [а] с наступлением тепла требовали свой паспорт, рекомендацию и уходили на лето промышлять самостоя-

тельно по церквам. Мишку для учения иконописи определил хозяин к иконописцу Николаю Петровичу Симакову [Он был] сухонький, никогда не улыбающийся, самолюбивый иконописец. Первым заданием был круг, наряду с другими работами.

Хорошим иконописцем был Володин, но [и] пьяницей. В похмелье, не имея денег, мог совершить любую подлость. Пользуясь его слабостью, мастера от скуки занимали его искупаться в жарном чану на площади. Вода в нём была зацветшая, в него бросали всякую дрянь, [вплоть до]дохлых кошек. И, при общем веселье, Володин раздевался и лез за двадцать копеек в чан. К тому же он был нечист на руку: украл у мирового судьи охотничье ружьё и получил год отсидки. Узнав через начальника тюрьмы про наличие художника среди арестантов, вся знать города пожелала иметь портреты с себя, за которые Володин получал привилегии и водку, [которой] слоил всю тюрьму.

Коренным мастером был столяр Виноградов. Могучего телосложения, с большой чёрной бородой, внешне похожий на разбойника; грубый, вспыльчивый, насмешливый. Имел много детей. Всем детям дал образование: один – учитель, другой – фельдшер и т.д. С детьми обращался грубо. Когда, садясь за обед, один сказал, что проголодался так, что дров – и тр бы наелся, отец злорадно расхохотался и, указывая через окно на дрова, ответил: «Ах, аспид, дьявол, а!» (Это была его поговорка.) Вон поленница – иди, жри!» Человек был бесстрашный! Когда...¹⁹

Примечания редакции

1 Оригинальное название: «История жизни моего отца, живописца Михаила Степановича Чукардина (по его рассказам)». Публикуется по рукописи из фондов ИКМ (КП 2 236/39). Записи сделаны на пяти тетрадных листах в разное время чернилами и шариковой ручкой, что позволяет датировать их 1960-70 гг.; т.е. они сделаны Е.М. Чукардиным по памяти, уже после смерти отца.

2 В рукописи — Ленинграда.

3 Унтер-офицер — военнослужащий младшего командного (начальствующего) состава в российской армии до 1917 года.

4 Окончание первой части, записанной фиолетовыми чернилами.

5 Окончание второй части, записанной фиолетовыми чернилами.

6 Бурмистр — управляющий помещичьим имением; староста, назначенный помещиком (как правило, из крестьян).

7 Паскитина — пастбище, выгон (за сельской оградой).

8 Окончание части, записанной синими чернилами.

9 Церковно-приходская школа — двухклассное низшее учебное заведение при церковном приходе, дававшее основы знаний по русскому языку, арифметике и Закону Божьему.

10 Причт — церковнослужители, работающие при храме.

11 Правильнее: Черныковского.

12 Ныне это здание занимает историко-краеведческий музей (ул. Ленинградская, 29).

13 Аспидная доска — небольшая доска, покрытая темной краской, для письма грифелем (мелом).

14 Окончание первой части, записанной синей шариковой ручкой.

15 Это подтверждается и «Списком всех дворовых и усадебных мест в гор. Ишиме», составленном в 1896 г. в преддверии Первой всеобщей переписи населения: усадьба мецанина Сергея Павловича Багидова значится третьей от Соборной площади, после домов О.А. Еманюкова и Ю.И. Кошечковой (ГАТО, ф. И-234, оп. 1, д. 1, л. 4).

16 В 1950-х гг. западную часть площади застроили двухэтажными деревянными жилыми домами; на восточной стороне после сноса здания бывшего увядного училища в 1980-х гг. построен 2-й корпус педагогическо-

Портрет отца за чтением.
Художник Е.М. Чукардин. Бумага, цветной карандаш. 1921. Архив семьи Чукардиных.

го института, на месте снесенного в 1960-х гг. дома Еманюкова выстроен двухэтажный кирпичный жилой дом.

17 Речь идет о конце XIX в. — времени, когда в Ишим ещё не переехала иконостасная мастерская И.А. Хлопотова; см. статью о ней в этом выпуске альманаха.

18 Окончание второй части, записанной синей шариковой ручкой.

19 Окончание части, записанной черными чернилами. На этом многоточии рукопись обрывается.

Е. А. ГОРДЕЕВ

Мой прадед — фотограф Пётр Жилин

Мамины воспоминания

Я родился в Свердловске в 1959 году. Моя мама, Нина Викторовна Жилина, родилась 26 декабря 1926 года в селе Ильинском (ныне — в Казанском районе Тюменской области). Мамины родители, Виктор Петрович Жилин и Наталья Николаевна Тисова, по неизвестным мне причинам в 1930 году разошлись. Дедушкин отец, ишимский фотограф Пётр Иванович Жилин не одобрил развод. С сыном произошла размолвка, и мой прадед забрал невестку с внучкой (моей мамой) жить к себе. Так мои мама и бабушка оказались в Ишиме.

По воспоминаниям, жили они в маленьком однокомнатном домике в районе «хутора», по видимому, съёмном. Во дворе был ещё меньший домик, в котором жила мать Петра Ивановича; в 30-е годы она умерла. Дедушка работал

в артели фотографом, у него была своя аппаратура. Мой прадед, по маминим воспоминаниям, обладал большой внутренней культурой, был человеком достаточно образованным (закончил гимназию). Его жена, красавица-полячка, в Первую мировую ушла на фронт сестрой милосердия и не вернулась. И спустя много лет мамин дед тяжело переживал потерю любимой.

До 1948 года мама росла под заботливой опекой своего дедушки. «Когда была маленькой, — вспоминала она, — я стеснялась здороваться. Дедушка учил меня так: рассказывал в комнатке игрушки, приглашал меня и предлагал их приветствовать: «Здравствуй, зайчик! Здравствуй, кукла!» Однажды, во время прогулки по городу, дед показал большой дом и сказал: «Раньше мы жили здесь».

Мама закончила школу-семилетку № 5. Все военные годы, с 16 лет, работала на швей-

Возвращение в Ишим

Увеличенный портрет А.А.Евсеева, 1900. Один из первых датированных снимков П.И.Жилина. ИКМ.

ной фабрике, шила гимнастёрки. После войны пошла учиться. В Ишиме было два училища: медицинское и педагогическое. В первое мама олоздала, пошла во второе. Вступительное сочинение написала на двойку. Тогда она пришла в партком училища (в 18 лет мама вступила в кандидаты коммунистической партии): «Я всю войну работала и многое забыла, но я член партии и хочу учиться». Её зачислили.

В 1948 году она по распределению уехала в Свердловск. За ней последовала бабушка. Прадед остался в Ишиме. На какое-то время связь с ним, в силу маминой молодости и бабушкиной неграмотности, прервалась. Некоторое время спустя мама пыталась разыскать своего дедушку, но безрезультатно. Прощаясь с внучкой, Пётр Иванович Жилин рассказал о своей давней мечте – переехать в Ташкент. Быть может, он осуществил своё заветное желание и провёл последние годы в солнечном Узбекистане, или помирился с сыном и жил у него...

Вот и всё, что я знал о прадедушке. К сожалению, родители и родственники, помнившие былое, ушли из жизни раньше, чем у меня пробудился интерес к биографиям предков.

И ещё сохранилось два десятка семейных фотографий – работы прадеда, сделанные в 1920-30-е годы. Три из них – особенные. На них – мама, девчонка лет 12-ти, но эти портреты наклеены на дореволюционные фирменные паспарту с золотым тиснением: «г. Ишимь, П.И. Жилинь». На обороте – два ангелочка с мольбертом и палитрой, надпись: «Художественная фотография П.Жилина, г. Ишимь, негативы хранятся».

Я бывал в Ишиме только в детстве, проездом, по дороге на отдых к родственникам, живущим в Казанском районе (бабушкины двоюродные сёстры и их дети, внуки). Во время последней поездки мне было лет 12-14. Связь с родственниками сошла на нет. Прошло три с половиной десятка лет. И вдруг – стало появляться почти навязчивое, непонятное желание съездить в Ишим. Повидаться с четвероюродными братьями и сёстрами? Пройтись по деревенским улицам, по которым бегал мальчишкой? Живущие в Москве и Екатеринбургe троюродные тётушки, родом из Ишимского района, в силу преклонного возраста компанию мне составить не смогли, но в путь благословили.

И вот в сентябре 2007 года я приехал в совершенно незнакомый и одновременно родной город Ишим. Преодолев стеснение, зашёл к сотрудникам уже закрывшегося для посетителей краеведческого музея.

– Мой прадед жил в Ишиме лет сто назад, быть может, у вас есть какая-нибудь информация о жителях того времени?

– А кем он был?

– Да, пожалуй, простым обывателем.

– Нет, о простых жителях у нас информации вы не найдёте.

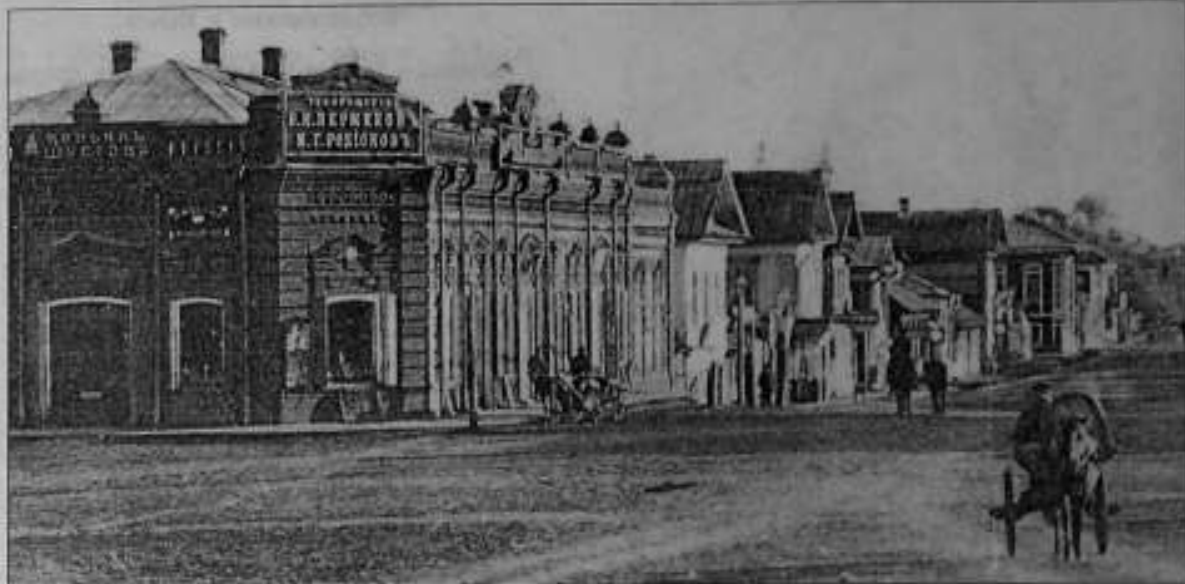
– Ну, он ещё держал фотоателье, фамилия Жилин.

– Жилин?! Жилинская фотография! Да это же...

Признаться, я очень удивился тому, что прадед известен работникам музея, его работы хранятся в фондах и экспонируются, а биография предка интересует краеведов. Был бы он, например, протезистом, – то есть человеком не менее полезным, чем фотограф, но работавшим без фамильного клейма, – история вряд ли бы сохранила память о его работе. Но, с другой стороны, художественная фотография – это вид искусства, где автор по закону имеет право на имя.

На следующий день брожу по музейным залам, разглядываю работы прадеда: солдаты Первой мировой в папахах, миловидные женщины, купцы, дети...

Практически никаких сведений о фотографии в музее, как и у меня, не оказалось. Не были известны даже его имя и отчество. Со стыдом признаю, что отчество я и сам забыл. Назвал Петром Ильичом, а не Ивановичем. Удивление вызвала моя информация о том, что Жилин жил и работал в Ишиме и после революции. Считалось, что он покинул город вместе с «буржуями». Записали мой пересказ маминых воспоминаний – и то, что носил Жилин бородку; и то, что по выходным выпивал за обедом рюмку водки; и то, что учил внучку рисовать и ретушировать фотографии. Подтвердилась семейная легенда о его жене: в Ишиме жило много поляков; в Первую мировую из города на фронт ушло много сестёр милосердия. О самом же мастере – больше вопросов, чем ответов: где и когда родился и умер, сословие, местоположение мастерской, в каком году начал снимать? Не было и снимков с его изображением.

Фронт застройки ул. Малой Никольской, вид от Базарной площади. В шестом слева одноэтажном доме, вероятно, находилось ателье Н.А.Лузьянова. 1911. Фототипия. Издание магазина Я.В.Башмачникова. ИКМ.

При таком интересе ишимских историков к памяти моего прадедушки я не мог остаться в стороне. И начал поиски.

В архиве ФСБ

Мама вспоминала: «Однажды дедушку арестовали. Его не было несколько дней. Вернувшись, сказал с грустной усмешкой: «Просили сдать золото». Кажется, что арестовывали дважды». По маминым воспоминаниям, жили они небогато, никакого золота не было. Но в начале тридцатых страна нуждалась в средствах на индустриализацию. Всех, у кого они могли оказаться, приглашали в НКВД и предлагали добровольно «проявить сознательность». Некоторые после таких приглашений, даже ничего не имея, покупали что-нибудь из серебра и сдавали государству. Предполагаю, что после этого случая мой прадед и сделал большой портрет внуки (27 на 38 см) с подписью: «Память от дедушки фот. П.Жилина 1933 г., г. Ишим».

Надеясь, что этот арест как-то зафиксировался, иду в Управление ФСБ по Тюменской области. Через пять минут вышла сотрудница архива. Небольшие формальности по подтверждению родства... «Подождите немного». Ожидая обычного чиновничьего предложения позвонить через месяц. Спустя 10 минут (!) девушка вернулась с папкой: «Есть у нас упоминание одного Жилина П.И., посмотрите, может, ваш».

Листаю архивное дело № 3315.

Заключительный акт по обвинению от 3 апреля 1921 года... Подпольная организация в Ишиме с целью свержения советской власти... По скудным строчкам дела можно воссоздать ситуацию в городе в 1918 году. От чтения захватывает дух: склад оружия, бомбы, план по взрыву моста, колчаковцы, эсеры, меньшевики, аресты, расстрелы... В деле – список из 95 фамилий. Краткие справки по 5-10 строк на каждого: анкетные данные, обвинение. Купцы, учи-

теля, врачи, крестьяне, офицеры, священники – практически все именитые ишимцы.

Под № 80: «Жилин Пётр Иванович, 45 лет, профессия фотограф, обвиняется в том, что оказывал материальную поддержку подпольной организации в г. Ишиме по свержению Соввласти, а также жертвовал на формирование Ишимской батареи и карательного отряда Сивковского, Григорьевского и Тумановского в 18 и 19 гг. В данное время неизвестно где находится»¹. Между машинописных строк – приписки карандашом, сделанные уже в 1930 году: «Здесь, работает в артели Бытовик» и «сын здесь, жен(ат), работает милиционером ст. Маслянская(ая)»². В НКВД ничто не забывается.

В 1955 году Управлением КГБ по Тюменской области было принято решение об изъятии из оперативно-справочной картотеки и уничтожении учётных карточек на 31 человека из проходивших по делу. Попал в этот список и Жилин – «за малозначительностью материалов»³. Каких-либо сведений о том, был ли суд по результатам следствия, проведённого Тюменской губернской Чрезвычайной Комиссией в 1921 году, ФСБ не располагает.

Гонениям прадед, по-видимому, всё же не подвергался, но «на учёте» стоял. По материалам, найденным сотрудниками ИКМ, фотограф П.И.Жилин в 30-е годы упоминался в числе руководителей и членов правления кустарно-промысловых артелей города. Поэтому и своё фирменное клеймо на работах уже не ставил, как это делал фотографы-частники эпохи НЭПа. (В моей коллекции старых фотографий есть датированные 1928 и 1929 годами две работы ишимского мастера И.А.Белехова, наклеенные на его именные паспарту, изготовленные в советское время.) Пережил прадед и репрессии 1937 года. Но, понимая, что списки врагов народа хранятся вечно, именно в зиму 37-38 годов он во дворе домика снимает серию прекрасных портретов своей двенадцатилетней внучки. Хорошая

Ишимские учителя. Снимок, обнаруженный под портретом Натальи Жилиной, невестки фотографа. 1910-е. Фотография П.И.Жилина. Архив автора.

фотобумага, фирменные паспарту с золотым тиснением из дореволюционных запасов. Единственной внучке Пётр Иванович старался дать лучшее. На девочке хорошее пальто, валенки новые, не подшитые, улыбка на лице.

Тайна бабушкиного портрета

Вернувшись из Ишима, достал старые фотографии. В семье хранится ещё один большой (27 на 37 см) портрет бабушки, маминой мамы, с автографом «Фот. Жилин 1932 г.». Неожиданно замечаю, что угол снимка отошёл от картонного основания. Отгибаю уголок и вижу: портрет наклеен на фотографию! Виден фон с помпезной колонной и лица двух молодых женщин и мужчины-чиновника. Судя по размерам, под бабушкиным портретом скрыты изображения ещё человек десяти.

Только через месяц, после консультаций у химиков, которые убедили меня, что в то время использовался натуральный клей на водной основе, решился на «операцию». Полчаса держал фотографию в тёплой воде. Осторожно начал отгибать верхний снимок. Ничего подобного я раньше не видел! Три священника с крестами (у одного, убеленного сединами, ещё и орден на груди), три чиновника в мундирах, пожилой мужчина в штатском и восемь незнакомых женщин разных возрастов бесстрастно взирали на меня со снимка столетней давности.

Несколько дней сушил находку под грузом, завернув в ткань. Вклеил с помощью пинцета, под лупой, оторвавшиеся кусочки фотозмультисии. Предварительно они были выловлены из ванны ситечком и разложены на блюдечке. Снимок

сохранился практически без утрат, не пострадал и портрет бабушки. Качество изображения оказалось таким, что при увеличении на мониторе компьютера, после сканирования, стало видно, что кольцо у пожилой женщины, сидящей в центре, имеет надпись!

Сама же находка не имела подписей. Утверждать, что снимок имеет отношение к Ишиму и сделан прадедом, было бы преждевременно. Мог ведь Жилин использовать в 1932 году основанием для своей работы и чужой снимок? Кто изображён и что объединило на одном снимке пятнадцать женщин и мужчин разных возрастов и из разных сословий? Пока только вопросы.

Как работать в архивах

За прошедший с первого визита в Ишим год я дней 10-12 провёл в архивах Ишима, Тюмени, Тобольска и Екатеринбурга. Это учреждения, где царит порядок. Дай Бог, чтобы архивы в России избежали новаций и «перестроек», о которых нет-нет, да и слышишь от некоторых недалёких чиновников, желающих «сэкономить» (для кого?!) на здравоохранении, образовании, культуре, истории нашего народа. Заграничные «друзья» всегда мечтали о превращении нас в иванов, не помнящих родства.

Изучение биографий предков на фоне истории страны оказалось для меня познавательным и увлекательным занятием. Кажется, я смог заинтересовать и своего двадцатилетнего сына. На его столе появились серьёзные книги, он начал смотреть умные телепередачи, интересоваться искусством, пробовать себя в фотогра-

П.И.Жилина
 «На добрую память дорогой подруге...
 от Таши Коростелёвой». Июнь 1912.
 Фотография П.И.Жилина. ИКМ.

фии. Этот незапланированный результат моих изысканий – самый приятный.

В государственных архивах может работать любой желающий, и бесплатно. Документы систематизированы по фондам. У каждого фонда есть описи, в которых перечислены единицы хранения, или дела: указаны название дела, охваченные годы, количество листов. Сам выбираешь по описям нужное дело, заказываешь его для просмотра. Опытные сотрудники архива могут подсказать начинающему исследователю, где может быть найдена интересующая информация. Гарантий успеха нет. Можно перелистать тысячи страниц и ничего не обнаружить. Обычно заказ приносят на следующий день. Возможно, если посетителей немного, вам предоставят документы сразу, особенно если вы приезжий. Существует лимит объёма документов для одного заказа – около 500 листов. Копирование платное. В Тюмени заверенная копия одного документа стоила 100 рублей, в Тольском – 150.

Некоторые фонды Тольского архива оказались временно закрыты. Недоступны основные документы для генеалогических исследований за период до 1917 года: метрические книги церквей, материалы Первой всероссийской переписи населения 1897 года (ф. И-417). Подлинники бесценных документов сканируются. Ожидается, что с их электронными копиями можно будет знакомиться через 2-3 года. Можно заказать за разумную плату просмотр документов, в том числе закрытых. Это сделают сотрудники

Н.А.Лузьянова
 «Отъ Н.Г.Короткова». 1915. Фотография
 Н.А.Лузьянова. ИКМ. (Фон, идентичный
 фонам на снимках П.И.Жилина.)

архива. В некоторых случаях такой способ поисков предпочтительнее: оплата услуг профессионалов меньше затрат на поездки. Но в этом случае уже не получишь удовольствия от просмотра и чтения исторических документов: желтоватая бумага, витиеватый почерк, резолюции по краям... Воображение начинает рисовать давно ушедших от нас людей с их ежедневными делами и заботами.

И, конечно же, азарт охотника, и удовлетворение, радость от находки хоть крупинцы интересной информации после многочасовых поисков – это затягивает. В архивах узнавал таких же «подсевших» завсегдатаев. Один пенсионер сказал мне: «Я работаю над родословной десять лет, дошёл до конца XVII века». А молодой врач проводит отпуск в архиве с целью создать словарь фамилий своего города начала XX столетия.

Помимо метрических книг существует ещё ряд документов, содержащих сведения о предках. Во-первых, это исповедные (духовные) росписи, хранящиеся в фондах церквей. Население до революции делилось между приходами. Ежегодно каждое семейство должно было являться в храм для исповеди и причастия. Священнослужитель регистрировал каждого в специальной книге, отмечались и те, кто не пришёл (по малолетству, из-за отлучки, по болезни).

Второй вид посемейных списков – ревизские сказки. Это документы, при помощи которых пытался разбогатеть гоголевский Чичиков. Сказки систематизированы по округам (уездам), а

Виктор Петрович Жилин (сын фотографа) с Натальей Николаевной Тисовой. 1918-19. Архив автора.

Н.Н.Жилина (Тисова). Под этим крупноформатным отпечатком был обнаружен дореволюционный снимок ишимских учителей. Ишим. 1932. Фотография П.И.Жилина. Архив автора.

внутри округа – по волостям, сёлам и деревням. По Ишимскому округу сохранились сказки ревизий за 1782, 1795, 1812, 1816, 1834, 1858 и 1858 годы. Эти документы создавались для учёта податного населения, налогоплательщиков⁴.

Биографическая информация содержится также в формулярных и послужных списках чиновников, городских обывательских книгах (списки горожан с указанием имущественного положения и профессии), рекрутские списки (перечень годных к военной службе).

В итоге можно гарантированно найти биографические сведения о любом человеке, жившем до 1917 года, но при условии, что известно, откуда он родом. Происхождение П.И.Жилина было туманно.

Я просмотрел в Тюменском архиве исповедные росписи ишимского Богоявленского собора за 1914 год. Но сведений о прадеде не нашёл (возможно, он жил в другом приходе). Зато наткнулся на сведения о других родственниках. За 12 верст приехал на исповедь дедушка маминых троюродных сестер, крестьянин деревни Гагариной Алексей Иванович Шахлин с семейством⁵. Детей у него было семеро. В годы революции он потерялся, и ребёнок поднимала его жена Татьяна Митрофановна, родная сестра второй маминной бабушки. Мне известны три дочери Митрофана. По семейной легенде, они по национальности гагаузы, выходцы

из Молдавии. Между собой тётки шутили: «Мы – цыгане». Какой ветер занёс их в Ишим, какую фамилию носил Митрофан – не было известно, но яркая «восточная» внешность и особый темперамент бессарабских предков пробивается у моих родственников по его линии и через сто лет.

Подобных попутных интересных находок было много, но абсолютно никаких сведений о прадедушке-фотографе. Достоверно известно, что он прожил в Ишиме до лета 1948-го, тогда ему было уже 73 года. В архивах ишимского отдела ЗАГС не нашлось сведений о его смерти. Обращения в паспортный стол, УВД, Пенсионный фонд также ничего не дали.

Я цеплялся за каждого обладателя родной фамилии. В итоге список Жилиных, упомянутых в различных документах, превысил два десятка. Встретился и один подходящий по возрасту Пётр Иванович, 1872 г.р., крестьянин деревни Пахомовой, но детей у него было много, и среди них не было сына Виктора.

В архивах Тюмени и Тобольска я искал Жилина как прихожанина, как фотографа, как учащегося гимназий, как домовладельца, как осуждённого... Тысячи перевёрнутых страниц архивных документов приносили только отрицательный результат.

Ишимские находки

В сравнении с другими городами архив Ишима – настоящий рай для исследователей.

Члены новообразованной артели «Бытовик» (?). В 1-м сверху ряду, 3-й слева – И.А.Белехов (в бывшем ателье которого, судя по фону, сделан снимок); во 2-м ряду 2-й слева – П.И.Жилин; рядом стоят фотограф Т.Г.Яковлева и лаборант А.Г.Тараскина («из фотографии Жилина»); чуть ниже сидит А.И.Савельченко (быв. владелец фотографии на ст. Ишим). Нач. 1930-х. Фотокопия из архива Н.И.Марычевой. ИКМ.

Вы можете оказаться единственным посетителем читального зала. К примеру, в Тюмени меньше 10 человек одновременно бывает редко, а в Тобольске рядом с вами может оказаться человек 40. Естественно, что одна-две сотрудницы зала делят свое внимание на всех. В ишимском архиве, благодаря директору Надежде Николаевне Шпилевской и главной хранительнице фондов Ольге Николаевне Сауховой, мне было по-домашнему уютно.

Первые минуты – и первая находка. Заместитель директора Татьяна Петровна Лавина достала из ящика своего стола снимок группы гимназисток (одна из девушек – её бабушка). Фотограф – П.И.Жилин. Но главное – это фон, тот же самый, что и на снимке из-под портрета моей бабушки. Значит, та фотография сделана прадедом, а изображенные на ней – ишимцы. Позже удалось установить некоторых людей на снимке. Чиновник в центре, судя по местоположению, – главная фигура события. Этот же человек на другом снимке сидит среди учащихся и преподавателей ишимского училища. Предполагается, что это инспектор учебных заведений. Священник в очках – Леонид Остроумов, 1877 г.р., настоятель Никольской церкви (с октября 1909 г.; следовательно, снимок сделан не ранее этого года). Седой священник – Николай Стефанович Гвоздичкий (1855-1938), клирик Богоявленского собора (с 1913 г. – Троицкой церкви)⁶. Рядом – его супруга Елена Александровна.

Оба священника, кстати, привлекались с Жилиным по делу 1921 года.

Ещё Татьяна Петровна Лавина показала мне восемь дореволюционных фоторабот Жилина из альбома своих знакомых Долгополовых. И это богатство бережно хранится в семейном архиве только одной ишимской династии! Сколько же всего фотографий сделали прадед и его коллеги?

В этом же архиве Татьяна Петровна нашла личный автограф Петра Ивановича Жилина. В 1939 году он заверил автобиографию бывшего приказчика А.Д.Долгополова. Рядом с подписью указал адрес: переулочек Речной, 14. Местоположение дома – недалеко от реки – соответствовало маминим воспоминаниям. К сожалению, нынешние обитатели дома не показали мне домовую книгу, в которой можно было найти сведения о регистрации прадеда.

Наконец, именно в Ишимском госархиве я зацепил ниточку к восстановлению биографий предков. Руководствуясь фотографией (сделанной также П.И.Жилиным?), на которой мои дед и бабушка запечатлены молодыми, лет 20-ти, я перелистал пять книг регистрации браков с 1919 по 1923 год. И в конце последней обнаружил запись под № 73 от 11 июня 1923 г. о женитьбе⁷ милиционера Жилина Виктора Петровича и Тисовой Натальи Николаевны⁸. Виктор указал возраст: 26 лет, род занятий: милиционер. Наталья показала возраст: 20 лет, хотя на самом деле ей было уже 22 (родилась она 21 августа 1901 года). Чем объяснить эту ошибку: волнением,

*«Софье Викентьевне от благодарного Володи Иванова (1 год)». Ишим. Апрель 1928. Фотография И.А.Белехова. (На этом же кресле через пять лет будет отснята Нина Жилина.)
Архив автора.*

*Нина Жилина, внучка фотографа. Ишим. 1933. Фотография П.И.Жилина.
Архив автора.*

желанием быть моложе или элементарной неграмотностью? До самой своей смерти (21 декабря 1969 года) она не умела читать и писать. Я расписывался за нее в ведомости на получение пенсии, которую приносили бабушке домой.

От мамы мне известно, что дед всю жизнь был участковым милиционером. В год её рождения, 1926-й, он, видимо, служил в Ильинском. Умер он, по её словам, в 1965 году в селе Масляном (возможно, Старой Маслянке Абатского района).

В фондах Ишимской милиции сохранились десятки учётных книг, по которым я смог составить биографию своего деда⁹. Он закончил городское приходское училище. Работал переплётчиком и наборщиком. Участвовал в Первой мировой войне. Вернулся в чине младшего унтер-офицера. Из мещанского сословия, бедняк, беспартийный. А самое главное, он родился в Ишиме в ноябре 1897 года.

Эти сведения значительно сузили зону поиска. В Тюменском архиве я заказал просмотр метрических записей по Ишиму за 1897-98 годы с целью получить сведения о родителях деда Виктора. Запись о его рождении найти не удалось (книги за нужный период не сохранились), зато нашлась запись от 3 ноября 1896 года о бракосочетании в Богоявленском соборе мещанского сына города Ишима Петра Ивановича Жилина, православного, 20 лет и села Тобольского крестьянской дочери Дарьи Лаврентьевны Островицкой, 18 лет¹⁰. Следовательно, П.И.Жилин родился в 1876 году. Судя по фамилии, жена его действительно была полячкой. Но

не менее интересный, уже для истории ишимской фотографии, факт я прочитал в графе «поручители» — по жениху: томский мещанин Никита Лузьянов. Наиболее известные городские фотографы находились в почти родственных отношениях!

Мало того — на имеющихся в фондах ИКМ фотографиях, сделанных в ателье Лузьянова — тот же фон, что и у Жилина! Совпадают даже половики на полу. Получалось, что ишимские фотографы сотрудничали. Что же объединяло двух потенциальных конкурентов, как они строили свои взаимоотношения?

Немного о Лузьянове

В тех же книгах регистрации браков в Ишимском архиве я обнаружил удивительную подробность из биографии одного из первых ишимских фотографов¹¹: «Лузьянов Никита Арсентьевич¹², мещанин, 57 лет, разведён. Вступил 5 декабря 1921 года во вторичный брак с Черновой Ульяной, вдовой 48 лет»¹³. Следовательно, родился он в 1864 году.

В Тобольском архиве хранится переписка об открытии Лузьяновым фотографии и мастерской по изготовлению печатей¹⁴. По этим документам можно воссоздать процедуру регистрации предприятий в конце XIX века. Типографии, фотосалоны, читальные залы и книжная торговля находились под особым контролем. 14 июня 1888 года Н.А.Лузьянов, заплатив 1 рубль 30 копеек сбо-

Вариант оформления оборота фирменного паспарту П.И.Жилина. 1910-е. Архив семьи Долгополовых.

ра, подаёт прошение Тобольскому губернатору «Занимаясь некоторое время изучением фотографического искусства, вначале под руководством опытного фотографа некоего Некрасова, в виде отдельных практических опытов, сам лично я ныне желаю открыть, или, иначе говоря, получить право на открытие фотографии... Проживаю в Ишиме с июня 1883 г., жительство имею в 1 части г. Ишима в доме Москвиной на Малоникольской улице». Ишимский окружной исправник заверил: «...Имею честь почтительно донести Вашему Превосходительству, что томский мещанин Никита Аксенов Лузянов за время проживания в Ишиме вёл себя хорошо, ни в чём предосудительном, а также в политической неблагонадёжности, замечен не был...» На основании этого рапорта составляет бумагу на имя губернатора начальник Тобольского губернского жандармского управления.

Время идёт, пишутся отношения, а решения всё нет. 14 ноября Лузянов телеграммой просит: «Прошу ускорить... потратил почти всё состояние на приобретение аппаратов и проявочных материалов... скоро ярмарка (Никольская)... надеялся вернуть хоть часть затраченного...» Но Тобольский губернатор не торопится выдавать свидетельство, пока нет подтверждения о благонадёжности Лузянова из Томска. Оно получено только 15 января 1889 года.

Впрочем, свидетельство всё же датировано 2 декабря 1888 года. Поэтому на паспарту фотографу Лузянову честно указано: «существует в Ишиме с 1888 года»¹⁵.

Не все ишимские фотографии были так же законопослушны, некоторые работали без свидетеля. Например, состоявший под негласным наблюдением крестьянин Жилияковской волости Андрей Васильевич Астрахов, получивший отказ в официальном разрешении ввиду политической неблагонадёжности, как следует из доклада ротмистра Николаева от 31 октября 1889 года, снимал «фотографические карточки за плату». Основанием для доклада послужило жалобное письмо Лузянова, в котором тот указывал, что конкурент «открыто производит фотографические работы, переманил ретушёра, возвысив платимую мною заработную плату, ...положительно отбивает у меня заказчиков, вовлекая меня в убыток... прошу воспрепятствовать»¹⁶.

Астрахов попытался скрыть свою коммерцию на ниве фотоискусства, зарегистрировав ателье на имя ишимского купца Владимира Павловича Баева. Однако начальник Тобольского губернского жандармского правления был от такого намерения не в восторге и 10 января 1889 года отписал губернатору: «Баев ведёт довольно большую (для г. Ишима) торговлю колониальными, бакалейными и другими товарами, поэтому представляется сомнительным, чтобы он в ущерб своей торговле, которая идёт у него бойко, решился бы открывать фотографию, затрачивая капитал и время и получая незначительный барыш, т.к. в... Ишиме и без того уже есть две фотографии: Сухих и Лузянова». И, указывая на его дружбу с Андрианом (так в тексте) Астраховым, добавляет: «циркулирует слух, что Владимир Баев устранивает фотографию не для себя, а с целью предоставить таковую в полное распоряжение Астрахова»¹⁷.

Возможно ли предположить, что после столь «разгромного» отзыва Астрахов мог легально продолжать своё дело?¹⁸

В дальнейшем дела у Лузянова шли, по-видимому, неплохо. В списке Ишимской окружной переписной комиссии за 1896-97 годы Лузянов упоминается как домовладелец, имевший на Мало-Никольской улице, по правую сторону к северу, под № 26 собственный дом¹⁹ – на современном плане Ишима это середина квартала по чётной стороне улицы Луначарского между улицами Чкалова и Советской.

Успех первого ишимского фотографа объясняется высоким качеством его снимков, как в техническом, так и в художественном отношении.

Наконец, последняя новость, касающаяся Лузянова: в Тобольском музее хранятся два его снимка, представляющих историческую ценность. Один называется «Убранство пристани в Усть-Ишиме при проезде Великого князя, 1891 г.», а на втором запечатлено Подносное блюдо от Тобольского городского общества.

Согласно отчёту ишимского исправника по состоянию на 1 октября 1913 года, в городе было две фотографии. Новых разрешений в 1910-1913 годах не выдавалось²⁰. К сожалению, исправник не счёл нужным указать фамилии владельцев заведений. Одно – несомненно Лузянова. По-видимому, Жилин был его учеником, ретушёром, а в дальнейшем – партнёром, продолжившим дело. И даже работали они, похоже, в одном ателье. Во всяком случае, известны два снимка (один – 1915 года²¹), снятые

Автограф П.И.Жилина на увеличенном варианте снимка Нины Жилиной. 1933. Архив автора.

Автографы П.И.Жилина на увеличенных фотографиях А.А.Евсеева (1900) и Н.Н.Жилиной (1932).

И ещё некоторые итоги...

с узнаваемым жилинским фоном, но на паспорту вытиснено: «Н.Лузьяновъ. г. Ишимъ, соб. домъ».

Первые из известных работ, сделанных Жилиным, датируются 1900 годом. Это два крупноформатных (55 на 41 см) портрета Елизаветы Павловны и Антона Андреевича Евсеевых, с автографом прадеда, процарапанным на негативе: «П.Жилинъ»²². Июлем 1904 года датирована коллективная фотография семьи Кутырёвых²³; февралём 1906 года – фотография, подаренная В.А.Евсееву²⁴, декабрём того же года – подписная фотография М.С.Чужардина²⁵. Две последние наклеены на фирменное паспорту «Художественной фотографии П.И.Жилина».

Паспорту (около десяти видов) печатались в Москве, в типографии Г.Покорного. Мне встретилась одна старая фотография другого мастера на паспорту с такими же ангелочками, как и у прадеда. Следовательно, рисунки были типовыми. Фоновые занавесы тоже изготавливались т.н. мелкой серией. Однажды я приобрёл два снимка с фоном как у прадеда – но сделаны они в Симбирске! Впрочем, при внимательном сравнении обнаружил несколько мелких отличий.

Однако снимки, подписанные Лузьяновым и Жилиным, делались явно в одном ателье. И версия о том, что кто-то из них унаследовал «бизнес» другого, также сомнительна: наиболее поздний известный снимок с клише Лузьянова датирован 1915 годом, а с клише Жилина – апрелем 1916 года²⁶. Возможно ли, что Пётр Иванович и не оформлял разрешение на свое имя?²⁷

Известны, однако, воспоминания старожилы, который утверждал, что ателье Жилина находилось на месте общежития пединститута²⁸. Так что загадки ещё остались.

Что можно успеть найти за год? Оказывается, многое.

Итак, установлены важнейшие вехи жизни П.И.Жилина, добавлено несколько штрихов к биографии его коллеги Н.А.Лузьянова. И даже удалось найти портрет моего прадеда. Фотография хранилась среди нескольких тысяч других документов в фондах ИКМ. Она была вновь обретаена благодаря подсказке бывшего хранителя фондов, историка Владимира Николаевича Меньщикова. В телефонной беседе он заметил: «Так ведь в музее есть изображение Жилина на групповом портрете 30-х годов – сутулый, с бородой, тонкие черты лица». По моей просьбе сотрудники фондов три дня перебирали экспонаты, пока не нашли этот снимок. Огромное спасибо всем причастным к этой находке. Узнать, как выглядел мой прадедушка, я даже не мечтал.

А сотрудники Тюменского архива нашли моего неизвестного бессарабского предка Митрофана. Носил он простую русскую фамилию Татаров и был православным ишимским мещанином. Мои внуки, если когда-нибудь захотят, будут знать имена предков до седьмого колена.

Естественно, я бы ничего не узнал и не нашёл без помощи разных людей. За год я познакомился со множеством историков-профессионалов и таких же, как я, любителей. Снежана Гузенко, учредитель гильдии родословцев, профессионал по составлению родословных, убедила меня, что можно найти сведения о любом человеке и бескорыстно проконсультировала меня в безнадежных поначалу поисках. С фотографиями прадеда в фондах Ишимского музея меня познакомили Ольга Мишкина и Светлана Завьялова.

Каждый из моих новых знакомых хоть чем-то, но помог! Убористый список советников и

Нина Викторовна Жилина. Зима 1937-38. Один из последних датированных снимков П.И.Жилина. Архив автора.

консультантов занимает три страницы, поэтому придётся ограничиться общей благодарностью всем, кто здесь упомянут и всем, чьё имя не попало в эту статью.

Я благодарен Ольге Николаевне Самсоновой и Аркадию Григорьевичу Елфимову, которые передали мне имевшиеся у них работы П.И.Жилина. На них изображены люди, оставшиеся для истории безымянными. Но для меня это – семейная реликвия. К тому же это, по сути – произведения искусства. Исследователи фотографии признают, что П.И.Жилин был настоящим фотохудожником, а не просто ремесленником.

Также благодарю потомков ишимских фамилий Долгополовых, Постниковых, Мاستицких, Кольниченко и других за предоставленные копии старых семейных фотографий.

Проект энциклопедии «Ишимский фотоальбом»

На сегодня известно местонахождение около двух сотен фотографий, имеющих отношение к дореволюционной истории Приишмия. Большая часть – портреты. Это наши деды и прадеды, это история нашей родины. Но это количество – лишь капля из того, что было сделано Лузяновым, Жилиным, Фёдоровым и другими фотографами. Но и этого достаточно, чтобы начать создание иллюстрированной энциклопедии Ишима рубежа XIX и XX веков. Уверен,

что в каждой ишимской семье есть исторические фотографии. Позвоните в редакцию, разрешите сделать с них копию. То, что вы считаете заурядным, может представлять огромный интерес для истории города. Пусть краткая биография и портреты ваших предков войдут в «Ишимский фотоальбом»!

(Пользуясь случаем, обращаюсь к ишимцам ещё с одной просьбой: если вам знакомы фамилии других моих предков – Островицкие, Тисовы, Татаровы – также прошу сообщить мне по телефону (343) 30-75-256 или через редакцию альманаха.)

Примечания

1 РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 3315, л. 150б.

2 Там же, л. 1.

3 Там же, л. 49.

4 Сравните звучание одинаковых по смыслу слов «подать» и «налог». Жёсткое слово «налог» вызывает у меня внутренний протест: кто-то наложил на меня гнетущее бремя, от которого инстинктивно хочется уклониться. Слово «подать» с ударением на первый слог звучит более мягко и ассоциируется с добровольным действием – как «подать милостыню». Наш народ очень чуток к скрытым оттенкам слов. Проблема сбора налогов не стояла бы так остро, выбери чиновники для обозначения процесса расставания с деньгами более благозвучное слово «подать». А на Западе платят тарифы (taxes) – нейтрально, без эмоций.

5 Всего же в деревне Гагариной в 1914 году проживало в семи дворах 44 человека с фамилией Шахлин.

6 Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. – Омск: Типография «Иртыш», 1914. – С. 1104, 1166. – Прим. ред.

7 Фотография, где они изображены вместе, сделана не ранее 1919 года. Возможно, в 1923 году Виктор и Наталья лишь официально зарегистрировали свои отношения, сложившиеся гораздо раньше. – Прим. ред.

8 ИФ ГАТО, ф. 12, оп. 1, д. 63, л. 73.

9 ИФ ГАТО, ф. 18, оп. 1, д. 9, лл. 80б-9; д. 10, лл. 7-80б; д. 241, лл. 240б-25.

10 ГАТО, ф. И-255, оп. 12, д. 10, л. 140.

11 Первой в Ишиме была зарегистрирована фотография тобольского мещанина Петра Павловича Сухих – 13.06.1884; фотография томского мещанина Никиты Лузянова – 2.12.1888. (См.: Адрес-календарь Тобольской губернии на 1891 г.; ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 14, д. 88). В фондах ИКМ имеются два снимка П.П.Сухих, датированных декабрём 1883 года («Фотография П.П.Сухих в г. Тобольске») и январём 1894 года (оттиск штампа с указанием: «в г. Ишиме»). – Прим. ред.

12 В документах 1888 года его отчество пишется: Аксёнович, в списке домовладений 1896 года – Аксётьевич.

13 ИФ ГАТО, ф. 12, оп. 1, д. 63, л. 322.

14 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, д. 101; оп. 14, д. 15.

15 В.Е.Копылов ошибочно полагает, что ателье Лузянова было открыто в Ишиме не в 1888, а в 1862 году – на основании того, что в своём прошении об открытии мастерской по изготовлению каучуковых штампов он указывает: «при имеющейся у меня фотографии» (Копылов В.Е. Былое светлосило. У истоков фотографии в Тобольской губернии. – Тюмень, 2004. – С. 171). На самом деле это результат досадной опечатки автора – 1892 превратилось в 1882: согласно тому же делу из Тобольского архива, штамповая мастерская была открыта 23.05.1892, т.е. спустя три года после открытия фотоателье. – Прим. ред.

16 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 12, д. 101.

17 Там же, л. 5.

18 В.Е.Копылов утверждает, что всё же «Баев по-

лучил от губернских властей разрешение на открытие ателье», впоследствии же Астрахов «выкупил у Баева свою фотографию и с достаточной успешностью продолжил своё дело» вплоть до 1910-х годов (Кольцов В.Е. Былое светилоси. – С. 172-173). К сожалению, источник этой информации в книге не указан. Нам известны лишь фотоснимки Е.В.Шароновой конца XIX – нач. XX вв. с полустёртым чернильным клише, которое предположительно читается: «Астаховъ. г. Ишимъ» (ИФ ГАТО, ф. 703, оп. 1, д. 95). – Прим. ред.

19 ГАТО, ф. И-234, оп. 1, д. 1, л. 5об.

20 ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 27, д. 139.

21 ИКМ ОФ 35.

22 ИКМ ОФ 83 и 84.

23 ИКМ ОФ 2215.

24 ИКМ ОФ 36.

25 ИКМ ОФ 2263.

26 Архив Долгополовых, г. Ишим.

27 Было в дореволюционном Ишиме ещё одно портретное фотоателье – И.Г.Фёдоров. Но самый ранний датированный его снимок, имеющийся в фондах ИКМ (ученицы женской гимназии), относится к октябрю 1915 года, причём подпись такова: «Московская фотография Г.Фёдорова»; и лишь снимок, датированный 7 января 1916 года, наклеен уже на паспорт с гравированным клише «Фотография И.Г.Фёдорова в Ишиме»; самый поздний датирован 1919 годом. (В газете «Известия Ишимского совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов», № 40 от 16/29 апреля 1918 г., на стр. 4 помещено объявление: «Фотография Фёдорова возобновляет приём и выдачу заказов с 9 (22) апреля. Фотография открыта с 9 час. утра до 6 час. вечера») Примерно в это же время открывает портретное ателье Ольга Николаевна Никитина, мать будущего инженера-конструктора Н.В.Никитина; снимки с

её клише не выявлены. Известны ещё видные открытки Ишима начала 1910-х гг. с подписью: «Фот. Сусловой», – скорее всего, также снятые приезжим фотомастером. Ателье Сухих в начале XX в. уже не работало. Таким образом, в 1913 году в Ишиме было только два «местных» фотографа – Н.А.Лузынов и П.И.Жилин, которым и выданы соответствующие разрешения. – Прим. ред.

28 Речь идёт о воспоминаниях Н.И.Марьиневой, работавшей в 1930-е гг. в службе быта в г. Ишиме. На обороте группового снимка, переданного в фонды ИКМ (ОФ 2605), Л.А.Сарафаниковой были записаны её пояснения об изображённых лицах (газетный вариант: Дымкова Л. На старом снимке // Ишимская правда. – 1994. – 15 декабря. – С. 3). Так, указывается, что П.И. Жилин, «шутен со светлой бородкой», примерно в 1918 году имел частную фотографию в доме, находившемся на месте нового общежития ИГПИ (угол ул. Ленина и Пролетарской). Однако как раз на этом месте располагалась в 1920-х гг. частная фотография И.А.Белехова, о чём свидетельствует оттиск штампа на паспорту снимка 1926 г. (ИКМ ОФ 9861): «г. Ишим, ул. Республ. д. № 8» (ныне это ул. Ленина). В то же время информант указывает, что фотография Белехова находилась на углу ул. Советской и Чайковского. Возникла ли здесь путаница или эти фотоателье действительно переезжали с места на место – ещё предстоит установить. Не исключено, что в 1920-е гг. П.И.Жилин работал фотографом в ателье И.А.Белехова; так, на снимке с клише ателье, датированным 1928 г. и на снимке Нины Жилиной 1933 г. мы видим одно и то же кресло из реквизита. Судя по сходству фона на снимках 20-х и 30-х гг., именно ателье И.А.Белехова стало основой для создания артели «Бытовик», члены которого запечатлены на снимке из архива Н.И.Марьиневой. – Прим. ред.

Р. И. ЗАГНЕЕВА

С берегов Невы – на берег тихого Ишима...

Судьба Ренаты Карловны Гейне

Её знал город Петербург. Здесь она родилась, здесь прошло её детство.

Её знал город Ленинград. Здесь прошла её юность, здесь она получила образование, вышла замуж. У её ног бились волны своенравной Невы.

Её знал город Ишим, куда приехала поневоле. Работала, воспитывала сына. У её ног плескались волны тихой степной реки Ишима.

Она – Рената Карловна Гейне, учительница немецкого и английского языка школ № 31 и № 32 станции Ишим (ныне городские школы № 31 и № 11). Начитанная, эрудированная, культурная женщина с хорошим вкусом, тактом, манерами. Талантливый педагог.

О ней попросила меня рассказать на страницах альманаха её коллега, Лидия Александровна Сарафаникова. Я согласилась, потому что лично знала Ренату Карловну. Вместе с ней работала в пионерском лагере имени В.И.Ленина. Знаю её сына Бориса Кирилловича Орлова, её сноху Тамару Игнатьевну Орлову, их детей и внуков. Была вхожа в их дом, принимала у себя как дорогих гостей. От них узнала историю семьи Гейне. Узнала о семейных тайнах, одной из которых было происхождение Ренаты Карловны.

Помогла приблизиться к разгадке родословной Гейне книга племянницы её мужа Элин Клемент «Сорок фотографий. История одной немец-

кой семьи в России» (Санкт-Петербург, 1996). Тамара Игнатьевна предоставила подлинные документы Ренаты Карловны: трудовую книжку, документы об образовании, фотографии, письмо военного прокурора г. Ленинграда о реабилитации мужа Ренаты Карловны.

Я пошла в школу № 11, чтобы ознакомиться с личным делом Р.К.Гейне, в котором обязательно должна находиться автобиография. «Потерялось во время ремонта», – объяснил секретарь. Обидно.

Зато хороший материал дали воспоминания учеников Ренаты Карловны, директора школы № 32 ст. Ишим Н.В.Кореневой, коллег.

Подлинность некоторых имён, указанных в книге, подтвердила выписка из Библиотечки Академии наук в Санкт-Петербурге. В адресной и справочной книге «Весь Петербург» на 1914 год в разделе «Лечебные учреждения» упоминается приют для женщин, директором и главным врачом был К.Г.Видеман, доктор медицинских наук. Среди акушерок значится К.Ф.Боровская. Упоминается Александринский приют для девочек, расположенный в доме 12-б на 17-й линии Васильевского острова. Названы имена фрейлин Государыни Императрицы.

Я села писать. Передо мной она – реальный человек, реален её мир, её дороги. Её широкое жизненное пространство – от 1912 до 1980 года – было наполнено и любовью, и счастьем, и испы-

К.Ф.Боровская, приёмная мать Ренаты.
 Санкт-Петербург. Нач. XX в.
 Фотография Э.Вестли.
 Архив семьи Кирилловых.

танями, и горечью разлуки с любимыми людьми, родным городом, и бревенчатыми стенами простых сибирских хат, и сугробами снега за окном, и чужбиной, которая стала родной, и званием учителя средней школы, которое осталось не только в аттестате народного комиссариата просвещения РСФСР, но и нашло подтверждение во всей её педагогической деятельности.

А всё начиналось так...

Приёмная дочь

В клинике К.Г.Видемана¹ работала акушеркой Каролина Михайловна Гейне², высокая, статная, красивая женщина.

Как рассказывают семейные предания, она была талантливым человеком, принимала роды у разных женщин, в том числе у женщин высшего света, а то и придворных дам. Платили щедро. Гонорарами становились золотые вещи, редкостные бриллианты.

В 1897 году Каролина вышла замуж, приобретя фамилию Боровской. Жили с мужем неподалёку от клиники – в квартире № 9 дома № 9 на 12-й линии Васильевского острова³. Убранство квартиры говорило о достатке хозяев и хорошем вкусе. Большие зеркала, светильники, картины, книги, вазы, настольные лампы. Шикарные занавесы с кистями на окнах. Старинная мебель, концертный рояль. Жили, по словам Элин Клемент⁴, хорошо. Родился маль-

чик. Это была семейная радость. Ребенок был красивым, спокойным, но часто болел. Любил слушать сказки, музыку. Каролина Михайловна не жила его, хорошо одевала. Любимым рядом была матроска с широким воротником, тёмные бархатные штанишки. Ребенок постоянно жаловался на головную боль. Мало смеялся. Врачи выписывали лекарства, но мальчик угасал. В шесть лет он умер.

Так же скоропостижно умер муж⁵. Своё горе вдова лечит тем, что принимает у себя племянников, детей брата – Карла, Павлушу, Марту⁶. Даёт им пристанище, помогает в учёбе. Тоскует, этого ей недостаточно. И решается на серьёзный шаг: берёт из приюта четырёхлетнюю девочку, которую сама принимала у тайно рожавшей фрейлины Марии Пусси⁷. Кто был отец девочки, останется загадкой навсегда. В новой семье девочка получила имя Рената и отчество Карловна.

Как выглядит эта благородная женщина? Сохранилась фотография Каролины Михайловны. Величественно спокойное лицо. Богатое платье с кружевным воротником. Гордая осанка. Ласковый взгляд. Изящная причёска. Вот такую маму увидела девочка. Они полюбили друг друга. Каролина Михайловна учила её музыке, пению, хорошим манерам. Денег на учителей не жалела. К 16 годам Рената знала три европейских языка: немецкий, английский, французский (впоследствии она их преподавала). Девочка росла аккуратной, бережно относилась к одежде, вещам. Имела доступ к книгам. Всем племянникам объявили: Рената – их сестра. Она тоже Карловна, и тоже Гейне. И просьба никаких вопросов не задавать.

Вопросов не задавали. Сестра так сестра. Так к ней и относились.

Шло время. Рената училась в школе. Красивая девочка с двумя косичками, белые носочки, туфельки. На её лице всегда сияла лёгкая улыбка. Сосредоточенный взгляд. Росла послушной. Хорошо училась. Старательная. В доме слышалась иностранная речь. Братья поддерживали языковую атмосферу, чтобы Рената хорошо осваивала языки. Играли на фортепиано, устраивали инсценировки, разыгрывали басни Крылова.

Девочка дурачилась как все. Бывала серьёзной. Увлечалась стихами Пушкина, Шиллера, Кольцова, нравился Толстой. Выделяла Каренина тем, что при каждом сюрпризе жены, матери его сына, он пытается найти разумные решения для выхода из ситуации. Умеет властвовать над эмоциями. Рената улавливала смысл слова «нельзя». Нельзя набрасываться на человека с кулаками, нельзя говорить о людях плохо. Нельзя давать волю изменным инстинктам. Чем разумнее человек, тем он терпимее к слабостям других. Толстой учит самовоспитанию. Рената понимала это. Неоднозначно относилась к Анне Карениной. Осуждать её, как делает Толстой – достаточно деликатно ли это? Понимая Каренина, она берёт Анну под защиту.

Думающая девочка Рената наравне вступала в разговор со старшими, но ничего не диктовала, больше прислушивалась. И в детстве, и в юности, и во взрослой жизни люди, окружающие её, будут видеть в ней человека развитого духовного начала.

Главный вход в здание бывшего Александринского приюта для женщин, где работала К.Ф.Боровская. Санкт-Петербург. Декабрь 2007. Фотография Г.А.Крамора.

Бывший кабинет главного врача Александринского приюта для женщин К.Г.Видемана. Декабрь 2007. Фотография Г.А.Крамора.

Её развитие шло вполне гармонично. Книги давали ей веру. Жизнь заполнена учебой, увлечениями.

Влюбилась. В кого? В Карла. Трагическая любовь... Как сказать? Он же брат. Любовь полна взаимности. Из всех знакомых мужчин ей нравился Карл. Вечером, когда все пьют чай, Рената боится поднять глаза, краснеет, иногда отвечает невпопад. При воспоминании о своей любви сердце останавливается. Она чувствует вину перед всеми. Чувствует, что силы её на исходе, она не сегодня-завтра сорвётся. Любовь жжёт.

Семейный совет

Каролина Михайловна уединилась с Ренатой в своей комнате.

— Ну что, моя девочка, что-то случилось? Ты сторонись меня, прячьешь глаза. Перестала быть собой...

Рената готовилась к этому разговору...

— Мамочка, не ругай меня. Я себя ругаю так, что сильнее нельзя. Я люблю его.

— Кого?

— Карлушу, — выговорила Рената сквозь слезы и кинулась на шею Каролины Михайловны.

Выплакавшись в её объятиях, Рената посмотрела в глаза. И... увидела, что мать счастливо улыбается.

— Мамочка, так ты не сердись на меня?

— Что же сердиться? Тебе уже шестнадцать. Пора любви пришла. Только вот что же Карл? Что же он молчит? Ладно, иди умойся...

Рената ушла. Каролина Михайловна задумалась. Карлуша был весёлый, умный, обаятельный парень, душа любой компании, организатор семейных спектаклей, танцев, вечеров. Он студент. Скоро окончит политехнический институт. Честный, порядочный человек. Почему скрывает свои чувства? Надо собрать семейный совет, предосторожность не помешает.

В тот же вечер все, кроме Ренаты, собрались за обеденным столом. Каролина Михайловна сидела во главе. Как начать разговор? Она обвела взглядом собравшихся, пристально посмотрела на Карла:

— Я говорила сегодня с Ренатой. Она страдает. Карл, ты ничего не хочешь сказать?

Лицо Карла вспыхнуло, он улыбнулся. Медленно встал, положил ладони на стол. Совладал с улыбкой и серьёзно заговорил:

— Дорогая Каролина Михайловна, друзья мои. Я рад, что эта минута наконец наступила. Я её ждал. Ждал удобного случая, когда мы все соберёмся вместе. Спасибо дорогой нашей тётушке, которая собрала нас. Но прежде всего, чтобы не показаться негодяем или, того хуже, дураком, я прошу вас, Каролина Михайловна, прямо и открыто сказать нам всем, сестра ли нам Рената?

— Карл, тебе она не сестра. Но я надеюсь, что присутствующие и дальше будут считать её сестрой и любить как родную.

Она порывалась в пачке лежавших перед ней бумаг и взяла один лист.

Здание бывшего Александринского приюта для девочек. Санкт-Петербург. Декабрь 2007. Фотография Г.А.Крамора.

– Вот документ, здесь говорится, кто её мать. Здесь она удостоверяет, что отказывается от материнских прав. А вот свидетельство о том, что я удочерила Ренату. Прошу всех ознакомиться и вернуть документы мне.

Каролина Михайловна пустила бумаги по кругу.

– Кроме того, я надеюсь, что имя и звание подлинной матери Ренаты будет сохранено в строжайшей тайне, в том числе и от самой Ренаты.

Карл стоял, опустив голову. Наконец, заговорил:

– Если вы убедились в том, что Рената мне не сестра, я хочу сообщить вам, что я её люблю, что мы любим друг друга, – голос его дрогнул. – И я прошу у вас, Каролина Михайловна, руки вашей дочери.

Карл замолчал. Теперь он прямо смотрел в глаза тётки и попросил пригласить Ренату.

Вот она появилась в дверях.

– Рената! Карл просит твоей руки. Согласна ли ты по достижении совершеннолетия стать его женой?

Девушка мучительно покраснела, опустила глаза и тихонько проговорила: «Да!» Тётушка встала.

– Карл, подойди сюда... Рената, дай ему руку... Я благословляю вас, дай вам Бог счастья.

В комнате сразу стало шумно, заговорили все, стали подходить к Ренате и Карлу. Они пожимали руку, сестрёнку целовали. Карл улыбался. Рената глотала слезы. Все не могли не отметить, что тётушка не сказала молодым, как положено: «можете поцеловаться»; она их всё-таки наказала. Какое «жестокое» наказание милой доброй матери Ренаты, ведущей себя по-матерински, тепло, нежно! Понимание, доверие проявила она, видя рядом с собой счастливых молодых людей. Вывела из тупика. Муку любви превратила в счастливую любовь.

Рената и Карл зарегистрировали брак.

Пятнадцатого июня 1930 года Рената получила удостоверение об окончании 1-й национальной немецкой школы-девятилетки.

А двенадцатого июля у неё родился мальчик. Ему дали семейное имя Карл, но все его звали Бубик, чтобы не путать с отцом, тоже Карлом Карловичем.

Счастливая семья

После родов Рената стала ещё краше. В семье есть материальный достаток. Карл работает в ленинградском тресте «Водоканал». Его ценят. Живут дружно, у них часто бывают гости.

1934 год. Вечером не пришёл с работы. Семья забеспокоилась. Рената смотрела из окна на улицу. Поздно вечером сообщили, что случилась авария. Прорвало трубы, и канализационные сточные воды стали поступать в магистраль питьевой воды. Три дня и три ночи бригада под руководством Карла Карловича работала по ликвидации аварии. Всё кончилось благополучно: никто не пострадал, магистраль промыли, водоснабжение восстановили. К.К.Гейне была объявлена благодарностью, а первый секретарь Ленинградского комитета ВКП(б) С.М.Киров пригласил его на обед. Расспрашивал о работе, о нуждах треста. Что-то записывал, обещал помочь. В свой день рождения Карл Карлович собрал друзей, благодарил за работу. Сидели за большим столом у Каролины Михайловны. Сфотографировались. Общались, шутили. Рената проявила гостеприимство, музицировала.

А утром – снова бежала на занятия Высших государственных курсов иностранных языков, где училась с 1931 года. По всем предметам – фонетике, стилистике, истории языка и литературы, педагогике, методике и другим – имела отличные и хорошие оценки. Не давались только «кисмат и диамат». Свидетельство об окончании за № 164 выдано 26 сентября 1936 года.

Рената Карловна (в центре, в белом) с мужем Карлом Карловичем Гейне (по правую руку от неё), сестрой мужа и её супругом Эльмаром (по левую руку). Первый слева, предположительно – К.К.Гейне-старший. Ленинград. 1920-е. Фотокопия из архива семьи Кирилловых.

с присвоением квалификации преподавателя английского языка. Эти курсы давали путёвку на педагогическую работу.

Квалификация была подтверждена впоследствии аттестатом на звание учителя средней школы, выданным 7 апреля 1941 года.

Арест

После ликвидации аварии на водопроводе прошло около двух лет. Бубик ещё не ходил в школу. 13 марта 1936 года в дверь постучались, предъявили ордер на арест⁹. Обыска не делали, вели себя спокойно. Каролина Михайловна, Рената и Бубик присутствовали при этом, но никогда о том не вспоминали, не рассказывали.

– Вы арестованы!

Карлуша оделся, промолвил: «Это ошибка», – и шагнул через порог. Никто ничего не понял. За ним закрылась дверь.

13 сентября 1936 года он был осужден Военным трибуналом¹ города Ленинграда, приговорён к 10 годам лишения свободы с поражением в правах сроком на пять лет и с конфискацией имущества.

На кассационную жалобу пришёл ответ от 23 октября 1936 года: «Приговор в отношении Гейне К.К. оставлен в силе».

Арест был связан с аварией на водопроводе. Конечно, «сам подстроил, потому так быстро ликвидировал». Фото стало служить доказательством «организации». Раскручивали «крупное дело». На обеде у Кирова изучал план квартиры. При аресте нашли мелкокалиберную вин-

товку и 120 патронов. Значит, он возглавил вооружённую организацию. Статья 58, пункт 8 – «террор», пункт 9 – «через намерения» – диверсия, пункт 10 – «враждебная пропаганда и агитация». Это самый ходовой пункт. Любое неосторожное слово, любая критика – статья 58, пункт 10.

Через год от него пришла записка – всего несколько слов. Писал сестре, что жив, что в Иркутске, что осуждён на 10 лет. Почему сестре Марте, а не жене? Пока шло следствие, ГПУ не оставило без внимания и Ренату. Её вызывали несколько раз, допрашивали, залугивали, держали в страхе за судьбу сына. Ей предложили на выбор: или арестуют сына, отдадут в детский дом и дадут ей 10 лет в спецлагере для жён «врагов народа», или – подпишите вот эту бумагу. Рената прочла. Это было отречение от мужа, просьба оформить развод и оставить ей сына. «Другого пути остаться с сыном у вас нет», – пояснил следователь. Рената отказалась. Последовали новые вызовы, угрозы. На неё давили. В конце концов Рената подписала. Эта подпись была сильнейшим средством для «психологической обработки» Карла Карловича. Потому и записку он адресовал Марте. Марту тоже вызывали. Какую-то бумагу она подписала. Сожалела, что поставила подпись, но изменить ничего было нельзя.

В 1938 году Карла Карловича расстреляли по решению «тройки» Новосибирского УНКВД. Жертва тотального обмолота смерти, он был расстрелян по спецдирективам. Ему было 37 лет. Не стало умного, обаятельного, талантливого

Согласно постановления Высших Госкурсов тр. *Гейне Р.К.* считается оконченным полный курс Высших Госкурсов Иностранных языков по факультету *Английского* языка с присвоением ему (ей) квалификации преподавателя по *Английскому* языку в кружковой и курсовой сети обучения взрослых.

Директор

Зам. Директора по Учебной Части

Управляющая

Место печати

Л.К. Кириллов 1936 г.
№ 164

Диплом об окончании Р.К.Гейне Высших государственных курсов иностранных языков в Ленинграде. 1936.
Архив семьи Кирилловых.

инженера, мужа, отца, брата, сына. Только в 1996 году К.К.Гейне был реабилитирован. Его архивное уголовное дело № 41296 находится на хранении в Управлении ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Дорога в Сибирь

Рената прожила в Ленинграде после ареста мужа чуть больше года. Несмотря на спровоцированный развод, 11 июля 1937 года постановлением комиссии НКВД она была выслана из Ленинграда «как жена осуждённого по политическим мотивам». Выссылку делали без суда, «в административном порядке». Место назначения – Красноярский край, село Казаченское. Там скоро окажется и Марта. Бубика в ссылку Рената не взяла, решила спасти от Сибири. Попросила подругу отвезти его на хутор Михайлово к дедушке. Но и там шли аресты, и подруга вернулась с Бубиком в Ленинград. Но Ренаты там уже не было. Тогда она привезла мальчика к матери в Красноярск.

Жизнь в первой ссылке не имеет подробностей.

Бубик – ребёнок, почти ничего не запомнил. Помнит только о бумаге, по которой маму помиловали и в 1939 году разрешили покинуть Красноярский край. Ленинград для неё был закрыт. Она едет с Бубиком в город Горький, там жить разрешалось. В пути Рената заболевает, её в бреду снимают с поезда, а Бубик едет дальше. Голодный, грязный, в рваной одежде он добирается до Ленинграда, приходит к бабе Лине.

Аттестат на звание учителя средней школы Р.К.Гейне. 1941.
Архив семьи Кирилловых.

В своей автобиографии он пишет, что во время войны был переправлен на «Большую землю» по льду Ладожского озера. Состав с детьми шёл в Сибирь, в Тюменскую область. Здесь Бубик попал в детский интернат в селе Ларихе Ишимского района.

Без вины виноватая

Трудовая книжка Ренаты Карловны... Заведена в городе Горьком (ныне Нижний Новгород) 10 февраля 1940 года¹⁰. В графе «сведения о работе» запись: «общий стаж по найму до поступления на работу в школу № 20 г. Горького – два года». Рената Карловна работала прежде – в Ленинграде и в ссылке. Указано, что принята на работу учителем английского языка в неполную среднюю школу № 20 Автозаводского районного отдела народного образования (РОНО) с 10 декабря 1939 года. 18 августа 1941 года переведена в среднюю школу № 27 того же РОНО, где вела немецкий язык. А 18 октября она «освобождена от работы... в связи с эвакуацией – выбыла в другую область».

Что это – эвакуация? Или ссылка по национальному признаку? Ведь после начала войны в Сибирь и Казахстан депортированы тысячи «неблагонадёжных» немцев с Поволжья и других областей.

Так Рената Карловна отправляется во вторую ссылку¹¹. Теперь – в Тюменскую область. Здесь она находит в Ларихе своего сына и остаётся с ним. Перебивается разными работами, даже была учётчиком. Началась тяжёлая и голодная жизнь в деревне. Деревенская изба с печным

отоплением. Вода на коромысле, снег, большая деревянная лопата. Чистил Бубик. По воспоминаниям учительницы школы № 32 Нины Георгиевны Храпковой, Рената Карловна была благодарна людям. Они видели сложность жизни эвакуированной, помогали, кто чем мог¹².

Здесь, в Сибири, она решилась на отчаянный шаг: меняет сыну имя, отчество, фамилию и национальность. Бубик становится Борисом Кирилловичем Орловым, национальность – русский. Она боится за сына, не знает, что их ждёт впереди.

Только в 90-х годах, пройдя через несколько судов, Борис Орлов получит документ, подтверждающий, что Карл Карлович Гейне (младший) и Борис Кириллович Орлов – одно и то же лицо. Это дало ему возможность получить на руки и прочитать дело о расстреле отца.

Рената Карловна ищет работу. С 26 марта 1942 года приказом Ишимского РОНО она назначена преподавателем немецкого языка в неполную среднюю школу села Клепикова. Молодая учительница верит в каждого ребёнка, помогает, разговаривает с ребятами на разные темы. По словам Анны Георгиевны Жбанковой, инспектора РОНО, Рената Карловна отличалась высоким профессионализмом, интеллигентностью. Добрая, отзывчивая, она нравилась коллегам, родителям, детям. Привыкла к трудностям в Сибири, её погоде с морозами, длинной зимой, длинной дорогой. Дом был наполнен книгами, пахло чистотой.

В 1946 году она переехала на станцию Карасульскую. Здесь Бубик мог учиться в средней школе. В ней она и начала новый учебный год. Вошла в класс. Заговорила на русском языке, перешла на немецкий. Снова на русском поставила цель урока, попросила открыть учебники и начать читать. Тактично помогала, если ученик затруднялся. Убеждала ребят, что они могут справиться с любыми трудностями, если будут стараться.

Яркий пример – Ваня Ярулин. Ученик не пришел в школу день, второй, – Рената Карловна забеспокоилась, пошла к нему домой. Он лежал на печи. «Не могу, я голоден». Она принесла ему кусочек хлеба, подняла на ноги. «Иди, надо учиться», – убеждала Рената Карловна. И он, преодолевая все невзгоды, закончил школу. Потом успешно закончил Саратовский юридический институт. Сейчас пенсионер, но с большой любовью говорит о Ренате Карловне:

«Жила она с сыном Борисом, он был старше меня на год, но учились мы в одном классе. Их дом находился недалеко от школы. Мы подружились с Борисом, часто приходили к нему домой. Слушали радиоприёмник, патефон – для 1947 года это было редкостью. В школе Борис устраивал вечера. Ренату Карловну мы любили, была всегда вежлива, хорошо вела уроки. Мы ничего не знали об их судьбе, тема для разговоров была запретной».

Они становились сибиряками

Мать и сын понимали, что Сибирь становится их второй родиной. Вначале сюда привела беда, затем эта жизнь стала привычной. Жили

Р.К.Гейне. Ишим. 1950-е. Фотография из архива семьи Кирилловых.

дружно. Борис окончил школу, Ишимский сельскохозяйственный техникум, Омский сельскохозяйственный институт, Тюменский педагогический институт. Пошёл по стопам матери. Преподавал в сельской школе, потом был переведён в родную Карасульскую школу. Руководитель лучшей в области производственной бригады, призёр ВДНХ, участник Всесоюзного съезда учителей. Неиссякаемым источником сил была мать. Он видел, как она работает, как готовится к урокам, как внушает детям, что хорошо, что плохо. Раскрывает такие понятия, как честность, ответственность, верность, создавая тем самым систему ценностей. Её поведение было лучшим моральным компасом. Сын видел, что она всегда честна, учитывает мнение других людей, выполняет свои обещания. Её ни в чем нельзя было упрекнуть.

Материнство для Ренаты Карловны было работой трудной, но не обременительной. Она жила жизнью сына, и оба наслаждались общением друг с другом.

– Мама, мы ждём лето. Тёплое лето. А я недавно услышал фразу «кануть в лето». Что это такое?

– Не в лето, сынок, в Лету. Это из мифов Древней Греции. Лета – река забвения в подземном царстве. Из Леты души умерших пили воду и забывали прошлую жизнь. Поэтому, сынок, кануть в Лету – значить быть забытым, бесследно исчезнуть. Запомнил? Как видишь, река Лета и сама оказалась забытой. Говори правильно: «кануть в Лету». Понял? Помни.

Пустое место в застройке 12-й линии Васильевского острова, где стоял дом № 9, в котором во время войны умерла К.Ф.Боровская. Санкт-Петербург. Декабрь 2007. Фотография Г.А.Крамора.

Вот такие уроки жизни давала мать сыну, расширяя круг его познаний.

Часто вспоминали отца.

– Твой отец был честным человеком. Он ни в чём не виноват, он не совершал предательства. Не сделал никакого постыдного поступка, не жалел себя, работал. Ни в каких тайных заговорах не участвовал. Вырастешь, всё узнаешь и поймёшь.

Сын видел, как иногда мать плакала.

– Что, мама?

– Это солнце ослепило меня, сынок.

Борис понимал её слезы. Жизнь разбита. Но сознавал, что у него сильная, не сломленная горем мать. Её практическая мудрость позволяет им жить. Свои знания она передавала ему и детям, с которыми работала.

Классная комната. Над доской плакат: «Век живи – век учись». Какой-то озорной мальчишка спросил: «А что это значит? Моя мама ещё концовку прибавляет». Рената Карловна ответила: «Не думаю, что со знаниями дураком померёшь. Ты учишься живя, и живёшь учась. Учение всегда тесно связано с жизнью. Учение – это есть сама жизнь, а жизнь – непрерывное учение». Убедила ли она ученика? Только известно, что он успешно учился и закончил школу «ударником». Она точно учила жить.

Долгими зимними вечерами Рената Карловна думала о своей жизни. Невозможность вернуть прошлое, навсегда потерянная мечта увидеть своего любимого, невозможность жить в Ленинграде – всё заставляло мириться с повседневностью. Их жилищем стали деревянные домишки, обсаженные шелестящими тополями. Но такие тёплые. Освоенная ими Сибирь сделала их сибиряками, сибиряками поневоле.

Ишимскими тропами

Летом 1952 года в жизни Ренаты Карловны произошёл поворот: бывшая жительница Санкт-Петербурга, ставшего в советское время Ленинградом, стала жительницей Ишима. Этот городок ей понравился: компактный, зелёный, с приветливыми людьми.

Учебный год она начала учительницей немецкого языка неполной средней школы № 32 и, по совместительству – средней школы № 31 ведомства Омской железной дороги¹³.

В дружный, работоспособный коллектив, возглавляемый Ниной Васильевной Кореневой, она вошла спокойно, понравилась. Хорошо говорит на русском, немецком, английском языках, знает французский. Поёт. Играет на фортепиано. Доброжелательна, и это не напускное качество, а внутренняя культура. Все дали оценку: «интеллигентная».

Помимо уроков Рената Карловна вела занятия хора, организовывала спектакли¹⁴. Учила петь тихо или громко в зависимости от создаваемого образа. Учила культуре исполнения. Пели дети без крика, надрыва, слышалось двухголосье. По воспоминаниям Нины Васильевны, работала Рената Карловна хорошо. Умело подбирала материал к урокам, учила наблюдать, увиденное излагать на немецком языке. Опиралась на сознательность ребенка, а не только на послушание. Её любили ученики, ценили за доброту и порядочность. Она учила становиться взрослыми.

А вот рассказ учительницы русского языка и литературы Людмилы Васильевны Знайко: «В один из морозных дней, когда занятия в школах отменили, я спешила к нашей деревянной

школе, чтобы скорее обучиться у натопленной печи, в тепле. Открыв дверь в учительскую, я застыла на месте. Чудесная светлая мелодия наполняла эту комнату. Столько радости, света, тепла дарили эти звуки. Это Рената Карловна играла на пианино. Дивная улыбка озаряла её одухотворённое лицо, уверенно бежали по клавишам пальцы, а музыка лилась, завораживала. Не знаю, что она играла, но я по-новому смотрела на эту учительницу, восхищалась её умением. Я по-новому понимала «мелодию жизни».

В августе 1969 года Р.К.Гейне ушла «на пенсию по старости».

«Мойте, деточки, ножки!»

В моей памяти Рената Карловна осталась как опытный воспитатель в загородном пионерском лагере им. В.И.Ленина станции Ишим. Каждый год на всё лето она уезжала туда. Любила работать с ребятами младшего возраста, их всегда было около сорока. Она следила за всем: как дети разговаривают, как ведут себя в столовой, какой у каждого аппетит, умеют ли они общаться. Для неё всё было важно: их имена, привычки, умеют ли мыть ножки, чистят ли постоянно зубки, правильно ли ставят обувь. Учила любить природу, беречь каждый кустик. Днём, перед солнцем и вечером, после отбоя, слышался её нежный голос: «Деточки, мойте ножки!»¹²

У неё была своя педагогическая позиция. Не возвышаться над детьми, стараться увидеть и услышать каждого, помочь. Её любимое слово «деточки» звучало с особой нежностью. Вроде бы она следовала общепринятым правилам и нормам, но делала своё дело с любовью. Она осознавала, чему надо учить детей и чему надо учиться у них. Искала интересные общие дела для детей, вслушивалась в их голоса. Дети не боялись её. Она была открыта для каждого.

Это был человек, владеющий обширными познаниями. У неё не было ни врагов, ни завистников. Её уважали, ценили, любили.

В памяти осталась репетиция инсценировки басни «Квартет» Крылова. Обычно руководитель даёт выучить наизусть слова, после прочтения учеником делает замечания. Если тот владеет искусством слова – допускает до выступления, если нет – снимает. Сколько горьких минут переживает тогда ребёнок! У Ренаты Карловны своё понимание. Она начинает режиссёрское действие. Сама выразительно читает, включает в диалог и детей. Текст перечитывается несколько раз. И только разъяснив сущность натур героев басни, раскрыв их бездарность, Рената Карловна распределяет роли, подаёт сценарий и начинает готовить спектакль. Она учит не механическому заучиванию текста, а его осмыслению. Не жалеет времени для разъяснения текста. Так поступает настоящий режиссёр. Рената Карловна, учительница немецкого языка, здесь демонстрирует навыки учителя литературы, делает литературный анализ. Пригодились уроки, которые она получала в Санкт-Петербурге, в гостинной у Каролины Боровской. Опыт, приобретённый в семье, помогал в работе.

*Р.К.Гейне. Ишим. Начало 1960-х.
Фотография из архива семьи
Кирилловых.*

Выбор остался за Ишимом

Учительница ишимской школы приехала в Ленинград. Это была её заветная мечта. 1958 год.

Здесь узнала о трагической судьбе Каролины Михайловны Боровской. Она осталась в блокадном Ленинграде. Меняла вещи на продукты. Холод, дров нет, воды – тоже. Хлеба выдают по 125 граммов в день. Пожилая женщина слабла с каждым днём, едва передвигалась по квартире. Потом её не стало видно. Соседка, Клавдия Тихоласова, застала её мёртвой. Завернула в простыню, стащила с кровати, проволочила по коридору. По лестнице труп «съехал сам». Открыла дверь, проволочила дальше. С трудом дошла до канавы, развернула вполне и столкнула туда. Потихоньку пошла обратно.

Вскоре не стало и дома, его разобрали на дрова.

Ренате было больно, горько – и от потери матери, и от осознания того, что мир опустел, и возврата в прошлое нет. Её душили слезы, она молча шла по родным когда-то улицам. Подошла к берегу Невы, волны катились одна за другой, а она была одинокой в этом шумном городе.

Посетила знакомых на Мельничных ручьях. Была принята ими холодно. Из родных никого не нашла. Оставаться в Ленинграде не было смысла: всё разрушено. Кругом – чужие люди. Надо возвращаться в Сибирь. Там ждут её сын, его семья, внуки, там есть работа, знакомые люди, квартира. Ждёт школа, январьский звонок и ученики, которых она знала и любила.

Сибирь стала своей. Здесь где-то безымянная могила её мужа. Здесь она могла выйти на высокий берег реки Ишим, посмотреть вдаль, где чернел Синицынский бор, а за ним, в нескольких километрах – село Лариха, где нашла она своего сына. Поэтому Рената Карловна сделала осознанный выбор, связанный с сибирской землёй...

Моя героиня прожила сложную жизнь. Аристократка по рождению и воспитанию, она никогда об этом не говорила. Не откровенничала.

Р.К.Гейне с отрядом младших школьников. Пионерский лагерь им. В.И.Ленина. Синецынский бор, Ишимский район. 1969. Фотография из архива семьи Кирилловых.

Будучи женой «врага народа», честно выполняла свой гражданский долг, берегла свою честь и честь своей семьи. Не жаловалась, не проклинала. Не ожесточилась, не стала злопамятной, сохранила лучшие душевные качества: доброту, порядочность, трудолюбие.

Загадкой остался вопрос о матери Ренаты Карловны. Среди статс-дам, камер-фрейлин, фрейлин Государыни Императрицы лица по фамилии «Пусси» не значится. Но это не значит, что матерью Ренаты не могла быть одна из придворных дам, поскольку в таких ситуациях они сохраняли анонимность, не раскрывали свою подлинную фамилию, боясь за свою судьбу, за своё место при Дворе. Каролина Михайловна тоже сохранила тайну рождения девочки, переданной в приют.

Не сохранилось документов об отказе от новорождённой. Нет документов и об удочерении, о передаче ребёнка из приюта в семью Боровской. Хотя Тамара Игнатьевна утверждает, что видела их. Значит, Рената Карловна хранила эти бумаги в своём архиве.

Здесь, в Сибири, она обрела вечный покой. Среди могил на ишимском кладбище есть одна – с вросшим в землю железным памятником и небольшой оградкой. Не брошенная, нет, но ухоженная по-простому: ровно лежат пласты дёрна, зелёные, прочные. Всегда убрана сорная трава. Алеют цветы. Проложена дорожка между могилами, довольно узкая, но тоже чистая. С западной стороны оградки растёт дерево, высоко раскинув ветки. На памятнике надпись: «Гейне Рената Карловна. 12.04.1912 – 26.10.1980». Эпитафии нет, только чья-то осторожная рука отломала красную звездочку с верхушки памятника. Приезжают родственники, отдают дань уважения матери, бабушке.

Рано ушёл из жизни её сын, Борис Кириллович Орлов. Бережно хранит память о нём Тама-

ра Игнатьевна Орлова. Помнит она добрым словом и свекровь.

Рената Карловна Гейне не канула в Лету. На земле много людей, которые помнят её. Она осталась во внуках и правнуках. Внучка Ирина похожа на дедушку. Правнучка Диана унаследовала доброту бабушки. Внук Саша трудолюбив, у него большая семья. Душевный человек, спокойный и рассудительный как дед. От бабушки унаследовал веру в человека, стремление самостоятельно решать проблемы.

Образ Ренаты Карловны жив.

Примечания редакции

1 Полное название – Александринский приют для женщин, учреждённый Евангелическими приходскими, находился на углу Большого проспекта (дом 49) и 14-й линии Васильевского острова и состоял под Августейшим покровительством императрицы Александры Феодоровны, которая была немкой по национальности. Работали в клинике преимущественно немцы. Доктор медицины и надворный советник Карл Германович Видеман служил директором и главным врачом. В клинике имелось «80 постельных кроватей, из них 58 для рожениц и беременных, 22 – для гинекологических больных»; бедные пациенты принимались бесплатно (Весь Петербург. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. На 1914 год. Под ред. А.П.Шашковского. – СПб.: Издание товарищества А.С.Суворина «Новое время», 1914. – С. 701-702).

«Приют для женщин в 1897 году пожелали построить евангелические приходы Санкт-Петербурга. Инициатива исходила прежде всего от частных лиц – пастора К.Фрейфельда и доктора К.Г.Видемана. Средства на строительство были собраны прихожанами. Обустраиванием приюта занимались промышленники Л.Е.Кениг, Э.Л.Нобель и К.Б.Зигель. Проект выполнил архитектор Карл Карлович Шмидт. Для облицовки стен впервые в Санкт-Петербурге был применён флюатированный кирпич. Все стройматериалы привозились из-за границы. Торжественное открытие и освящение состоялось 7 марта 1899 года. Здесь разместились родильный дом на 58 мест, гинекологическая больница на 22 кровати и акушерская школа. Над заведением взяла шефство императрица Александра Феодоровна, потому приют с 1914 года был назван «Александринский

приют – родовспомогательный дом для лютеранок. Приют был оснащен современнейшим оборудованием. В здании также находились аптека, жилые помещения для служащих. Директор и главный врач приюта К.Г. Видеман жил на этом же участке в старом деревянном доме на 14-й линии. Со стороны Большого проспекта к зданию примыкал сад. С 1918 года приют был переименован в Родильный дом имени Видемана; носил это имя до 1950-х годов. После реконструкции Большого проспекта в 1927 году сад вошёл в состав общего бульвара. (<http://walksp.ru/zd/bolshoyvo49.html>)

В настоящее время в здании бывшего приюта осталось только кабинет главного врача Родильного дома № 1 Василеостровского района роддома, а весь корпус с 1999 года занимает частная клиника им. Н.И. Пирогова, с любезного разрешения руководства которой нами была произведена фотосъёмка.

2 Боровская Каролина Фердинандовна, дворянка, повивальная бабка (акушерка) Александринского приюта для женщин (Весь Петербург. На 1914 год. – С. 71, 702). Неясно, почему в семейных преданиях К.Ф. Боровская имеет отчество Михайловна.

3 Так, опять же, говорят семейные легенды. Если обратиться к документам, то мужем Каролины Фердинандовны, имевшей дворянское происхождение, вероятнее всего, стал доктор медицины Карл Карлович Гейн, который также трудился в клинике Видемана в должности старшего ординатора. Последнее обстоятельство могло быть причиной того, что К.Ф. оставила за собой фамилию Боровской. В 1914 году К.Ф. Боровская числилась проживающей не на 12 линии, но в доме при клинике (Большой пр. В.О., 49), а К.К. Гейн – в доме № 38 на 7 линии В.О.; кроме него, там записан Карл Карлович Гейне (сын? племянник?), без указания чина и рода занятий, – вероятно, по молодости. (Весь Петербург. На 1914 год. – С. 71, 146, 702, 753).

4 Элин Эльмаровна Клемент – племянница Р.К. Гейне; дочь Марты Карловны Колланг (в девичестве Гейне), дочери К.К. Гейна и К.Ф. Боровской (?); имела также брата Рене; проживала в Санкт-Петербурге на Васильевском острове. Состояла в переписке с семьей Р.К. Гейне.

5 Если речь идёт об отце Карла и Марты Гейне, то эта информация неверна – он запечатлён с детьми и Ренатой на фотографии 1920-х гг.

6 Или всё же они были её родными детьми? Семейные предания утверждают, что отец Карла и Марты проживал в некоем имении под Петербургом; всё, чем он запомнился – тем, что категорически отрицал родственную связь с поэтом Генрихом Гейне. Согласно справке о реабилитации, выданной военным прокурором ЛенВО от 1.07.1996 Карл Карлович Гейне родился в 1901 г. в городе Брянске; это – единственный имеющийся в наличии документ о нём.

7 Год рождения Р.К. Гейне – 1912, т.е. описываемые события относятся к 1916 году. В её семье имеется фотография здания с подписью: «Приют, где жила Рената в 1912-16 гг.»; снимок сделан в 1990-х гг. По фотографии и справочной книге Петербурга удалось установить: это угловое с 17 линии здание № 48 на Большом проспекте В.О., (прежний адрес: 17 линия, 12-б), в котором находился Александринский приют для девочек прихода Евангелическо-лютеранской церкви св. Петра (Весь Петербург. На 1914 г. – С. 1061). Как видим, и «приют для женщин», где работала К.Ф. Боровская, и «приют для девочек» относились к одному ведомству. В настоящее время здесь находится детский сад № 45. История же с фрейлиной Марией Пусси выглядит слишком мифично – в том же справочнике ни в разделе «Министерство Двора и Уделов», ни в алфавитном разделе не значится ни одного лица с подобной фамилией; обычно так называли кошек (ср. англ. «Pussy cat»).

8 Дата приводится по справке о реабилитации, выданной военным прокурором ЛенВО от 1.07.1996.

9 Почему Военным трибуналом, а не «тройкой», как было принято в то время? Загадка.

10 Примечательно, что секретарь написала в графу имя: «Рената».

11 В 1946 г. Р.К. Гейне была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а в 1955 г. – медалью «За трудовое отличие». Вряд ли такие награды дали бы осельнопоселенцу.

12 В другом изложении этот период выглядит драматичнее: «Отношение к приезжим, мягко скажем, было

Р.К. Гейне с внуком Сашей. Конец 1960-х. Фотография из архива семьи Кирилловых.

недружелюбным. За пределы села можно было выехать только с разрешения коменданта. (...) Ведение домашнего хозяйства давалось с трудом. Подсказать же семье, как, например, вырастить картофель, никто не собирался. А потому в первый год переселенцы умудрились выполоть картофель, оставив на поле черныи паслен. (...) Картошку пришлось покупать, чтоб не умереть с голоду. За неё была отдана фамильная драгоценность – брошь с крупными бриллиантами. Картошка же оказалась в основном пилюй. А врач, в руках которой оказалась крупная драгоценность, исчезла из села...» (Бучинский А.И. Ишимская ветвь российского дворянства // Аргументы и факты в Западной Сибири. – 1996. – № 28 (69). – С. 3.)

13 С 27 декабря 1960 г., в связи с упразднением Омской ж.д. школы станции Ишим переданы в ведение Свердловской ж.д.; школа № 32 перенумерована в школу № 7, школа № 31 – в школу № 1; с передачей в середине 1990-х гг. социальных объектов МПС муниципалитету г. Ишима они получили №№ 11 и 31.

14 «Более семи лет существует в школе детский хор. Руководит им преподавательница Рената Карловна Гейне. В репертуаре хора русские народные песни, песни советских композиторов, плясовые, шуточные, частушки. Школьный хор много раз выступал на предприятиях, в красных уголках ж.д. узла, на детских утренниках. На смотрах самостоятельности хор награждался Почётными грамотами», – писала в местной газете учительница школы № 32 Т.Сермягина.

15 «Стало уже почти традицией самый младший отряд пионерского лагеря имени Ленина отдавать воспитателю Ренате Карловне Гейне. (...) В отряде Ренаты Карловны интересно: дети слушают сказки, рассказы о животных, изучают новые игры, рисуют, лепят, гуляют в бору. Их воспитательница – исключительно одарённый, разносторонне образованный человек. Стоит ей сестра за фортепиано – зазвучит любая новая песенка. Нашли причудливую шляпку, сунук, корягу, кусочек коры – искусные руки Ренаты Карловны превращают находки в гномов, туки, забавных зверюшек. (...) Воспитанники её ставят прекрасные концерты, которые с удовольствием смотрят и взрослые, и дети. Причём Рената Карловна, не замыкаясь в коллективе своего отряда, успевает отыскать таланты и среди старших ребят. Она отлично разбирается во многих вопросах театрального искусства, во время концертов она и гримёр, и сфлёр, и режиссёр-постановщик. Интересны рассказы Р.К. Гейне о прочитанном, о путешествиях. Особенно нравятся ребятам слушать её воспоминания о поездке в ГДР. А самое главное – это её материнская забота о малышах, умение заметить тончайшие движения ребячьей души, стремление помочь каждому ребёнку обрести уверенность и покой в новом коллективе, вдаль от родителей. Уже двадцатое лето провела с титябратями неутомимая Рената Карловна (...)» (Сарафанникова Л.А. Доброе сердце педагога // Ишимская правда. – 1972. – Июль. – С. 3.)

«Потому что я – парень с Урала!»

Неизвестные страницы из жизни писателя В. В. Медведева

Ну кто же не знает детскую книжку «Баранин, будь человеком!»? Но того, что автор этой книги Валерий Медведев – уралец, наш земляк-челябинец, мы, челябинцы, долгое время не знали...

С конца 60-х годов прошлого века мы возобновили традицию проводить в Неделю детской книги областные праздники книголюб-школьников. Обком комсомола помогал нам приглашать на них московских писателей. Были у нас в гостях Наталья Кончаловская, Лидия Либединская, Анатолий Маркуша, Анатолий Митяев.

Лет тридцать тому назад перед очередной «Неделей» я оказалась на совещании в Москве (тогда я была директором областной детской библиотеки). А мы к тому времени уже подружались с писателем-лётчиком Анатолием Маркушей. Он у нас в Челябинске, Магнитогорске замечательно выступал перед ребятами. Сидим мы у него дома, за окнами шумит Садовое кольцо. Я спрашиваю, кого бы посоветовал пригласить к нам на праздник. Он и говорит: «А что же вы не приглашаете Валерия Медведева, ведь он ваш земляк?» Для меня это тогда было как гром среди ясного неба.

Маркуша даёт номер телефона Валерия Владимировича. Я звоню, Медведев приглашает к себе, в новый дом на улице Усиевича, куда совсем недавно заселились писатели и художники. Разговор начинается с того же вопроса – почему мы его не зовём в Челябинск. Оказывается, Медведев у нас заканчивал ещё до войны самую известную в городе школу № 1, с которой очень дружила наша библиотека. Я мучаюсь мыслями: почему я не знаю, что он наш земляк, может быть, что-то упустила, что-то не дочитала о нём.

Валерий Владимирович и в разговоре ничего о своей семье, о жизни в Челябинске не рассказывает, но обещает приехать на областной праздник в конце марта. Ну, думаю, приедет, всё узнаем. Вернувшись домой, я перерыла все материалы о Медведеве. Нигде ни строчки о Челябинске. Как оказалось позже, даже своей жене Ирине Всеволодовне он никогда не рассказывал о детстве в Челябинске. Как же мы могли узнать о том, что он у нас жил?!

Стали мы тогда готовиться к встрече с Валерием Владимировичем. Все детские библиотеки были «мобилизованы» на чтение книг Медведева. Но он не приехал. Заболел. Праздник прошёл без него. И всё же это были поверхностные сведения.

Однако незадолго до ухода В.В.Медведева из жизни работники краеведческого музея города Ишима, где родился писатель, обратились к нему с просьбой рассказать о детстве. И он прислал им небольшой неоконченный и нигде не печатавшийся рассказ «Грустная биография весёлого человека». Ишимцы об этом написали в журналах «Коркина слобода» (Ишим, 2001) и «Уральский следопыт» (Екатеринбург, № 10

за 2005 г.). Оказывается, на самом деле он был не Медведев, а Маринин. И не Владимирович, а Иванович. В Ишиме нашли тот дом, где жила семья Марининых, и установили мемориальную доску.

Но вот стал приближаться юбилей Валерия Медведева. 16 марта 2008 года – 85 лет со дня рождения. Мы решили продолжить поиски. Нашли в Челябинске семью старшего брата – Леонида Ивановича Маринина. Живут они, как оказалось, недалеко от библиотеки. Связь с писателем поддерживали, но никогда не афишировали родство. Леонида Ивановича давно нет в живых, умер в прошлом году и его сын Борис. Мы познакомились со вдовой и сыном Бориса Маринина. Увидели семейные альбомы, книги Валерия Медведева с дарственными надписями родным, узнали семейную историю Марининых. Кроме того, Ишимский краеведческий музей прислал копию рассказа «Грустная биография весёлого человека». Из него и взяты цитаты в дальнейшем рассказе.

Иван Павлович Маринин, отец Леонида и Валерия, был родом из Тульской губернии, служил «кавалеристом-пулемётчиком». В память об участии в Гражданской войне у него в спине осталось четыре неизвлечённых пули, которые отец нам давал потрогать в бане. Мама тоже участвовала в Гражданской войне, была медсестрой. Там они и познакомились. В 1919 году Маринин заболел тифом, попал в госпиталь в Ишиме, где работала медсестрой украинка Эмилия Иванова Шевченко. Они поженились и остались в Ишиме, где Иван Павлович работал в военном комиссариате. Здесь у них в 1921 году родился сын Леонид, в 1923-м – Валерий, которого в детстве звали Валентином, в 1928 году – Владимир.

Росли братья Маринины в тяжёлое время. «Это были голодные годы... На почве голода у Леонида отнимались ноги, и по дому он передвигался, привязав к ногам брючные ремни. Ноги он передвигал, поднимая ремни руками. Я передвигался по квартире с помощью своих ног. Но голод дал осложнение на центральную нервную систему. Выражалось это в том, что меня ночами мучил всё время один и тот же сон: снился мне мячик, который катился по дорожке. Пока мяч катился по гладкой дорожке, я засыпал нормально, но как только он начинал подпрыгивать, я тут же просыпался и начинал плакать...»

После Гражданской войны Иван Павлович занялся коневодством, менял места службы: Курган, Троицк... В Свердловске Иван Павлович стал директором ипподрома.

Валерий рос весёлым, остроумным мальчишкой. «Отец с матерью считали, что я непременно стану артистом... Когда в доме собирались гости, папа обычно спрашивал маму или бабушку: «Ну что там напридумывал наш артист?» Мама отвечала: «Вчера в школе учительница спросила учеников в классе: «Кто из вас,

ребята, скажет, что означает слово разночинец?» – и наш артист, конечно, громче всех: «Я знаю! Я знаю!» – и руку тянул сильнее всех. «Видно, Валентин лучше всех знает, раз он и сильнее всех кричит, и руку тянет. Ну, Валентин, говори, кто такой разночинец?» – «Это человек, который чинит разную обувь!»

Все засмеялись. А клоун, который был у нас в гостях, засмеялся громче всех. Клоун этот дружил с отцом, так как он любил лошадей и часто посещал ипподром.

«А вчера на уроке литературы учительница спросила у класса: «Скажите, пожалуйста, что бы сказал Робинзон Крузо, если бы проснулся утром на своём необитаемом острове и увидел бы на песчаной отмели отпечатки не ступней человеческих, а человеческих рук?» Класс замолчал надолго, и все стали с надеждой смотреть на Валентина, а он так хитро улыбнулся и сказал: «Увидев на песке отпечатки человеческих рук, Робинзон Крузо закричал бы изо всех сил: «Ура! Цирк приехал!»

Клоун подождал, когда все отсмеются и произнёс, не сводя с Валентина глаз: «Ну, артист, настоящий артист!»

Клоун обещал исполнить репризы мальчика на цирковом детском утреннике: «Убеждён, что будет взрыв смеха! Взрыв смеха – самый прекрасный взрыв на свете!»

Из Свердловска в Челябинск Маринины переехали в 1935 году. Отец работал начальником областного управления коневодства. Мать продолжала работу по медицинской части. Стало легче жить, дети избавились от болезней. Валя, как и все мальчишки, играл в футбол, волейбол, гонял на лыжах, ходил на занятия в Дом художественного воспитания детей, занимался рисованием, лепкой, хореографией. Учился в школе № 1. Круглым отличником не был.

В 1937 году детство братьев Марининых кончилось. Отца обвинили в контрреволюционной деятельности и арестовали. Вскоре арестовали и мать – за то, что не донесла на мужа. Вот что гораздо позже слышал внук, Борис Леонидович, от своей бабушки Мили (Эмилии Ивановны):

«Это случилось в тридцать седьмом, летом. Мы сидели на веранде и ждали Ивана Павловича. Сначала тары-бары, а когда стемнело, свет заглох, и Валера стал играть на гитаре старинные романсы. Под звон гитары все и уснуло. И вдруг – стук, гром! Открываем – НКВД! Обыск...

Потом арестовали меня. В тридцать седьмом, осенью. В камере-одиночке сидело двадцать женщин. А в соседней – мужчины. Был там такой Миша-Птенчик. Так он нам «морзянкой» каждый день настукивал: «Подписывайте всё!» А я думала: «Если меня до сих пор не расстреляли, значит, не все подписывают!»

Прошло четырнадцать месяцев отсидки – и снится мне сон, будто бы мчимся мы с Иваном Павловичем на тройке, на розвальнях по красивому тёмному лесу. И вдруг вылетает тройка в чистое-чистое поле! И солнце такое, что я глаза зажмурила. А когда открыла, смотрю: исчез Иван Павлович...

Рассказываю я утром этот сон девочкам, а сама слезами заливаюсь – ой, не к добру при-

Дом № 60 на ул. Луначарского, где жил с родителями в 1923 году будущий писатель. Ишим. Октябрь 2008. Фотография Г.А.Крамора.

виделось. Они меня успокаивают, а тут окошко в двери открылось, и охранник кричит:

– Шевченко! На выход!

Собрала я свой узелок, попрощалась со всеми на веки вечные... А меня выпустили... ни объяснений, ни извинений... Ничего! И где дети мои – тоже не сказали. Сказали только, что «с Иваном Павловичем дело поправить никак нельзя».

Отец Вали был расстрелян на Золотой горе в Челябинске. Когда арестовали и мать, старший сын Леонид скитался по родным и знакомым. Младших отправили в детский дом. Валентина усыновил актёр Челябинского драмтеатра Владимир Медведев. Вот так и появился будущий писатель Валерий Владимирович Медведев.

Когда Эмилия Ивановна вернулась из тюрьмы, с ней остались старший и младший сыновья. Леонид женился, в мае 1941 года у него родился сын Борис, а в июне началась война. Леонид погиб на фронте. Младшего сына Володю мать в начале лета 1941 года отправила к родственникам на Украину – с ними мальчик и погиб под бомбёжкой. Эмилия Ивановна умерла в Челябинске от тяжёлой болезни в 1949 году. Валерий приезжал из Москвы на похороны.

...Узнав всё это, я поняла: жизнь семьи в Челябинске оставила такой след в душе у Валерия Медведева, что не так просто было воз-

В.В.Медведев. 1950-е. Фотография. ИКМ.

вращаться мыслями к детству, к семье, рассказывать об этом...

Благодаря приёмной семье юность у Валерия складывалась благополучно. Ещё в старших классах школы он начал писать стихи и рассказы, в основном сатирического характера. Играл небольшие роли в драмтеатре и в оперетте. В 1940 году уехал в Москву, поступил на режиссёрский факультет ГИТИС. В годы Великой Отечественной войны выступал в армейском ансамбле песни и пляски, снимался в кинофильмах «Она защищает Родину» (Васенька) и «Парень из нашего города» (Петька). После войны работал в театре Моссовета. Писал сценарии, весёлые песенки для Клавдии Шуль-

женко, короткие юмористические рассказы для Леонида Утёсова, Аркадия Райкина.

Артистом он не стал, зато стал детским писателем. Первая его сказка «Голоса» появилась в «Мурзилке» в 1957 году. Потом появился «Гусёнок третьего сорта». Потом было ещё много книг: «Капитан Соври-голова», «Свадебный марш», «Флейта для чемпиона»... Но прославил его повесть-сказка «Баранкин, будь человеком!» Путёвку в жизнь дал ей Лев Кассиль (в его дневниках есть строки о работе над «Баранкиным»). Было много переводов – на 27 языков! Только в Японии книга издавалась 11 раз. За неё Медведев получил Почётный диплом имени Андерсена, Государственную премию РСФСР имени Крупской... И сына Валерий Владимирович назвал в честь Баранкина. Юрий Медведев – журналист, защищал диссертацию по произведениям отца.

Валерий Владимирович ушёл из жизни 16 февраля 1997 года.

Его челябинский племянник Борис Леонидович Маринин работал директором НИИ, писал стихи, выпустил несколько сборников. Его внучка Анастасия закончила ту же школу № 1, уже написала первую книжку. Учится в Петербурге на журналиста. Внук Даниил в той же школе – ещё первоклассник. Книг пока не пишет, зато прекрасно читает стихотворения из книги своего родственника. Мы в этом убедились на встрече в нашей библиотеке, устроенной в честь юбилея В.В.Медведева.

Там же прозвучали и строчки, которые окончательно убедили нас, что Медведев – и наш земляк, что мы можем называть его и челябинским писателем. На одной из книг, подаренных семье Марининых, Валерий Владимирович написал:

*Мне славы и чести
повсюду хватало,
Но признание челябинцев
любю и дорого!
Потому что я, в общем-то,
парень с Урала!
Потому что я парень
из вашего города!*

Н. Л. ПРОСКУРЯКОВА

«Виновным себя не признаю»

Жизнь революционера Александра Карякина

«Виновным себя не признаю»¹ – написал твёрдым почерком Александр Ермилович Карякин 15 февраля 1937 года на постановлении о привлечении к уголовной ответственности по ст. 58 УК РСФСР за активную контрреволюционную деятельность на Урале.

Многие десятилетия это следственное дело из архива управления ФСБ по Свердловской области считалось засекреченным. И лишь совсем недавно нам позволили раскрыть страницы трагической судьбы ещё одного старого большевика, чьим именем названа улица в Ишиме.

Внимание в этом деле привлекло письмо, адресованное Центральному Комитету КПСС от пенсионерки овцесовхоза «Ленинский» Ставропольского края Карякиной Лидии Поликарповны. На конверте – оттиск почтового штемпеля с датой 8 июня 1958 года. Через одиннадцать лет она вновь пытается найти пропавшего без вести мужа и с последней надеждой обращается к первому секретарю Коммунистической партии Советского Союза – Никите Сергеевичу Хрущёву.

«Познакомившись с материалами XX съезда КПСС и, в частности, с письмом «О вреде

культы личности и его последствиях», я горячо одобряю большую работу нашей партии, проделанную в этой области. В связи с этим письмом я обращаюсь к Вам с просьбой ещё раз пересмотреть дело моего мужа, твёрдого ленинца, старого большевика, пропавшего без вести...

С 1925 года по 1934 он работал в г. Кисловодске и в г. Свердловске на различных участках партийно-хозяйственной работы. В 1934 году в г. Свердловске он работал в Коллегии защитников. Здесь, как и раньше, он неуклонно держался генеральной линии ЦК ВКП(б), открыто боролся как на партийных собраниях, так и в работе с троцкизмом и другими уклонами в партии. В 1934 г. он был арестован органами НКВД и обвинён в троцкизме. По этому случаю я выехала в Москву и обратилась в ЦКК при ЦК ВКП(б). После беседы с товарищем Е. Ярославским он был немедленно освобождён и полностью реабилитирован. В этом же 1934 г. после освобождения выехал в Москву в ЦК ВКП(б) с авторскими подлинными материалами партизанского движения в Сибири. Там же ему были оформлены документы старого большевика и была назначена персональная партийная пенсия. Во время его пребывания в Москве он был заочно исключён из членов партии большевиков опять же по обвинению в троцкизме Свердловской партийной организацией при облсуде. Кассационная жалоба, поданная в Свердловский окружном, была отклонена. Мы переехали семьёй в этом же году в Бийск.

Прервёмся, чтобы сообщить любопытные сведения, обнаруженные ранее в уголовном деле Даниила Васильевича Шаронова и доказывающие, что отъезд А.Е.Карякина в город Бийск – не случайность, а попытка скрыться, отвести от себя нависшую угрозу. В протоколе допроса один из свидетелей на вопрос о конкретной троцкистской деятельности обвиняемого отвечает, что он «ничего не слышал об этом, а может только сказать, что Шаронов имел связь с троцкистом Карякиным, которого он хорошо знал как партизана»². Однажды допрашиваемый заинтересовался у Шаронова, где в настоящее время находится Карякин, и Даниил Васильевич достал письмо и стал читать. В этом письме Александр Ермилович рекомендовал ему уехать в маленький городок, где его никто не знает, чтобы избавиться от преследования и жить спокойно. Ровно через год это злополучное письмо всплывёт на допросе Карякина. На вопрос следователя, знает ли он троцкиста Шаронова, тот ответит, что знаком с ним с 1917 года, что были вместе на фронте, что он бывший партизан, бывший красногвардеец и бывший член ВКП(б), что во время чистки партии в 1933 году исключался из её рядов за пьянку и дебоширства, но был восстановлен. В 1936 году Шаронов написал Карякину, что вновь исключён из партии и просит приехать в Сибирь. Александр Ермилович в свою очередь порекомендовал ему добиться первоначального восстановления в партии и выехать туда, где требуется его специальность маляра-живописца³. Однако следователь расценил это как попытку уйти из-под наблюдения и от разоблачения Шаронова как троцкиста. Скрыться от преследования,

А.Е.Карякин. Нач. 1920-х. Фотокопия из архива М.А.Бровко. ИФ ГАТО.

действительно, было не так-то просто: «всевидящее око» ОГПУ могло найти человека в любой щели, тем более – в Бийске.

Вернемся к письму Лидии Поликарповны:

«В 1937 году в феврале месяце он был вторично арестован органами НКВД и осуждён к 5 годам тюремного заключения, как указывала раньше. После ареста два с половиной года мы не имели от него никаких сведений. Только когда я написала письмо в ЦК ВКП(б), мне было сообщено, что он находится в городе Магадане. В 1941 году вследствие активирования его врачебной комиссией был переведен в город Мариинск Новосибирского края. В связи с тяжёлыми условиями содержания во время тюремного заключения его здоровье было окончательно подорвано. Здесь, в Мариинске, он был вновь активирован врачебной комиссией и призван по роду болезни непригодным к содержанию в лагерях. Срок отбывания заключения кончился 15 февраля 1942 года, но был задержан до окончания войны. Последнее письмо мы получили от него из Мариинска в конце 1944 года, и с тех пор нам о нём ничего не известно, хотя я неоднократно писала и в Мариинск, и в Новосибирск в органы НКВД.

Всё это время я работала, а сейчас нахожусь на трудовой пенсии. Троих наших детей я вырастила преданными Советской власти и делу нашей партии. Я и дети глубоко убеждены в полной невинности нашего отца и глубочайшей его преданности делу партии. Мои дети работают сейчас на педагогической работе и

Мандат, выданный А.Е.Карякину – командиру конского запаса. 10 августа 1918. Архив М.А.Бровко. ИФ ГАТО.

воспитывают советских школьников в духе преданности и любви к нашей родине.

Прошу Вас разобрать ещё раз дело моего мужа, старого большевика Карякина Александра Ермиловича.

Прилагаю его письмо, где он советовал обратиться с просьбой в Верховный Совет СССР. Такое заявление я посылала, но ответа не получила. Сохранились и другие его письма⁴.

Как же получилось, что старая гвардия большевиков превратилась в гвардию «врагов народа», подлежащую физическому уничтожению?

Большую часть следственного дела составляют протоколы допросов, написанные от руки малоразборчивым почерком. Меня заинтересовал один случай, где, как показалось, пламенный революционный характер Карякина проявился в большей мере. На одном из допросов при первом аресте в 1934 году он показал, что жившая с ними родственница – «человек неподкупной честности» и может подтвердить его невиновность. Александру Ермиловичу немедленно зачитали её показания, где она характеризовала его как «настроенного антипартийно», «Показание... меня убивает, – удручённо произнёс тот. Теперь я вполне понял, в чём дело. Я – бывший педагог и [использовал] метод «доказательства от противного», то есть убеждение в правильности доказываемого путём защиты противоположной точки зрения. Верно, что я иногда, чтобы правильность линии партии была наиболее умело воспринята моими собеседниками, принимался защищать разные антипар-

тийные настроения и вымыслы. Необходимо отметить, всё-таки, что обычно, почти всегда, я потом говорил о том, что такая защищаемая мною линия антипартийная – неверная. Случай, когда этого не было – редки; разве, когда я видел, что мои собеседники великолепно разобрались. Должен признаться, что педагогический этот приём, очевидно, не подходит к политическому воспитанию; доказательства – налицо: и Д., и М. – поняли меня, как противника линии партии. Этому, вероятно, способствовало то обстоятельство, что я по характеру энтузиаст, и когда защищал антипартийную точку зрения, то здорово горячился...»⁵

Допросы продолжались регулярно. Задавались однотипные вопросы. Настойчиво рекомендовали «не запирайтесь и сразу же начать с откровенных показаний», «бросить врать следствию и давать правдивые показания». Карякин же отвечал, что «троцкистом никогда не был, троцкизму не сочувствовал, с троцкизмом боролся и раскрывал троцкистов во всех городах, где я работал: в Кисловодске в 27-28 годах, на Урале, в городе Свердловске раскрыв несколько троцкистов и в городе Ишиме в 1934 году...»⁶

В этом году исполнится двадцать лет с тех пор, когда я поменяла благополучную работу учителя истории на беспокойную должность сотрудника музея. Трудно было назвать музеем подвальное помещение из двух комнат в доме № 2 на улице Карла Маркса. Чуть позднее, в 1991 году, откроется первая экспозиция «Никольская ярмарка» в бывшем здании церковно-приходской школы на улице Ленинградской. Тогда мы чувствовали доброжелательность и интерес горожан, старались ответить тем же. Появились первые страницы «Собор» в местной газете, за ними последовал альманах «Коркина слобода».

В этом году выпускаем десятый номер, и надеюсь, что не последний, но «передохнуть» года два всё-таки придётся. Вспоминаю, как начинался первый номер. Однажды вечером ко мне домой пришли Леонид Васильевич Фролов и Татьяна Павловна Савченкова и твёрдо заявили, что будут делать журнал, если изменить название «Отчизнолюб» на «Коркину слободу». Я с лёгкостью согласилась. Меня тогда поражало, что старшей ишимский краевед Мария Александровна Бровко была совершенно равнодушна к нашей бурной деятельности. Часто встречая её шестивушкой по первому этажу горкома партии в неизменной старомодной шляпке, энергично приглашала зайти в музей. Но она так ни разу и не пришла. Только сейчас, рассматривая собранные ею архивные документы, изумляющие глубиной охвата темы, я поняла, что мы были для неё чужие. Мы изучали совсем другую историю.

Бровко оставалась верна идеалам своей эпохи, – той эпохи, когда она, чтобы оформить в архиве выставку об ишимских революционерах, обращалась напрямую в Архивное управление ЦК КПСС. Оттуда ей выслали копию автобиографии А.Е.Карякина⁷.

Александр Ермилович родился в крестьянской семье в августе 1877 года в городе Ишиме. Его отец, отставной солдат, женился на си-

*Герои Гражданской войны А.Е.Карякин и Н.Л.Гордеев с семьями. 1933.
Фотокопия из архива М.А.Бровко. ИФ ГАТО.*

роте, которая воспитывалась у своей тётки в Ишиме. С ранней весны до поздней осени семья проживала в деревне Быковой, где Саша с отцом на пашне выполнял любые работы, которые были ему под силу. На зиму возвращались в собственный дом в Ишиме.

Ермил Карякин «был человек не религиозный и ненавидел самодержавие, по этому поводу часто говорил: «Мне турецкая кампания открыла глаза, а жизнь подтвердила». Хотя за войну получил четыре «Георгия», но никогда их не надевал, так они и валялись на дне ящика»⁸.

К чтению книг Саша пристрастился с детства. Читал все, что попадало под руку. Иногда ему приносили книги жёны политических ссыльных. В 10-летнем возрасте он поступил в приходское училище, затем в уездное, по окончании год работал в отцовском хозяйстве.

В 1893 году А.Е.Карякин поступил в Омскую учительскую семинарию. В 1897 году отправился в Петербург, где был зачислен как вольнослушатель на юридический факультет университета, и почти одновременно поступил на утренние курсы Лесгафта (руководителей физического воспитания).

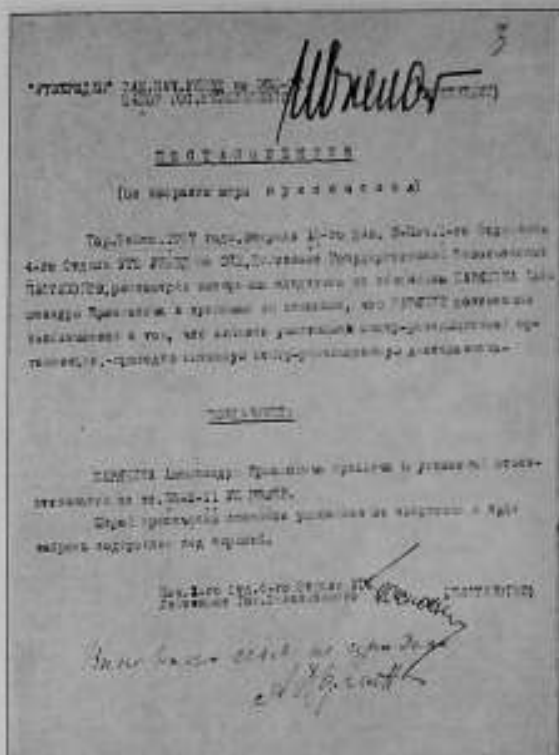
В 1895 году вступил в подпольный кружок РСДРП, занимался с товарищами перепечаткой на гектографе нелегальной литературы и её распространением среди железнодорожных рабочих и учащихся средних учебных заведений. Подпольные клички: «Старик» и «Дедушка», а у шпиков — «Кудлатый» и «Кацап».

Более трезвая оценка его деятельности в знаменитом «Союзе борьбы за освобождение

рабочего класса», созданным Лениным (из этого «Союза» и выросла в 1898 году РСДРП, ставшая «колыбелью» коммунистической партии), содержится в другом документе из архива Контрольно-партийной комиссии ЦК КПСС. Бывший вольнослушатель юридического факультета Петербургского университета, оставивший его в 1900 году по болезни, «в 1901 г. в Петербурге привлекался к дознанию по делу о «Союзе борьбы по освобождению рабочего класса» (Дело Сверчевского, Шендрикова и др.). Дознанием установлено, что Карякин, поддерживая связь с руководителями Общества, оказывал им более или менее серьезные услуги для достижения целей. Бывал на устраивающихся в интересах агитации сходках, на которых, однако, не играл выдающейся роли. 19 февраля 1901 г. подвергнут в Ишиме обыску, не давшему положительных результатов, привлечён к дознанию и отдан под особый надзор полиции. С 27 марта 1902 г. сроком на два года подчинён гласному надзору полиции в г. Ишиме. В результате многочисленных прошений об освобождении от надзора, последний был снят с него 2 июля 1903 г., т.е. за 8 месяцев до срока»⁹.

Об эффектном появлении «студента» в Ишиме и о революционной деятельности молодой четы Карякиных живописно повествует в своей книге «Юности прекрасное начало» Ксения Павловна Чудинова — тоже пламенный борец за коммунистические идеалы, испытавшая их пятнадцатую годами сибирских лагерей и ссылок¹⁰.

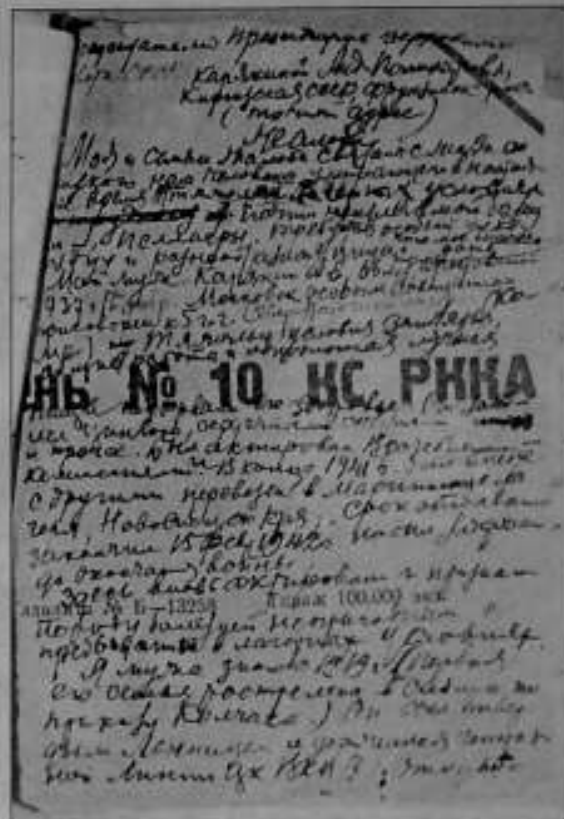
На основе уникальных документов Мария Александровна Бровко в 1960 году выпусти-

Постановление об аресте А.Е.Карякина с его автографом. 15 февраля 1937. Архив РУ ФСБ по Свердловской области.

ла небольшую книгу «Ишимские коммунисты в годы Гражданской войны», посвящённую 40-летию освобождения Ишима от колчаковцев. Раритетная книга сообщает: «в первой половине декабря 1917 года окончательно оформляется ишимская организация РСДРП(б). Своим председателем большевики избирают А.Е. Карякина, секретарём – А.Ф. Герчеса»¹¹. Для укрепления своего положения в избранном Совете большевики обратились за помощью в Омск. «27 января в из Омска в Ишим прибыл отряд в 30 человек, состоящий преимущественно из солдат-фронтовиков. На следующий день, т.е. 28 января 1918 г., Ишимский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о переходе всей власти в его руки»¹².

В мае 1918 года приходят тревожные вести. Контрреволюция наступает. В Ишиме для охраны революционного порядка формируется отряд Красной гвардии. Командир – Д.В. Шаронов, политком – А.Е. Карякин. В июне 1918 года под напором мятежных частей Чехословацкого корпуса отряд оставил город. «А.Е. Карякин принимает участие в боях в районах: Голышманово, Омутинское, Вагай, на реках Ишим и Тобол»¹³. В течение двух летних месяцев 1918 года Карякин был начальником конных запасов 1-й Сибирской армии, Восточной, а затем Уральской дивизий. Получив сведения о расстреле колчаковцами первой жены Ольги Ивановны Карякиной, просил штаб направить его в Сибирь, «чтобы разыскать сына (14 лет), которого, по слухам, укрыли крестьяне»¹⁴.

Одно из последних писем, отправленных А.Е.Карякиным семье из сибирских лагерей. 1943. Архив РУ ФСБ по Свердловской области.

4 ноября 1919 года части Красной Армии заняли город Ишим¹⁵.

Вернувшись в родной город из Иркутска, А.Е. Карякин в начале осени 1920 года был назначен председателем организационного бюро РКП(б) по регистрации и чистке рядов партии, призывал трудящихся к выполнению продовольственных развёрсток, создавал первые коммуны. В декабре 1920 года, за месяц до начала самого крупного в России антиправительственного крестьянского восстания в Ишимском уезде, Карякин по приглашению заведующего СибОНО Д.К. Чудинова уезжает в Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), где работал заведующим отделом снабжения до июля 1922 года. Приехав в отпуск в Ишим, получил сильнейшее потрясение: балуясь с оружием, молодые парни случайно убили его единственного сына. Пережив острый приступ неврастения, вернулся в Ново-Николаевск, где работал в органах Сиблечати и Сиброста (телеграфное агентство). В 1925 году ввиду обострения туберкулёза был переведён на постоянную работу в Кисловодск. В 1928 году переезжает в Свердловск¹⁶.

Что произошло далее, мы уже знаем. По всей видимости, страдавший «почти неизлечимой болезнью – пеллагрой», как писал он сам¹⁷, старик-революционер (в 1944 году, когда семья получила последнюю весточку, А.Е. Карякину было 67 лет), отбывший свой срок заключения, но так и не получивший свободы, остался лежать в безымянной братской могиле под Ма-

риинском, не дождавшись окончания войны. М.А.Бровко удалось узнать в Свердловском УВД то, что не сообщили второй жене Александра Ермиловича – дату его смерти: 2 марта 1945 года¹⁰.

Книга «Ишимские коммунисты в годы Гражданской войны» вернула из тени забвения имена тех героев установления советской власти, кто был впоследствии этой же властью уничтожен. «Учитывая просьбу старейших коммунистов города», заслушав доклад заведующего коммунальным хозяйством Михаила Петровича Бочкарёва, Ишимский исполком решением № 167 от 22 ноября 1961 года постановил переименовать ул. Большую Кузнечную в ул. имени А.Е.Карякина, ул. Лесную – в ул. имени Д.В.Шаронова, а школу № 1 назвать именем Ольги Ивановны Карякиной¹¹.

Идеи всеобщего равенства, братства, социальной справедливости всегда будут привлекать людей. Это – красивая мечта. К сожалению, мы не можем обойтись без крайностей: если равенство, то поголовное; если капитализм, то дикий. Увы – революцию делают романтики, а плодами её распоряжаются прагматичные циники...

Примечания

- 1 РУ ФСБ по Свердловской области, архивное следственное дело № 21105, л. 3.
- 2 РУ ФСБ по Тюменской области, архивное следственное дело № 7499, лл. 37-38.
- 3 РУ ФСБ по Свердловской области, архивное следственное дело № 21105, л. 14.
- 4 Там же, лл. 69-74.
- 5 Там же, лл. 28об-29.
- 6 Там же, л. 27об.
- 7 ИФ ГАТО, ф. 703, оп. 1, д. 108, лл. 2-14.
- 8 Там же, л. 2.
- 9 Там же, лл. 15-16.
- 10 См.: Крамор Г.А. Звезда комиссара Ксении Чудиновой // Коркина слобода. – Вып. 9. – Ишим, 2007. – С. 89-90.
- 11 Бровко М.А. Ишимские коммунисты в годы Гражданской войны / Под ред. Ю.А.Васильева. – Тюмень: Архивный отдел УВД Тюменского облисполкома, 1960. – С. 20.
- 12 Там же, с. 21.
- 13 Там же.
- 14 ИФ ГАТО, ф. 703, оп. 1, д. 108, л. 13.
- 15 Бровко М.А. Ишимские коммунисты в годы Гражданской войны. – С. 25.
- 16 Там же, с. 37.
- 17 РУ ФСБ по Свердловской области, архивное следственное дело № 21105, л. 74.
- 18 ИФ ГАТО, ф. 703, оп. 1, д. 108, л. 49.
- 19 Там же, л. 67.

Г. А. КРАМОР

Краевед советского Ишима К 100-летию со дня рождения М.А.Бровко

На карте Ишима XXI века среди новых кварталов на севере города можно найти внешне неприметный «переулок Бровко». Его окружают улицы, носящие имена таких же, как она, людей, награждённых званием «Почётный гражданин». Но мало кому из молодых жителей этих кварталов известно, сколько улиц Ишима получило новые имена благодаря деятельности Марии Александровны...

Её жизнь, целью которой стало открытие тайн истории, – сама тайна. Знарок непростых лабиринтов судеб людей, чьими руками вершилась история города, она посчитала нужным оставить любознательным потомкам лишь немногие сведения о себе. Человек замкнутый, сдержанный в эмоциях, она не любила рассказывать о семье. Уже на склоне лет, приходя в городской архив, которому отдала 22 года жизни, доставала портфель с личными документами и фотографиями, долго вглядывалась в каждый лист или карточку – и сосредоточенно разрывала её на мелкие клочки...

И всё же – в личном фонде М.А.Бровко в Ишимском госархиве, в краеведческом музее, в архиве газеты «Ишимская правда» – сохранилось немало документальных материалов, собранных неутомимой Марией Александровной, которые ещё могут послужить подспорьем краеведам будущего в раскрытии неизвестных страниц прошлого. И которые могут поведать нам о жизненном пути главного краеведа советского Ишима.

«Город Ишим – здесь прошло моё детство и юность, здесь грамотной стала, здесь с ув-

лечением читала я о мужественных людях – революционерах, о тех, кто в мир пришёл, чтобы сделать его лучше...

Боевые песни революции играли большую роль в жизни молодёжи 20-х годов, эти песни мы с большим увлечением изучали в школе на уроках пения, с ними шли мы на коммунистические субботники и с воодушевлением работали до позднего вечера, не считаясь со временем...

Мне очень хотелось знать о том, как жили и боролись за советскую власть наши ишимские революционеры, но таких книг в библиотеках не было, и не думала я тогда, что пройдёт много лет, и я буду автором книги о наших земляках-революционерах...

Так начинается «Творческий отчёт внештатного корреспондента газеты «Ишимская правда» Бровко М.А.», составленный в 1986 году. Больше нигде мы не находим упоминания о годах юности будущего архивиста и историка. Действительно, до возраста почти сорока лет жизненная дорога Марии Александровны не приводила её к той стезе, на которой она нашла своё призвание.

Родилась она 7 июня 1908 года в городе Миссе нынешней Челябинской области. Маша стала первым ребёнком. Через два года появился брат Михаил, в 1913-м – сестра Елена, в 1915-м – Юлия. Вчетвером они запечатлены на фотографии, сделанной в Ишиме 26 декабря 1918 года. В наш город семья Власовых переехала ещё до революционных событий. Отец, Александр Тимофеевич, работал здесь в магазине Стахеева. Вероятно, приказчиком или счетоводом.

Александр Тимофеевич и Афанасия Николаевна Власовы. 1906. Фотокопия из архива М.А.Бровко. ИКМ.

Профессия отца определила и выбор дочери. Она учится в школе II ступени им. К.Маркса, открытой в здании бывшей женской гимназии. Школа подготавливала учеников к работе по двум направлениям: «кооперативному» и «учительскому». Мария выбрала первое.

Получив по окончании школы в 1926 году специальность «счетовод», она уехала к своей тётке Еадокии в город Щегловск (с 1932 – Кемерово), где развёртывалось крупное промышленное строительство, связанное с освоением залежей Кузнецкого угольного бассейна. Устроилась на работу в лесной трест.

6 января 1934 года в возрасте 46 лет в Ишиме скончалась мать, Афанасия Николаевна Власова. Мария тяжёло переживала утрату.

23 октября 1935 года в Минусинском городском бюро ЗАГС был зарегистрирован её брак с уроженцем Новосибирской области Антоном Емельяновичем Бровко, фамилию которого она носила до конца жизни. На совместной фотографии мы видим статного военного в кожаной куртке и будёновке, к которому нежно склонилась хрупкая невысокая избранница. «Как за каменной стеной», – говорят про такой союз.

Краснотуранск – посёлок на юге Красноярского края, где обосновались молодожёны к 1937 году. Мария была принята на работу таксировщицом в райпотребсоюз. В 1939-м родился сын Владислав. Фигурой пошёл в отца – плечистый, кряжистый. После окончания школы-десятилетки служил срочную на Тихоокеанском флоте, во Владивостоке.

М.А.Власова (справа) с тёткой Дусей и двоюродной сестрой Лидой. Щегловск. Конец 1920-х. Архив М.А.Бровко. ИКМ.

В сентябре 1941 года Антон Емельянович ушёл на фронт. Его жене пришлось надеть военную форму и освоить новую специальность – руководителя пункта спецсвязи в органах НКВД, чтобы заменить мужа. В отзыве, данном уже по окончании войны «достойной патриотке» М.А. Бровко, отмечалось, что «аппарат спецсвязи под её руководством выполнял и нёс службу чётко, правильно, дисциплинированно и держит первенство по Красноярскому краю, за что получил переходящее Красное знамя».

Выработанное за время работы в суровых «органах» умение молчать и сдерживать эмоции отличало Марию Александровну и в последующие годы.

Кажется парадоксальным, что именно служба в органах НКВД стала той «ступенькой», которая привела Бровко в архив. Однако это не удивительно: в те годы архивное ведомство, практически закрытое для исследователей-историков, находилось «под крылом» Народного комиссариата внутренних дел (с 1946 – Министерство внутренних дел).

Политрух Антон Бровко не вернулся домой с победой. Его жене выдали на руки справку о том, что в апреле 1942 года он «пропал без вести». Оставаться с сыном одной в чужом краю было тяжело. В июне 1946 года она возвращается в Ишим, к отцу и сестре. А с 10 апреля 1947 года её принимают на должность начальника Ишимского филиала госархива МВД, который занимал тогда небольшое по площади помещение бывшего магазина в купеческом торговом ряду на ул. Гагарина, 64.

«1956 год. Начало поисковой работы. Накануне 40-летия Великого Октября к нам в Ишимский госархив стали поступать от библиотек и школ города запросы о выдаче архивных справок о жизни и деятельности борцов за власть Советов в Ишиме. Но на все запросы мы давали только отрицательные ответы, т.к. архивные материалы имелись лишь с 1919 года. И только работа в центральных архивах и музеях страны, переписка и встречи с участниками революционных событий дали

Мария, Михаил, Елена, Юлия Власовы. Ишим. 26 декабря 1918. Фотография П.И.Жилина. Архив М.А.Бровко. ИКМ.

мне возможность собрать документальный материал, который говорит о героизме наших земляков в борьбе за победу Октября...

Горячая любовь к родине Великого Октября помогла мне преодолеть все трудности по изучению революционного прошлого нашего края.

В машинописной копии «Творческого отчёта» рукой автора сделано исправление: изначально вместо «изучению» было написано «восстановлению». Характерная правка. К этому времени ишимского краеведения фактически не существовало. Созданный в 1923 году музей был через три десятка лет окончательно разорён. В исследовательской работе приходилось опираться на изобилующие неточностями рукописи и статьи краеведа-энтузиаста 30-х годов А.Н.Струнина и разыскивать ставшие библиографической редкостью книжки «Наш край Ишимский округ» Я.О.Бирюкова (1926), «Дни революции и советского строительства в Ишимском округе» Т.Д.Корушина (1926), «Десять лет советской власти в Ишимском округе» (1927; под его же редакцией). К тому же скоро выяснилось, что те герои, которые не пали «смертью храбрых» на фронтах гражданской войны или не скончались от ран вскоре после неё – в большинстве своём были объявлены «врагами народа» и уничтожены.

Но – надо отдать должное упорству Марии Александровны – даже последнее обстоятельство не смутило её. С помощью председателя литературного объединения при редакции газеты «Серп и молот» Михаила Зверева-Лесного она учится исследовательской работе и написанию статей. В 1956 году в газете выходит её первый исторический материал «Это было в ноябре 1919 года» (автору – 48 лет!). Она энергично восстанавливает «революционное про-

шлое нашего края», тщательно складывая «крупницы добытых сведений» в будущую «книгу «Ишимские коммунисты в годы гражданской войны». Она выйдет под редакцией кандидата исторических наук Ю.А.Васильева и под эгидой Архивного отдела УВД Тюменского облисполкома в 1960 году.

Конечно, историк XXI века не может читать без улыбки этот труд, исполненный пафоса «знакомства с революционной деятельностью героев Октября». Но не стоит забывать, что это не просто сборник «житий» кузнецов новой власти. Автор взяла на себя смелость представить в сборнике биографии только что реабилитированных «врагов народа» Даниила Шаронова и Александра Карякина, хотя и была вынуждена стыдливо умолчать о репрессиях. Более того – её же стараниями в 1961 году их имена присвоены бывшим улицам Лесной и Большой Кузнецкой, что означало их закрепление в системе ценностей советской эпохи. Это было первое переименование улиц Ишима в честь местных деятелей революции после 1919 года, когда именем первого председателя Ишимского уездного исполкома Алексея Пономарёва была названа улица Старо-Сенная.

Собирая материалы о героях революции, Бровко не ограничивалась формированием новых архивных дел, но и, когда это было нужно, активно участвовала в судьбе их родственников. В 1955 году завязалась её переписка с Анфисой Ефимовной Куклиной, директором школы в Нижнем Тагиле, от которой получила наиболее подробные сведения об Алексее Николаевиче Пономарёве. Куклина рассказала, что его жена, Анастасия Дороевна Чернова, 65 лет, «очень скромная женщина», после гибели мужа вторично вышедшая замуж, живёт теперь на содержании дочери и зятя в Красноуральск-

**Антон Емельянович
и Мария Александровна Бровко. 1940.
Архив М.А.Бровко. ИКМ.**

ке, не получая от государства ни пенсии (поскольку всю жизнь проработала «в няньках»), ни иного пособия. Мария Александровна поднимала вопрос о пособии вдове героя гражданской войны на самых разных уровнях, вплоть до министра соцобеспечения РСФСР. Но, увы, безрезультатно: гибель мужа за идеалы революции не воспринималась чиновниками как «заслуга перед государством». В 1967 году Анфиса Ефимовна с горечью подводила итог их совместным с Марией Александровной бесплодным стараниям: «Да, жертв было много, много, и беда, что память об этих жертвах не всегда хранится. Жизнь стала прекрасной, и молодёжь не верит в прошлую борьбу – живут для себя...»

Труд же самой Бровко был высоко оценён 17 декабря 1962 года Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Благодаря её настойчивости и инициативности архив в начале 60-х переехал в новое помещение на втором этаже соседнего здания на ул. Луначарского, где находится и поныне.

«В 1958 году я получила письма из города Орджоникидзе от Г.В.Могило-Шуренко, который просил выслать ему справку о работе и одновременно сообщал, что в память о городе Ишима, где он жил в годы революции, у него осталась газета «Известия» за 1918 год... Направив в адрес Шуренко справку о работе, я также сделала запрос о возможности передачи газеты «Известия» в наш госархив. Получив положительный ответ, взяла очередной отпуск и со скорым поездом выехала на Кавказ...»

Характерный эпизод из жизни Бровко! Исследовательская работа увлекла бывшего счетовода. Помимо рутинной работы по комплектованию и хранению фондов архива, Мария Александровна, зачастую в отпускное время, продолжает писать свою картину прошлого.

**М.А.Бровко – руководитель пункта
спецсвязи в Краснотуранске. 1942.
Архив М.А.Бровко. ИКМ.**

Тема Гражданской войны переходит в тему мирного «созидания социализма». Панорама «Трудового подъёма масс» рабочих города – книга «От коммунистических субботников до бригад коммунистического труда», вышедшая также под редакцией Ю.А.Васильева в 1964 году.

В октябре 1969 года М.А.Бровко уходит на пенсию, или «на заслуженный отдых», как принято говорить в таких случаях. Но «отдых» – это не про неё. Она возглавляет историческую секцию городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Пополняются и умножаются и папки-персоналии в личном фонде архива. Открываются новые имена революционной истории Ишима, расширяется исследовательская тематика: памятники и исторические места Ишима, первые шаги пионерии, театр им. А.В.Луначарского.

Она подготовила для школ города семь плакатов. В 1978 году вышел буклет «Октябрь в нашем городе», в 1981 году – «Ишим. К 350-летию» (за основу празднования юбилея была взята неверная дата образования города – 1631; в действительности это год образования Ишимского острожка, ныне с. Усть-Ишим). Всего к 1986 году ею было опубликовано на страницах областной и местной газет 339 статей и очерков.

Кроме того, М.А.Бровко возглавляла городскую комиссию Советского Фонда мира. Задачи и цели этого учреждения не очень-то ясны молодому поколению, но людям, пережившим страшные годы Великой Отечественной войны, свидетелям развивавшейся в 70-х годах «гонки вооружений» ядерных держав – США и СССР – не нужно было объяснять, зачем бо-

М.А.Бровко с сотрудниками Ишимского госархива. 24 мая 1963. Архив М.А.Бровко. ИКМ.

отяться за «мир на планете». Конечно, высшее руководство страны использовало работу Фонда и в политических целях, но для жителей провинциального Ишима это было неважно. Главное – их денежное пожертвование шло «на дело мира». И первой это пожертвование со своей небольшой пенсии делала Мария Александровна. И, как и прежде, неумолимо организовывала «Вахты мира», заработок с которых шёл в Фонд, выпускала плакаты, обходила все городские предприятия, убеждая: «Если ты хочешь, чтобы мир и созидание были вечными, будь активен во всём..., будь бескорыстен – ведь каждый твой скромный вклад в Фонд мира будет использован на самое гуманное дело – укрепление мира во всём мире».

«В настоящее время на моём рабочем столе – архивные материалы для составления черков по истории Ишимского комсомола, начиная с исторической даты 22 ноября 1919 года, дня рождения комсомола в нашем городе. Кроме того, идёт поисковая работа на тему «Женщины Ишима в революции». Поступают всё новые и новые архивные документы о революционных событиях 1905–07 годов...»

Я пришла в партию в годы Великой Отечественной войны, заменив на работе мужа, ушедшего на фронт добровольцем, и все свои знания и многолетний опыт я отдам идейно-воспитательной работе, как учит нас Великая партия коммунистов...»

Так писала на заре эпохи «перестройки» коммунист М.А.Бровко. Но – наступали новые времена. Вера в «далёкую красивую звезду коммунизма» угасала в сердцах современников. И всё больше возрастал интерес горожан к тому прошлому, которое с таким жаром и нетерпением разрушали герои книг и буклетов Бровко.

Восьмидесятилетнему человеку непросто даются переживания любых перемен, тем бо-

лее – столь разительных. Однако Мария Александровна достойно приняла «вызов времени» и в 1991 году, на «излёте» советской власти, выпустила буклет «Ишим – старинный город сибирский». В нём – ни слова о революционерах. Напротив, речь идёт о памятниках архитектуры купеческого города, о пребывании здесь декабристов и писателя А.П.Чехова, о школьном музее автора «Конька-Горбунка» в селе Ершове и новооткрытом Ишимском краеведческом музее, о легендах горы Кучум... К сожалению, выпустить вторую часть буклета – об Ишиме современном – автору так и не удалось.

Неся своё общественное служение, Мария Александровна забывала о проблемах и неустроенности в личной жизни. Пережив «сгоревшего» от алкоголя сына, крушение на государственном уровне идеалов «Великого Октября» и запрет компартии, лишившись того почёта, с которым её всегда встречали в органах власти, коротая последние годы в Доме старчества с младшей сестрой Еленой, она всегда помнила о том, что жизнь должна иметь цель. И этой целью у неё стало служение истории. Совместно с профессором Ишимского пединститута В.Г.Истоминим (написавшим 1-ю главу из 6-ти) она в 90-е годы пишет свою последнюю книгу – учебное пособие для школьников «Ишим – город исторический». Редактором, а фактически – попечителем издания – стала главный редактор газеты «Ишимская правда» Ольга Васильевна Чернышова. Благодаря её настойчивости в 2000 году книга увидела свет. Оформителем обложки стал епископ Евтихий.

Увы, это издание Марии Александровны, как и две других её книги, – такая же библиографическая редкость, как и вышеупомянутые ишимские издания 20-х годов.

Выход из печати третьей книги стал для автора главной радостью перед уходом из земной жизни. М.А.Бровко скончалась 31 декабря

М.А.Бровко. Конец 1970-х.
Фотография из архива редакции газеты
«Ишимская правда».

2000 года. В первые дни нового тысячелетия город Ишим тихо и незаметно простился с летописцем своей революционной эпохи...

Краткая библиография М.А.Бровко:

1. Бровко М.А. Ишимские коммунисты в годы Гражданской войны. К 40-летию освобождения Ишима от колчаковцев / Под ред. Ю.А.Васильева. – Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1960. – 88 с.: ил.

Книги, подготовленные М.А.Бровко.

2. Бровко М.А. От коммунистических суб-ботников до бригад коммунистического труда. На материалах города Ишима Тюменской области / Под ред. Ю.А.Васильева. – Тюмень: Тюменское кн. изд-во, 1964. – 148 с.: ил.

3. Бровко М.А. Октябрь в нашем городе. Ишим, 1917-18 гг. / Ред. В.П.Усольцев. Фото В.С.Журавлёва. – Ишим: Ишимское городское отделение ВООПИК, 1978. – (Буклет.)

4. Бровко М.А. Ишим. К 350-летию / Ред. Н.С.Походун. Фото В.С.Журавлёва. – Ишим: Ишимское городское отделение ВООПИК, 1981. – (Буклет.)

5. Бровко М.А. Ишим – старинный город сибирский / Ред. Н.С.Походун. Фото В.В.Ипполитова, Г.П.Кузурманова. – Ишим: Ишимское городское отделение ВООПИК, 1981. – (Буклет.)

6. Бровко М.А., Истомина В.Г. Ишим – город исторический: Уч. пособие для уча-ся 7-8 кл. / Ред. О.В.Чернышова. Фото В.В.Ипполитова, В.С.Журавлёва. – Ишим: Ишимская типография «ТИД», 2000. – 112 с., ил.

Автор выражает благодарность за помощь в написании статьи и предоставленные материалы главному редактору газеты «Ишимская правда» Ольге Васильевне Чернышовой и директору ГУ ТО «Госархив в г. Ишиме» Татьяне Петровне Лавиной.

Л. К. СОСКИНА

Учёный-ядерщик Леонид Огнёв

Семья

Имя Леонида Ивановича Огнёва «на слуху» не только у ишимцев, оно хорошо известно в научном мире как в нашей стране, так и за рубежом. Он – выдающийся физик-ядерщик, работающий в ядерном центре России. Его коллегой был академик А.Д.Сахаров. Они дружили семьями.

Мне также посчастливилось познакомиться с Огнёвым. Это произошло в 2000 году, на вечере встречи выпускников 1-й городской школы 1950 года выпуска. Леонид Иванович произвел на меня огромное впечатление – талантливый, известный учёный, а держится очень скромно, но с достоинством. Огнёв оказался обаятельным человеком, который объединил вокруг себя всех собравшихся в этот день выпускников. Впоследствии всякий раз, приезжая в Ишим, он обязательно звонил мне. Мы подолгу рассматривали в музее школьные фотографии, и Огнёв делился своими воспоминаниями...

Родился он 15 февраля 1933 года в нашем небольшом провинциальном городе Ишиме. Отец, Иван Павлович Огнёв – служащий, родом из Вятской губернии. Мать, Александра Степановна Кузнецова – дочь рабочего марте-новского цеха металлургического завода. Ваню ещё мальчиком отец отправил «к люди». Он вырос до приказчика в потребительском обществе при Надеждинском заводе (ныне город Серов). В 1914 году родители поженились. Иван Павлович имел четырёхклассное образование (видимо, окончил приходское училище), обладал каллиграфическим почерком. Мать получила образование в церковно-приходской школе.

Спасаясь от голодной жизни, семья перебралась сначала в Заводоуковск, а затем, в 1923 году, – в Ишим. Поселились на улице Карасульской в доме № 15. Здесь, в Ишиме, родилось ещё четверо детей; всего же в семье Огнёвых

Семья Огнёвых. Крайний слева в верхнем ряду – Леонид. Ишим. 1948.

было четыре брата и четыре сестры. Отец работал товароведом в райпотребсоюзе; в 1950-е годы заведовал магазинчиком. Мать – домохозяйка: воспитывала детей.

Старший сын Геннадий окончил Свердловское музыкальное училище по классу скрипки. Семья гордилась его талантом, но из-за тяжёлого материального положения он не смог поступить в консерваторию. Работал в Свердловском театре юного зрителя, затем – концертмейстером в Пермском оперном театре. Из воспоминаний Леонида Огнёва: «Это был образованный человек, увлекался литературой и философией». Он изыскивал средства на покупку книг, впоследствии создав большую разнообразную библиотеку, – к сожалению, в годы войны она пропала. Учитель музыкальной школы Бахтин пророчил ему большое будущее, подписав на фотографии: «Самому талантливому своему ученику».

Семья Огнёвых была дружной. На праздники, собравшись вместе, все пели песни. Многие обладали хорошим голосом. Ещё холостым отец пел в церковном хоре: от бабушки по линии мамы он унаследовал абсолютный слух. В пять лет Гена хорошо играл на гармошке, а впоследствии сам начал подбирать мелодии, чем удивлял окружающих. Геннадий оказывал большую материальную и моральную помощь семье в трудное для них время.

Несмотря на то, что Геннадий имел «бронь», в июле 1941 года он ушёл добровольцем на фронт. Там воевали и другие дети Огнёвых: Нина, Борис, Виталий. 5 сентября 1941 года, защищая Ленинград, погиб Геннадий. Семья сильно переживала потерю старшего сына, ведь, по словам Леонида Ивановича, «его почитали в семье как икону».

Старшая дочь Нина родилась в 1916 году. Окончила ишимскую среднюю школу № 1 в 1935 году. После окончания Омского медицинского института была мобилизована в армию и направлена на фронт. Воевала под руководством генерала Гречко. Уже после войны тот вспоминал: «Где же наш маленький доктор?» Вернувшись в Ишим, работала терапевтом в железнодорожной больнице. В 1997 году она умерла. Нина Ивановна – мать троих детей, один из них – кандидат медицинских наук в г. Омске.

Виталий Огнёв обладал способностями к рисованию. Из него мог получиться талантливый художник, а он стал инженером. Воевал на Карельском фронте в подразделении гвардейских миномётов-«катюш», затем – война с Японией. Окончил Уральский политехнический институт, работал инженером-конструктором на свердловском заводе «Уралэлектрораппарат». С 1957 года трудился в Ишиме на механическом заводе. По воспоминаниям Л.И.Огнёва, «Витя был очень грамотным, весёлым, любил шутить». Он скончался в 1962 году.

Трое детей из семьи Огнёвых учились в других городах, но на каникулы приезжали к родителям и прихватывали с собой друзей: «Дом наш был словно молодёжный клуб. Много молодых людей собиралось у нас, и со двора разносилась музыка».

Валентина Огнёва (Быкова) в 1940 году окончила школу № 1 в Ишиме и поступила в Ленинградский медицинский институт. На вступительном экзамене по физике блестяще ответила на все вопросы. Экзаменатор был настолько удивлён, что воскликнул: «Девушка, где Вы учились, кто преподавал у Вас физику?» А физику в Ишиме преподавал Яков Васильевич Дудин. По

Студенческие годы. Л.И.Огнёв – крайний слева. Ленинград. 7 ноября 1954.

состоянию здоровья Валентина не смогла учиться в Ленинграде и перевелась в Пермь, ближе к брату Геннадию. Во время войны работала на телеграфе. Дважды её отправляли на фронт, но начальник телеграфа отстоял её – у Валентины было слабое здоровье. После войны вышла замуж за офицера, много ездила по зарубежным странам. Умерла в 1999 году в Бендерах (Приднестровье). По воспоминаниям Леонида, была «самой спокойной, у неё был талант воспитателя, заменила братьям и сёстрам мать после её смерти».

Борис Огнёв окончил школу № 1 в 1942 году. Экстерном успешно сдал экзамены в инженерно-транспортный институт, но в августе был призван в армию, хотя ему не исполнилось восемнадцати лет. Направили в Омское пехотное училище, но и его окончить не дали, отправили в декабре сразу на фронт. Лишь в конце войны его отозвали назад. После окончания училища, став офицером, Борис служил в Узбекистане в военном комиссариате. В 1949 году поступил на военно-гидрометеорологический факультет Академии генштаба. После окончания служил метеорологом, научным сотрудником на Семипалатинском ядерном полигоне. Уволился в запас в 1976 году в звании полковника. Жил в Донецке. Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Кандидат технических наук, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Его диссертация по радиоактивному заражению местности – настольная книга у специалистов-радиологов. Дочь Татьяна – также кандидат технических наук, живёт и работает в Сарове.

Галина Огнёва (Тропина), окончив в 1941 году школу, поступила в Омский медицинский институт. С 1951 года работала педиатром в поликлинике станции Ишим. Как вспоминает её муж Л.И.Тропин, «Галя была самая весёлая в семье». Умерла она в 2003 году.

Тамара Огнёва (Осинцева) в 1951 году окончила школу № 31, а в 1963-м поступила на химический факультет Кемеровского горного института. С 1969 года работала заведующей химической лабораторией железнодорожной санэпидстанции в Ишиме. С мужем воспитали двоих

Леонид Огнёв с сыном. Конец 1950-х.

дочерей. Старшая, Елена Викторовна Миллер – учитель в школе № 7. Младшая, Наталья Викторовна Осинцева – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой технологии и предпринимательства в ИГПИ им. П.П.Ершова.

Школа

Леонид Огнёв был предпоследним ребёнком в семье. Он видел, как учат уроки старшие братья и сёстры, и у него возникло непреодолимое желание пойти учиться. Но был он совсем маленьким тщедушным ребёнком, и лишь благодаря его настойчивости в 1940 году старший брат Борис отвёл Лёню в школу № 1. «Учитель математики Аркадий Алексеевич Гусев поставил меня на табурет и попросил: «Мальчик, расскажи любое стихотворение». Все педагоги, которые были в то время в учительской, с удивлением слушали, как маленький мальчик читает стих В.В.Маяковского о советском паспорте», – вспоминал Л.И.Огнёв. Так Лёню приняли в первый класс.

Учителем начальных классов была Анна Тихоновна Павленко. После 4 класса она уже преподавала историю и была классным руководителем. Л.И.Огнёв говорит о ней как о великолепном человеке, сумевшем сплотить класс. Леонид с большой теплотой вспоминает учителей школы № 1, которые не только обучали их, но и воспитывали. Особенно благодарен Леонид талантливейшему педагогу, учителю математики Екатерине Андриановне Пщёлко, впоследствии ставшей его классным руководителем. А.Н.Суровцева – замечательный педагог-историк. Пётр Давыдович Воробьёв – учитель литературы, он привил Леониду любовь к творчеству Маяковского.

Из «дружины нищетою не сломленных парней»: друзья, выпускники ишимской школы № 1: Леонид Огнёв, Вениамин Яковлев (бывший Председатель Высшего Арбитражного Суда СССР и РФ, ныне – советник Президента РФ по юридическим вопросам), Александр Плотников (писатель-маринист) на банкете в честь 75-летия В.Ф.Яковлева. Москва. Февраль 2007.

Учился Лёня на «котлично», дети называли его «большоголовый Ленин». С первого по седьмой дружил со Всеволодом Тихомоловым и очень переживал, когда Волик сменил место жительства. Леонид поддерживал с ним связь и был в курсе его дел. Тихомолов с 1947 года учился в Ленинграде, в Художественном училище имени Мухомовой. Он – один из создателей скульптурного памятника блокадникам на Серафимовском кладбище. Всеволод умер в 1994 году, похоронен на этом же кладбище неподалёку от своего творения.

Ещё Лёня дружил с Веней Яковлевым и Сашей Плотниковым. С Веней они жили по соседству, их разделял только забор (дом Яковлевых – № 67 на ул. Ленина – стоит и поныне). Как-то друзья нашли у Лёни в сарае три сундука с книгами, оставленными ссыльной революционеркой. Начитавшись до ряби в глазах этих книжек, они благодаря цепкой памяти запоминали целые страницы текстов. Вместе с Плотниковым и Яковлевым занимались в драматическом кружке. Выступали в Тюмени с пьесой Сергея Михалкова «Красный галстук». Посещали изостудию под руководством Г.И.Шарапова в Доме пионеров. «Я понял, что рисование – это не моё, а вот Толя Шорохов (тоже ученик школы № 1) продолжил своё обучение и впоследствии стал талантливым художником», – говорит Л.И.Огнёв.

Лёня трелетно относился к своим родителям. Первые годы учёбы совпали с тяжёлым военным временем. Голодали взрослые и дети. Будучи жалостливым ребёнком с большой доброй душой, Лёня не съедая сам булочку, которую выдавали в школе бесплатно, а приносил её домой и отдавал больному отцу. В итоге Леониду был поставлен диагноз «дистрофия». Классный руководитель сжалилась над ним и дала путёвку в лагерь «Артек».

В газете «Серп и молот» в феврале 1942 года был помещён призыв: «Мы, октябрят второго класса школы № 1, вносим из своей копилки 20 рублей на постройку танка и вызываем всех октябрят и пионеров города Ишима и Ишимского района последовать нашему примеру». И подпись: Клара Ершова, Лёня Огнёв, Воля Тихомолов, Маня Филиппова. На средства, собранные ишимскими школьниками, были построены танк «Малютка» и самолёт «Юный патриот».

В 9-10 классах Леонид избирался секретарём комсомольской организации. Как вспоминает он, «работали на совесть – оказывали помощь колхозам, элеватору, организовывали вечера отдыха».

В «ядерном центре» России

В 1950 году Леонид окончил школу № 1 с серебряной медалью. По рекомендации брата Бориса поступил без экзаменов в Ленинградский военно-технический институт – известную «кузницу кадров» оборонного комплекса страны. Уехал в Ленинград в перешитой шинели. Окончил с отличием институт, получив диплом физика-теоретика. Следующей ступенькой его биографии стал Арзамас-16 (ныне город Саров), где создавались атомные и водородные бомбы.

У Леонида Ивановича – одно-единственное место работы, одна запись в трудовой книжке – главный ядерный центр страны, ВНИИЭФ (Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики). Свою работу он очень любит и ценит и ни разу не раскаялся, что посвятил ей всю свою жизнь. Он – доктор физико-математических наук, автор более 500 научных работ (естественно, «совершенно секретных»). Им разработан ряд принципиально новых конструкций оружия. Академик А.Д.Сахаров на-

Леонид Огнёв, Александр Плотников, Лидия Соскина и Анатолий Шорохов у бывшего дома Яковлевых на ул. Ленина. Ишим. Август 2005.

звал один из огнёвских экспериментов «Саровским чудом», так как Огнёв открыл новое направление в работе всего ядерного центра. Подобное даже в таком институте, как ВНИИЭФ, случалось довольно редко, хотя здесь работали Сахаров, Зельдович, Щёлкин, Харитон, Тамм и многие другие выдающиеся учёные XX века.

Правда, сам Огнёв очень скромный человек и о своём взлёте говорит так: «Коллеги были такие, как Курчатов, Сахаров, Зельдович, волею-неволею уму-разуму наберёшься. Я застал самое героическое время. Харитон – талантливый организатор, главным конструктор и научный руководитель этого центра, известный нестандартным подходом ко всем задачам и оригинальностью выводов. Юлий Борисович – удивительно эрудированный человек, прекрасно знавший литературу. Мне повезло работать со светилом русской науки – А.Д.Сахаровым, я работал с ним до самой его смерти. Он – всемирно известный учёный, «отец» водородной бомбы, но он ещё был интеллигентом до мозга костей, интересным всезнающим собеседником. Когда наступали редкие минуты отдыха, и учёные собирались в тесном кругу, в центре нашего внимания был Андрей Дмитриевич».

Сахарова и Огнёва связывали не только работа, но и личные дружеские взаимоотношения, этих учёных что-то притягивало друг к другу. Они дружили семьями.

На вопрос: «Каковы первые впечатления от ядерного взрыва, когда вы увидели это своими глазами?» – Огнёв отвечает: «Это было феерическое зрелище! Сначала ядерный свет, вспышка, потом огненный шар становится багровым и высвечиваются горы, долины, – свет очень яркий, будто в иной мир попадаешь. Но всё-таки главное впечатление не от внешней картины (а я был на 30-40 взрывах), волнение в другом: работаешь год-два, вынашиваешь какую-то идею, пробиваешь её, а результат узнаёшь только во время испытаний. Пять... четыре... три... два... один... ноль! И сердце замирает: получилось или нет? И потом или прыгаешь от радости: получилось! – или уходишь с поникшей головой».

Родина по заслугам оценила деятельность Л.И.Огнёва. Он награждён медалью «За трудо-

Леонид Иванович Огнёв.

вое отличие» (1960), орденом Трудового Красного Знамени (1967), орденом Ленина (1977); он – лауреат Ленинской (1962) и Государственной (1987) премии, Заслуженный деятель науки (1997).

Огнёв очень трудолюбив, он – заботливый отец, муж и брат, обладающий высокими нравственными качествами. И ещё – он патриот своей родины. Как-то ему поступило предложение уехать за границу. Но он отказался, сказав: «Я – русский человек».

А на вопрос, не смущает ли его то, что он создавал оружие, Леонид Иванович отвечает: «Мы создавали оружие сдерживания. Каждая крупная страна имеет свою «ядерную программу» – ведь речь идёт о роли этого государства в мире. Очень важно, чтобы политики понимали, насколько грозное это оружие и его нужно оберегать, чтобы оно не попало в «грязные руки».

Из ишимцев не только Огнёв принимал участие в разработке ядерного оружия. В этой же системе работают выпускники школы № 1 1949-51 гг. – Анатолий Бессонов (г. Севастополь), Юрий Емелев и Юрий Неустров (г. Снежинск; оба – конструкторы, лауреаты Государственной премии).

Леонид Иванович не забывает и свою малую родину. Он часто приезжает в Ишим. Как правило, не один – с женой Аллой Ивановной, сыном Евгением. Особенно же любит показывать родные места внукам Вере и Наде, приводит их в школьный музей, в городские музеи. И обещает ещё не раз вернуться сюда.

Фотографии из фондов музея школы № 1 г. Ишима.

Н. В. КУТЫРЁВА

Чтобы жизнь повторилась сначала...

Педагог В. Ф. Гаврилов

*«Ах, чего только не было с нами –
Первый шаг, первый класс, первый вальс!
Всё, чего не расскажешь словами,
Фотографии скажут про нас!».*

М. Танич.

Загляните в семейный альбом. Фотографии обладают удивительной магией останавливать любой жизненный момент, а через много лет легко воспроизводить его в памяти. Открыв свой альбом, вспомнила первую школьную линейку и необыкновенное волнение, справиться с которым помогла добрая улыбка знакомого фотографа. Знала я его как дедушку соседки-одноклассницы Яны Кнот. Позже выяснила, что Василий Фёдорович Гаврилов десять лет был директором лагеря имени Ленина, замечательным учителем рисования и черчения, талантливым фотографом и просто хорошим человеком, сумевшим сделать детские годы целого поколения ишимской ребятни незабываемыми, наполненными яркими праздничными буднями. Прожив пятьдесят четыре года, этот педагог своим отношением к жизни заставил поверить, «что света на свете чуть больше, чем тьмы». Восьмого апреля 2007 года ему бы исполнилось 85 лет.

Каким он парнем был?

По многочисленным фотографиям Василия Фёдоровича Гаврилова восстанавливается далёкое прошлое со светлыми улыбчивыми лицами ишимцев. Ностальгически замирает сердце, когда смотришь на запечатлённые городские реалии того времени. Обидно, что фотограф, воспевающий в своих творениях других, оставался всегда за кадром. Воссоздать его портрет удалось не только по работам, но и по воспоминаниям. Благо, люди в нашем городе особенные – открытые и человечные.

Каким же он был? С этим вопросом обратилась я к его дочери Татьяне Васильевне Кнот, благодарным ученикам, соратникам по педагогической стезе. В воспоминаниях постепенно раскрывался внутренний мир интереснейшего педагога.

Вспоминая, рассматривали с Татьяной Васильевной многочисленные семейные фотоальбомы. Первые снимки двухмесячной дочурки сделаны расплывчато и нечётко. «В это время папа занимался фотографией непрофессионально, – поясняет собеседница. – Думаю, судьбоносная фотозаповя началась после знакомства родителей с дядей Колей и тётёй Галей Хрулёвыми, ставшими впоследствии их близкими друзьями. С тех пор без фотоаппарата папу почти никогда не видели. В объектив попадали друзья, дети, цветы, бор, различные улицы Ишима. Жили мы в частном доме на улице Привокзальной. Плёнки сам проявлял и старательно печатал в отдельной комнате. Отец умел дарить радость окружающим. Помогал друзьям и зна-

Василий Гаврилов. Конец 1940-х.

комым, выполнял чертежи студентам вузов. Помню, часто работал ночами. Все говорили, что это талант ему дан Богом. Был необычайно разносторонним человеком: увлекался шахматами, футболом. Запомнила поездку с отцом в Москву. Я была шестиклассницей. Он достал для меня билет на Кремлёвскую ёлку. Сам стоял два часа на улице и терпеливо ждал. Впечатлений было много. Нас приветствовал Хрущёв. Сколько незабываемых подарков получила я в тот вечер! До сих пор храню баночку из-под конфет, которые по форме напоминали ягоды. К детям он был особо внимательным. Рождению внучки Яны радовался безмерно, фотографировал каждое её новое выражение, много гулял и общался с ней».

Не всё было столь радостно и безоблачно в биографии Василия Фёдоровича. Так, посмотрев в очередной раз фильм Григория Чухрая «Чистое небо», он всегда смахивал скудную мужскую слезу: слишком близка и понятна была боль главного героя фильма, лётчика Астахова. С этим героем «роднило» испытание пленом и недоверие властей после возвращения с фронта. Эти переживания удержали его от вступления в партийные ряды. Воевал Василий Фёдорович недолго. Вернулся, получив серьёзное ранение в левую руку, выше локтя. Эта рука навсегда осталась короче правой, хотя специальными упражнениями он её разработал и даже мог управ-

Встреча китайской делегации, едущей на Фестиваль молодёжи в Москву. Лагерь им. Ленина в Синицынском бору. 1957. Фотография В.Ф.Гаврилова.

лять мотоциклом. Подтверждение – его активная общественно-спортивная деятельность в послевоенный период. В семейном архиве дочери хранятся судейские удостоверения. Одно выдано 11 сентября 1951 года с присвоением звания спортивного судьи I категории по футболу. Другое – «спортивного судьи II категории по лыжам» от 11 марта 1955 года. Василий Фёдорович был членом добровольного спортивного общества «Локомотив». В членском билете сказано: «имеет значок ГТО II степени, второй спортивный разряд по плаванию».

До войны Василий успел окончить семь классов и фабрично-заводское училище. А ещё встретил свою любовь – Галину Сильченко. В письмах с фронта, адресованных матери Антонине Осиповне Кожевниковой, писал: «Передавай привет Галке!» Свадьбу сыграли в победном сорок пятом, а позже родилась дочка Танечка. После окончания учительского института молодые супруги получили распределение в школу посёлка Ленинки Абатского района, где добросовестно отработали три года. Галина Кузьминична преподавала математику, а муж – черчение и рисование. Жили в однокомнатном деревянном бараке. Вернувшись в Ишим, В.Ф.Гаврилов продолжил работу в ж.д. школе № 113 (№ 4). Одновременно возглавлял стационарный пионерский лагерь им. Ленина. После уроков вёл разнообразные кружки. Учил ребят рисовать, фотографировать, стрелять; наладил работу школьного радиовещания. Активно помогал в организации школьного хора, заседаниях клуба «Прометей». Был во главе всех славных дел: постоянно руководил школьной колонной демонстрантов, помогал оформлять классные уголки, украшая их фотографиями улиц родного города. Снимал с крыш домов – получались необычные панорамные снимки.

Благодаря уникальным фотографиям Василия Фёдоровича можно восстановить в памяти Привокзальную площадь с пирамидально подстриженными деревьями или утопающий в зелени парк железнодорожников с благоухающими клумбами, аккуратными гипсовыми фигурами, фонтаном «Лебеди», танцплощадкой, многочисленными беседками, летним театром. Эти снимки парка сделаны ранним утром в 1959 году. Великолепны цветочные композиции с белоснежными азухарисами, гордыми гладиолусами, неприхотливыми мальвами. Интересны пейзажные фотоэтюды морозного зимнего дня или знойного летнего полдня. А сколько лиц: добрых, милых, задумчивых, весёлых, озорных смотрят с его сюжетных фотографий!

Костёр его души

Удивительно, но в сердцах коллег и учеников на всю жизнь сохранился нетленный огонёк теплоты от общения с Василием Фёдоровичем. «Незабываемым событием для моих шестиклашек стал двухдневный поход в весенний Синицынский бор по маршруту, разработанному В.Ф.Гавриловым, – вспоминает учительница немецкого языка Руфина Ивановна Крюкова. – Всю организацию он взял на себя: договорился с начальником станции, охранниками моста. Мы проделали путь от школы через железнодорожный мост (на Омск), далее – в бор к пионерлагерю. В альбоме каждого участника на память остались фотографии уникального похода».

«Он остался в памяти как чуткий и внимательный педагог, – рассказывает Елизавета Васильевна Глазунова. – Если у кого-то не получался рисунок или чертёж, обязательно садился рядом, терпеливо объяснял, показывал.

Пруд и фонтан в парке станции Ишим. 1959. Фотография В.Ф.Гаврилова.

В результате ставил отличную оценку за работу и поднимал нам настроение».

Галине Владимировне Пикиной (Куманькиной) запомнился актёрский дар учителя: «Умел разрядить обстановку на уроке выразительным прочтением придуманной басни в нескольких лицах. Сюжеты сочинял, ориентируясь на школьную тематику. Охотно исполнял свои вирши со сцены на общешкольных праздниках».

«Огромный след в наших душах оставил Василий Фёдорович, человек необыкновенной души, – делится Вера Ивановна Чернышёва (Михайлова), – Умело превращал уборочную страду в праздник урожая. С ним отстаивали честь школы в смотрах художественной самодеятельности, озеленяли улицы района: Железнодорожную, Строительную, Кооперативную. Он путешествовал с ребятами нашего класса в город Тобольск на велосипедах. В июне 1960 года восемь одноклассников отважились пуститься в двухнедельный романтический путь с кострами и привалами. Это были: Б.Чернышёв, А.Редозубов, А.Маслаков, Ю.Лиханов, Л.Ткаченко, А.Бурмистрова, В.Добрынина, Г.Левчук».

По-особому «расцветало» сердце Василия Фёдоровича, когда предавался заботам о вверенном ему загородном лагере. «Весной выезжали на нескольких автобусах в бор. Там во вспаханные рядочки бережно высаживали маленькие зелёные ёлочки», – вспоминает Надежда Васильевна Полякова (Субботина).

Многие из учеников школы не ставались с педагогом и летом, с головой уходя в кипучую лагерную жизнь. В памяти ребят он остался добрым волшебником, смелым, решительным, находчивым. Юрия Брониславовича Гроздовского на одной из лагерных смен В.Ф.Гаврилов так «подковал» в шахматной игре, что тот незаметно для себя выиграл партию, получив почётную грамоту за первое место в турнире.

Лидия Ивановна Федоренко, будучи студенткой пединститута, работала пионервожатой в лагере. Ей памятливы многие события: встреча китайской делегации летом 1957-го, спартакиады, двухдневные отрядные походы на Вторую сопку и Кучум-гору с подробными инструкциями неутомимого директора, который обязательно сопровождал ребят. «С ним было в любой ситуации безопасно, – рассказывает Г.В.Пикина, – Везде мы учились у Василия Фёдоровича человечности и доброте. В одном из походов мы увидели гадюку и запаниковали. Он же не растерялся, прижал её палкой к земле и поместил в банку. Заспиртованная гадюка долго напоминала нам о походе и приключении».

«Я – дитя лагеря, – признаётся Татьяна Васильевна, – Сколько помню, ежегодно была там вместе с родителями. Вела себя так, что долгое время ребята не догадывались, что я дочь директора. При отце появилось в лагере радиовещание. Он проводил футбольные матчи, успевал заниматься оформительской деятельностью, руководил хоровым коллективом, много фотографировал. Был весёлым, общительным, всегда в гуще событий».

В девятом номере газеты «Наша планета» за 1996 год о В.Ф.Гаврилове тепло вспоминала Валентина Михайловна Усманова в статье «Ничего не делать вполсилы». Именно этот жизненный девиз она унаследовала от своего учителя и наставника, будучи много лет старшей пионервожатой лагеря им. Ленина: «Василий Фёдорович – человек-легенда. Он обладал разносторонними знаниями и интересами. Самой большой его привязанностью были дети. Этот человек, кажется, просто знал тайну страны детства. Приезжали в лагерь разные дети. Бывали подростки грубые, нуждающиеся в тепле, защите, дружбе взрослых. Такие готовы были идти только за человеком сильным и доб-

*«Солнечные часы» в детском лагере
им. Ленина. 1950-е.
Фотография В.Ф.Гаврилова.*

рожелательным. Василий Фёдорович был именно таким человеком. Его любили за изобретательность, смекалку, творческий ум. Запомнились военные игры с настоящей телефонной связью, с блиндажами и окопами. Он был великолепным мастером детской радости».

Уникальное изобретение директора лагеря – дизайн-композицию солнечных часов из мха и шишек – запомнили все, от мала до велика, как и сорок костров, вспыхнувших на плотиках старицы Подковы в юбилейный год пионерской организации. Таким же ярким ослепительным пламенем отгорел костёр души Василия Фёдо-

В.Ф.Гаврилов с дочерью Таней. 1950-е.

ровича Гаврилова. Но воспоминания о нём будут долго теплиться, то разгораясь, то утихая, в сердцах тех, кто общался с этим добрым и отзывчивым человеком.

Выражаю благодарность Татьяне Васильевне Кнот за предоставленные семейные архивы и фотографии, а коллегам и ученикам – за добрые воспоминания о В.Ф.Гаврилове.

Е. Ф. ШЕФЕР

Дочь земли ишимской Лидия Александровна Худякова

Стоит услышать или произнести это имя, как перед внутренним взором возникает образ его обладательницы – высокой статной женщины с пышной причёской, строгим одухотворённым лицом и внимательными добрыми глазами, всегда энергичной, деятельной, подтянутой, интересно и со вкусом одетой, в безукоризненно ухоженных изящных туфельках на высоких тонких каблукках.

С Лидией Александровной мне довелось (и посчастливилось!) познакомиться много лет назад, и до сих пор мы с нею продолжаем наше активное общение – и деловое, и дружеское. Хочется хоть немного поведать о ней, достойной целых книг.

Это человек удивительно яркой и, вместе с тем, нелёгкой судьбы, переживший немало серьёзных испытаний и тягот, но сохранивший неизменный интерес к людям, вкус к жизни,

чувство юмора, творческую активность, энтузиазм, неуёмное желание решать насущные проблемы отечественной культуры.

Широко известная в Екатеринбурге и далеко за его пределами, Лидия Александровна пользуется всеобщим уважением, вызывает чувство восхищения и благодарности. За подвижничество в сфере развития культуры она многократно была отмечена высокими государственными наградами – грамотами, орденами, медалями, дипломами...

Коренная сибирячка, за долгие годы жизни на Урале всей душой прикипевшая к нему, Лидия Александровна частенько и с особой теплотой вспоминает родимую Сибирь, детство, близких, друзей и, конечно, город Ишим, с которым у неё так много связано...

Семья Худяковых перебралась в Ишим в 1931 году из села Казанского, где Лида роди-

Лида Худякова со школьными товарищами. Ишим. Январь 1943.

Л.А.Худякова – преподаватель техникума. Ишим. 1950-54.

лась. Маленькой девочке, которой тогда не было и пяти, этот город с его уютными улочками сразу полюбился, стал неотъемлемой частью её жизни. Полюбился и большой дом, где поселилась их дружная семья, и книги, которых Худяковы-родители привезли целых пять возов.

Отец, Александр Павлович Худяков работал главным механиком на Ишимской электростанции, мама, Глафира Никифоровна – учительницей, затем – завучем в детском доме № 1.

В годы Великой Отечественной войны Александр Павлович ушёл добровольцем на фронт, оставив супругу с тремя детьми – дочкой и двумя сыновьями. Домой вернулся в 1946 году.

В семье Худяковых любили читать и вместе обсуждать прочитанное. Неудивительно, что Лида с детских лет очень много читала. Самым любимым её русским писателем стал Антон Павлович Чехов, а из зарубежных – Фенимор Кулер и Джек Лондон.

Огромное влияние на становление Лиды оказала очень музыкальная и читающая семья Чукардиных, с которыми Худяковы дружили.

Глава этой семьи Евгений Михайлович хорошо пел и играл на скрипке, а его супруга Мария Александровна – на рояле. К музыке и книгам страстно тянулась и дочка их Римма, которая была на год старше Лиды, дружившей с ней. Жили Чукардины недалеко от Никольской церкви. У них была огромная библиотека, хранившаяся в подполье (в том числе и книги семьи репрессированного профессора Смолича). Лида была частой гостьей Чукардиных, участницей их семейных музыкальных вечеров, литературных чтений.

Училась Лида в городской школе № 1. В первый класс пошла в 1933 году, а в 1943-м школу закончила. Вспоминая о себе – школьнице, Лидия Александровна однажды призналась с улыбкой, что в младших классах училась неважно и была «замарашкой»: вечные кляксы в тетрадках и почерк ужасный. В дальнейшем всё нормализовалось, но она постоянно ощущала себя не иначе, как «серой мышкой», маленькой и неприметной.

В 9 классе ребят приобщали к сельхозтехнике: мальчиков учили на трактористов, девочек – на комбайнеров. А потом была практика в селе Голышманово, и ей, совсем юной, дове-

рили комбайн «Коммунар», чем она очень гордилась.

Были у Лиды Худяковой и любимые учителя. Особенно запомнился ей А.П.Столяров – удивительный человек, прекрасный литератор. Хорошо помнит Лидия Александровна и своих друзей-одноклассников, с которыми участвовала в полевых работах и субботниках, праздничных концертах и спортивных соревнованиях, каталась на лодках по реке Ишим, любящая закатами. Мальчики её класса, едва закончив школу, все вместе ушли на фронт, и вскоре одна за другой стали приходиться похоронки. Один из одноклассников, Юра Попов, добился мобилизации позднее других. Он стал военным лётчиком и погиб в Праге.

Жестоко отнимала война дорогих сердцу людей...

А время шло, и нужно было определяться в жизни. Лида задумала ехать в Москву. Подала документы сразу в два института: авиационный и станкоинструментальный. Стала студенткой второго из них, училась с огромным интересом, желанием. Страстно полюбила театр, ради которого нередко жертвовала рабочими карточками, которые обеспечивали студентам полноценное трёхразовое питание.

Напряжённая учёба, частые походы в театр – всё шло своим чередом. Однако возникли серьёзные проблемы со здоровьем: развился фурункулёз. Пришлось, по настоянию мамы, бросить учёбу и вернуться домой, как ни жаль было расставаться с Москвой.

Оправившись от болезни, Лида поехала в Омск, под неусыпное око тётушки, где поступила на исторический факультет пединститута.

Б.Н.Ельцин вручает Л.А.Худяковой орден Трудового Красного Знамени. Свердловск. 1970-е.

Учиться ей очень нравилось, тем более, что преподаватели приучали не просто усваивать знания, запоминать материал, а делать выводы, обобщения по нему.

В 1949 году институт окончен, и Лиду направили по распределению в село Азово преподавать историю. Через год Лида в поисках работы вернулась в Ишим, стала преподавать историю в только что организованном тогда сельхозтехникуме.

И вот она, вчерашняя студентка, в платье с белым воротничком, напоминающая гимназистку, предстала перед аудиторией парней, вернувшихся с фронта. Робела, снова чувствуя себя, как в детстве, «серой мышкой», но сумела преодолеть робость и страх: помогли увлечение предметом и желание не упустить лицом в грязь, донести до студентов всё, что знала сама, заинтересовать своим предметом.

В сельхозтехникуме проработала, со дня его основания, четыре года. Там же, пройдя кандидатский стаж, вступила в ряды Коммунистической партии, была избрана секретарём парторганизации техникума, а затем – в райком партии, что фактически определило всю дальнейшую судьбу.

Работать было интересно, но и трудно: за всё в ответе.

А потом Лидия Александровна вышла замуж за свердловчанина и вскоре переехала с мужем на Урал. В Свердловске с полгода была без работы. Муж предложил: «Нет работы – иди в Уральский политехнический институт, учишься».

Лидия Александровна с актёрами Олегом Ефремовым и Иннокентием Смоктуновским. Свердловск. 1970-е.

Запросила документы из Москвы, но ответ был такой: «Приезжайте и доучивайтесь».

Училась и работала пропагандистом в Чкаловском райкоме партии. Спустя два года стала заведующей отделом, потом – секретарём по пропаганде. В течение семи лет была первым секретарём Чкаловского РП. В 1972-ом Лидию Александровну забрали в обком партии – заведующим отделом культуры. В этой должности она проработала 12 лет, бок о бок с Борисом Ельциным, деловым и энергичным коллегой, занимавшимся проблемами строительства.

Благодаря энтузиазму Лидии Александровны, её напористости в нашем городе был реконструирован Театр оперы и балета, появилось новое здание киностудии, цирка, новый Театр юного зрителя, Учебный театр и немало других объектов культурного строительства.

В возрасте 58 лет, в 1984 году, Лидия Александровна ушла на пенсию, но отнюдь не на отдых: она возглавила Музей писателей Урала. Этому музею, в 1988 году получившему статус Объединённого, она посвятила 22 года своей жизни, напряжённой и творческой. Л.А.Худякова сумела на основе двух вверенных ей музейных зданий сотворить в самом центре Екатеринбурга поистине уникальный музейный комплекс, так полюбившийся и горожанам, и их гостям, – «Литературный квартал», где современность естественно и органично сочетается со стариной и где тщательно продумана каждая деталь: от плафонов фонарей, чугунных решёток, беседок, летней эстрады – до оригинального, запоминающегося памятника Пушкину (скульптор Г.Геворкян) и Камерного театра; не говоря уже о здании литературно-мемориальных музеев и парке.

Камерный театр!.. Сокровенная идея и заветная мечта нашей Лидии Александровны, ставшая благодаря её неустанным усилиям, настойчивости и целеустремлённости не просто реальностью, а настоящей жемчужиной «Литературного квартала»!

Необычный архитектурный облик этого маленького театра-дворца очень удачно дополняет его и украшает. А с какой любовью и с каким вкусом, с какой заботой о зрителе оформлен внутренний интерьер театра! Уютный зал на 157 мест, ряды удобных кресел высоко поднимаются над сценой, что даёт возможность каждому хорошо видеть и слышать всё, на ней происходящее. Красивые люстры из высококаче-

Л.А.Худякова в Камерном театре.
Екатеринбург. 2006.

ственного хрусталя, светильники-раковины по стенам, в холлах – интересные виды из высоких окон... Глядя на всё это, не можешь и пред- ставить, что когда-то этого чудо-театра не было, а саму идею его создания иные скептики назы- вали не иначе, как «маниловщиной».

Наш Камерный театр стал не только собствен- но театром, в котором постоянно идут спектак- ли (до 25 в месяц), но и весьма излюбленным местом проведения литературных праздников, встреч с уральскими писателями и презентаций их новых книг, выставок, научных конференций и семинаров (в том числе музейных работни- ков), различных концертов и конкурсов.

И по-прежнему душа его, как и всего «Лите- ратурного квартала», – Лидия Александровна Худякова. Эта удивительная женщина, объез- дившая почти весь мир, лично знакомая со многими выдающимися деятелями театра и

кино, литературы, музыки, изобразительного искусства, – по-прежнему беззаветно предана своему детищу и, даже перейдя 80-летний ру- беж, продолжает всячески способствовать его процветанию, его дальнейшему развитию. Дочь земли ишимской, она стала одной из любимых дочерей Урала и всей нашей великой России.

Мне хочется привести напоследок стихотво- рение известного уральского поэта Людмилы Татьянической, написанное в 1978 году и посвя- щенное Л.А.Худяковой.

*Мы видели лосиные следы,
Похожие на тёмные тарелки,
Блестела в каждом
Горсточка воды.
И той водою
Умывались белки.
Да вот ещё
Мы уповить смогли,
Чтобы запомнить это
Как событие,
Одну из светлых тайн
Родной земли –
Цветов всегда внезапное
Раскрытие,
Каким счастливым
Нам казался лес!
Он каждой веткой
Улыбался юно.
А солнце
Этих северных небес
Вершило праздник
Синего июня,
Заря
На глади неподвижных вод
Всю ночь цвела
Душистым иван-чаем.
С закатом
Время сблизило восход.
И этот день
Был просто нескончаем!
Нас мимолетный
Не коснулся сон, –
Так много было
Радости и света.
...Из многих ярких дней
Запомнился мне он –
День,
Приоткрывший нам
Вершину лета.*

Фотографии из архива Л.А.Худяковой.

Т. П. САВЧЕНКОВА

«История Польши создавалась также и в Ишиме»

Польский литературовед Януш Одровонж-Пенёнжек

У меня хранятся письма и книги Януша Од- ровонж-Пенёнжжа, а также его открытки со «все- го света» – из Варшавы, Парижа, Лос-Андже- леса, Стамбула. Эти материалы польского сла- виста оказались очень ценными для создания в книге «Ишим и литература. Век XIX» раздела о польских писателях, оказавшихся в сибир- ской ссылке в 30-40-х гг. позапрошлого столетия.

Биографическая справка, опубликованная в сборнике очерков Я.Одровонж-Пенёнжжа «Миц-

кевичана, собранная со всего мира» (Варша- ва, 1998), знакомит с основными вехами жизни этого замечательного знатока истории польской культуры и писателя. Он родился 7 июля 1931 года в Опатовицах Куявского края, закончил отделение полонистики Варшавского универси- тета. В 1954-55 гг. был секретарём редакцион- ного комитета по юбилейному изданию собра- ния сочинений Адама Мицкевича, в 1956-72 гг. – научным сотрудником Института литературы

Рисунок Жана Кокто, посвящённый другу Янушу Одровонж-Пенёнжку. 1960. Из книги «Родом из Куяв» (Влоцлавек, 2003).

Януш Одровонж-Пенёнжек в рабочем кабинете. Фотография из книги «Родом из Куяв» (Влоцлавек, 2003).

Польской академии наук. В 1967-91 гг. – секретарём редакционного комитета научного издания «Истории польской поэзии». С 1972 года и до настоящего времени Я.Одровонж-Пенёнжек является директором Музея литературы им. Адама Мицкевича в Варшаве.

В 1968 году он издаёт в серии «Литературный архив» «Письма к Адаму Мицкевичу в Музее Адама Мицкевича в Париже». С 1955 года им опубликовано много статей и материалов, касающихся Мицкевича и его эпохи. В 1956 году выходит том сочинений Густава Зелинского «Киргиз и другие произведения» со вступительной статьёй польского литературоведа, в 1973 – два тома Кароля Франковского «Мои странствия по чужбине» (Париж). В 1992 году в издательстве «Искры» появилась его книжка «Полоника, собранная со всего мира». В число этих литературоведческих работ следует внести и относительно недавнее издание: «Адольф Янушкевич. Письма из Сибири», подготовленное Я.Одровонж-Пенёнжком вместе с Галиной Гебер (Варшава, 2003). В книгу включено обширное предисловие «Мицкевичевский Адольф», посвящённое жизни и творчеству А.Янушкевича.

Я.Одровонж-Пенёнжек является и автором художественных произведений. Это «Парижские рассказы» (1963), «Бегство из тёплых краёв» (1968), «Коктейль у княжны Георгиевой» (1971, 1972, 1978), «Большой романс в Бухаре» (1984), а также повестей: «Женитьба на Лин-

де Винтер, или Воспоминание о Глории Свенсон» (1971, 1972, 1980, 1984), «С Марией Чапделэн» (1985) и томика поэтической прозы «Теория волн» (1964).

Богатая разнообразными встречами и событиями жизнь польского литературоведа и писателя включает в себя и ишимский эпизод. В 1965 году он отправляется в Сибирь и Казахстан дорогами своих героев, литераторов Густава Зелинского и Адольфа Янушкевича. Путевые впечатления излагаются им в цикле репортажей, опубликованных в журналах «Польский курьер», «Столица», «Узнай мир». Особый интерес представляет для нас статья «Вслед за Мицкевичем», в которой молодой польский путешественник, оказавшийся в маленьком сибирском городке, пытается найти здесь следы давнего пребывания своих соотечественников. Статья сопровождается снимком автора на фоне деревянного дома и Богоявленского собора и надписью: «Ишим. Вероятно, именно в таких домиках жили литераторы-ссылъные».

Привожу этот репортаж в собственном переводе с незначительными сокращениями:

«Владислав Мицкевич в своей книге «Жизнь Адама Мицкевича» цитирует фрагмент дневника Евстахия Янушкевича [брат Адольфа Янушкевича – Прим. Т.С.], который 8 сентября 1836 года сделал запись: «Посетил Адама в Домонте [пригород Парижа – Прим. Т.С.]. Показывал

мне присланный Адольфом вид Ишима, сибирского городишки, в который он выслан».

Сам Мицкевич тотчас же ответил другу, с которым путешествовал по Италии и который явился прототипом героя Адольфа в 3-й части поэмы «Дядя». Но письмо не достигло Ишима. Задержал его по пути почтмейстер Виленской губернии Ал. Трифурт; оригинал письма исчез, сохранился только фрагмент, переписанный усердным почтмейстером. «Радуемся, что ты доволен и не тратишь той внутренней силы, которая является здоровой основой души, — писал Мицкевич, — но чтобы её обрести, многим нашим пришлось бы ехать в ваши края. Прежде ехали в Италию для поправки здоровья, может, появится мода на паспорта до Сибири, чтобы оздоровить голову и характер».

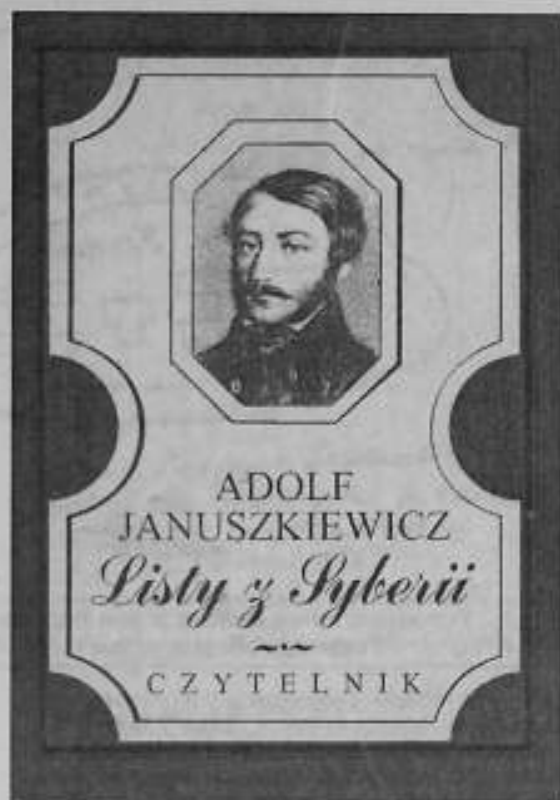
Тот «вид Ишима», о котором пишет брат Адольфа Евстахий — это план городка, расположенного в Западной Сибири. Он был нарисован рукой ссыльного и хранится до сегодняшнего времени среди бумаг Мицкевича в музее его имени в Париже под номером 809. С фотокопией именно этого плана вышел я ранним сентябрьским утром из вагона транссибирского экспресса «Енисей», который, правду сказать, идёт очень быстро, но и трясёт изрядно. Признаться, что не без волнения увидел на здании вокзала надпись «Ишим». Читал сотни писем, отправленных именно отсюда и сохранившихся до сегодняшнего дня в Библиотеке имени Зелинских в Плоцке и Польской библиотеке в Париже, и, читая их, никогда не предполагал, что мне придётся когда-нибудь увидеть это место.

Солнце ещё не поднялось; занимался тихий, спокойный рассвет со свежим запахом, не встречающимся, пожалуй, на других географических широтах и, вероятно, исходящим от берёзовых, разноцветных в ту пору песочков и степей, начинающих к югу от города.

Ишимские степи были хорошо известны польской литературе:

*Вдоль и вширь всю степь изъезди:
С Сыр-Дарьи до Аягуза,
От Семи-рек до Ургенджа,
С Иртыша и до Ишима
Не найдёшь красавиц, равных
Кыз-Джемеле чернакошой...
[пер. Г.Д.Гребенщикова].*

Это цитата из «Киргиза» Густава Зелинского, поэмы, многократно переиздававшейся в XIX веке и принадлежащей, по словам Яна Лорентовича, к произведениям, «необходимым для народного образования». Появился «Киргиз» именно здесь, в Ишиме, в 1840-41 гг. Этот маленький сибирский городок был в ту пору вторым после Тобольска важным центром проживания польских ссыльных. Зелинский, переведённый сюда из Тобольска, в 1835 году застал здесь довольно большую колонию поляков — он стал двенадцатым польским поселенцем. В 1838 году прибыл сюда и Адольф Янушкевич. «Когда приехал в Ишим, — писал Зелинский Евстахию Янушкевичу в Париж в 1842 году, — жил там безвыездно семь лет, наладив своё небольшое хозяйство в виде покупки домика,

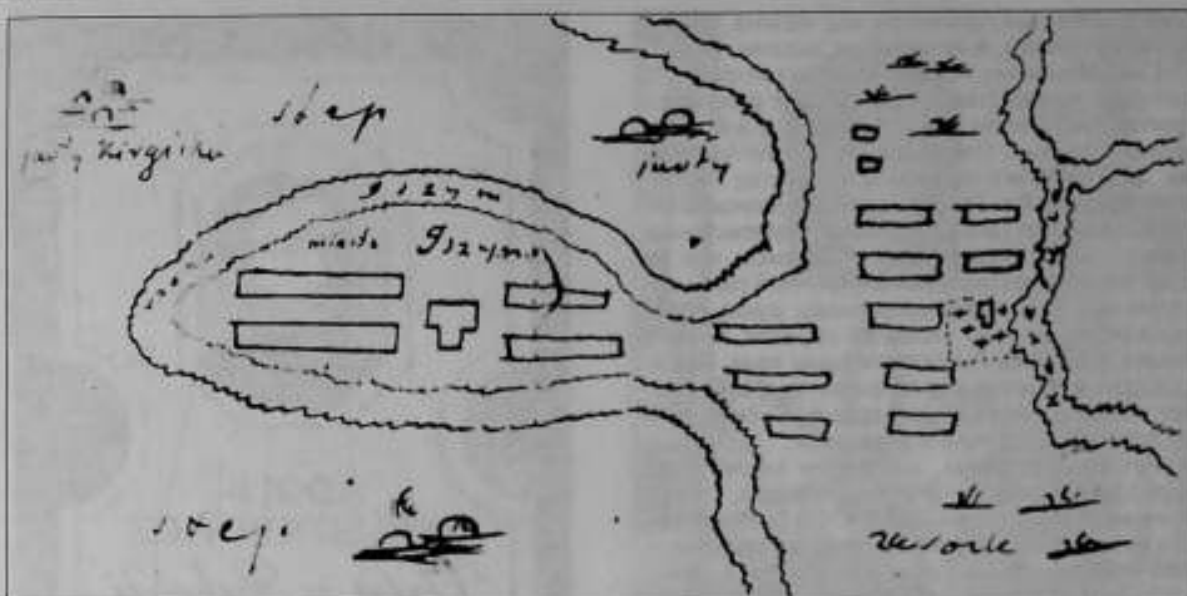

Обложка книги «Адольф Янушкевич. Письма из Сибири» (Варшава, 2003), изданной при участии Я. Одровонж-Пенёнжжа.

где всю зиму работал над литературными произведениями... летом же охотился в близлежащих степях».

А вот и другие сотоварищи наших литераторов по изгнанию: подполковник Северин Крыжановский, который сошёл с ума и умер в Тобольске в 1839 году; Ансельм Ивашкевич, сосланный сюда в 1825 году; Михаил Морачевский, Павел Чеплинский и Каспер Шанявский — литвины, сосланные за участие в Ноябрьском восстании; ссыльные 1831 года Киприан Гродецкий и Леон Грохольский — оба умерли в Ишиме; наряду с Зелинским, за контакты с эмигрантами 1833 года, оказались в этом городке Евгений Лемпицкий и Иосиф Новак; два офицера — Томаш Кичинский и Каспер Бабский. В 1839 году прибыли новые ссыльные, члены Общества польского народа: Александр Ратульд, Михаил Лемпицкий и Кароль Балинский.

Из названных вошли в историю литературы Густав Зелинский, Кароль Балинский — автор «Фарыса-вещуна», Адольф Янушкевич, создатель известного «Путевого дневника по степям киргизским», написанного двумя годами позднее и дважды изданного за границей. Именно Адольф произносит в «Салоне Варшавском» слова о летописи Польши, которая пишется в узилищах Сибири, слова, выражающие не только его собственную судьбу, но и судьбу всего поколения поляков, рождённых около 1800 года [имеется в виду сцена из поэмы А.Мицкевича «Дядя», герой которой рассматривается

Условный план Ишима и его окрестностей, высланный Адаму Мицкевичу. Рисунок А. Янушкевича. 1833-36. Музей А. Мицкевича в Париже.

польским литературоведом в сопоставлении с Адольфом Янушкевичем – Прим. Т.С.]

История Польши создавалась также и в Ишиме. «Единство и взаимопонимание, – писал Зелинский, – придавали силу, о которую разбивались любые посягательства местных урядников, пытавшихся нарушить наше спокойствие и, наконец, привели их к тому, что они стали относиться к нам с особым почтением. И большая заслуга в этом принадлежит Адольфу, тактичность поведения которого и сила независимого характера являлись для всех примером».

Благодаря постоянным посылкам с книжками от проживавшего в Литве брата Януария, в ишимском домике Янушкевича в Киселёвке появилась совсем неплохая, обширная библиотека, открытая для товарищей по ссылке. «Не существовало ни одного сколько-нибудь значительного и примечательного современного произведения, которое бы Адольф не прочёл», – отмечает его биограф Феликс Вротновский. Способствовала этому также и передвижная «библиотека изгнанничества», созданная в Тобольске Онуфрием Петрашкевичем, из которой ишимцы черпали полной рукой. Чем был для них дом Адольфа, свидетельствует «Стихотворение на приезд Адольфа Янушкевича» Г. Зелинского. Отвечая на это стихотворение, Адольф, писавший в молодые годы думы и сонеты, публиковавшиеся в виленских ежегодниках, ещё раз «коснулся струн лютни»:

*Есть, брат, страна родных воспоминаний,
Цвет дружбы, любви из родимых садов.
Разбитой моей лодки уцелевший обломок
Яснеет прошлым среди сибирских льдов.*

От ишимского вокзала до города еду по шоссе автобусом между низкими деревянными сибирскими домиками из простых брёвен. Это часть старого города: Ишим индустриальный появился в последнее время на севере, за

рекой Карасуль. Ишим девятнадцатого столетия, деревянный, сохранился на том самом месте, где и был во времена ссыльных поляков и, судя по плану Янушкевича, внешне мало изменился. И это тот самый Ишим, каким описывал его автор «Киргиза» в 1835 году: «Ишим располагается на южной стороне Тобольской губернии, над рекой того же названия, которая опоясывает город с трёх сторон, а с четвёртой – речка Карасуль, впадающая в Ишим, всё это придаёт месту, на котором находится город, форму острова... Белая, высокая, нарядная церковь, окружённая маленькими деревянными домами, показалась мне похожей на мать с прижавшейся к ней детворой...»

Именно это всё и видел я, прогуливаясь по городку над берегом реки. На месте, где Янушкевич нарисовал на своём плане три киргизских юрты, сегодня небольшой аэродром, куда приземляются маленькие «АНЫ», так как в той же стороне есть какой-то дом отдыха, сюда приезжают отдыхающие железной дорогой и прилетают самолётами. Там, где Янушкевич написал «степь», сегодня возделываемые поля. Ишимская степь начинается от высокой гряды холмов, виднеющейся на горизонте. Сегодня по ним проходит граница между Сибирью и Казахстаном.

Воспользовавшись планом Адольфа, я попытался найти обозначенное над берегом Карасуля кладбище, где, наверное, похоронены Гродецкий и Грохольский, но безрезультатно. А могли уцелеть дома, в которых жили наши ссыльные? Думаю, что да. Много домиков из числа увиденных мною наверняка помнят то время. Остановившись перед одним, вторым, десятым... Не исключено, что это и есть тот самый «деревянный дом довольно хорошо построенный, у которого по здешнему обычаю вход со двора. Первая лестница вместе с «крыльцом» ведёт к хозяевам, – пишет Зелинский, – вторая – ко мне, и служит входом в мои апартаменты... Между окнами висит портрет

Богоявленский собор, в притворе которого польские поселенцы слушали православные службы. Ишим. 1965. Фотография Я. Одровонж-Пенёнжжа.

нашего поэта, перед гением которого я преклоняюсь и в то же время гневаюсь на него за то, что он вознёсся так высоко, что никогда не сумеет с ним сравняться». Именно под этим портретом и был создан «Киргиз».

Итак, мой отчёт о посещении далёкого сибирского городка, который начался Мицкевичем, должен Мицкевичем и завершиться».

Ишимские впечатления отразились и в стихотворении 1965 года «Визит в Ишим», которое вошло в книгу лирических произведений Я. Одровонж-Пенёнжжа с труднопереводимым на русский язык метафорическим названием «Голос из ящика письменного стола». Эта миниатюрная книжка с изящными графическими рисунками, виньетками и белой суперобложкой представляет библиографическую редкость. В варшавском издательстве «Кайман» напечатано всего 300 экземпляров, каждый из которых пронумерован самим автором. У «моей» книги – 128-й номер и инскрипт:

«Уважаемой пани доценту Татьяне Савченко высылает этот поэтический томик с заметкой о визите в Ишим в 1965 году.

С уважением Януш Одровонж-Пенёнжж.
Варшава, 16 июня 2004 г.»

Стихотворение о посещении Ишима с характерными для той эпохи реалиями – ещё не застроенной большими домами улицей Карла Маркса, Богоявленским собором, «приспособленным» под водокачку, – завершает весь цикл и принадлежит к так называемым безрифменным или, по определению автора, «неправильным» стихам. Оно словно составлено из отдельных фрагментов. И подобная форма вполне соответствует ощущениям и эмоциям автора, пребывавшего в состоянии поиска утраченного времени и дорогих ему теней людей, оказавшихся столь далеко от своей родины.

Głos z szuflady

Uważanej Pani
Docentce Tatyannie Sawczenkovej
pozwala sobie przetrzasnąć ten dołek
poetycki z notatką o wizycie
w Iżymie w roku 1965
wraz z uprzejmą prośbą
Janusz Odrovóż-Penonż
Warszawa, 16 czerwca 2004.

Автограф Я. Одровонж-Пенёнжжа
на книге стихов, подаренной
Т.П.Савченко. 2004.

ВИЗИТ В ИШИМ

Прибыл я в сибирский край экспрессом «Енисей»

Соседи по вагону спали или часами играли
в карты (спрашивали и меня: «а в дурака играете?»)

Тем временем – сотнями километров –
проносились за окном берёзовые лесочки, то отдаваясь,
то сближаясь снова, то рядом с рельсами,
то вдали от них

Луга и болота, зеркала воды, поляны, заросшие водой,
на которых увидел раз даже охотника с ружьём и собакой

Вышел из вагона на низкий перрон в три часа утра: светало, а люди, тепло одетые
ждали под часами, показывающими точное московское время

Вошёл в зал ожидания: а когда прояснилось поднялся вдруг сильный ветер сибирский,
срывающий жёлтые листья берёз ранней осени,

и стих, как и пришёл, внезапно: первым автобусом доехал я до городка с деревянными домишками,
двойные окна которых плотно закрыты ватой

езде уже работали

Церковь в центре площади – нарядная и белая, но выбрасывают влажную землю через её окно наружу

за сверкающей излучиной реки горизонт отсекает холм: это возвышенность, от которой начинаются степи

на полях отцветали подсолнухи, в узких улочках люди складывали поленицы дров на зиму

Искал места я, где сто тридцать лет назад жили ссыльные поляки и сочиняли поэмы

делали выписки для сочинений, никогда не

написанных, но объясняющих историю Польши, её разделов и восстаний народных

иногда охотились с собакой в прибрежных камышах, в степях встречали кочевников казахских, называемых тогда киргизами

в воскресенье ходили в церковь, но могли стоять только у дверей и выходили первыми

пробрался туда боковым входом по прогибавшейся доске: на месте царских врат громко стучал водяной насос

(IX 1965)

Г. А. КРАМОР

Ишим в жизни священноисповедника Афанасия (Сахарова)

«На епархиальном служении – 33 месяца. В изгнании – 76 месяцев. В узах и горьких работах – 254 месяца...» Так писал в своей краткой автобиографии в 1954 году священноисповедник Афанасий, епископ Ковровский, в миру – Сергей Григорьевич Сахаров. Прославлен Русской Православной Церковью в 2000 году в лике святых новомучеников и исповедников Российских, от безбожной власти пострадавших.

Родился он 2 июля 1887 года в селе Паревке Тамбовской губернии, скончался 28 октября 1962 года в посёлке Петушки Владимирской области. Окончил Шуйское духовное училище, Владимирскую духовную семинарию, Московскую духовную академию. В 1912 году принял монашеский постриг. Участник Всероссийского Поместного Собора (1917). Один из авторов-составителей (совместно с востоковедом Борисом Александровичем Тураевым) службы и разработчик иконографии восстановленного Собором праздника Всем святым, в земле Российской просиявшим. В 1921 году хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. После уклонения в обновленчество митрополита Сергия (Страгородского) принял на себя управление епархией. В 1922 году сослан в Зырянский край. Вновь арестован в 1927-м. В 1933 году освобождён, в 1936-м арестован. Отбывал наказание в Соловецком лагере, на строительстве Беломорско-Балтийского канала, в Карлаге, в Туруханском крае. По окончании срока заключения выслан в Омскую область. С июля 1942 года проживал в Гольшмановском совхозе, с января 1943-го – в городе Ишиме.

Собирая данные об ишимском периоде жизни епископа Афанасия для фильма, показанного на Ишим-ТВ, и статьи в альманахе «Коркина слобода»¹, мы руководствовались материалами, содержащимися (как и вышеприведённые сведения) в обстоятельном издании «Молитва всех вас спасёт...», подготовленном О.В.Косик и выпущенном издательством Свято-Тихоновского Богословского института в 2000 году². В основе этих данных – письма епископа Афанасия се-

**Епископ Афанасий (Сахаров). Ишим. 1943.
Фотография Т.П.Курочкина.**

мье Потаповых и другим лицам, а также материалы из следственного дела 1943-44 годов.

Из них известно, что проживал епископ Афанасий на окраине города, на станции Ишим, в нижнем этаже дома № 10 на улице Туниковской (ныне улица Герцена). Дом этот сохранился, хотя полуподвальный этаж фактически ушёл в землю. Хозяева – старички Николай Васильевич Сосунов и его жена Фёкла Андреевна – радушно приняли постояльца. Хотя ему было категорически запрещено совершать церковные службы, он тайно служил на дому. Приношения

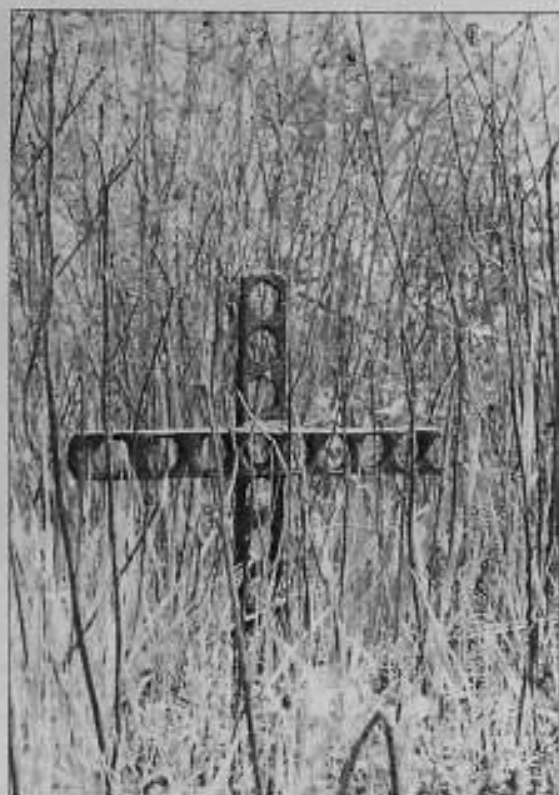
богомольцев очень помогали владыке выжить в это трудное время.

В 1943 году началось послабление в отношении Православной Церкви. В Ишиме к тому времени не было ни одного действующего прихода. Теперь же верующие начали ходатайствовать об открытии храма. Возглавить будущий приход предложили ссылкеному владыке Афанасию – до тех пор, пока не будет назначен священник. Об этом свидетельствуют инскапательные замечания в его письмах, отправленных из Ишима. Владыка сомневался. Ему хотелось вновь заняться богословским трудом, и он уже выписал себе необходимые книги. Но принципиальное согласие дал. Сомнения же были связаны с вопросом: признавать или нет правящего митрополита Сергея главой Русской Церкви. Ведь епископ Афанасий относился к числу «непоминающих» – к духовенству, полагавшему, что митрополит Сергей узурпировал полномочия местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра Крутицкого, заняв его должность, когда последний был ещё жив.

Однако планам этим не суждено было осуществиться. 9 ноября 1943 года последовал новый арест. Первоначально епископ Афанасий был заключён в тюрьму на ул. Артиллерийской (ныне жилой дом, ул. Ершова, 1), в этой же тюрьме в 1937 году томился другой узник-епископ, владыка Серафим Дмитровский (Звездинский), прославленный в наше время в сонме священномучеников (с ним владыка Афанасий встречался и лично – в 1923 году, на этапе в Зырянский край). Обвинение – организация контрреволюционной группы «Истинно Православная Церковь», проведение «незаконных молебний» на дому, антисоветская агитация, пораженческие настроения. Статья 58, пункты 10 и 11. Впереди – долгие годы тюрьмы и сибирских лагерей.

Окончательно освобождён епископ Афанасий был только в 1955 году. Во Владимирскую область, на пожелание любящих его преданных друзей он вернулся инвалидом, совершенно немощным телом – но по-прежнему бодрым духом. Он признал правомочность избранного в 1945 году нового Патриарха Алексия (Симанского) и стремился поработать на ниве церковно-литургической работы. Но в храмах он застал полное небрежение к Уставу службы, чем был очень огорчён. Его трудами по исправлению богослужебной практики в соответствии с Уставом мало кто интересовался. Зато последние годы владыки были озарены светом яркой любви к ближним. К нему сотнями шли за советом, и никто не уходил неободрённым. Годы страданий не угасили его духа, не заставили возроптать на судьбу. Владыка тихо скончался 28 октября 1962 года в городе Петушки. На похороны во Владимире собралось множество людей, помнящих и любящих своего многострадального пастыря.

Такова вкратце история жизни епископа Афанасия и ишимского её периода, подробнее о которых можно узнать из вышеназванного труда «Молитва всех вас спасёт». Из него же нам стали известны имена ишимских корреспондентов владыки Афанасия: Александра Порфирьевна Курочкина, Елена Семёновна Денисова³, Анна Павловна Свалова⁴. Они продолжали переписку с отправленным в сибирские лагеря

Могила иеромонаха Иова на старом ишимском кладбище. Май 2004. Фотография автора.

епископом, отправляли ему продуктовые посылки. Более того, Ишим он называл в 1951 году как одно из возможных мест жительства после освобождения⁵. Этим опровергается мнение, высказанное инокиней Сергией, автором-составителем книги о епископе Афанасии⁶, вышедшей в том же 2003 году, что и наша статья в «Коркиной слободе» – о том, что «близких знакомых в Ишиме он не завёл». Зато рядом его приведён прежде неизвестный факт: разрешение на переезд в Ишим было дано епископу Афанасию Омским УНКВД 28.12.1942, а мотивом его переезда стало известие о проживании в Ишиме иеромонаха Иова (Панфилова), с которым епископ Афанасий познакомился в Туле в 1912 году и который скончался в Ишиме же в том же 1943 году. К сожалению, ссылки на источник этой информации в книге нет.

О захоронении на Ишимском старом кладбище некоего иеромонаха Иова указывает епископ Евтихий, настоятель ишимского Богоявленского собора. Вероятно, речь идёт об одном и том же лице, поскольку из тех же уст нам стали известны некоторые факты из ишимской жизни епископа Афанасия, не упоминаемые ни в одном из вышеперечисленных изданий.

Родители епископа Евтихия, в миру – Ивана Тимофеевича Курочкина, были людьми благочестивыми и церковными. Отец, Тимофей Порфирьевич Курочкин – родной брат Александры Порфирьевны, которую упоминает владыка Афанасий в одном из писем послевоенного периода. Большая семья Курочкиных – сестра отца и хозяйка дома Александра Алексеевна,

Дом Курочкиных. Справа – старая часть, в которой тайно служил епископ Афанасий. Декабрь 2002. Фотография автора.

мать Синклитикия Савельевна, её дети Тимофей, Александра, Феофила, Анфиса, Мария – проживали во время войны в доме на углу улиц Почтовой и Ленина (нынешний адрес: Рокоссовского, 41 / Малая Садовая, 134). Из рассказов отца и тётки Феофилы Иван запомнил, что в их дом приходил ссыльный епископ Афанасий, который совершал тайно Божественную литургию. Также он совершал тайно крестины и прочие службы по домам других ишимцев. Естественно, на допросах он ни словом не обмолвился об этом, признав лишь, что совершал моления «в своей квартире»⁸. Анфиса и Мария сшили епископу Афанасию рясу, в которой он заснял Тимофеем Порфирьевичем, зарабатывавшим на хлеб фотографированием. Этот бесценный снимок сохранился и даёт представление об облике епископа Афанасия того периода, от которого известны лишь снимки «в анфас и профиль» из следственных дел.

В том же доме, в архиве Лидии Александровны Зеровой, дочери Анфисы Порфирьевны Курочкиной (в замужестве Низковских) сохранились три письма епископа Афанасия в Ишим, прежде нигде не опубликованные. В них – ещё имена ишимских знакомых владыки, большинство из которых ещё предстоит установить.

Александре Порфирьевне Курочкиной

... декабря 1944 г. (угол карточки с датой утрачен)

Верхние Чебулы, Кемеровская обл., п/я № 247/10-в

Почтовая карточка. Рукопись. Чернила.

«Здравствуйте, родная моя Александра Порфирьевна! Вчера получил Вашу посылочку, о чём спешу уведомить Вас. Глубоко благодарен Вам за память и заботы. Вчера же получил письма Василия Василиевича и Василия Арсеньевича – сообщите им. В ближайшие дни напишу Вам и им. Сердечный привет всей Вашей се-

мье, Екат[ерине] Алекс[еевне]⁹, Факле Андр[еевне]¹⁰, Елене Алекс[еевне] и всем добрым ишимцам. Глубоко соболезную Анаст[асии] Васил[ьевне] в её адовстве, соскорблю и Елене Алекс[еевне], потерявшей такую внучку. Царство Небесное усопшим. Господь да благословит и да хранит здравствующих. Всегда помню о всех. Сердечно преданный

Е[пископ] А[фанасий]».

Синклитикии Савельевне Курочкиной

5 (18) января 1945 г.

Рукопись. Чернила¹¹.

«+ Милость Божия буди с Вами, родная моя Синклитикия Савелиевна! Сердечно приветствую Вас со днём Ангела и горячо желаю Вам милостей от Господа, здоровья, житейского довольства и особенно радости и утешения в детках и внуках. Всё семейство Ваше приветствую с дорогой именинницей и с другой [нрзб.] именинницей, а милую Ниночку¹² поздравляю с Ангелом, желаю ей расти большой, быть умницей, утешать маму и бабушку, слушаться старших, – особенно же желаю ей оставаться такой, какой я видал её, когда она подлевала нам. Господь да возрастит её родителям и родным на утешение, Церкви и Отечеству на пользу.

Потрудитесь передать мой сердечный привет честной старице Екатерине Алексеевне. Как здравствует она? Желаю всем вам мира, любви и согласия. Будем по завету Апостола друг друга тяготы носить. У каждого из нас есть свои немощи, – потерпим друг друга, – посрадим врага, который старается и между близкими создавать недоразумения. С большой любовью всех вас вспоминаю. Поминаю и Ваших дорогих усопших. Передайте привет и Елене Алексеевне. И её маленькую именинницу скоро буду помянуть вместе с её мамой и братцем. По-человечески рассуждая, как-то грустно, что маленькая Ниночка ушла к маме. Но по-христиан-

Почтовая карточка, адресованная А.П.Курочкиной. Декабрь 1944. Архив Л.А.Зеровой.

ски надо радоваться за неё. Она избавилась от земных скорбей.

Как здоровье Тимофея Порфировича и Шуры¹³? Как растут внучатки, как трудятся дочки ваши? От всего сердца желаю всем вам всякого успеха.

Я по милости Божией здоров и сравнительно благополучен. Уже четвёртый месяц работаю ассенизатором и вспоминаю преподобного Иоанна Дамаскина, который в монастыре нес такое же послушание. Убираю навоз и воздыхаю, да паче снега убелюся...¹⁴ Принял бы Господь труды и скорби всех нас во очищение грехов наших. Очень грустно, особенно в великие праздники, быть без наших святых книг¹⁵. Утешаюсь тем, что рядом со мною лежит собрат. С ним вместе, по большей части ночью, справляем мы ежедневные наши службы, прочитывая что знаем на память и поминая всех близких по плоти и по духу, всех любящих, милующих и питающих нас, всех заповедавших и о них же заповедано нам молиться, — всех живых и усопших. А в праздники мысленно ходим по домам вашим с праздничными молебнами. Приду и завтра¹⁶ к Вам, мои дорогие, и ко всем добрым ишимцам, которым всем прошу передать мой сердечный привет и благословение.

Господь да хранит Вас и да благословит. Не забывайте и меня в своих молитвах.

С любовью богомolec Ваш
Е[пископ] Афанасий».

Алексадре Порфировне Курочкиной
7 августа 1959 г.

Машинопись, подпись — автограф.

В самодельном конверте без марок.

« + Св. праведной Анны.

Милость Божия буди с Вами, родная моя Александра Порфировна.

Господа ради простите меня за то, что до сих пор не поблагодарил Вас за Ваш гостинец и что с таким опозданием извещаю Вас о получении его.

Сердечно благодарю Вас, родная моя. Всегда с любовью вспоминаю всё Ваше семейство, вспоминаю, с каким радушием принимали меня в Вашем доме. С любовью вспоминаю усопших Синклитикию Савельевну и Екатерину Алексеевну. С глубокой благодарностью вспоминаю Ваши прежние гостинцы.

Как живёте Вы, какие изменения в Вашей семье? От всего сердца приветствую, всем желаю здоровья и всякого благополучия.

Господь да хранит Вас. На всех призываю Божие благословение.

Спасайтесь о Господе.

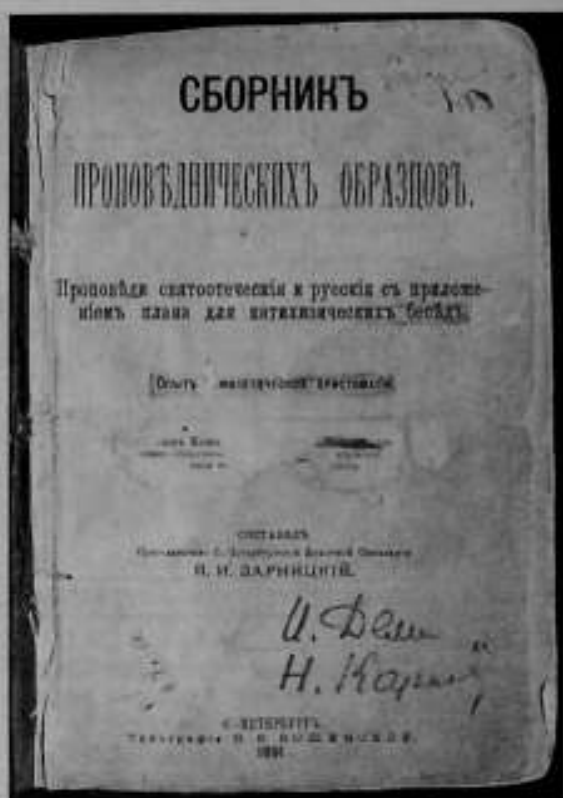
Благодарный богомolec Ваш
епископ Афанасий».

В конверте вместе с последним письмом находилась фотография епископа Афанасия в чёрном епископском клобуке и с панагией. Аналогичный снимок помещён в издании «Молитва всех вас спасёт» с легендой: «г. Тутеев, 1955 год».

В архиве епископа Евтихия сохранился ещё один снимок владыки Афанасия, в сукфье, вариант которого помещён в том же издании с легендой: «пос. Петушки, сентябрь 1958 года». Вероятно, он также был выслан с одним из несохранившихся писем к семейству Курочкиных в Ишим.

+ 5/18-2-46. Милости Божия убо
 Ваши, родная моя, Сестри-
 чки Савинской! Сродно
 и любимо было Вам седала
 Агаша и вдова Делавская,
 Милостоя Ана Софийа, Евста-
 шинская Анна Васильевна и
 особенно радость и благо-
 ния въ общинахъ и вичахъ,
 все сдѣлано Вами при-
 стально съ горячей любовью,
 и въ особенности въ
 Шлиссбургѣ, а также
 Мисской по здѣлано съ
 Акимомъ М., и еще въ
 Савинской, Бѣлой Шлиссбург,
 Устьинской, Мадонъ и въ
 Свѣтлоярской старинки, осо-
 бенно же въ Мисской съ Вашей
 съ такою, какой я никогда не
 видѣла, а видѣвшись на
 18-го февраля 1907 г. въ
 Мисской и Савинской, и въ
 Шлиссбургѣ, Мисской и въ

Первая страница письма, адресованного С.С. Курочкиной. 5 января 1945. Архив Л.А. Зеровой.

Титульный лист книги «Сборник гомилетических образцов», принадлежавшей епископу Афанасию. Архив Богоявленского собора в г. Ишиме.

В письме от 17-18 февраля 1952 года из Дубравлга к диакону Иосифу Потапову епископ Афанасий сообщал о смерти хозяйки его ишимской квартиры Фёклы Андреевны и просил его написать её дочери Анне Павловне Сваловой, «чтобы вещи и особенно бывшие у меня книги, с моими отметками и приписками, похранили, пока я не получу возможность написать им»¹⁷. По всей вероятности, книги эти вернуть епископу Афанасию так и не удалось, след их потерялся. Однако одна оказалась удивительным образом обретена. Её приобрёл приход Богоявленского собора у наследников Марии Корчагиной. А принадлежность её епископу Афанасию выявилась позднее, при внимательном рассмотрении.

Книга эта — «Сборник проповеднических образцов. Проповеди святоотеческие и русские с приложением плана для катехизических бесѣд. Опыт гомилетической хрестоматии». Издана в Санкт-Петербурге в 1891 году. Книга учебная, на титульном листе и оборотах крышек переплёта — многочисленные полустёртые записи о выдаче студентам на разные учебные года. Среди имён наше внимание привлекли следующие: запись чернилами на титульном листе: «Сахаровъ А. 1907 г.» и на внутренней стороне задней крышки переплёта, графитным карандашом: «А. Сахаровъ 1907/8».

Эти надписи содержат в себе загадку. 1907-08 годы — время обучения будущего епископа

Афанасия во Владимирской духовной семинарии, то есть книгой он мог пользоваться. Но ведь монашеский постриг он принял в 1912 году — значит, до этого момента должен был именоваться Сергѣем. Этот вопрос ещё требует ответа и вроде бы ставит под сомнение нашу атрибуцию, хотя характер почерка указывает на его принадлежность епископу Афанасию. Не исключено, что автографы были сделаны позднее, после 1912 года.

Однако другая надпись позволяет развеять сомнения. Она сделана чернилами там же, на внутренней стороне задней крышки переплёта: «О безсмертїи души и воскресенїи мертвых. Фил[а]р[ет]а, Митр[ополита] Московскаго, стр. 239». (К сожаленію, эта страница, как и многие другие, в книге утрачена.) Надпись сделана взрослой рукой, и характер почерка точно соответствует особенностям почерка епископа Афанасия, известному нам по письмам членам семьи Курочкиных.

Принадлежность книги епископу Афанасию может быть подтверждена и косвенно. Приведѣнные в ней тексты принадлежат жанру гомилистики (от греческого слова, означающего «искусство вести бесѣду» — т.е. жанру проповеди). А ведь именно преподавателем литургики (науки о Богослуженїи) и гомилистики был назначен молодой иеромонах по выходе из Московской духовной академии. Далее, прослужив один год в Полтаве, иеромонах Афанасий осенью 1913 года по его просьбе был перевѣден в родную Владимирскую семинарию, где и слу-

жил до её закрытия в 1917 году. Так книга студента Сахарова могла вернуться к Сахарову-преподавателю.

Наконец, особенно примечательно само внимание автора этой записи к личности митрополита Московского Филарета. В книге епископа Афанасия «О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви»¹⁰ мы находим множество ссылок на различные труды знаменитого архипастыря. Владыка Афанасий знал и любил его творения, и не случайно именно его беседу выделил в хрестоматии по гомилетике.

Таким образом, помимо мест, связанных с пребыванием священноисповедника Афанасия Ковровского в Ишиме – бывший дом Сосуновых на ул. Герцена, 10; дом Курочкиных на ул. Рокоссовского, 41; бывшая тюрьма на ул. Ершова, 1 – мы имеем и драгоценные свидетельства его жизни в нашем городе, его знакомства с ишимцами, которые не оставили страждущего епископа в беде. И мы надеемся, что молитвами его и других новомучеников и исповедников Российских «град сей и в нем живущие» также не останутся без покровительства Божия.

Примечания

1 Крамор Г.А. Ишим – остановка на крестном пути. Судьбы епископов Серафима (Звездинского) и Афанасия (Сахарова) // Коркина слобода. Вып. 5. – Ишим, 2003. – С. 64-74.

2 Молитва всех вас спасёт: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О.В. Коосик. – М., 2000.

3 Там же. С. 329.

4 Там же. С. 320.

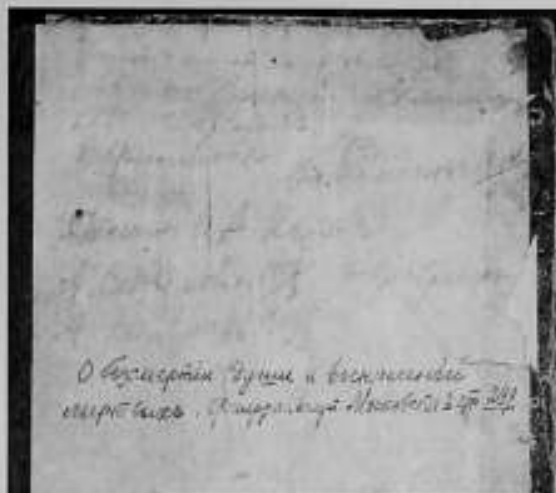
5 Там же. С. 334.

6 Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец / Автор-сост. инокиня Сергия (Ежикова). – Сергиев Посад, 2003.

7 Там же. С. 162.

8 Молитва всех вас спасёт. С. 224.

9 Екатерина Алексеевна Курочкина, в замужестве Плоших. Сестра Порфирия Алексеевича Курочкина, отца Тимофея, Анфисы, Феофилы, Александры, Марии Курочкиных (скончался в 1919 г.). В конце 1920-х, спасаясь от репрессий, связанных с коллективизацией, первым в Ишим приехал Тимофей, впоследствии за ним последовали и сёстры. Здесь к тому времени уже жила их тётя Екатерина Алексеевна с мужем Власом. Они приняли племянника и племянниц в своём доме на углу улиц Поч-

Автограф епископа Афанасия в книге «Сборник гомилетических образцов». Ишим. Архив Богоявленского собора.

товой и Ленина (ныне Рокоссовского и Малая Садовая). Во время войны Екатерина Алексеевна была уже вдовой. Фактически дом принадлежал ей, впоследствии передана право собственности племяннице Александре, после её смерти дом унаследовала Анфиса.

10 Фёкла Андреевна – хозяйка дома № 10 на ул. Тупиловской (ныне Герцена), где проживал епископ Афанасий.

11 Это письмо написано по правилам старой орфографии.

12 Нина Николаевна Ефимова, в замужестве Бакина – дочь Марии Порфирьевны Курочкиной, в замужестве Ефимовой (муж Николай Васильевич, офицер Советской Армии). В 1943 году ей было приблизительно 4 года.

13 Александра Порфирьевна Курочкина, по болезни признана инвалидом.

14 «Омьши мя, и лаче снега убелюся» – покаянные и смиренные слова псалмопевца и царя Давида (псалом 50).

15 Т.е. богослужебных книг – часослов, минея и др.

16 Письмо написано в Крещенский сочельник, т.е. накануне праздника Богоявления.

17 Молитва всех вас спасёт. С. 336.

18 Афанасий (Сахаров), епископ. О поминовении усопших по Уставу Православной Церкви. – СПб., 1995. (Сокращённый вариант труда еп. Афанасия, законченного им во 2-й пол. 1950-х гг.)

Н. М. ОЛЬКОВ

Храмы Тимофея Кузина

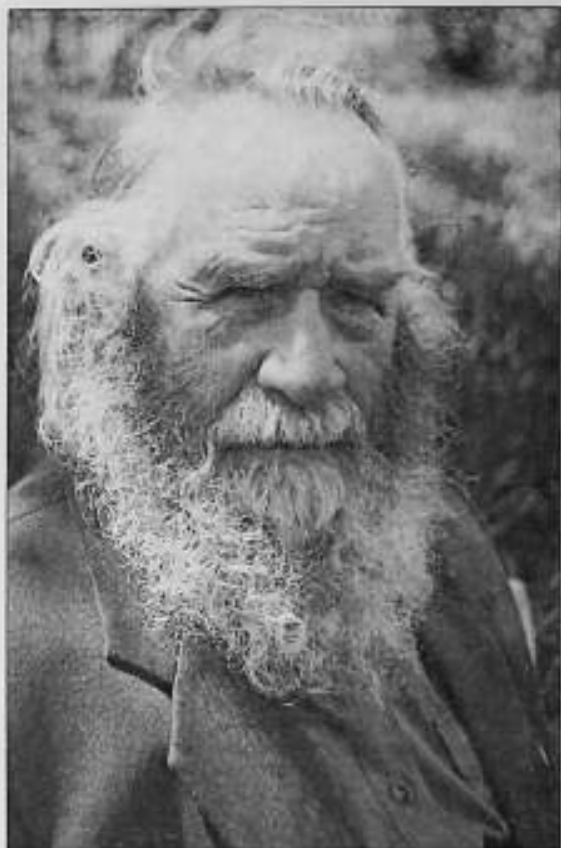
Прощание
Май 2005 года

Всякий раз, бывая на Тимином кладбище, я гоню от себя мысль, которая навязчиво выплывает в сознании и никак не хочет исчезать, хотя суеверная неловкость немножко пугает меня. Мысль о том, как красиво, независимо и уютно умел устраиваться в жизни дорогой мой друг Тимофей Павлович, – так и тут, на последнем земном пристанище, он выбрал место лучшее из других. И не в чаще крестов да гранитных глыб надгробий, и не на самом краю, у канавы, где постоянно толкуются люди и где скот деревенский выедаёт сочную теневую траву; и не одиноким поселенцем, и всё же не в тесноте соседей. Его могилка – прямо под берёзой; бе-

рёза старая, может, ровесница его большим летам, но молодящаяся, раскудрявая, с тысячами весенних серёжек и длинными плакучими прядями притомлённых солнцем ветвей, – в его природу...

Когда весенним майским днём копали могилку, нанятые мужики резонно предлагали от берёзы отступить, потому как её корневища не дадут нормально работать, но сын его Женька, Евгений, сказал бухтельно, что такова воля родителя и от берёзы отступил самую малость, острой лопатой обозначив контур ямы. Корневища рубили топорами и тихонько материли.

Мы никогда с Тимой не говорили о его смерти, хотя тема эта обыкновенна для верующего человека, всю жизнь думающего, как спасти душу свою после окончания земного пути. Тима

Тимофей Павлович Кузин.
Село Уктуз. 1998.

тоже заботился о душе, и меня пытался приучить, но скоро понял безнадежность стараний и перестал упрекать за скоротечные прегрешения. Смерти он не боялся; так и говорил, что готов ко встрече с Господом и готов ответ держать за все свои грехи. Я в таких случаях протестовал, что какие могут у него быть грехи, если всю жизнь свою верил и молился, но Тима многозначительно говорил:

— Э-э-э, Коленька, все мы грешны перед Богом, а я более всех, девятый десяток живу, в год раз виноват, и то вон сколь!

Я слишком хорошо его знал, чтобы заподозрить в кокетстве. Он считал себя грешником по православной традиции, ссылаясь на высочайшие авторитеты, и чаще всего вспоминал Серафима Саровского, его моления на лесном камне, его утверждения, что грешен, многаяжды грешен.

Тима всегда жил тихо и спокойно, и только на общественных сходах мог позволить себе высокое слово о вере и человеческой добродетели. Тут его охватывал духовный порыв, он обо всем на свете забывал, говорил вдохновенно и складно, за примерами уходил в самые глубины веков православия, а потом возвращался к сегодняшнему бытию и клеймил лодырей и пьяниц. Мне довелось видеть его на встрече односельчан с главой района. Тима не особо почитал новое чиновничество, но руководитель с ним здоровался за руку, и Тима не удержался, чтобы не одёрнуть назойливых просителей государственных вспоможений:

— Вот ты, Степанида, вопиешь о несправедливости, что ребят трое, и помощи от государства самая малость. А знаешь ли, что Господь послал детей, дабы испытать силу материнской любви, от Бога тебе заповеданной? А ты к государству руку тянешь, которой должна дитё голубить. Про государство нынешнее нечего сказать, растянули его по суставчикам. Но вот ты мать, не приведи Господь в голодные глазёнки смотреть, в них великий укор и страданье, а сколько же соток картошки ты нынешней весной посадила?

— При чём здесь картошка, если мне детские не платят четыре месяца?

Женщина, видно, уж не одну схватку выиграла, в старике она не видела достойного противника и отмахивалась от его вопросов даже как-то скучновато.

— О картошке веду разговор, потому что от неё идет всё деревенское благополучие. Не суетись, я разъямачу: картошки накопала, капусты наквасила, свёклы и морковки кинула в погреб — и стол не пуст. А в пригончике кабанчика завела на детскую пособию, вот и мясо. Мы почто от крестьянской-то жизни отворотились? Демократия на тощий желудок всё равно, что принудиловка. Вот если бы вы, вопиющие к руководству, не на государство детей своих обрекали, а на свой труд полагались, тогда и страна, может, веселей бы дышала.

Собрание это происходило июньской порой середины девяностых, поводов для митингов — что на Горбатов столбчатом мосту, что в Уктузском клубе — было довольно, но меня тогда испугало, что никто из зала старика не поддержал, хотя никто и не оспаривал его суждений...

Тима умер в своём домике 16 мая 2005 года. Я тогда числился корреспондентом областного сельскохозяйственного еженедельника, редактор попросил найти достойного фронтовика и написать о нём очерк для номера в честь Дня Победы. Перебрал всех знакомых возможных героев, как-то не грели обласканные многократно имена, и вспомнил я о Тиме: чего мне искать, если рядом настоящий фронтовик, служивший два года до войны и полтора после? Правда, наградами не богат, зато фотография есть, где он ещё в буденовке, и красноармейская книжка, в которой помечено, что по социальному положению красноармеец Кузин есть единственный. Редактор кандидатуру одобрил, я позвонил Тиме в субботу, в канун Вербного воскресенья.

— Ты вот что: приезжай после обеда, потому что мы служить будем по поводу праздника. Вход Господень в Иерусалим, слышал? И барабан захвати, я тебе про ту войну много чего скажу.

Барабаном он называл диктофон. Ему нравилось потом слышать свой голос.

Я приехал после полудня, Тима вышел за ворота своего домика, потерявшегося в густых зарослях черемухи и сирени, которые надёжно укрывали его своими даже безлистными веточками. Мы обнялись, я троекратно коснулся чистой бородки, оставлявшей для собеседника только ядрёный нос да ясные осторожные очи, поздравились с праздником, и Тима весело доложил:

— Послужили хорошо, народишку, верно, немного, но и так ладно. Я уж пообедал, рас-

скажу тебе, как было дело в войну. Обожди, дак мы уже писали про это на барабан.

Пришлось ещё раз объяснить, что газету интересует только военная сторона его биографии, его восемьдесят месяцев службы, без веры и каждодневной Божественной помощи, как он говорил.

— Тебя кто такому научил? — Тима смотрел на меня снизу вверх с нескрываемым сочувствием. — Мыслимо ли допустить, что мы победили врага только оружием да атакой? Глупость сказал твой редактор, а ты повторил. Ладно, скажу, как знаю, а ты после выбирай.

День был очень тёплый для апреля, как летний, даже солнце припекало. Мы сели в тени дворового навеса: старик — в плетёную качалку старой ещё работы, я — на чурку для подколки дров, какая есть в каждой деревенской ограде. Он очень любил говорить, его способности проповедника в жизни не пригодились, потому он использовал всякую возможность общения и разговора. В рассказе Тима заводился, разгорался, речь его становилась вдохновенной и красивой. Я давно уже заметил, что приятно слушать людей убеждённых, знающих за собой правду, им не надо придумывать фразы, довольно оформить мысль в слово. Впрочем, мы ещё вернёмся к ораторским способностям Тимы.

Он говорил о войне, как крестьяне говорят о посевной или жатве: была, мол, такая работа, и кровью истекали, и друзей хоронили, и выжить хотели, только не любой ценой. Время от времени рассказчик мой сбивался на нежелательную колею, например, о мотивах обращения Сталина к православию и как это помогло в военных делах. Предупредивший заранее Тиму о нежелательности такого уклона очерка, я настойчиво возвращал его к земным делам.

Мы проговорили до шести часов вечера, хозяин пригласил в дом, где бабушка Таня угостила нас чаем с малиновым вареньем, а потом смотрели фотографии и документы. Снимок самого героя было немного, всё больше внуки да правнуки, но фото красноармейца в будёновке я попросил для газеты.

— Не захарлишь? Отдашь в редакцию, а там кинут в мусор. А?

— Да нет, Тимофей Павлович, верну сразу. На том и сошлись.

Весь следующий день до полуночи я писал очерк, отключив телефон и не выходя на улицу. Рано утром уехал в Тюмень, в редакцию, снимок сканировали при мне, очерк понравился, тут же загнули в полосу. Вернулся поздно, спал до обеда. Когда вышел во двор, соседка, что в больнице работает, окликнула через забор:

— Ты знаешь, что дедушка твой в реанимации?

Его парализовало через четыре часа после моего отъезда.

В палату не пустили, но в открытую дверь я видел прикрытое простыней маленькое тельце и торчащую включенную бороду. Врач спокойно сказал, что шансов нет, всё-таки девяносто два.

Потом больного перевели в палату, дочь Рая всякий раз встречала меня в дверях и выводила в коридор: «Спит». Пасха в том году совпа-

Т.П.Кузин и Н.М.Ольков в уктузском храме. 1998.

ла с Первомаем, после службы в церкви я пришёл в больницу, и Рая открыла дверь: «Заходите». Тима сидел на кровати, обложенный подушками. Я встал перед ним на колени и взял обе руки. Рая спросила:

— Папа, ты узнал, кто пришёл?

— Николай.

А голос чужой.

— Узнал! — обрадовалась Рая. — Вот сыновья только что были — не сразу вспомнил.

Я молча глядел в его глаза и не убирал слёз. Это был мой Тима, но отстранённый; не чужой, но и не тот, с которым я двенадцать лет был ближе, чем с кем бы то ни было из людей. Неожиданно Тима высвободил правую руку и, делая какие-то жесты, заговорил несвязное. Я закрыл лицо ладонями и вышел.

Накануне похорон я вернулся из дальней поездки. Утром в день погребения уже был в церкви, где стоял гроб. Тима лежал аккуратный и спокойный, будто спал, рядом сидела на табуретке бабушка Таня. Больше никого в церкви не было. Странно, но впервые я не испытал знакомого с детства страха.

— Коленька, у него голова на бок свалилась, поправь.

Я поправил, пригладил волосы и бороду.

Под колокольный звон его церкви Тиму унесли на кладбище.

Освящение Сентябрь 1998 года

Все, кто собрались на освящение вновь построенной церкви в Бердюжье, после службы разошлись не сразу. Люди топпились у алтаря, заглядывая в приоткрытые двери, за которыми разоблачались священник, назначенный на приход, и иеромонах из епархии, присланный на малое освящение. Старухи разглядывали иконы, несколько из которых были храмовыми и, возможно, когда-то находились именно в нашей церкви, разрушенной до основания в тридцатые годы. Тима был очень возбуждён, пробегал своим семенящим шагом по свежоокрашенному полу, выходил на паперть, глядел на цер-

*Крестный ход на освящение церкви Рождества Богородицы.
Бердюжье. 21 сентября 1998.*

ковь со стороны. Потом подходил ко мне, говорил тихонько:

– Дай, я тебя поцелую, – щекотал своей бородой моё лицо, радовался и приговаривал: – Свершилось! А я тебе что говорил!?

Со мной творилось неладное. Места себе не мог найти. Первая служба проходила как во сне, сердце колотилось, я стоял в сторонке, у открытых южных дверей. Когда священник произнёс фразу: «За соиздателя храма сего Господу помолимся!» – толпа расступилась, я оказался в центре, священник продолжал возгласы, а люди смотрели на меня, некоторые кланялись. В глазах моих потемнело, и слёзы хлынули; не в силах удержать рыдания, я метнулся вон из храма и очнулся только в густых зарослях сирени. Что это было? Было счастье, какого никогда до того не испытывал, радость и была ещё гордость, что удалось. Хорошо помню накаты этого чувства, хотя был предупреждён Тимой беречься от подобных искусов, ибо это бесы совращают податливую душу. «Заломни, сынок, церкви строит Господь, но руками людей, кого Он избрал». Тима так и не ответил на вопрос, почему именно мне выпало это испытание, просто отмалчивался; а я не смел проявлять настойчивость.

Наконец, все разошлись, и последние лучи осеннего солнца, принятые окнами под куполом церкви, освещали её нутро таинственным светом. Монах с семинаристами на автобусе отправились в Уктуз, где у Тимы при церкви был домик для ночлега; Тима же предупредил заранее, что поедет со мной на машине. Когда мы остались одни, я понял, что Тима специально сделал так: он не всё сказал в проповеди, и есть, наверное, слова для меня. Я молча стоял перед аналоем, на котором лежала икона Рож-

дества Пресвятой Богородицы, – в честь этого праздника в 1843 году был освящён прежний большой каменный храм. Икону эту преподнёс мне Тима в день освящения места закладки первого камня и установки водружального креста. Преподнёс неожиданно, не предупредив. Возможно, он помнил моё желание ничем не выказывать своё участие в святом деле и хотел всё-таки показать меня народу. Икона была обернута полотенцем, Тима объявил, что передаёт её церковному старосте, я вышел перед народом, поклонился Тиме, принял дар и поцеловал икону. Никто не учил, само получилось. Тима потом сказал, что всё правильно.

Какая-то перемена случилась во мне, вдруг стало понятно, что церковь перестала быть только моей, – а именно мою она была все эти два года, – у неё появился настоятель, появились прихожане, она стала частью вселенской Церкви. Своего будущего места я ещё не знал, хотя понимающие люди советовали просить благословения на учёбу в семинарии и служить в своей церкви, но я не мог на это пойти, и причины были.

Тима подошёл, в который раз приложился к иконе, повернулся ко мне:

– Ты сам-то понимаешь, что ты сделал? Ты, Коленька, построил храм, не Бог весть какой, но служить можно. Мы с тобой престол ставили в алтаре, теперь церковь освящена, и входить в алтаре не дозволено, только священству и невинной деве для уборки по благословению. Я испросил соизволения Господа нашего и проведу тебя в алтарь, дабы ты приложился к освящённому престолу Бога нашего в твоей церкви.

– Она уже не моя.

– Потом...

Он отворил простенькую дверь, мы вошли в полутёмный алтарь. Престол был покрыт облачением, на нём лежало Распятие и Евангелие. Я трижды перекрестился и припал к престолу. Пахло свежей сосновой доской, этот запах перебивал все другие, наполнявшие пространство.

Два дня назад мы сколотили это нехитрое сооружение и установили, закрыв прямоугольное отверстие в полу, оставлявшее на виду камень, заложенный в день освящения места для строительства церкви 21 сентября 1996 года. Тима без усталости говорил о предназначении этого предмета, прежде чем дать мне строгануть или отпилить доску, напоминал о необходимости благословиться. Мы вязали престол долго. Наконец, Тима сказал, что получилось, как надо, и престол встал на отведённое для него место.

Наш иконостас был самым простым, какие доводилось мне видеть, не в пример иконостасу, выполненному северорусскими мастерами по заказу дорогого мне человека архимандрита Тихона для тюменского Свято-Троицкого монастыря, — там такое благородное дерево и такая кружевная резьба, что сам отец Тихон плачет, на него глядя. Мы свой иконостас сделали к освящению; сделали из простых брусков и тесинок, вставив в заранее намеченные гнезда отпечатанные в типографии иконы, наклеенные на картон и втиснутые в рамы.

Тут же стояли несколько подсвечников, сделанных Тимой и его земляком Юрой Варламовым, мастеровым и верующим человеком. Я увидел как-то на епархиальном складе в Тобольске очень красивые подсвечники, но цена их была столь велика, что брать не имело смысла: можно купить всю утварь, но не сумеешь уже достроить церковь. В простеньких этих подсвечниках догорали последние свечи.

— Теперь скажу тебе, — Тима торжественно поднял голову. — Скажу, что если не ты, то никто, и Господь это видит. Люди не запомнят, и власти не отблагодарят. Но готовься к испытаниям, ибо совершил ты великое, примерно сказать, и не всем оно по душе. Наши страдания ничто по сравнению с Его муками на кресте, потому терпи. И гордыню выкинь из головы, смутит. Всё, поехали, там ужин готов, а у нас гости.

Вернувшись домой уже затемно, я подъехал к церкви. В глубине сада она выглядела тихой и маленькой. Обошёл кругом, потрогал стены, уповил аромат каждения, исходивший из-за неплотной прикрытых дверей. Отойдя, на тёмном небе нашёл три силуэта крестов. Какое счастье видеть тобою сотворённый храм! В тогдешнем смятении я не понимал этого, осознание пришло много позже.

Тима в новом подряснике всю службу был около священства, сиял душой и лицом, праздновал. Он знал место, когда возможно было спросить у служащего иеромонаха благословения на слово. Поклонившись, Тима подошёл к центральному аналою, привычно крякнул и звонко воскликнул:

— Братья и сестры! Радостный день мы живём, и Пресвятая Дева Мария, Покровительница наша, радуется вместе со своими детьми, ибо все мы дети Бога нашего. Столько лет жили в сиротстве, и вот свершилось, по воле Госпо-

да и силами человека. Теперь есть у вас дом, приходите и говорите с Отцом своим небесным. Батюшку своего почитайте. Стар и млад знайте: волос с головы человека не упадёт без ведома Господа, потому любите Его, любите и упасайтесь.

Когда ехали вместе двадцать километров до Уктуза, забыл спросить его, что он имел в виду: спасайтесь или опасайтесь? Тима много говорил не совсем мне понятного, я не всегда переспрашивал, полагая, что непонимание идёт от церковной неграмотности, хотя оказывалось, что он часто ограничивался намёками и следовало подумать, как его понимать.

Ещё хотел вернуть его к разговору о возможных моих страданиях, что-то не то он говорит, церковь же построена, всё позади, не надо обивать пороги богатых фирм и людей, писать многочисленные бумаги районному и областному начальству, брать деньги в долг в банках и у знакомых под залог честного слова и собственного имущества, потому что церковь ещё ничего не имела. Вот тогда были и ночи бессонные, и глаза в пол, когда приходили мужики за расчётом за выполненные работы, а денег нет и неизвестно, когда они появятся...

На утреннюю службу в честь Рождества Пресвятой Богородицы собралось всё село, день выдался тёплый и солнечный, праздничные люди стояли вокруг церкви, ждали священников. Я отдал ключи Тиме и попросил его открыть замки. Перекрестившись, он отворил двери, женщины с букетами цветов из домашних палисадных остожно вошли в церковь, которая ещё дышала ароматами вчерашней службы. Мужчины чинно, словно на свадьбе, кучковались и не курили, тихонько переговариваясь. Цветы положили прямо на пол перед иконами, на подоконники, закрепили к косякам царских врат, к колоннам, держащим купол. В церкви сталолюдно и празднично. Солнце заливалось светом. Мы все были родные и близкие, малознакомых людей хотелось обнять и поздравить со счастьем быть здесь в эту минуту.

Отворились врата, и в сияющих одеждах священники вышли к пастве:

— Миром Господу помолимся!

Тима стоял рядом со мной, в том же подряснике, с разбежавшейся вокруг лица бородой. Он крестился и кланялся, когда следовало, и раздражённо поглядывал на старушку по ту сторону ковровой дорожки, застилавшей центральный проход. Она поминутно и суетно осеяла себя крестом. Я тихонько спросил, что его беспокоит.

— Да вон старуха сепетит и сепетит непристойно!

Я уже почти пришёл в себя, успокоился, исправно вслед за Тимой крестился и кланялся. Когда пошли крестным ходом, я отказался возглавлять процессию, дабы не нарушать своего обета. После крестного хода началась исповедь, выстроилась большая очередь. Мы с Тимой стояли в правом углу у иконы его любимого Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского. Вдруг — голос:

— Где он, покажите!

Мы обернулись. Женщина больших лет, с лицом старческим и благородным, опрятно оде-

Молебен на месте строительства храма в Бердюжье. Служит иерей Вадим Баранов, слева – диакон Павел Редозубов. 1997. Фотография С.Чекунова.

тая и в белом платке с голубыми незабудками подошла к нам ближе и встала на колени:

– Спасибо тебе, сынок, за церковь.

Я опустился рядом с ней, мы обнялись и плакали. Потом мне сказали, что плакал и народ вокруг нас.

Это была награда, самая высокая из возможных на земле. Другие оценки придут позже.

Косуля

Март 1998 года

По весне, когда сошёл снег и стало хорошо подогреть солнышко, работы на церкви продолжились. Несколько мальчишек конопатили стены, вбивая деревянной лопаточкой паклю в пазы между брусками. Двое мужиков штабелевали только что привезённый тёс. Я уложил трёхметровые доски в кузовок грузового «москвича», купленного для таких случаев, и поехал в село Истошино, к знакомому столяру Владимиру Петровичу, с которым договорился об изготовлении рам для окон. Ехать немного, двадцать километров. Был канун Пасхи, ярко сияло солнце, сухой асфальт заманивал скоростью. На полях с обеих сторон дороги ещё лежал снег, кюветы тоже заполнены снегом, а в низинках чистая ледяная вода выходила на поверхность. Потемневший лес приготовился к буйству, он не был мрачным, он дремал и ждал.

Поднявшись на пригорок, увидел вроде как телёнка, бегущего навстречу, притормозил. Это была косуля, самое красивое животное наших мест. Она остановилась. Мне тоже следовало бы тормознуть, но я продолжал тихонько ехать, надеясь, что косуля развернётся и добежит до следующего подъёма, где кюветы уже чисты, и спокойно уйдёт в лес. Нет, безнадежно ошиб-

ся: испуганное животное метнулось от одной канавы к другой и, не видя выхода, бросилось в сторону. Косуля успела сделать только два прыжка, но не достигла спасительной тверди и зависла в снежном месиве. Я подъехал и остановился. Она смотрела на меня большими испуганными глазами, пыталась выпростаться из ловушки, но сил не хватало.

Вытянув из кузовка несколько досок, я бросил их на снежное месиво; по первым прошёл и уложил две плахи прямо к косуле. Рядом с моей машиной остановился бензовоз. Водитель, дымя сигаретой, посоветовал:

– Кинь ты её, после зимовки она худая, как моя жизнь, кожа да кости, к тому же стельная, никакого толку. Брось, мой тебе совет.

Я пополз по плахам, косуля отворачивала мордочку, пыталась уклониться, но снег не пустил её. Ухватив за шею, потянул тонущую на себя; она поняла, напряглась и выскользнула на настил. По доскам дотянул обессиленную косулю до тверди, вытащил из кабины старый полушубок, расстелил в кузове, с трудом уложил спасённую и накрыл снятой курткой.

В мастерскую Петровича заскочил с криком, чтобы быстро все ребята шли за мной. Косулю занесли, положили к печке, я обтер её чистой тряпкой. Бедное животное дрожало от холода и страха, в её большие красивые глаза больно было смотреть – столько в них муки. Косуля, точно, была стельная, но худая и слабая. Принесли сена, поставили тёплой воды.

Целый день я пробыл в мастерской, наблюдая, как мои доски превращаются в бруски, из которых после обработки Петрович свяжет рамы по моим чертежам. И заглядывал за перегородку, где лежала косуля. К вечеру она поднялась на ноги и стала жевать сено.

Уезжая домой, попросил Петровича походить за животной, он кивал, посасывая папиросу, и говорил, что принесёт из дома осиновое поле-но и берёзовый веник:

— Эти твари, говорят, любят побаловаться, а ей на пользу. Не беспокойся, Максимыч, теперь уж не пропадёт.

В Пасхальное утро, поздравив домашних, поехал к Тиме в Уктуз, но чуть припоздал — служба уже шла. Есть такой чин, когда служба проводится без священника; у Тимы и чтец Юра Варламов нараспев и с выражением читал тексты, и женщины что-то пели нестройно. Сам Тима громко и поучительно читал старославянские письма, тут же толкуя загадочные смыслы.

— Рассказывай, как дела? — спросил Тима, когда люди разошлись, и мы остались одни на скамеечке под черемухой.

Доложил, что почти готова верхняя часть, она срублена на земле, малый квадрат переходит в восьмигранник, а далее куполок и крест, сейчас мужики разобрали сруб и ставят его на паклю, они называют это «фонарём». Тима не стал возражать. Пришлось рассказать и о рамах, и о поездке в Истошино, и о косуле.

— Ну-ка, ну-ка, и как ты её увидел?

— Как? Ехал, она навстречу бежит.

— И откуда она взялась?

— Из леса, конечно, кругом берёзовые колки.

— Так, и дальше.

— Бросил доски, вытащил, привёз в мастерскую, отогрели.

— И далась она тебе?

— А что ей оставалось? Не погибать же в ледяной воде.

Тима задумался о своём, я не мешал, оглядывая чистенькую его церковь и прикидывая не без гордости, что моя будет больше и лучше.

— Вот что хочу тебе сказать, Коленька. Непроста всё это! Посмотри, сколько значительных признаков: самый канун Пасхи, ты едешь по богоугодному делу, детали для церкви заказать, встречаешься с косулей, заметь, еще со времён Рима она считалась священным животным, и рядом с нашими святыми её нередко изображают. Она гибнет на твоих глазах, и ты её спасаешь.

— Тимофей Павлович, ничего не вижу в этом особенного.

Я так и не мог понять его рассуждений.

— Экой ты, право! — Тима никогда не сердился, только изредка, когда до меня что-то плохо доходило, недовольно хлопал себя по коленку.

— Экой ты невера! Неслучайно всё это было, а с целью тебя проверить, убедиться, что нет ошибки. Неужто не доходит? Ничего случайного в этом мире не бывает, всё с позволения Господа, ветер не дунет, травушка не шелохнёт. А тут столько всего! Молись, и я за тебя буду молиться, хотя и без того утро и вечер...

Каждый день звонил Петровичу, тот докладывал, сколько пар оконных рам связал, дело двигалось. Всякий раз спрашивал про косулю, Петрович радостно хихикал и говорил, что жива и здорова, ребятки со всей деревни подкармливают, вплоть до пряников. Я не предупредил Петровича, и он вынул из невольницы утром в

день моего приезда. Говорит, проводил аж за фермы и шумнул, чтоб опасался человека. Косуля убежала в ближайший лес, благо снег сошёл уже везде. Петрович почистил место у печки и сложил всё в корзину для стружек. Мне было тепло и грустно.

Крест

Сентябрь 1996 года

Напротив бывшего райкома партии, на пустыре, образовавшемся после разрушения каменного храма, школьниками и детьми блокадного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны был разбит сад. Его называют районным садом. Тима сказал, что новую церковь надо строить на прежнем месте. Вдоль и поперёк прокопал я по всей площадке канавы с целью найти фундамент, но встречал только мелкий щебень. Посторонний старик, долго наблюдавший за моими хлопотами и слышавший громкие наши с Тимой разговоры, вмешался:

— Ничего не найдёте, всё основание ломами разбили и вывезли на гать. Да пустое, в первую же весну весь щебень затянуло в трясину.

Надёжным ориентиром оказалась братская могила жертв кулацко-эсеровского мятежа 1921 года, как до недавнего времени называли крестьянское восстание против советской власти. Давно замечено, что могилы эти чаще всего устраивались прямо перед алтарной частью уже обезглавленных церквей, как предпоследняя издévка над верующими и утверждение своего постоянства. Действительно, щебёночные россыпи иссякали перед самой могилой.

Но нашим планам не суждено было сбыться. Епископ Димитрий, бегло просмотрев бумаги, остановился на фотографии.

— Чей это храм?

Я объяснил. По бороде епископа скатилась слеза:

— Господи! Как рука поднялась на такую красоту?!

Когда же узнал, что мы вознамерились поставить новую церковь на месте порушенной, резко возразил:

— Место это не тревожьте. Даст Бог, поднимется Россия, окрепнет духом народ и вернётся к этому храму на прежнем месте.

Площадку мы подготовили быстро. По правилам следовало освятить камень с каноническим текстом, что церковь заложена в таком-то году, благословлена таким-то архипастырем. Камень я нашел в отвалах заводика дорожных строителей, но выбить на нём что-либо оказалось совершенно невозможно. Саша Кислов только руками развёл: нет такого инструмента, но по моей просьбе выбил год: 1996.

Для освящения места строительства будущей церкви нужен крест, он именуется водружальным. В местной столярке мужики хохотнули:

— Да мы тебе его за полчаса сколотим!

Пришлось уточнить, что крест должен быть массивным, около трёх метров, из полубруса, изготовлен без единого гвоздя — так велел Тима. Мужики замешкались, пришлось добавить, что расчёт по работе, и только деньгами, — это их особенно огорчило.

Мне подказали, что у нас нет права без решения специальной комиссии начинать стро-

Молебен и закладка первого камня церкви в Бердюжье.
Служит иерей Сергей Глухарёв (с 1998 – настоятель прихода). 21 сентября 1996.

ительство, и не имеет значения, что место это изначально церковное. Члены комиссии, понимая серьёзность момента, были очень важны и не согласны; им хотелось бы убрать церковь из центра села: тут школа, районная администрация, милиция через дорогу. Хорошо, что я привёз Тиму: без него убеждения не получилось бы, да и весь этот совет мог закончиться скандалом, потому что я не умею доказывать очевидное. Тима умел, потому спокойно и убедительно говорил с чиновниками, и с ним соглашались. За документом мне советовали прийти завтра, но знание поговорки о горячем железе толкнуло на немедленный визит, бумагу выправили, и остаток дня я потратил на сбор подлисей и печатей.

Тима хорошо знал отца Сергея Глухарёва, настоятеля ишимской Никольской церкви, который был благословлён Владыкой на освящение места строительства нашей церкви. Он назначил молебен на полдень. Большой фанерный щит в центре села извещал об уникальном событии, и народа собралось много. Когда мы с отцом Сергием, матушкой Надеждой и дьяконом Павлом Редозубовым выезжали из Ишима, накрапывал дождь. Меня он испугал. Но на полдороге тучи разбежались, и солнце улыбнулось. Отец Сергей заметил, что это хорошее предзнаменование.

Машина остановилась перед входом в сад, женщины встретили священника хлебом-солью, а я побежал за крестом, который схоронен был до поры в укромном месте. Когда подошёл к кустарникам, отделявшим меня от собрания, остановился: нельзя мне рисоваться на людях, я дал себе слово заниматься строительством и быть в тени. Подбежал взволнованный Тима:

– Службу надо начинать, где же ты с крестом?

– Не могу я перед народом, Тимофей Павлович, вы же знаете!

– В таких случаях – давай мне.

Он не взвалил на плечо, он гордо, как хоруго, понёс огромный крест в руках, вышел на люди, тут подбежали из молодых, подхватили. Я никогда не забуду этого шествия: 83-летний старец с непокрытой головой и пущенной по ветру бородищей несёт впереди себя трёхметровый крест. Много позже я сказал об этом Тиме, он улыбнулся:

– Это такая радость, сынок...

Всё было дивом для наших людей: богатое одяние священника, церковное пение (хотя и всего лишь дуэтом), каждение ладаном и неожиданное обращение: «Братья и сестры!» Ещё в дороге я попросил отца Сергея не упоминать мою фамилию, на что он улыбнулся и сказал, что назовёт только имя, и этого достаточно, ибо все известны Богу по именам. Он благословил на созидание храма «раба Божия Николая со товарищи». Поставили в готовую лунку и окропили святой водой крест, священник благословил собравшихся и пожелал скорейшего исполнения их замысла. Люди понесли ко кресту букеты, и скоро он по самую нижнюю перекладину был завален цветами; их положили и на камень. Я всё время был рядом с Тимой, хотя он постоянно отлучался, чтобы помочь священнику.

В обратную дорогу вместе с гостями поехал и Тима. Он всё время говорил с отцом Сергием. Мне не всё было понятно, да и вслушиваться нельзя – дорога требует внимания. Зато, когда остались вдвоём, Тима долго молчал, что вообще на него не похоже.

– Ты могилы у Никольского храма видел? Конечно, мы же вместе поклонялись. Помнишь, лежат у алтаря созидатель храма сего, купец Черняковский, и священник отец Феодор, я его знал. Так вот, священник прослужил в церкви двадцать пять годов и там получил право быть там похороненным. Ты пойми, какая тебе доля

опущена, и соответствуй. Ты, поди, и на исповеди ни разичку не был? Надо исповедоваться, прежде чем приступать, это святость, не баню строить собрался.

На подъезде к райцентру можно было свернуть на Уктуз, но Тима попросил доехать, посмотреть, как там крест. Он по дороге несколько раз сомневался, не осквернят ли святыню, и даже предложил до весны крест убрать.

— Народ смутный, время тяжёлое, столь годов без Бога живут, детки совсем отбились, надругаться могут.

— Тимофей Павлович, напрасно вы так, крест всё-таки. А я каждое утро проверять буду, если что — немедленно уберу.

На том и сошлись.

У креста никого не было, много цветов даже на площадке, ещё огарки свечей. Тима снял шляпу, которую почему-то называл «голубятник», встал на колени и шёпотом произнес молитву. Я нелепо стоял рядом.

— За тебя молюсь, — отряхивая брюки, сказал он. — В таких случаях слово скоро доходит до Господа. А таперика вези меня домой.

И мы поехали.

Благословение

Апрель 1996 года

Тима был хорошо знаком с епископом Дмитрием. Когда владыка только приехал в Тобольск возглавить епархию, Тима собирался строить церковь в своём селе Уктузе, и по этим делам они встретились. Епископ запомнил необычного старичка и охотно его принимал, потому и я потом ездил в Тобольск только с Тимой, без него бы едва ли была мне удача.

Тима узнал, что владыка с семинаристами будет в Ишиме в Великий четверг Пасхальной недели, поделился со мной новостью и намекнул, что неплохо бы съездить на службу. Конечно, я согласился.

— Обожди минутку, надо нам поговорить. Вот повстретимся со владыкой, подобно тому, надо тебе благословение получить на строительство церкви в Бердюжье. Вот такое мое слово.

Новость окатила меня волной облегчения и волнительного подъёма. Давно уже я догадывался о тайных помыслах своего наставника, не просто же так он возился со мной все эти годы, часто приезжая в гости, ещё чаще приглашая к себе и каждый вечер созваниваясь по телефону. Его маленькая церковь оказалась первым новоделом по всей округе, но Тима считал, что храм должен быть прежде всего в районном центре, а возраст смущал братья за дело. Видимо, он искал такого человека. Душа моя в смятении: построить церковь — великое дело, но смогу ли, достанет ли сил, хватит ли терпения?

Мы расстались, но подведя черту под разговором, и утром я уже был у калитки Тимина домика. Только в ночных раздумьях поймал себя на том, что самого главного не сказал другу: а достоин ли? Ведь все свои пятьдесят прожил на земле бурно, дышал полной грудью, всё на людях, и что они скажут, узнав, кто собрался церковь строить?

Откровенно всё высказал Тиме, добавив, что готов заниматься строительством, но не могу я возглавить общину, а это необходимо, не могу

Т.П.Кузин передаёт Н.М.Олькову икону Рождества Богородицы.
21 сентября 1996.

вдруг объявить себя верующим. Да, я уважаю православие, восхищаюсь храмами и службами, но только как частью культуры русского народа, а не из веры.

К моему удивлению, Тиму не смутило моё объяснение:

— А вот так и скажешь епископу.

— Ну, и попрёт он меня.

В голосе моём уже было огорчение. Больше этой темы мы не касались.

В Никольской церкви было полно народа, ждали епископа, который посещал Покровскую церковь. Наконец, он появился, люди кинулись под благословение, владыка перекрестил всех, раздал подарки детям. Стали устраиваться на паперти для фотографирования, епископ увидел Тиму и поставил рядом с собой. Я стоял позади фотографа и видел, как счастлив мой друг. Тут же он успел что-то сказать владыке, тот кивнул и отправился в домик на церковной огаде. Его помощник минут через пять объявил, что приём начнётся в три часа, первым приглашён Тимофей Павлович из Уктуза.

Тима крепко взял меня за рукав:

— Пойдешь со мной.

Я уже не сопротивлялся.

Владыка обнял Тимофея Павловича, они троекратно соединились бородами и уселись в кресла. Меня как будто не было, тихоно, чтобы не мешать беседе, я присел на кромочку стула. Тима докладывал, что дела в церкви идут своим чередом, но нужен священник.

— Я же предлагал: давайте вас рукоположим.

— Стар я, Ваше Преосвященство, поздно уж.

— Тогда терпите, у меня в северных городах десятки тысяч людей без слова Божьего, не хватает священников. Вы же знаете, что не всякий способен нести этот крест.

— Не всякий, — согласился Тима. — Но, подобно тому, придется всё равно дать на район священника, вот и в Бердюжье собираются церковь строить.

— Многие пытаются, но вы-то знаете, скольких трудов это стоит. Да и нет там другого такого человека, как вы.

Икона Рождества Богородицы,
подаренная новому бердюжскому храму
Т.П.Кузиным.

– Подобно тому – есть.

Словно по Тимину сигналу я встал. Епископ впервые на меня посмотрел, Тима оживился:

– Сомнения у него есть, Ваше Преосвященство.

– В чём же?

– Веры истинной за собой не чувствует, да и откуда ей взяться, всю жизнь без Бога. А строить готов.

– Хорошо уже, что вы честно признаёте свои сомнения, а то ныне много как бы верующих появилось. Но нет препятствия, если хотите послужить людям – беритесь и делайте, ведь по плодам судят. И вы же не будете на каждом перекрёстке бить себя в грудь, что нет глубокой веры. Вера – как талант, от Бога; даст – спасибо, не даст – не обессудьте. Благословляю вас на это святое дело. Подойдите.

Я приблизился и, сложив ладони, принял руку епископа, наклонился, коснулся ее губами.

– Идите с миром! – напутствовал владыка Димитрий.

Вышли на крыльцо, густо пахло цветущей сиренью, золотой церковный крест словно расплавился на солнечном диске. Тима обнял за плечи, вынул платок и вытер моё лицо, мокрое от слёз. Я смутился.

– Хорошо, эта слеза сладкая, от души, радуйся, благодать на тебя сошла, и делу твоему быть.

Простое вроде событие, а жизнь мою перевернуло. И Тима с того дня стал ещё дороже. При прощании он сказал со слезой:

– Помогу, чем могу, ты не обессудь, работа вся твоя, моё только слово. И знай, что ты как сын мне, а духовно и того ближе.

Знакомство
1992 год

Жена моя Людмила была очень удивлена, увидев на пороге невысокого бородатого старичка. Он бодренько её поприветствовал, снявши шляпу и привычно поискав глазами икону.

Так Тима появился в моём доме. Тут всё странно: мы едва были знакомы, повода у него никакого, просьба тоже. Мы сидели за журнальным столиком в зале, он говорил и говорил – о новой власти, которая про народ забыла, о новых «купцах и боярах», которые «расцвели на час», о невере-народе, из которого религию и в самом деле «вырвали с корнями».

– Вот я тебе скажу, – он крикнул (в значительные моменты это была команда самому себе, чтоб сосредоточиться, тысячу раз потом буду наблюдать это). – Я пензенский родом, тогда лет восемь было, отец отправил вместе с соседским пареньком овец попасти на гумнах. Весна, корма кончились. Пасём, а из степи, там и дорог никогда не было, идёт человек, одет просто, но бос и без головного убора. Прошёл, посмотрел мне в глаза и молча скрылся за сараями. Меня испуг взял: откуда он, весной из-за оврагов по степи не пройти, да и взгляд пронзительный, я его до сих пор чувствую. Собрали овец – и домой. Отец ворчит, я вхожу в дом, а человек этот на меня с иконы смотрит: Николай Чудотворец, архиепископ Мирликийский, его ещё Угодником называют. Вскрикнул я, что это он на гумнах был, и сознание потерял. С тех пор и живу его благословением.

Мы встречались и до этого. В 1990 году я был в составе первого районного совета народных депутатов, избранного на альтернативной основе. На одной из сессий в конце заседания слово предоставили бородатому старичку, он доложил, что на завершение строительства церкви в Уктузе требуется столько-то тысяч рублей и просил новый совет помочь, тем более, что государство приложило руку к разрушению местного храма Казанской иконы Божией Матери. Я тоже слышал, что в Уктузе кто-то строит церковь, но относился к этому без интереса и, тем более, без участия. Позже я испытал подобное отношение на себе и пойму, как постыдно был неправ. Наш председатель, избегавший необдуманных решений, предложил просьбу поддержать и передать её в исполком совета. Тогда было такое двоевластие: и председатель совета, и председатель исполнительного комитета. Зная об их постоянном противостоянии, я не сомневался, что бумагу затрут, встал и внёс предложение не просто поддержать обращение, но своим решением сумму выделить и поручить исполкому в недельный срок перечислить её церкви. Никто возражать не стал, так и сделали. Не тогда ли заметил меня старец?

Года через два, проезжая мимо Уктуза, я подвернул к церкви. Маленькое деревянное сооружение, увенчанное тремя крестами, казалось таким уместным в старом саду, возможно, ещё первоцерковном. И трава, скошенная вокруг, аккуратно уметана в копёшку. И дверь, гостеприимно открытая, звала вовнутрь. Я осторожно вошёл и встретился лицом к лицу со

Церковь во имя Казанской иконы Божией Матери в селе Уктузе, построенная Т.П.Кузиным. 1998.

стариком, имени которого не запомнил. Он был в подряснике.

– Перво-наперво перекрестись, вот так, – он показал, как сложить пальцы и как совершить знамение. – Ты крещён?

Я знал от отца, что меня крестили в Ильинской церкви.

– Тогда пройди к аналою, приложись, вот так, – опять показал; я послушно выполнял, что велено. – Некрещёным дальше трапезной нельзя. И кто ты есть, откуда?

Кратко рассказал свою непутёвую жизнь.

– Хожу, прибираю, со святыми разговариваю. Церковь – это дом Бога на земле, святое место. Мне уж восемь десятков, пожил, покрестьянствовал и повоевал на своём веку, да Бог дал церковь построить, обет свой от юности исполнить. Теперь и помирать не страшно... Вот в эту книгу запиши себя и своих родных, буду молиться и поминать каждодневно.

Я записал. В большую металлическую банку с прорезью и запаянной крышкой втиснул все бывшие при мне деньги.

Старик глянул в запись и удивился:

– Ты посмотри, тоже Николай.

Мы с Тимой часто вспоминали эту встречу. Спустя десять лет, в 2003-м, отмечали девяностолетие со дня его рождения. Мне было известно, что к обеду прибудет делегация от губернатора с корреспондентами, потому приехал утром. Тима сиял.

– Давай помолимся. Возьми вон ту книгу и читай на закладке.

Читать сложно, да и хочется по-особому. Кое-как исполняя. Тима впереди стоит перед иконой «Господь Вседержитель», очень красивой и богатой, на юбилей ему владыка Ди-

митрий подарил. Вдруг именинник останавливает:

– Обожди, тут я сам должен сказать. Господи, благодарю тебя за жизнь и прошу тебя, Господи, если можно, дай мне ещё пожить на белом свете, а уж коли не можно, то забирай.

И такая была в этих словах искренность, такая вера и naïвность, что комок подступил к горлу.

Как-то я спросил, что нужно, чтобы прожить девяносто лет. Ни на мгновение не задумываясь, Тима ответил:

– Вера и пост.

Он соблюдал все посты, причём не делал из этого события. В Великий пост вообще перед Пасхой ничего не вкушал три дня. Только в последние годы испросил благословения священника кушать рыбу.

– Весь организм износился, – шутил Тима.

Тысячи людей встречал я в жизни своей, и только нескольких могу назвать настоящими оптимистами. Среди них первый – Тимофей Павлович. Я ни разу не видел его в унынии, и, грешен, пользовался этим, вхал к Тиме, когда было плохо. А через час возвращался уже другим человеком. Что-то говорят об ауре и прочих сложностях, – думаю, он был просто переполнен добротой, и она лечила мою хандру.

Понимание многого в нашей жизни приходит с годами. Тима не был загадочным человеком, но я только после его ухода нащупал смысл последних слов, сказанных им при расставании после первой встречи в его церкви:

– А ведь я давно тебя жду...

*Бердюжье, март 2008 г.
Фотографии из архива автора.*

Тимофей Кузин – о Боге и о войне

Мне доводилось встречаться несколько раз с Тимофеем Павловичем Кузиным, старостой храма в селе Уктузе Бердюжского района. И всякий раз мы подолгу разговаривали. Вот запись одного из рассказов, сделанная в тюменском Свято-Троицком монастыре в 2000 году. Тимофею Павловичу было тогда 87 лет. В эту встречу мы говорили с ним о силе молитвы на войне.

«Дело было давно. Служить мне много приходилось. Было мне предсказано начало войны, когда она будет. Это было в 1941 году, 10 июня. Я находился в военном училище в Харькове, в школе военных ветеринаров. Был человеком я крещёным; креститься, молиться было тогда нельзя, но я когда садился за стол, всегда про себя говорил: «Благослови, Господи, принять пищу», и также, когда покушаю, молился. Всегда думал о вере, о Христе. И вот такая вещь со мной произошла.

Кто-то меня вынес за город. Харьков – такой большой городина, а я оказался за городом. И вижу я себя – стою в военной форме, красноармеец-солдат. Смотрю на запад. А дело – ночь. Вернее сказать, вечер, сумерки. Солнца нету. И смотрю – солнце начинает всходить с запада, не закатывается там, а восходит. Я сразу удивляюсь: что такое, почему так? Не бывает так, чтоб солнце восходило с запада. Остановливалось солнце в истории (Ис. Нав. 10; 13). Но с запада не восходило. Смотрю, а оно всё больше и больше поднимается, я удивляюсь, наблюдаю за этим делом. Сначала была такая прохлада, в потом начинается жара. Солнце поднимается и поднимается всё выше, мне дышать нечем становится, тяжело мне становится. Яркое солнце покрывает мрак. Солнце дошло до одной трети своего движения и остановилось. Здесь сознание моё переключилось. И я вот так лежу и вижу звезды на высоте. Думаю – да кто я есть-то, если я вижу звезды? – у меня мысль такая: я, наверное, человек. Я всё-таки человек, хоть и у меня тогда всё было отнято. Потом понял я, что я есть человек – ну-ка я пошевелюсь. Стал шевелить ногами – ничего не чувствую, как нет тела. А потом чувствую, что через дыхательные органы поступает тепло, потом чувствую – пошло тепло по телу, бежит по всему телу. Стал я поворачиваться. И в мозги пришло – теперь я тот, кто был. Вот уж и руками, и ногами шевелить начал. И думаю: «Господи, что же это со мной было? Невероятному подобно! Эдак со мною никогда не было».

Стал я раздумывать, что бы это значило – солнце восходило с запада, удивлялся, как мне было тяжело дышать. Но куда обращаться, кого спросить? Товарищей много, но никто не может мне объяснить эту вещь. Я сложил руки на груди и говорю: «Ангел мой хранитель, подскажи, что значит видение моё? Что значит, что солнце взошло с запада?» На одно мгновение я снова отключился. Он и говорит: «Солнце есть огонь,

война с запада пойдёт на восток». И снова я в себя пришел: «О Господи, война!»

А у нас был стукач. Я до сих пор и фамилию его помню. Когда это произошло со мной, я встал и посмотрел на часы, время к подъёму – к шести часам. А у меня товарищ рядом со мной любимый был, в армии обязательно любимый товарищ должен быть. Я ему говорю: «Анатолий, вставай!» Он: «Что такое?» А я: «Видение мне было такое – война скоро будет!» Так и так, мол, всё рассказал.

И потом делаю подъём, веду курсантов на зарядку – тогда дисциплина была очень сильная. Солдат тогда не болтался. На зарядку сбегали, пошли на умывание и потом идём на завтрак. Позавтракали, и офицер моего взвода говорит: «Кузин, направляешься в распоряжение комиссара». Я всё сразу понял – тогда нельзя было говорить, что война скоро будет. Пришёл, докладываюсь комиссару. Он говорит:

– Садитесь, пейте чай.

– Нет, я не голодный. Мне не положено.

Он, как бы это сказать, испытывает меня, а я не сел.

– Так что ты говоришь, война будет?

Я вижу, что уже продан, что слова, которые я говорил, ему известны.

– Так точно.

– А на основании чего вы говорите об этом?

Я ему и рассказываю, что вот такое видение, вот как со мною было, что в таком состоянии я находился пять часов, что будет большая война с Западом, долгое терпение будет нужно от народа. Он тогда мне и говорит: «Садись на стул». И мне рассказывает – комиссар курсанту: «Нам разведка доложила, что Адольф Гитлер собрался поехать погадать к бабке-гадалке. Нарядился в шофёрскую одежду и приезжает к чародейке. Она его спрашивает:

– Что вы, молодой человек, ко мне приехали?

– А вот – погадать?

Она усадила его за стол и говорит:

– Вот ты шофёр?

– Да, я шофёр.

– Вот ты со своей машиной собрался в путь?

– Да, собрался.

– До цели твоей у тебя не хватит горячего доехать.

– А дальше?

– А дальше у тебя разлетится ось.

(Ось – это союз: Рим-Берлин-Токио.)

– Ну, а дальше что будет?

– А потом повернёшь назад и права отнимут».

И комиссар говорит: «Что я тебе рассказал, запомни. Война обязательно будет». И я запомнил. А через 10-12 дней – вот тебе и война! По училищу тогда слух прошёл, что курсант о войне говорит, а когда война случилась, стали говорить, что вот, правильно он сказал. Когда митинги начались, что защищать надо Россию, агитацию надо производить, то комиссар заставил написать меня текст, чтобы именно я вы-

ступил перед митингом. Я написал, что на протяжении нашей российской истории, сколько бы на нас враги ни нападали, русский народ всё же отбивался от всех. И привожу пример – Александр Невский победил врага с малой своей дружиной, или – Дмитрий Донской татаро-монгольское иго сломил, хоть не уничтожил, но сломил. Александр Васильевич Суворов побеждал, Михаил Илларионович Кутузов-Голенищев с помощью Божьей победил, победим и мы.

И вот, когда сделалась война, такая тяжесть сделалась для народа. И пока враг двигался вперёд, мы в Харькове вместо восьми стали заниматься по 16 часов, нужно было подготовиться в сжатые сроки. И нас оттуда эвакуировали в Каменку Белинского района Пензенской области. А противник жал уже к Москве. В декабре месяце было такое положение: у нас из училища сбежали два курсанта – это паника. А народ со стороны фронта идёт, из-под Москвы, – ужас как: на телегах, с сумками, с детьми, режут, голодные. И среди наших курсантов просто паника получается. Я себе думаю: «Господи, не должно быть, чтобы не было перелома на нашей стороне. Никак не может быть!» Несмотря на то, что было мне видение это, и комиссар мне сказал, что вот какое положение будет (противник-то к Москве пришёл, и войска наши ослабели, до крайности ослабели, их мало было) – я думаю: «Какое же будущее дело-то у нас?»

И я снова как бы умираю, и снова был вынесен подобно за город, в степь. Не знаю я это место, сроду там не бывал. Поставлен был в ночное время в этой степи. Стою – чувствую, где я оказался. Потом вдруг предо мной на небе оказалась политическая карта мира – все страны. Вот Москва, а под Москвой стоит гроб – упёрся почти в Москву. В гробу – флаг с немецким гербом-свастикой. Герб этот развевается и колеблется, ветерком его вроде помахивает. Потом вдруг у гроба, наблюдаю я с интересом, формируется огненный шар. Всё больше и больше этот шар – уже размером с футбольный мяч – и отошёл назад, упирается в Москву. Там только надпись Москвы – как на политической карте мира. И ударяет в гроб этот огненный шар. Шар разлетелся, гроб сдвинул, крышка треснула, и флаг потрясся, наклонился, но не совсем. Потом в ногах у гроба формируется новый огненный шар – уже раза в три больше, отходит он назад и ударяет в этот же гроб. Отодвинул дальше гроб от Москвы, флаг склонился в гроб, но ещё не совсем. Крышка у него развалилась совсем. Потом формируется третий огненный шар, всё вокруг от него сияет, блещит, отходит назад и с такой силой ударил, что выбросил гроб на территорию Германии, и флаг склонился в гроб.

Смотрю снова на небеса – я вроде человек, а потом снова жизнь входит в мой организм, значит я мёртвый. И такое же было стояние – пять часов. Обращаюсь я к ангелу-хранителю, что же это будет значить? И тут же в мгновение ответ: три удара будет и три с половиной года, и победа будет за нами. Всё мне было изложено. И этот же стук уже бежит к комиссару. А я уже к нему иду смело, он меня уже знал по занятиям, учился я хорошо. Он спра-

Красноармеец Тимофей Кузин. 1939.

шивает: «Ну что говоришь, победа будет за нами?» Я говорю: «Так точно», – и всё рассказал про гроб этот, он же нёс смерть народу российскому. А три удара так они и получились – удар под Москвой, второй – Орлово-Курская дуга, и Сталинград – третий. Всё же это только через молитву ко мне пришло.

Когда же мы вступили в бой подо Ржевом, нашу воинскую часть здорово потрепало, и нас отвезли на переформирование в 30 километров от Тулы. Там получили новые орудия. 14 дней отдохнули. В Москве наш эшелон остановился, на Красной Пресне, на кольцевой. Командование объявляет: кто московский – идите на столько-то часов домой на побывку, а во столько-то – отправление на фронт. А я не московский. Комендатура выдала всем табачку, сам я не курящий, и табачок этот не успел отдать товарищам – раз делов никаких здесь нету, думаю, пойду-ка, не найду ли где церковь. Ведь очень соскучился по церкви. Хоть бы зайти поглядеть! Не то что уж помолиться, а хотя бы поглядеть зайти. Ну, и пошёл по окраинам московским. Может, километра два прошёл – гляжу, площадь такая – полянка, население деревенского быта, вон и церквушка стоит. Я очень обрадовался этой церкви, подошел поближе. Церквушка небольшая. Два старика рубят сруб под колокольню. Поклонился я им: «Бог в помощь!» Они втыкают топоры свои: ну, давай, мол, поговорим. И начинают они шариться по карманам своим – табака у них нету. Я им подаю эту пачку – нате, вот вам. Они так обрадовались. Потом спрашиваю:

– Церковь-то у вас закрыта?

– Закрыта.

Тимофей Павлович Кузин – староста церкви в с. Уктузе. Конец 1990-х.

- Больно уж мне хочется в церковь зайти.
- А ключ у нас.
- Пожалуйста, откройте мне.

Они открыли, я как зашёл – ревом заливаюсь, платок сделался мокрым у меня от слез. Как я рад, с одной стороны, что я в церковь пришёл, а с другой стороны, такая трагедия над страной – сколько терпения нужно! У меня уж и из семьи никого почти не осталось – повывбиты оказались. Какие гонения переносил я до этого – ужас! Я наплакался, досыта наплакался в этой церкви. Старики удивляются, ну что ты уж больно плачешь. Я говорю: «Да как же, отцы, не плакать! Вот ведь какое дело-то, глядите, происходит-то как». – «Да, видим». Службы там не было никакой, в этой церкви. Я просто попросил их открыть, и наплакался там, поблагодарил их и ушёл к своему эшелону.

И стало мне так легко, до крайности легко. Время пришло – сигнал подают. Все в сборе. Сирена сработала, нас отправляют, а куда – не знаем. Едем на запад. Километров сто мы отъехали, налетел на нас самолёт немецкий, эшелон наш разорвал. Выбило у нас лошадей, технику. Постояли мы там, соединили состав, и поехали дальше. Прибываем мы на станцию Великие Луки – большая узловая станция. Время было – начало сентября, около полудня. И сразу наш эшелон подошёл к разгрузочной площадке. Стали мы выгружать лошадей, технику – быстро мы разгрузились. А рядом по правую сторону стоит шесть эшелонов: с горючим стоит эшелон, с боеприпасами, два в середине – с

народом, с солдатами, и с другого края – два эшелона с боеприпасами и два с горючим. С горючим были крайние, а в середине – народ. А ведь эшелон – 80 вагонов в каждом, и в каждом 40 человек солдат сидит. Я ещё думаю, что неладно так, опасно.

При разгрузке нашей не хватило у нас лошадей, чтобы тащить орудие. Командование распорядилось так, чтобы орудие поставили от станции подальше – метров триста, там небольшой лесок, и оружейный расчёт – двух человек оставить, чтобы они орудие караулили. Нам 50 километров идти до фронта: займём место, лошади освободятся, и за вами, мол, приедем. Мы отъехали километров тридцать по хорошему большаку и смотрим, что со стороны фронта идут три эскадрильи немецких – это 27 самолётов-бомбардировщиков. «Ястребки» лёгкие охраняют их. Я пересчитал – 42 самолёта идет всего. Это ведь они летят туда, на станцию! Мы остановились, кто по коветам разбежался. Но нет, они нам ничего не сделали, пролетели дальше до станции и скоро вернулись. Я гляжу – от станции облако дыма поднялось.

Мы доехали до огневой линии, заняли позицию. И вот меня в штаб вызывают, к командиру 571 артиллерийского полка. Он и говорит: «По занимаемой должности вот тебе ещё нагрузка – берите лошадей и езжайте за оставленным орудием, привезите его». Я-то ветеринар, это не моя обязанность, нужно командиру этого оружейного расчёта послать, а посылают меня. Я удивляюсь – это не моя обязанность, но я должен подчиниться и поехать. Прошло уже больше суток, как мы вышли из Великих Лук. Взяли мы шесть лошадей, поехали. Не доехали мы километра полтора, смотрим – нам навстречу никого, и следы – только как мы к фронту ехали – лошади опрарялись, и больше на дороге никого – ни пешех, ни конных, ни на машинах, хотя впереди большая узловая станция. Потом смотрим – на дороге глина, кусочки глины. Откуда же она здесь? Когда стали подъезжать к станции, там лес был большой – сосны огромные, глядь, а леса-то нету. Ни на станции, ни в посёлке не видать никого. Это я километра за полтора вижу, что ничего нету. Подъехали ближе – всё спорело, даже шпалы выгорели, рельсы вот так загнуты. Вагонов, которые здесь стояли, – нету. Расплавилось всё. Даже оплавилась чугунка – колёса. Только толстые оси у колёс не оплавилась. Огромная площадь стоит чёрная, выжжено всё. Вот я смотрю – здесь наша разгрузочная площадка была, по рельсам узнаю. А где орудие оставляли – ничего нет, всё чисто, ни лесочка, ничего, никого абсолютно нету. Пошёл туда, где стояли эшелоны с людьми, видно – вот кости, даже и не кости, а только белая зола. Прошел дальше – там уже из Москвы ремонтная бригада подошла. И вот как станция охватывала много – всё голо, только человек десять солдат работают. Поздоровался я с ними, они мне сказали, что от этой ото всей станции, ото всех эшелонов осталось 14 человек. Весь народ погиб.

Вот теперь поймите – зачем меня вызвали туда. Меня никто не вызывал в церковь, а вот тут послали – иди, посмотри, что получилось.

Для чего Господь мне послал такое увидеть? Ведь если бы мы промешкали 30–40 минут, то и нас накрыло бы. А мы успели уехать. Я вот в церкви был, плакал, не за счёт ли этих моих слёз мы уехали, сохранились-то. Ведь только мы с моим солдатом видели это, а из полка-то никто и не видал. Вот это мне было показано.

Молились солдаты во время войны, было такое, чтобы молились, но очень мало. В подразделении ветеринарном, в котором я служил, были и врачи, и фельдшера верующие. Был со мной врач Потоцкий Евгений Фёдорович, он помоложе меня был, Витебский ветеринарный

институт закончил. Очень верующий был. Васильев, врач был из Белоруссии, тот рядовым был, не стал даже ранг надевать, тоже верующий. Тот сам мне рассказывал, что из батальона он остался один. Бой закончился, он оказался заваленным землей от взрыва, выбрался он из-под земли и увидел, как Господь наш Иисус Христос ходит и благословляет убитых. Спасение было только через веру. И через верующих спасение было, люди кровью свои грехи омывали...»

Фотографии из архива Н.М.Олькова.

О. А. ОЖГИБЕСОВА

Спасительный крест Березовских

В Аромашевском районе села и деревни замечательные: Большой и Малый Кусеряк, Ново-Березовка, Кротово... Старожилы-кержаки мирно соседствуют с переселенцами из Польши, Украины и Белоруссии. Кого-то выслали в Сибирь ещё в середине XIX века, кто-то перебрался сюда в поисках лучшей жизни в годы столыпинской реформы. Фамилии – как на подбор: Вилюк, Абрамиук, Киричук, Филисюк, Баложук... Здесь до сих пор говорят: кто – мягко, певуче, растягивая и округляя гласные, кто – бойко и быстро, сбиваясь на непривычную и непонятную нам, коренным сибирякам и уральцам, смесь русского и украинского.

Здесь по улицам бродят свиньи – точно так же, как в исконно русских деревнях купаются в пыли посреди проезжей части куры. Здесь вместо привычных колодцев с цепями, намотанными на обрубок бревна, грустят над серыми колодезными срубками длинношеие печальные «журавли». Здесь настоящим, засоленным по старинным рецептам украинским салом закусывают прозрачную, вышибающую слезу горилку.

Василий Петрович Березовский, к дому которого привела нас журналистская тропа, хоть и родился в Сибири, в селе Кротово, но корни его – на далекой Полтавщине. Оттуда в стародавние 1850-е, ещё до отмены крепостного права, был выслан его дед, Николай Никифорович. Молодой Березовский, видно, характер имел норовистый и помещику, у которого был в услужении, не угодил. «За неповиновение» сослали его за тридевять земель. Ссылка оказалась бесспорной: в Кротово Николай Никифорович женился, да так и остался. Умер в начале 1930-х годов в возрасте 106 лет, пережив не только своего помещика, но и четырёх царей, три войны и две революции.

– Дед, – вспоминает Василий Петрович, – был здоровый, крепкий. В сто лет, это я хорошо помню, без очков нитку в иголку вдевал.

Мой собеседник ростом и статью в деда пошел – высокий, ладно сбитый, широкоплечий, с лихим по-мальчишески вихром седых волос – несмотря на свои 83 года. Здоровье, правда, подвело – XX век не слишком располагал к здоровому образу жизни. Жену Василий Петрович похоронил и век свой доживает в компании с

кошкой, которую уважительно называет Марией Ивановой.

Семья у Березовских большая – семь детей, шестнадцать внуков и уже десять правнуков. Вот только разъехались-разлетелись птенцы из родного гнезда. Радуют лишь редкими наездами, письмами да подарками. Не так давно старший внук – лётчик-истребитель, гордость Василия Петровича – прислал деду форму старшего лейтенанта: китель с погонами и синие брюки с голубыми лампасами. Подарок со смыслом: к 60-летию Победы фронтовику Березовскому, закончившему войну лейтенантом, приказом Верховного Главнокомандующего В.В.Путина присвоено звание старшего лейтенанта.

Домик у Василия Петровича небольшой: кухня с русской печкой, горница на три окна да комната, где когда-то жили дети, а сейчас хранится картошка – лето в 2006-м было дождливым, подземные воды затопили подпол. В горнице на стенах – фотографии в рамочках: дети, внуки, сам Василий Петрович с супругой... А в красном углу – икона. Необычная икона, такую редко встретишь не то что в деревенском доме, но и в храме. Украшенная искусственными цветами и вышитым рушником, она не могла не привлечь внимание. На иконе изображен усопший Иисус Христос: спокойное, благостное лицо, глаза закрыты, пробитые гвоздями руки сложены на груди. Икона выполнена в непривычно нежных пастельных тонах, манера письма – живописная. Работал над ней художник, а не деревенский иконописец-самоучка. Необычен и её размер: сантиметров 50 в ширину и около метра в высоту. Когда-то это была явно храмовая икона.

(Эта икона, называемая «Христос, обвитый плащаницей», выносилась на поклонение верующим раз в год, в пятницу Страстной седмицы, накануне Пасхи, в воспоминание погребения Христа перед Его воскресением. Её полагали на подставку в виде гроба в горизонтальном положении; вертикально она не ставилась. В остальное время года эта икона находилась обычно в алтаре. Стилистические особенности написания иконы позволяют предположить, что она изготовлена в мастерской С.П.Багишева в г. Ишиме. – *Прим. ред.*)

Единственная довоенная фотография.
Василий Березовский сидит справа.

Конечно, вопрос о том, как попала она в дом к колхозному бухгалтеру Василию Петровичу Березовскому, не мог не прозвучать. История оказалась весьма драматичной.

Когда-то в селе Кротово была церковь. Первую, деревянную, построили ещё в 1826 году. Освятили во имя Архистратига Божия Михаила. Когда село стало разрастаться и богатеть, собрали всем миром денег, поставили в 1910-х годах новую, каменную. Церковь была уникальна и по красоте, и по архитектуре: округлое здание, к которому пристроена высокая колокольня. А колокол (ударение Василий Петрович делал на последнем слоге) был такой, что когда в него звонили, слышно было в соседних деревнях.

Церковь много раз пытались закрыть, но не получалось. Службы, несмотря на революцию, мятеж и коллективизацию, шли, пока жив был священник.

— Отец Сергей старенький совсем был. Матушка у него умерла, а сыновья уехали невестку куда. Даже отец не знал, где они и что с ними. Из дома батюшку выселили, он жил в сторожке при церкви.

О том, как умер старый священник, в деревне до сих пор ходят легенды. Василий Петрович уверен, что отца Сергея отравили.

— За рекой жил ветеринар по фамилии Зарубин. В выходной день после службы пришёл он к батюшке, принес бутылочку: «Выпей, а то один живёшь, скучно, а так веселей будет». И подсыпал ему в вино отраву замедленного действия.

Икона, спасённая от уничтожения.

Василий Петрович эту историю знает со слов отца. Тот был человеком глубоко верующим, батюшке при церкви помогал. Он и обнаружил его мёртвым. Отравы ли была причиной смерти или просто старость — кто сейчас может сказать. Но имя ветеринара Зарубина, словно современного Герострата, старожилы-кротовцы помнят.

Сравнение с античным разрушителем храма — не для красного словца. После смерти отца Сергея церковь в Кротово закрыли и, как вспоминает Василий Петрович, «сразу начали грабить».

— Подогнали повозки, стали выносить иконы, книги церковные. Напротив нынешнего клуба было здание сельсовета, а при нём большой сарай. В него всё и свалили. А сторожем поставили моего отца. Сказали: никому иконы не давай. Холодно станет — принесёшь топор, будешь рубить и печи топить. Отец промолчал, ничего не ответил. Время было такое...

1936-й год. Много говорить было опасно. Но какова задумка: иконами топить сельсовет!

Поздно ночью Пётр Николаевич разбудил 13-летнего сына.

— Вставай, Вася, пойдём, поможешь мне.

Пётр Березовский был простым, неграмотным крестьянином, который чурался политики, не служил ни белым, ни красным, ни Колчаку, ни Советам, но он понимал, что святыни нельзя отдавать на поругание. Конечно, спасти все иконы было нельзя — и без того он рисковал не только своей головой, но и жизнью подростка-сына. И всё же сделал то, что требовал от него христианский долг.

– Я выбрал самые главные иконы, – сказал он Василию, – надо их спасать. Но смотри, Вася, молчи. Если узнают, нам с тобой не будет жизни.

Сколько всего было икон, Василий Петрович не помнит. Много. Вдвоём с отцом они ходили в сарай дважды. Всё, что принесли, спрятали на сеновале. Но обречённых на погибель осталось больше.

Как дожил до утра Пётр Николаевич Березовский, скольких седых волос стоил ему этот поступок – нам узнать уже не суждено. Можно только представить, как заходилось в смертельном страхе его сердце, когда поутру в сарай пришли комсомольцы. Они решили не ждать наступления холодов...

Пересчитывать иконы, на счастье сторожа, не стали. Пропажу никто не заметил. Всё, что было в сарае, весело, с шутками порубили, чтобы сжечь потом в печи. Лежит у Василия Петровича ещё и обрубок от крестовой иконы – подобрал, когда в окружении рыдающих сельчан комсомольцы вершили свой суд – не над Богом, над людскими душами.

А спасённые иконы лежали в сене у Березовских.

– В 41-м году я ушёл добровольцем на фронт – мне ещё восемнадцати не было. Ходил всю войну по окопам, по развалинам... В 46-м пришёл домой...

Вернулся лейтенант Василий Березовский в родное Кротово трижды раненым, принёс с войны осколки, навечно вгрызшиеся в тело. И только тогда дождавшийся сына отец достал с сеновала иконы. Сказал: теперь можно!

А в 1947 году Василий женился. «Мне нечем тебя благословить, – сказал ему отец, – только этой иконой. Не продавай и не отдавай её никому – цены у неё нет!»

В том же году молодые купили домих, в котором и теперь живёт Василий Петрович. В красном углу повесили икону из разрушенной кротовской церкви. Она висит там уже шесть десятков лет.

– Приходили ко мне, – усмехается Березовский, – деньги предлагали. Но я от веры своей не откажусь.

И тут из кармана пиджака Василий Петрович извлёк нечто, тщательно замотанное в белую тряпицу. Развернул. На тряпице лежал небольшой бронзовый крест с распятием. Он тоже был спасён из разграбленной кротовской церк-

Василий Березовский и его крест.

ви. всю войну Василий Петрович носил его в кармане гимнастёрки – вот так, завернутым в тряпицу, чтобы не выскользнул, не потерялся. И ведь не потерялся. Трижды Березовский попадал в госпитали, но даже там ни у кого не поднялась рука отнять у молодого лейтенантика его святыню. Этот крест спас ему жизнь, в прямом смысле этого слова. На оборотной стороне, там, где старославянской вязью написано «Спаси и сохрани», явственно проступает неглубокая вмятина. Это след от осколка – маленького кусочка железа с рваными краями, который неминуемо должен был разорвать в ключья сердце солдата.

«Спаси и сохрани»... Спас и сохранил. Не оттого ли такое умиротворение на лице Христа, изображённого на иконе, которую семьдесят лет назад спасли от гибели отец и сын Березовские?

Фотографии автора.

Музей провинциальный

Н. В. КУТЫРЁВА

Музей Ершова на родине Ершова

«Любой угол земли может подарить миру способного человека», — заметил Василий Песков, путешествуя по средней полосе России. Есть такое место и у нас в Пришимье. Это село Ершово, малая родина нашего писателя-земляка. Велико осознание этого землячества у горожан. Представляете, каково же сельчанам! По одной земле с Петром Ершовым ходили деды и прадеды нынешних жителей. Осознание сопричастности к этому великому имени сподвигло интеллигенцию села, педагогов создать в местной школе музей писателя. Решение не было спонтанным. Огромная подготовительная работа всего педколлектива предшествовала этому событию.

Ершовская школа ныне имеет два свидетельства о присвоении звания «Школьный музей». Первое — от 3 января 1979 года: «За большую поисково-исследовательскую, общественно полезную работу, создание интересной экспозиции и успехи в коммунистическом воспитании учащихся». В документе от 27 апреля 2001 года обоснование звучит несколько иначе. Слово «экспозиция» заменено на «композицию», прилагательное «коммунистическое» опущено.

Действительно, по свидетельству С.И.Шастуновой, директора Ершовской восьмилетней школы в период с 1966 по 1984 год и активного инициатора появления музея, он открывался дважды. Причём даты получения свидетельства не совпадают с хронологией открытий.

Первый музей располагался в деревянном одноэтажном здании школы. Занимал небольшую комнату в семь квадратных метров. По представленному материалу назывался литературно-краеведческим. Экспозиция, посвящённая П.П.Ершову, переместилась в него из двух классных уголков. Увлекли ребят сбором материалов о писателе классные руководители, учителя русского языка и литературы Софья Ивановна Шастунова и Лилия Сергеевна Филимонова. О причине необычайного всплеска интереса к памяти писателя-земляка чётко сказано в докладе Шастуновой «Создание и работа школьного литературного музея и его влияние на развитие творческих способностей учащихся», прочитанном перед заведующими РОНО Тюменской области и перед директорами школ Абатского района в 1969 году:

«В связи с подготовкой к празднованию 150-летнего юбилея со дня рождения П.П.Ершова Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 июля 1960 г. наше село было переименовано из д. Безруково в с. Ершово. С тех пор учащиеся нашей школы решили заняться сбором материалов о своём земляке П.П.Ершове.

Были посланы запросы в города Тобольск, где он жил и работал последние годы, где сохранилась его могила, и в Петропавловск, где он жил некоторое время. Из музеев был получен материал, рассказывающий о жизни и деятельности писателя в этих городах. Но этого оказалось мало. Тогда ребята на средства, заработанные ими во время весенних и осенних полевых работ в совхозе, совершили поездку в город Тобольск, чтобы ближе познакомиться с материалами о жизни и деятельности своего земляка. В историческом музее Тобольска школьники сфотографировали личные вещи Петра Павловича, дом, в котором он жил последнее время, его могилу».

Закипела работа. К юбилею писателя было сделано много творческих работ, как силами учащихся, так и всего педколлектива под руководством директора, заслуженного учителя РСФСР Анны Ильиничны Касьяновой. Малыши начальных классов вместе со своими наставниками (Л.П.Бояркиной, О.В.Трофимовой, Н.Ф.Касьяновой, Н.Е.Кастогрых) старались запечатлеть сказочных героев в рисунках и поделках из пластилина. Ребята среднего звена делали великолепные иллюстрации к «Коньку-Горбунку» на уроках рисования и изобразительного искусства у А.А.Шастунова. Активно собирали материал по истории родного села. Под руководством Н.Я. Касьянова на уроках труда изготовили макет села. С географом Г.М.Блюдиной отметили на карте РСФСР места пребывания П.П.Ершова. Тогда же языковеды начали оформлять альбом с лучшими творческими работами учащихся школы.

Таким образом, к юбилею писателя набралась солидная методическая копилка. Она и составила основной фонд музея. Следует также отметить интересные материалы, коими к 1965 году уже располагала школа: сборник «Сочинения П.П.Ершова», изданный в 1950 году в Омске со вступительной статьёй В.Г.Уткова, портрет сказочника (копия с работы М.С.Знаменского, выполненная А.А.Шастуновым), юбилейный выпуск газеты «Тобольская правда» 1957 года, фотографии памятных мест Тобольска, связанных с именем П.П.Ершова.

Предъюбилейный период включал встречи с ишимскими писателями Г.Первышиным и М.Зуйковым. Учителя С.И.Шастунова и Л.С.Филимонова готовили инсценировки сказки «Конёк-Горбунок» с разными группами учащихся. Постановка Софьи Ивановны на районном смотре художественной самодеятельности заняла первое место. А Лилия Сергеевна и её ребята по-

Старое здание школы в селе Безруковее (Ершовое). 1964. Фотография А.А.Шастунова. Архив С.И.Шастуновой.

Инсценировка сказки «Конёк-Горбунок», посвящённая 150-летию П.П.Ершова, постановка Л.С.Филимоновой. На заднем плане: Зина Белозёрских, ведущая программы вечера. В центре: Иванушка до погружения в котёл – Олег Завьялов, Иванушка после купания в котле (на переднем плане) – Толя Денисов, Конёк-Горбунок – Галья Дурманова, Царь-девица – Наташа Каньева, Царь – Валя Шестернина. Март 1965. Фотография из архива Л.С.Филимоновой. ЛМЕ.

радовали селян и гостей юбилейных торжеств премьерой в сельском клубе.

Праздник состоялся 28 февраля 1965 года. Доклад о жизни и творчестве писателя-юбиляра готовила Зинаида Белозёрских. Но миссию докладчика взял на себя почётный гость, писатель Иван Ермаков. Свою книгу современных сибирских сказок «Атаманово подаренье» (1964 года) он преподнёс в дар школе с надписью: «Ребятам деревни Ершово в память юбилея П.П.Ершова». Из его рук школьники получили два портрета Ершова. Учащиеся читали стихи своего именитого земляка, показывали заготовленную инсценировку. Грандиозный праздник памятен всем его участникам и по сей день.

В июне 1966 года С.И.Шастунова стала директором школы и заведующей музеем. Накопленный материал распределили по разделам: «Наши писатели-земляки», «Декабристы в Сибири», «Ершово в наши дни». Центральную часть экспозиции заняли материалы фонда «Жизнь и деятельность П.П.Ершова». Была упорядочена документация музея. Сделана опись имеющегося материала, заведены две книги (отзывов и регистрации посетителей). В совет музея вошли: Зина Ахнина, Саша Красовских, Рая Югова, Зина Белозёрских, Рая Анциферова, Коля Ипполитов, Борис Бахтин, Рая Волкова, Рая Воронина, Юра Дюков. Работу в музее возглавили педагоги-экскурсоводы: по литературному отделу – С.И.Шастунова и Л.С.Филимонова, по разделу «Ершово в прошлом и настоящем» – Г.М.Блюдина. Составленный советом план обсудили и утвердили на педсовете.

Именно этот документ положил начало многим добрым традициям Ершовской школы. Ребята начали активно изучать жизнь и творчество своего земляка. Самым увлечённым доверяли ведение экскурсий в музее. С последней недели января по первую неделю марта ежегодным стал праздник, именуемый «Ершовские чтения». С тех пор альманах «Наследники Ершова» активно пополняется лучшими творческими работами учащихся. В нём прочла недавно очень красивое стихотворение бывшей семиклассницы Татьяны Шевчук:

*Стоит, околдована зимнею стужей,
Деревня моя, дышат трубы домов.
Она небольшая, почти неизвестная,
Но близкая сердцу метелью снегов.
Она дорога тем, что в маленьком домике
Родился мальчонка Петя Ершов,
Но это, наверное, знают немногие,
Но сказку все знают «Конёк-Горбунок»...*

Развитию детского литературного творчества учителя уделяли серьёзное внимание. Не случайно на первом районном слёте юных поэтов и прозаиков альманах ершовцев был признан лучшим среди пятнадцати альманахов школ Ишимского района.

Перечень славных дел энтузиастов школьного музея продолжился:

1967 – первые Ершовские чтения и первый праздник юнжки в школе.

1967, 25-30 марта – участие С.И.Шастуновой в первой конференции организаторов музеев школ и внешкольных учреждений РСФСР, проведённой в Москве Центральной детской экскурсионно-туристской станцией Министерства просвещения РСФСР. Музей Ершовской школы награждён почетной грамотой ЦДЭТС.

1968 – при содействии заведующей Ишимским РОНО Анастасии Михайловны Валдаевой школа получила скульптурную композицию «Иванушка и его друг Конёк-Горбунок» (скульптор Любовь Васильевна Кремнёва). Кирпичный постамент для композиции сделал А.А.Шастунов. В ноябре скульптурная композиция была установлена в школьном саду.

1971, апрель – знакомство С.И.Шастуновой с Ларисой Георгиевной Беспаловой, кандидатом филологических наук, литературоведом, автором книг по краеведению «Тюменский край и писатели XIX века», «И дум высокое стремленье», «Сибирский просветитель» и других.

На переписке и проблемах, вызывающих обоюдный интерес, стоит остановиться подробнее. Сохранилось три письма Л.Г.Беспаловой к ершовцам. Что в них? Главновое – боль за судьбу церкви Петра Столпника, находившейся рядом с сельской школой и разрушенной в 1969 году.

Скульптурная группа «Иванушка с Коньком», установленная у Ершовской школы в 1968 году. Скульптор Л.В.Кремнёва. Конек 1960-х. Фотография А.А.Шастунова. Архив С.И.Шастуновой.

Первое письмо – от 22 января 1988 года:

Дорогая Софья Ивановна!

Шлю Вам свой сердечный привет и наилучшие пожелания! Давным-давно с Вами не встречались. По-моему, не виделись с краеведческого семинара в Тобольске в апреле 1971 года, где Вы интересно рассказали о роли краеведческого музея в воспитании патриотических чувств учащихся.

Муж, бываю у Вас в прошлом году, рассказал, что Вы продолжаете олевать школьный музей.

Я продолжаю заниматься литературным краеведением (в меру сил, понемногу).

Время наступает, видимо, более интересное для человека, М.С.Горбачев призывает к обновлению и улучшению нашей жизни!

Я бы очень просила Вас сообщить мне, проводится ли в селе какая-нибудь работа в связи с Ершовым? Ведь всё это держится на энтузиастах, а Вы, как сказал муж, ушли с работы.

Затем меня очень интересует, когда снесена церковь, что стояла в селе? По чьей инициативе? Из-за чего? Что в ней было после того, как её закрыли? В 1965 году, когда отмечалось 150-летие Ершова, она ещё стояла. Кто её снёс? и т.д. Ведь на её постройку давал деньги и сам Ершов, и выстроена она была на том месте, где стоял дом, в котором родился Ершов. Строили её крестьяне села Безрукова, а план выхлопотал Ершов.

Может быть, Вам расскажут старожилы села об этом сносе. Чем подробнее напишете, тем лучше, буду очень благодарна!

Надеюсь, не очень затрудняю Вас своей просьбой?

И что сейчас на месте церкви?

По словам мужа – ничего.

Я обо всём рассказала в нашей организации писателей, может быть, они поставят вопрос о сооружении какого-нибудь небольшого мемориала в Вашем селе на этом месте.

В общем, буду ждать письмо от Вас.

Еще раз желаю Вам всего наилучшего!

Л. Беспалова.

Учащиеся школы проводят экскурсию в музей. Конек 1960-х – начало 1970-х. Фотография А.А.Шастунова. Архив С.И.Шастуновой.

В письме от 9 марта 1988 года Лариса Георгиевна возвращается к начатому разговору:

Софья Ивановна! О том, что церковь в с. Безруково строилась на том месте, где когда-то стоял дом, в котором родился Ершов, я прочла в материалах, хранящихся в Москве, в архиве литература и искусства (ЦГАЛИ). В 1919-1920 гг. собирал материалы об Ершове и хотел написать о нём работу преподаватель Тобольской гимназии А.Мокроусов. В материалах Мокроусова и говорится о последнем периоде жизни Ершова: «Содействует постройке церкви в Безруковой на том месте, где стоял дом его отца».

Возможно, за полтора столетия, протекших с тех пор, село несколько изменилось. А, может быть, дом отца как человека, который представлял полицейскую власть, был частным комиссаром, стоял не в ряду крестьянских домов, а в особняке.

Обязательно напишите мне о школьном музее, буду ждать!

С приветом – Л.Беспалова.

5 марта 1989 года – новое письмо. Оно изобилует размышлениями, пирическими отступлениями:

Дорогая Софья Ивановна!

Вы, наверно, думаете, что я всё забросила и о Вас забыла. Нет, продолжаю работать, хочется закончить рукопись, занимаюсь её доработкой.

Как Ваше здоровье, чем занимаетесь? Вы мне обещали год тому назад написать о музее Ершова, о наиболее интересных экспонатах, о том, какая работа ведется в связи с Ершовым. Очень прошу Вас написать об этом, буду ждать (хотя бы кратко).

Сейчас в Ершово-Безруково ездят, видимо, довольно часто наши писатели. Были С.Шумский, Н.Денисов, А.Васильев. Не помню, писа-

Софья Ивановна Шастунова ведёт урок в музее. Конец 1960-х – начало 1970-х. Фотография А.А.Шастунова. Архив С.И.Шастуновой.

ла ли я Вам о том, что прошлой весной я на заседании у писателей наших рассказала обо всём том, о чем Вы мне написали: о скульпторе Лахно, о том, как не состоялся памятник Ершову и т.д. (По свидетельству С.И. Шастуновой, в 1983 году в Ишиме работал московский скульптор Александр Лахно. Дирекция ОПХ одобрила его проект эскиза памятника П.П.Ершову. Нужные средства на его сооружение, к сожалению, не были выделены. – Н.К.)

Сейчас, по-моему, многое может зависеть от Васильева, так как он – председатель областного отдела Фонда культуры. Ему-то как раз и надо обо всём этом хлопотать, тем более, что он жил в Безруково, как он пишет сегодня в «Тюменской правде». Хотя бы дело стронулось с места! Как у нас запущено всё то, что относится к культуре, просто страшно! Из ответственных секретарей областного отделения союза писателей нынешней Сергей Борисович Шумский производит наилучшее впечатление, человек общественно-деятельный.

Жизнь несётся, Софья Ивановна, мчится, как паровоз (теперь уж под уклон, конечно)! Помните, в бытине:

«А и день за днём будто дождь дождит,
А неделя за неделей, как река бежит,
А уж год за годом, как порог, шумит.
Хорошо сказано в старинной бытине, правда?
Хотелось бы знать, куда впадает речка Кая-расулька.

Буду ждать Вашего письма.

Всего Вам хорошего!

С большим приветом – Л.Беспалова.

Вернёмся к хронологии развития школьного музея:

1972 – поездка С.И.Шастуновой в Тюмень на областное совещание по краеведению, организованное Советом Педагогического общества Тюменской области и выступление по Тюменскому радио.

1974 – обращение А.М.Валдаевой и администрации Ершовской школы в Тобольский крае-

ведческий музей с просьбой помочь наглядным материалом о жизни и творчестве Ершова.

1975, февраль – к 160-летию Ершова музей получил дары из Тобольска.

О торжественном дне их получения вспоминает С.И.Шастунова: «Под руководством главного хранителя фондов Веры Ивановны Трофимовой был привезён материал для музея. Какая была радость и для педколлектива, и для учащихся! Стояли морозные февральские дни. В школе шли Ершовские чтения. Вера Ивановна руководила всем оформлением музея. Настенные стенды, красочно оформленные тобольским художником Константином Терентьевичем Песковым, раскрывали весь жизненный путь и литературную деятельность автора знаменитой сказки «Конек-Горбунок» П.П.Ершова. Был привезён и гипсовый бюст писателя в исполнении Николая Васильевича Располова. Здесь же – копия с картины тобольского художника Чукомина. Видное место заняло панно (резьба по дереву), запечатлевшее моменты сказки. Музей приобрёл новый вид. Целая стена была занята материалом о Ершове. С этого момента литературно-краеведческий музей стал Ершовским».

Но радость селян была недолгой. 15 декабря 1975 года вспыхнула деревянная школа. Стойкость и мужество проявили педагоги Александр Алексеевич Шастунов и Александр Викторович Блюдин. Им удалось спасти дары тоболяков. Всё остальное сгорело. Пока шло строительство нового здания, проведение Ершовских чтений не прекращали и материал для будущего музея активно собирали.

6 октября 1978 года состоялось торжественное открытие новой школы в селе Ершове. Ребята перешли в современное кирпичное здание, возведённое строительной организацией «Межколхозстрой» (начальник Г.Я.Федорев).

6 марта 1981 года в школе открыли новый Ершовский музей. На торжественном празднике побывал кандидат сельскохозяйственных наук Витольд Игнатьевич Шадурский. Вот его заметка «Памяти П.П.Ершова», опубликованная 17 марта 1981 года в газете «Ишимская прав-

Первое свидетельство о присвоении звания «Школьный музей». 1979.

Второе свидетельство о присвоении звания «Школьный музей». 2001.

да»: «В восьмилетней школе села Ершово открылся мемориально-литературный музей памяти П.П.Ершова, автора знаменитого «Конька-Горбунка». На открытие музея собрались учителя, ученики школы. Были приглашены гости из соседних школ района. Организатор музея – директор ершовской школы С.И.Шастунова кратко рассказала биографию своего земляка. Впечатлениями о писателе поделился директор Карасульской средней школы А.В.Модестов. В дар музею он преподнес книгу о Ершове, а преподаватель этой школы Б.К.Орлов заснял кинофильм, который будет подарком музею. Затем состоялось знакомство с экспонатами музея. Во всю стену красочно оформлено панно по мотивам сказки «Конёк-Горбунок», на других стенах разместились стенды. Посреди зала установлен бюст знаменитого земляка».

Ветеран труда, отличник просвещения СССР и народного образования РСФСР С.И.Шастунова с удовольствием рассказывает о знаменательном дне и экспонатах, занявших достойное место в музее. Это были: издания сказки 1977 года, выпущенные Средне-Уральским книжным издательством и издательством «Детская литература», труд В.Г.Уткова «Дороги «Конька-Горбунка», музыкально-литературная композиция Р.Щедрина, наборы открыток (в том числе и на украинском языке – «Горбо-Коник»), многочисленные значки с изображением автора и героев сказки... Избрали новый совет музея. В него вошли: Галя Турнова, Витя Бисенов, Юра Филимонов, Лиля Казеко, Света Шепелёва, Люба Немченко, Нина Неяскина.

Шадурский дал ученикам почтовый адрес исследователя жизни и литературного наследия Ершова Виктора Григорьевича Уткова. Активности совета музея установили переписку с этим

интереснейшим человеком. Школьники рассказывали о своих буднях. Автор выслал свои книги («Дороги «Конька-Горбунка», «Гражданин Тобольска», «Рождённый в недрах непогоды»), предназначенное для детей Кубы издание сказки на испанском языке, множество фотографий с обложек и титульных листов разных изданий «Конька-Горбунка» и обёрток кондитерских изделий с рисунками по сказке. Со временем одну из семи витрин-стоек, изготовленных А.А.Шастуновым и членом родительского комитета А.И.Турновым, занял раздел «Материалы, присланные В.Г.Утковым».

Сохранились пять писем литературоведа. (Их текст отпечатан на машинке.) Все они проникнуты трепетной любовью и вниманием к землякам П.П.Ершова.

23 мая 1981 года
г. Москва

Дорогие юные друзья!

Меня очень обрадовало ваше письмо, я сердечно благодарен вам за него, за память о нашем великом сказочнике Петре Павловиче Ершове, за то, что вы на его родине создали литературно-краеведческий музей. Честь и хвала вам за это.

В ближайшие дни я найду экземпляры моих книг о Ершове для того, чтобы послать их вам, для музея. Прошу вас, не задерживая, сообщить мне, на чьё имя нужно выслать бандероли с книгами и другими материалами.

Было бы очень хорошо, если бы вы сообщили мне о том, что у вас в музее имеется, какие стенды вами оформлены, какие материалы представлены. Может быть, я смогу помочь вам не только книжками.

**Лилия Сергеевна Филимонова,
2008. Фотография автора.**

С искренним уважением и признательностью,
В. Утков.

Получив исчерпывающий ответ из Ершова, пишет:

27 июня 1981 г.
г. Москва

Глубокоуважаемая Софья Ивановна!
Прежде всего спасибо за подробное и очень тронувшее меня своей теплотой и душевностью письмо.

Я высоко ценю усилия Ваши и Ваших юных друзей в создании общественного музея на родине Петра Павловича Ершова, нашего замечательного сказочника. Доброе и нужное дело начато Вами – всяческих успехов желаю.

Следом за этим письмом посылаю Вам, на Ваше имя, заказную бандероль, в которой моя книжка «Гражданин Тобольска» и некоторые материалы, касающиеся Ершова и его сказки. Потом подберу ещё что-нибудь, постараюсь напечатать лучше репродукций (которые я сейчас посылаю, не очень хорошо отпечатаны, – то, что было под рукой).

Постараюсь также заинтересовать Вашим музеем Николая Ивановича Суровежина, чьё собрание, посвящённое сказке Ершова – одно из лучших, если не самое лучшее в стране.

Обязательно сообщите о получении бандероли.

С искренним уважением,
В. Утков.

Далее по письмам прослеживается искренняя заинтересованность Виктора Григорьевича,

**С.И.Шастунова и Г.М.Блюдина.
2008. Фотография автора.**

желание больше узнать о малой родине писателя, рассказать о своих издательских планах, действительно помочь школьному музею:

29 июня 1982 г.
г. Москва

Уважаемая Софья Ивановна!

Обращаюсь к Вам с небольшой просьбой. Она состоит в следующем: судя по письмам П.П.Ершова, а также по публикации в журнале «Нива» за 1898 г., № 6, с. 915-916, Н.И.Палопеженцева «На родине автора «Конька-Горбунка», в Безруковой в 1860-х годах была начата строительство церкви Петра Столпника. Начал её строить П.П.Ершов на месте, где стоял дом, в котором он родился. При жизни Ершова церковь не была закончена и достраивали её уже после его смерти.

Так вот – меня интересует вопрос: сохранилась ли эта церковь и что в ней сейчас?

Если же церковь не сохранилась, то можно ли определить место, где она находилась и, может быть, следует поставить вопрос об установке какого-либо памятного знака (мемориальной доски) на этом месте.

Как Ваше мнение? Жду Вашего ответа, буду очень Вам благодарен.

С искренним уважением,
В. Утков.

19 ноября 1982 г.
г. Москва

Глубокоуважаемая Софья Ивановна!

Сердечное спасибо за прекрасную весть о создании мемориальной композиции на месте, где родился Петр Павлович Ершов. Давно нужно было это сделать. Встречи моей со скульптором А.Ф.Ляхно ещё не было, может быть, он не знает моего телефона? Так телефоном мой есть в справочнике Союза писателей, но сообщаю его Вам на всякий случай...

Месяца полтора тому назад сдал в издательство «Собрание сочинений» П.П.Ершова, с моим предисловием и комментарием. Получилась солидная книга – более 600 страниц на машинке. Туда войдут кроме стихов, «Конька», «Сузге» и впервые публикуемых стихотворений, ещё и рассказы, пьесы, либретто, с которыми читатель почти не знаком, а так-

Антонина Николаевна Барышникова и возглавляемый ею школьный музей. 2008. Фотография автора.

же большая переписка П.П. с друзьями, с Менделеевыми, с Гребёной и др. Это – своеобразный итог моей работы над изучением жизни и творчества П.П. Обещают выпустить в 1984 году...

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и желаю самого доброго. Сердечный привет.

P.S. Передайте мое поздравление Вашим ученикам.

В. Утков.

Последнее, не датированное письмо Виктора Григорьевича полно планов и надежд:

Глубокоуважаемая Софья Ивановна!

Давно не писал Вам и не получал весточек от Вас. Как обстоят дела с памятником П.П.Ершову в селении на его родине? Есть ли какие-либо сдвиги? Напишите обязательно обо всём, что связано с памятником, может быть, придётся вмешиваться, а для этого необходимо всё знать...

Я только что вернулся из командировки в Кишинёв, где читал лекции. Сейчас поездок пока больше не предвидится. Весной, в мае, был рядом с Вами – в Омске, но никак не удалось вырвать время для приезда к Вам – был занят предельно на «Мартыновских чтениях», вероятно, Вы слышали о них. Леонид Николаевич Мартынов – поэт, писатель, мой самый близкий друг, с которым я знаком был около 50 лет. Он умер в 1980 году, а родился и долго жил в Омске...

В будущем году должен выйти «Конёк-Горбунок» в московском издательстве с моим предисловием и комментариями. Издание будет миниатюрным. Конечно, школе я pošлю...

Поздравляю Вас с праздником Октября и желаю самого доброго Вам и Вашим питомцам милым школьникам.

В. Утков.

Многим творческим планам В.Г.Уткова не суждено было сбыться. Л.Г.Беспалова в письме от 9 марта 1988 года, адресованном С.И. Шастуновой пишет: «В предпоследней «Литературной газете» сообщалось о смерти В.Г.Уткова. Он с 1912 года, мог бы ещё пожить. Сообщают, что умер в библиотеке за столом, над чем-то, видимо, работал. Возможно, Вы и сами об этом прочитали».

Людей, равнодушных и безучастных к созданию музея писателя на его малой родине, практически не было. Ещё одно свидетельство тому – письмо из Киева от 10 февраля 1982 года. Его автор – Борис Анатольевич Знаменский, родственник тобольского художника Михаила Степановича Знаменского, друга П.П.Ершова, который первым проиллюстрировал «Конька-Горбунка» и создал несколько дружеских шаржей его автора.

Здравствуйтесь, многоуважаемая Софья Ивановна!

Пишет Вам абсолютно незнакомый человек по просьбе Вашего бывшего ученика и моего слушателя тоже – Чайки Я.А.

Он мне написал письмо о посещении Вашей школы и музея им. Ершова и просил меня, если я родственник Знаменского Михаила Степановича, то написать Вам. Да, я родственник и если у Вас (есть) фотография, где он стоит, опершись на посох, в шапочке, то такая фотография висела у моей кровати, когда я был мальчишкой и жил в Тобольске, и она мне очень запомнилась, а потом по просьбе Музея

г. Тобольска её им отдали и с неё сделали снимки в книжку, которая издана Омским издательством и называется «Художник-карикатурист воспитанник декабристов М.С. Знаменский». Возможно, она и есть в Вашем музее. Этой книжки у меня под рукой сейчас нет, [а] как вернуть, могу сообщить полное её название и издательство.

В Тобольске есть улица Знаменского, и на кладбище место захоронения охраняется государством.

Я живу в г. Киеве, работаю (служу) начальником кафедры Военной Академии войсковой ПВО (противовоздушной обороны), полковник, кандидат наук, доцент.

Вот пока что могу сообщить.

С глубоким уважением,

Знаменский Борис Анатольевич.

Так день за днём ширился круг друзей школьного музея. Благодаря педагогам-краеведам он стал центром культурной жизни села Ершова. Проводили экскурсии для гостей из различных городов области и соседних районов. Ежегодные Ершовские чтения гремели на всю область. Неоценимую помощь музей оказывал классным руководителям и учителям-предметникам. Уроки по литературе, истории, географии часто проводились именно здесь.

Все имеющиеся экспонаты были распределены по разделам: «Книги и материалы, присланные В.Г. Утковым», «Издания сказки «Конёк-Горбунок», «Сказка в различных видах искусства», «Книги о П.П. Ершове», «Литературное краеведение». Последний раздел состоял из книг К.Лагунова, И.Ермакова, Ю.Шесталова, Д.Копылова, Ю.Щербины, Л.Беспаловой, А.Васильева.

Л.С. Филимоновой был оформлен стенд «Они учились в нашей школе» о братьях Геннадии и Анатолии Васильевых. О знакомстве с А.И. Васильевым Лилия Сергеевна рассказала мне интересную историю. Случилось это в августе 1954 года. Тогда она после учительского института попала по распределению в Безруковскую школу. Назначение получила в Тоболово. Пришлось идти пешком. А спутником в пешем походе стал молодой педагог из Безрукова, преподававший тогда в Тоболовской школе, – Анатолий Иванович Васильев. По дороге читал свои стихи, много и увлечённо рассказывал. Знакомство переросло в дружбу. Поэт был и на свадьбе молодой четы Филимоновых. В 1971 году подарил книгу стихов «Завтра выпадет снег»: «Дорогому семейству Филимоновых, с уважением». Другой экземпляр с автографом благословил «школе, с которой всё началось».

Живет и поныне музей П.П. Ершова в школе села. Восемь лет им руководит Антонина Николаевна Барышникова. Чем располагает музей сегодня? Уцелевшими тобольскими стендами, рассказывающими о жизни и творчестве Ершова. Сохранилось, к сожалению, в разрозненном виде, панно по дереву к сказке, выполненное

Н.И. Голошубиным, чеканка (дар районного Дома культуры). Интересен стенд «Деревяня Безруково в первой половине XIX века». Этот план сделал местный краевед Г. Карпов на основе старых записей.

Музей в школе не пустует. Ведь его помещение – это и актовый зал с небольшой сценой, где проводятся все праздники. В центре вольготно устроился огромный кит – дар Ишимского историко-краеведческого музея. На нём – керосиновые лампы, лапти, прялка и прочая утварь.

Музейные фонды постоянно пополняются презентами гостей, изысканиями педагогов школы, поделками учащихся. В январе 2008 года в школе состоялась презентация поэтического сборника «Колокола моей души» бывшей ученицы этой школы Натальи Колесниковой (Канавой). Поэтесса рано ушла из жизни. Сборник издан в Ялуторовске небольшим тиражом в память о талантливой поэтессе. Её стихи состоят из мира грёз и фантазий. Но волшебство в них органично сосуществует с реалиями села Ершова. Узнаваемы и речка Карасулька (тогда ещё многоводная), и изба с сосной у плетня, и узкие тропинки-дороженьки. А на вышеупомянутом празднике, посвящённом 150-летию Ершова, в одной из постановок именно Наталья доверили сыграть роль Царь-девицы. У неё есть красивое стихотворение «Радуга в ладонях», – быть может, любимой сказкой навеянное:

*Солнце жёлтым кругом
Из-за туч сверкает,
Над душистым лугом
Радугой ирает.*

*Ах, каким подарком
Одарил нас, Боже!
В переливе ярком –
Семь цветных дорожек.*

*Горделиво спину
Выгнули дугою,
Будто перекинут
Мостик над рекою.*

*Наклонившись к краю,
Словно конь в уздечке,
Радуга цветная
Воду пьёт из речки.*

*Но едва коснулась
Радуга водицы,
Тотчас обернулась
Сказочной жар-птицей,*

*Крыльями взмахнула
И из глаз пропала,
Лишь перо скользнуло,
Мне в ладонь упало.*

*В синеве небесной
Птица затерялась,
Сказкою чудесной
В памяти осталась.*

Журналы и газеты лет минувших

И. В. КУРЫШЕВ

Восстание 1921 года на страницах повстанческой газеты «Голос Народной армии»

Содержание газеты «Голос Народной армии», издававшейся Тобольским штабом Народной армии с 27 февраля по 7 апреля 1921 года, несмотря на отдельные публикации по данной тематике¹, ещё не стало предметом всестороннего анализа в современной историографии антикоммунистического повстанческого движения 1921 года в Западной Сибири. Между тем материалы этого периодического издания достаточно ярко характеризуют декларировавшиеся мятежниками цели, задачи, мотивы повстанческо-партизанской борьбы, их социально-политические представления и умонастроения, социально-психологические качества и черты в целом.

Характеризуя идеологию повстанческого движения, командир 85-й стрелковой бригады Н.Н.Рахманов подчёркивал в докладе помглавному по Сибири В.И.Шорину: «Указанными в предыдущем *ошибками продовольственной политики, преступным поведением продотрядов ловко воспользовались все ненавистники Советской власти и постепенной агитацией, подтверждаемой указанием на примеры, происходившие на местах, углубляли недовольство крестьян. Кулачество, польи, кооператоры, лесничие, разные отбросы старого режима, колчаковцы, спрятавшиеся по глухим деревням, сумели разъярить и убедить крестьян, что главным врагом, причиняющим лишения крестьянам, является коммуна, коммунистическая партия»² (выделено мною. — И.К.).*

Дихотомия «наш» — «чужой» довольно ярко представлена в традиционном сознании сибирского крестьянства и отчётливо проявилась в Гражданскую войну. В экстремальной ситуации кровавого противостояния расплывчатый образ врага конкретизируется, становясь источником несчастий, бедствий, исходящих от «чужого». Активизация образа врага в массовом сознании всегда происходит в период острых социальных потрясений, кризиса мировоззрения, дезориентации и дезадаптации значительных слоёв населения.

Специалист по психологии войн в XX веке Е.С.Сенявская отмечает, в военных условиях проблема «свой» — «чужой» предельно обостряется, в оценке противника превалирует субъективно-эмоциональное начало, механизм конструирования образа врага направлен на обоснование своей правоты в войне (путём подчерки-

вания агрессивности противника, его жестокости, коварства и т.п.) и своего превосходства, которое должно стать основанием победы³.

Обращение к материалам тобольской повстанческой газеты «Голос Народной армии» позволяет прежде всего отчётливо выявить ярко выраженную антикоммунистическую направленность этого агитационно-пропагандистского органа. Газета действительно пыталась формировать и, очевидно, формировала у определённой части мятежников образ злобного, жестокого врага — коммуниста, истребление которого явилось бы должным спасением сибирского крестьянства и всей России. Поясним это на конкретных примерах.

Во многих статьях лейтмотивом проходит мысль: главная цель восставших крестьян — восстановление «истинного народоправства», свержение нового коммунистического крепостничества, предоставление крестьянству свободного экономического развития. Так, в редакционной статье от 5 марта 1921 года подчёркивалось: «Для трудовых земледельцев Сибири коммунизм советских комиссаров явился тяжёлыми цепями, ненавистным игом, сковывающим свободное развитие экономических сил деревни»⁴.

Газета утверждала: основным мотивом повстанческой борьбы является свержение коммунистического насилия, восстановление дарованных Февральской революцией 1917 года и узурпированных большевиками демократических свобод, восстановление частной собственности и свободной торговли. По мнению автора статьи «За что они борются» (под псевдонимом Мужичок), коммунисты предали истинные идеалы революции, переродившись в новую, ещё более хищную буржуазию. «Сначала обманом, а потом насильем они сделали большинство населения рабами небольшой кучки — своей партии. Проповедуя борьбу с буржуазией во имя свободного, счастливого и богатого человечества, они сами из себя, из своей партии создали новую буржуазию, которая простёрла свои притязания уже не только на материальный достаток своего ближнего, но и на самые его мысли, чувства, на его право так или иначе веровать, на его право располагать собой, как он хочет»⁵.

Газетные материалы пестрят сообщениями и статьями о возмутительных по своей жестокости бесчинствах и зверствах коммунистов по

Повстанческий отряд
под командованием
Никиты Голубева

Фрагмент настенной росписи в экспозиции «1921 год». Художник Р.Симанов. 2001. ИКМ.

отношению не только к мятежникам, но и мирному крестьянскому населению. Так, в корреспонденции под характерным названием «Зверства отступающих коммунистов» сообщалось, что в Ишимском уезде коммунисты, ворвавшись в село Кротовское, в нём и в окрестных деревнях вырезали и убили до сорока человек, причём некоторые трупы были изуродованы до неузнаваемости. Жертвами беспощадной резни стали даже старики и старухи. В селе Черном Челноковской волости одна старуха погибла только потому, что во время захвата Чёрного повстанцами она уличила жену местного коммуниста в присвоении овчин из продовольственной конторы. Перед уходом из Чёрного коммунисты расстреляли до десяти арестованных, имущество которых было разграблено⁶.

В заметке «Волки и бараны», написанной со слов представителя Северного отделения Ишимского штаба, сообщалось, что в середине февраля 1921 года один из небольших коммунистических отрядов предложил партизанам пойти на перемирие. В селе Черемшанском состоялся мирные переговоры между представителями противоборствующих сторон. Однако, как указывал неизвестный корреспондент под псевдонимом Прохожий, «волки оказались волками, а овцы — баранами. Коммунисты уговорили партизанских делегатов. Те возвратились к отрядам и уговорили партизан. Партизаны уложили винтовки в короба и поехали к коммунистам с повинной. Коммунисты приняли их ласково, получили от партизан винтовки и... расстреляли их из этих же самых винтовок»⁷.

Согласно корреспонденции «Бесчинства коммунистов», основанной на данных крестьянской разведки, неподалёку от города Ишима коммунисты собрали по окрестностям 22 священника, которые были тут же расстреляны. Так, после издевательств коммунистами был расстрелян священник села Усть-Ламанского отец

Иван Снигирев. «Где собака-поп? Куда девался?» — спрашивали попадьё в поисках мало-скареднинского священника А.Д.Садовникова. «Мальшевского священника отца Виктора Соколова, — добавлял автор, назвавший себя Ишимцем, — раздевали и уводили на расстрел с матушкой, но за них заступился телефонист, и их отпустили до другого раза, но сняли со священника наперсный крест, а с матушки золотое кольцо. И так коммунисты не признают ничего святого, никаких законов, топчя ногами всё возвышенное, они действуют хуже разбойников и зверей»⁸.

Вполне понятно, что проявлявшаяся по отношению к священнослужителям ненависть была связана с тем, что большая их часть поддерживала повстанцев, участвовала в проведении торжественных молебнов в поддержку восставшего крестьянства по случаю освобождения от коммунистов, крестных ходов и т.п.

Рассказывая со слов очевидцев о событиях в Ишимском уезде — эпицентре восстания, корреспонденты газеты «Голос Народной армии» стремились показать трагизм и безысходность положения здешнего крестьянства, обескровленного выполнением непосильной продовольственной развёрстки. «Жители прежде богатого села Кротовского теперь разорены коммунистами. С осени у них отобран весь хлеб, скот (кто имел 20 дойных коров, теперь имеет 3-4); в развёрстку с крестьян требовали всё: овощи, картофель, который весь заморожен и до сих пор лежит невыезженный, кожу, шерсть, щетину и даже рога и конские копыта. Чтобы удовлетворить требования на шерсть, крестьяне вынуждены были стричь зимою овец и держать их после этого в избах, стригли свои тулупы, полушубки и собак. (...) Взман отобранного крестьяне не получали от коммунистов ничего»⁹.

Акцентируя внимание читателей на злодеяниях и преступлениях коммунистов и продовольственных комиссаров, «Голос Народной армии» стремился показать обоснованность и правомерность самоотверженной и беспощадной борьбы восставших крестьян с коммунистами, вынужденный, ответный характер террора со стороны повстанцев. Сообщалось, что ответственные работники и коммунисты, вырвавшись из-под ареста мятежников и соединившись с ишимскими коммунистами, овладели селом Кротовым, при занятии которого избивали местных жителей и, особенно, ямщиков, доставлявших партизан, причём многих истязали, обрезали уши, нос и т.п., а на следующий день вечером намеревались произвести расстрелы захваченных повстанцев. Однако в этот момент в село вступил возвращавшийся партизанский отряд, и коммунисты, отчаянно сопротивляясь, бежали. *«Оставшиеся и попавшиеся коммунисты, — обращал внимание корреспондент, — при обнаружении, теперь уже в ответ на их зверства, расстреливались»*¹² (выделено мною. — И.К.).

Подробно информируя о многочисленных злодеяниях и насилиях со стороны представителей РКП(б), рисуя страшные картины народных бедствий и всячески акцентируя на них внимание, газета «Голос Народной армии» тем самым стремилась пробудить и разжечь в восставших массах чувства ненависти и мести по отношению к коммунистической власти, сплотить на этой основе разрозненные повстанческие группировки. В редакционной статье от 1 марта 1921 года она утверждала: *«Не слабыми и робкими шагами, а могучим сплошным потоком народного возмущения и ненависти бросилось сибирское крестьянство в последнюю решительную схватку с врагом человечества — комиссарским коммунизмом»*. (...) *Ибо исчерпаны пределы человеческого терпения, нанесён смертельный удар нашей костности и безразличию, разбужена самодеятельность, проснулось народное отщепенство»*.

Исторический опыт войн убедительно показывает, какой всеогражающий характер приобретают чувства ненависти и мести, принявшие наибольший размах и сфокусированные на персонализированном враге. Как не вспомнить в связи с этим строки из стихотворения «Встань, ненависть, тебя поём!» (1942) известного советского поэта Александра Прокофьева:

*«Убей врага, испепели!» —
Горит на знамени твоём.
Встань, ненависть моей земли,
Встань, ненависть, тебя поём!*

Во многих корреспонденциях газеты «Голос Народной армии» указывалось на отчаянную решимость мятежников сражаться до последнего вздоха. Бойцы 1-го боевого Казачьего отряда заверяли жителей Тобольска: *«...Мы сделали здесь своё дело, за кровь наших отцов и братьев мы отомстим!»*¹³.

Сообщая о жестоких расправах коммунистов над повстанцами и подчёркивая безысходность сложившегося положения, «Голос Народной армии» в редакционной статье «Или вы, или они» призывал крестьян к беспощадной и самоотверженной борьбе с насильниками: *«Теперь, братья крестьяне, отступления быть не может, теперь одно из двух: или они — коммунисты — сожгут вас живыми на костре, когда придут снова в ваши сёла и деревни, а оставшихся в живых порабощат так, что в сравнении с этим крепостное право и зпиде-*

*мия чумы, взятые вместе, казались бы детской игрушкой... Или вы должны уничтожить их и тем обеспечить свою жизнь, хозяйственное и культурное развитие (...). Победа или смерть — третьего быть не может»*¹⁴ (выделено мною. — И.К.).

«Единовременной целью населения, — утверждала повстанческая газета, — является уничтожение измучившего всех коммунизма»¹⁵. Ярким образцом культивирования непримиримости, чувства ненависти и мести по отношению к врагу (коммунисту) стала и опубликованная здесь же «памятка партизана». Вот некоторые из её положений:

1) Ты — партизан, ты взялся за оружие добровольно и поэтому ты на счету у коммуниста, как доброволец. Помни это и не жди пощады (...)

7) Врагу — злодею не давай опомниться, сокрушай его на каждом шагу. Засада, порча телефона, телеграфа, железной дороги в тылу и уничтожение связи и разведки противника — вот твоё постоянная боевая задача.

8) Помни, что врага нужно уничтожить, а не гонять его с места на место.

9) Враг — коммунист. Беспартийный красноармеец — брат твой.

10) С каждым новым днём силы и оружие врага убывают, а у партизан прибывают»¹⁶.

Однако уже к концу марта — началу апреля 1921 года в ходе ожесточённых и упорных боёв с частями регулярной Красной Армии основное ядро повстанческих сил было разгромлено.

Подытоживая вышесказанное, можно в очередной раз сказать, что Гражданская война (а крестьянское повстанческое движение 1921 года — один из поворотных её этапов) резко изменила шкалу нравственных ценностей, пробуждая в воюющем человеке всеподавляющий инстинкт самосохранения и в то же время нивелируя ценность человеческой жизни. Она явилась во многом наукой ненависти: человек в противнике (представления о котором имели постоянную тенденцию к расширению) видел прежде всего врага и действовал в соответствии с императивом «или убьёшь ты, или убьют тебя».

Примечания

1 Лагунов К.Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. — Свердловск: Сред.-Урал. ин. изд-во, 1991. — С. 91, 114; Петрушин А.А. Новое в изучении истории Западно-Сибирского мятежа 1921 года // История Советской России: новые идеи, суждения. Тезисы докладов и сообщений республиканской научной конференции. Ч. 2. — Тюмень, 1991. — С. 118; Московкин Б.В. «Голос Народной армии» — газета восставших крестьян // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года. — Тюмень, 1996. — С. 38-40.

2 Цит. по: Сибирская Вандея, 1920 — 1921. Документы. В 2-х т. / Под ред. акад. А.Н. Яковлева, сост. В.И. Шишлов. М.: Международные фонд «Демократия», 2001. — Т. 2. — С. 643.

3 Свянская Е.С. Проблема «свой» — «чужой» в условиях войны и типология образа врага // «Нация» и «чужие» в российском историческом сознании: Материалы междунар. науч. конф. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Плотторка. СПб.: «Нестор», 2001. — С. 52.

4 ГОПОТО. Голос Народной армии (Тобольск). — 1921. — 5 марта.

5 Там же. — 27 февраля.

6 Там же. — 5 марта.

7 Там же. — 16 марта.

8 Там же. — 20 марта.

9 Там же. — 8 марта.

10 Там же.

11 Там же. — 16 марта.

12 Там же. — 19 марта.

13 Там же. — 22 марта.

14 Там же. — 16 марта.

«Дело бандита Игишева» на страницах газеты «Серп и молот»

В нескольких выпусках 1925 года ишимская окружная газета «Серп и молот» информировала своих читателей о ходе громкого процесса, получившего название «Дело бандита Игишева». Бесчинства, творимые преступной группой, возглавляемой бывшим советским работником, членом ВКП(б) и участником подавления крестьянского восстания 1921 года, — вызывали столь сильный ужас среди населения округа, что редакция советской же газеты сочла необходимым для успокоения граждан публиковать подробные отчеты из зала суда. Память о злодеяниях банды жива по сей день — так, однажды в Ишимский краеведческий музей пришёл внук одного из тех, кто пострадал от преступников. Ему хотелось узнать подробности этой истории.

К сожалению, нам не удалось найти архивных материалов судебных заседаний, которые могли бы осветить процесс с какой-то иной стороны. В то же время и в газетных отчетах можно увидеть моменты, простодушно свидетельствующие о сложности общественных отношений в первые годы после Гражданской войны. К тому же для местных исследователей публикуемый нами материал из «Серпа и молота» малодоступен ввиду того, что подшивки этой газеты за 1925 год нет в Ишимском архиве; тексты приводятся по подшивке, хранящейся в газетном фонде Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), с сохранением стилистических особенностей того времени.

Бандит Игишев пойман

Утром 23 декабря в д. Семибратовой, Бердюжского р-на, задержаны главаря банды грабителей Игишев, Варакин и другие, всего 9 человек. Главаря задержаны инспектором окррозрыска т. Сергиевским.

Аресту бандитов крестьяне очень обрадовались, долго и горячо благодарили т. Сергиевского. Сгоряча хотели учинить над бандитами самосуд, но т. Сергиевский этого не допустил.

Банда Игишева оперировала месяц. Однако, несмотря на этот короткий срок, она сумела проявить свою кровожадность, почему и была грозой мирных крестьян. Крестьяне, боясь мстительности бандитов, старались не говорить о них ничего лишнего и были даже такие случаи, когда они, будучи ограбленными, говорили: «Знаю, что ограбил Игишев, но подозрения на него не имею, а то убьёт и сожжёт».

Наиболее выдающимися по зверству разбоями шайки являются:

— Убийство в д. Тыковке¹ крестьянина Белоногова выстрелом из обреза. Причиной убийства служило желание ограбить амбар Белоногова, в котором хранилось лучшее имущество восьми домохозяев. Амбар был действительно очищен.

— Четыре убийства крестьян, возвращающихся с ярмарки из Ишима по курганскому тракту (отец и сын Кортаева, Мальцев и Хохлов). Лошади убитых были угнаны, а часть сбруи и дровни сожжены.

(1.01.1925, с. 3)

Люди-звери и кто их задержал

Шайка этих бандитов в 9 человек оперировала в Жилияковском и Больше-Сорокинском районах. За своё короткое существование она совершила ряд гнусных убийств крестьян с целью ограбления.

Одна их жертва так жестоко изуродована железными палками, что кости оказались измельченными и были словно в мешке.

Недавно главаря пойманы и заключены в исправдом.

(13.01.1925, с. 4)

(Сообщается о предстоящей выездной сессии областного суда, на котором будет рассмотрено дело «бывшего председателя Локтинского РИКа» Александра Игишева. Также упоминается «дело Ревякина, Решетникова, Чечулина, Губина» — бывших красноармейцев, примкнувших в 1921 году к повстанцам. Это дело на страницах газеты не освещалось.)

(7.06.1925, с. 4)

Дело бандита Игишева и его соучастников

У Игишева прошлое тёмное:

беспорядное пьянство, грабежи и убийства. В 1924 году после освобождения его из Ишимского исправдома под поручительство, он скрылся, проживая по ложному документу в г. Петропавловске. Через некоторое время был там арестован и заключён под стражу, откуда и бежал. Здесь и начинается целая серия преступлений Игишева.

Организация шайки

Прибыв в с. Локтинское, он взял в сельсовете подводу под предлогом розыска своей пропавшей лошади и стал разъезжать по окрестным селениям, с целью завязать связь со своими единомышленниками для организации преступлений.

Этот план увенчался успехом. Ему удалось войти в тесную связь с рядом лиц, впоследствии активно участвовавших в преступлениях. С этой компанией он проводил время в пирушках, где лился рекой самогон.

Грабёж и убийство Белоногова

Пируя в с. Мизонове, компания узнает, что у гр. Белоногова, этого же села, в самане хранится имущество, не только своё, но и его родственников.

Несколько времени спустя компания по ножи решила произвести ограбление. Выбрав удачный момент, Игишев, Желомский, Гультьевы Степан и Иван и Казакевич поехали грабить, а Варакин Сидор и Гультьев Александр были отосланы к Казакевичу Лаврентию, чтобы быть наготове с лошадью. Теперь заработали, что называется, вовсю. Приснинув во двор гр. Белоногова, сломали у самана и у амбара замок, похитив из первого полтора пуда льна и другие вещи. Здесь роли распределили таким образом: Гультьев Иван с обрезом в руках стал на караул у дома Ваганова, Гультьев Степан стоял с обрезом у двери гр. Белоногова, Желомский сидел на лошади и принимал награбленные вещи, а Игишев и Казакевич вытаскивали из самана вещи и передавали их на лошадь. Приснувшись, гр. Белоногов увидел в окне сломанный замок у самана и вышел во двор. Только успел сделать шаг с крыльца, как Гультьев Степан выстрелил и попал в правое плечо Белоногова. Белоногов вскоре умер. Чтобы скрыть следы преступления, Игишев поехал к себе в с. Локти.

Пополняет шайку

Узнав об аресте своих соучастников, Игишев для дальнейших преступлений вербует новых

лиц, заключив тесную связь с Варакиным Сидором, Лисицыным и Власовым.

Зверские убийства на большой дороге

Снабдив последних двух оружием, решил сделать ночью налет. Жертвами были намерены Коротаевы Андрей и Иван и Мальцев Маркел, везшие из Ишима товары для Песьяновского кооператива. В 6-8 верстах от деревни Песьяновой они устроили в камышах засаду. Когда возы поравнялись, выстрелом из нагана и обреза убивают первых двух. Здесь начинается жуткая картина. Убитых отвозят в камыши, раздевают и уродуют железными сечками, взятыми с воза. Мальцев пытался бежать в камыши, но на расстоянии 20 сажен был убит выстрелом из обреза и добит берёзовой палкой с раздроблением лицевой кости, нижней и верхней челюсти и угла лобной кости. После таких издевательств труп был брошен в камыши. Нажива была крупная.

Ещё убийство и грабёж

Забрав от них трёх лошадей с упряжью, одежду, две туши свинины, бочку керосину и другие предметы, отправились в с. Локти к Игишеву, но, не доезжая шести верст, встретили гр. Хохлова, возвращающегося из Ишима после сдачи семсуды. Этот проезжий также был убит выстрелом. Нанеся ему три ножевых раны в шею, отвезли труп в сторону от дороги в песок, забрав от него двух лошадей с упряжью, тулуп и другие вещи.

После такого прибыльного дела Варакин и Власов Иван поехали продавать имущество в г. Петропавловск, а Игишев остался ожидать их у себя дома.

Обыск у Игишева

В с. Локти был произведён обыск у Игишева и в пригоне в потайнике найден был штык от трёхлинейной винтовки, кольцо от неё же, кобур от нагана и, кроме того, целый ряд похищенных вещей.

Сами крестьяне хотели арестовать

В этот же день Варакин с Игишевым приехали в д. Мелехину к Лисицыну. Узнав об этом, граждане деревни решили поймать их и оцепили дом. В доме в этот момент потушили свет. Игишев и Варакин, вооружившись наганами, вышли на улицу и предупредили, что они будут стрелять, если их будут ловить. Толпа отступила. Преступники скрылись, оставив на дворе лошадей.

Придя в д. Пеганову лешком по морозу раздетыми к родственнице Игишева Семибратовой, запрягли пару лошадей и поехали в с. Локти. Но доехать им не удалось. Они были обстреляны выстроенным караулом. Испугавшись, бандиты свернули обратно, но ввиду бурана сбились с дороги и снова вернулись в дер. Пеганову, где и были пойманы представителями Угловозыска совместно с гражданами.

Теперь час возмездия настал. Бандиты предстанут перед пролетарским судом. Судить их будет Тюменская выездная сессия Уралоблсуда. Суд назначен на 23 июля и будет проходить в помещении кино ОДН².

(22.07.2005, с. 4)

Бандит Игишев и его шайка перед судом трудящихся

23 июля Тюменская выездная сессия под председательством Муравьёва начала слушать дело Игишева Александра, Варакина Сидора и др., в числе 24 человек, обвиняемых в грабежах и убийствах. Для расследования этого дела вызвано около 70 свидетелей. Во время заседаний в зале присутствует масса публики.

Люди-звери — кто их задержал.

Александр ИГИШЕВ,
глава шайки угловозных бандитов.

ВАРАКИН,
ближайший помощник Игишева.

Шайка этих бандитов в 9 человек оперировала в Желомском и Б. Сорочинском районах. За свое короткое существование она совершила ряд гнусных убийств крестьян с целью ограбления.

Инспектор сорочинского тов. СЕРДУКОВСКИЙ, совершивший один пойманный людей-зверей.

Осколки из пули, найденные в Желомском районе, принадлежали именно им. Недалеко отсюда пойманы в заключительном выстреле.

«Люди-звери и кто их задержал».
Гравюра с фотографии. Художник
А.И.Парвицкий. Газета «Серп и молот»
от 13.01.1925. РНБ.

Главарь этой шайки Игишев Александр, Варакин Сидор, Гулятьев Степан, Желомский, Казакевич — это преступные типы, гнилые паразиты нашего общества. В прошлом они имеют не одну судимость. Прошлое их покрыто мраком неизвестности. Держат обширную связь с тёмным элементом. Все они происходят из крестьян Ишимского округа. Игишев и Гулятьев Степан держат себя на суде вызывающе. Председателю не раз приходится приводить их к порядку. Все обвиняемые взяли защитников. Один Желомский от защиты отказался, он признаёт свою вину.

На первом заседании было зачитано обвинительное заключение. Обвиняемым Игишеву, Варакину и Гулятьеву Степану предъявлена 76 статья, часть I У.К., в отношении же последних обвиняемых в числе 16 человек — 76 статья, часть II У.К. После зачитания обвинительного заключения сессия приступила к допросам подсудимых.

- Обвиняемый Варакин Сидор.
- Я.
- Делайте показания.

Варакину Сидору 29 лет, малограмотный. С 1921 по 1923 год был членом РКП и исключён с преданием суду. Кроме этого дела состоит под следствием и судом по другим делам за преступления. Имущественного положения нет. Варакин Сидор с обвинительным заключением не согласен и виновным себя признаёт лишь в убийстве Коротаевых и Мальцева, а что касается Хохлова и убийства с ограблением Белоногова — отказывается. Обвиняемый путается без конца и даёт сбивчивые показания. Он рассказывает:

— Напал я на Коротаевых не с целью грабежа, а чтобы отомстить им. Я ехал на лошади,

Кортаевы возвращались из города. Кортаев-отец, увидев меня, взял под уздцы мою лошадь. Я был в коробке, привстал, вытасил наган и убил его.

— Как, одним выстрелом убили?
— С одного выстрела убил, а потом тут же добивал сечками, — так просто и хладнокровно рассказывает он.

— Где же вы взяли сечки?
— У них в возу.
— Как вы стреляли?
— Стрелял из коробки.
— Где же был Кортаев?
— Держал впереди под уздцы лошадь.
— Значит, вы должны попасть в лоб или в висок. Как же пуля попала, как вы говорите, в затылок. А она вот попала в лоб.

— Не могу знать, — мнётся обвиняемый.
— Как же вы убили Мальцева?
— Когда стрелял в отца Кортаева, сын бросился бежать на меня, я выстрелил в него и тоже убил. Тогда Мальцев бросился бежать, я догнал, убил и его.

— Что же это, вы один были на убийстве?
— Один, — как-то неловко говорит Варакин.
— Ловкий вы парень, — заявляет председатель.
— Ну, хорошо, убили, так зачем же уродовать сечками?

— Я не знал, убил их или нет. Они стали подниматься. Я раз их по головам сечкой!
— Ага, долго их рубили?
— Раза по два ударил, да и всё, — скромно добавляет обвиняемый.

— Ну что ж, зарубили и поехали дальше?
— Нет, все трупы свёз в камыши.
— Как, по очереди?
— Двух сложил на лошадь и увёз, а третий на месте.

— А интересно, для чего же в камыши?
— А чтобы они не были на дороге, — так поясняет обвиняемый.
— Вы ведь один были, а почему же, где лежали трупы, найдено много следов?
— Не знаю.

Дальше говорит, что поехал в д. Пеганову и с ним шли четыре лошади: своя и три отобранных.

— Ну, а трупы вы раздели?
— Да, снял тулуп и пимы.
— А зачем вам другой тулуп, ведь у вас был свой?

Оказывается, Варакин занимается добродетелью.

— Думал отдать его кому-нибудь, у кого нет.
— Что же было в возах? Какие предметы?
В возах оказались две туши свинины, бочка керосина, веретна и две сечки, которые забросил в камыши после убийства.

— А туши зачем бросили?
— С ними возиться неудобно.
— Да продали бы, как продали и лошадей.
— Нет, лошадей я не продал. Я бросил двух под Петропавловском.

— Обвиняемый, относитесь к своим показаниям серьёзно, — говорит председатель.
Оказывается, Варакин на предварительных показаниях говорил, что продал лошадей киргизам в Петропавловске на постоялом дворе за 60 рублей.

— Вы говорите, что с вещами отправились в д. Кортаеву. Зачем туда?
— Домой нельзя показаться, по коням увидят.

— Вы уверяете, что убили не с целью грабежа?

Упорно отказывается.
— Игишева давно не видели?
— С осени.
— Как встретились?
— Возьмись, говорит, увезти до Голышманово,

искать потерянную лошадь. Я взялся за 10 рублей.

— Вы говорите, что убили Кортаевых из мести, почему же не заявили об этом, когда были в Петропавловске?

— Думал, проезжу, а потом приеду домой.
— Вы что же, считаете, что, давая неправильное показание, вы облегчаете свою участь? Откуда у вас был наган?

— С восстания.
— Зачем он был у вас при себе?
— Да раз я ехал в дорогу.
— Ну, а об убийстве Хохлова не знаете ничего? Каким же образом вместе с сожжёнными санями Кортаевых оказались сани убитого Хохлова?

— Не знаю, двое саней съёг, а третьи не знаю.
— Какая же тяжесть была везти их на продажу?

— На что они мне.
— Утверждаете, что туши положены не в камыши, а на покосе, возле деревни Крашенёвой?

— Да.

(29.07.1925, с. 2)

Допрос Игишева

Игишев — высокий, здоровый парень. Ведёт себя на суде вызывающе. Уроженец села Локти, 23 лет. Бывший член РКП. Состоял в партии с 1919 г. по ноябрь 1923 года и был исключен в связи с преданием его суду по обвинению по статьям 105 и 109 У.К. Осуждён был за преступления по 180 ст. У.К. на три с половиной года со строгой изоляцией. Был председателем Локтинского ВИК'а [волостного исполнительного комитета].

Обвиняемый с обвинительным заключением не согласен и виновным себя не признаёт.

— По выходе из Ишимского исправдома я оставался без всяких средств, — поясняет подсудимый. — Решил закупить арбузы и яблоки в Петропавловске для продажи. Взял подложный документ. В Петропавловске на базаре арестовали.

Рассказывает, что его там били, это и заставило его бежать. Приехал в с. Локти и начал устраивать попойки. Потерялась лошадь. В сельсовете взял погонную. Разыскивал лошадь, разъезжая по Сладковскому, Абатскому и Жилёвскому районам (чуть ли не два года).

— Каким путём оказались у вас вещи убитого Белоногова? — суд спрашивает Игишева.

— Я 13 декабря приехал в Ишим и пошёл на базар при станции. Вижу — продаются вещи. Я стал торговаться и купил перину, холста 6 труб за 25 рублей. Тогда мне один гражданин тут же сообщил, что вещи краденые. Я приехал домой и спрятал в потайную яму. Вещи оказались убитого Белоногова.

— За что же вас судили по 180 статье?
— Сделал кражу масла из государственного учреждения. Суд дал мне три с половиной года лишения свободы.

— По выходе из исправдома чем занялись?
— Решил закупить арбузы и продать.
— Откуда же достали денег?
— Два червонца дали из кооператива, а два занял у родственников.

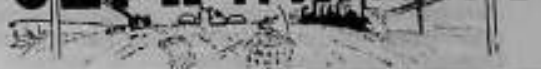
— Странно, как мог доверить вам кооперативу деньги. Уплатили вы их кооперативу?
— Нет, не успел.
— А приятелю?

— Прodal корову и двух овец за 50 рублей и уплатил.

Оказывается, в Петропавловском исправдоме Игишеву было предъявлено обвинение в грабеже. Игишев [же] утверждает, что [его обвинили] в краже у начальника еногового тулупа.

УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

СЕРП И МОЛОТ

КАК ИМЯ ИЛИ ЗАКОН. Календарь для широкой аудитории

Лето Високосного Года (1925) в Юрском округе.

Выход по средам, пятницам и воскресеньям.

ПРИКАЗЫ ЦУМ: (по ценам) 1 кв. — 20 коп., 2 кв. — 15 коп., 3 кв. — 10 коп., 4 кв. — 5 коп., 5 кв. — 3 коп., 6 кв. — 2 коп., 7 кв. — 1 коп., 8 кв. — 1 коп., 9 кв. — 1 коп., 10 кв. — 1 коп., 11 кв. — 1 коп., 12 кв. — 1 коп.

Примечание: журнал «Молот» — 20 коп. в месяц.

Лето по обычному исчислению, исключая летний месяц — 20 коп. в месяц — 20 коп. за доставку в выходные часы (2 раза в месяц) — 1 р. По окончании летнего месяца по цене 1 кв. — 20 коп. и 2 кв. — 10 коп.

Примечание: редакция и секретари работают с 9 до 3 ч. дня. Не принимаются заказы на лето 1 летнего месяца по воскресеньям. Прямой материал оплачивается по тарифу.

№ 86 (826) Пятница, 24 июля 1925 года, г. Ишим, Уральский край. № 86 (826)

От вонючей газеты «Сerp и Молот».

Почему просят выслать газету, спрашивают многие. Ответ: 1-го августа, послать в вышедшем подходе «Сerp и Молот» начнется в строгом соответствии с требованиями и потому подождем пока 1-го августа могут не получить первого августовского номера. В интересах подписчиков подождем выслать утром в час вылета с 8 до 6 час. в номере 9 до 8 час.

Волчья дружба.

Нельзя обижаться к Казань и Казань, в которой дружба существует — восстанавливать порядок, соблюдать договор и выждать иллюзии уликана, но требовать Казань и в отношении заговорщиков.

Сегодня в погоне. Предлагается в выходные галу вылететь за границу 750 миллионов рублей хлеба — По всей Украине идет уборка хлеба — Уменьшение германских и немецких рабочих издается с целью СССР — Взаимоотношения со СССР белоглазые рабочие делят заднюю так, что выносили произведения изгнанные и живые в СССР — Ленин «советует» Казань восстанавливать порядок и заводить дисциплину.

Пленум всеработземлеса.

26 июля открывается пленум районного исполнительного комитета по делу о разбитии земли и лугу (казань) передо вылетом, от 2003. По этому пленуму судится те в арестант (казань) с арестант, председателем работных дела — Державина обвинений под.

Англия расстреливает рабочих.

Англичане, которые судили обстреливали в районе Шанхай Берга река Вейль-Каган. Казань силе потерь как неизвестны.

Мертвая хватка.

Вонючая «дружба» «советует» Казань восстанавливать порядок и заводить дисциплину в стране.

Первая страница одного из выпусков газеты «Сerp и молот» в 1925 году. Фрагмент. РНБ.

— Вас избивали в уголпрозье? Почему не заявили прокурору?

— Я подавал заявление там, но прокурор никаких мер не принял.

— Почему же вы не заявили Ишимскому прокурору или сессии?

Игишев заявляет, что его в исправдоме ежедневно избивали, между тем он свободно прогуливался по двору исправдома. Не соответствует действительности и то, что после избиваний и побега он шёл пешком домой.

— А Пиханова знали?

— Знаю, сидел с ним.

— А где с ним встретились?

— Нас с ним задержали на базаре.

— Ишь, какая случайность! За что же он сидел?

— Не знаю. На базар он приехал тоже за арбузами.

— А где достали документ?

— У шармача; это по-нашему у вора-карманщика.

— Сколько же заплатили?

— Нисколько.

— А как, хорошо был сработан документик? Чистовато?

— Ничего.

— Ведь вы говорите, что вам был запрещён выезд? Значит, вы обделали сельсовет, если он дал вам погонную на лошадь. Почему же вы за удостоверением не обратились туда?

— Я знал, что сельсовет не даст.

— Хорошо, хорошо. Значит, когда вернулись из Петропавловска, погуляли?

— Да.

— Что же пили?

— Самогон.

Обвиняемый объясняет, что для розыска лошади он ездил в Ялуторовск и заявлял о потерянной лошади в милицию. Но когда стали спрашивать подробности его пребывания там, то он дал явно ложные показания. В потайнике, где были сложены вещи, оказывается, кроме Игишева, никто не ходил.

— Почему в потайнике, где вещи, оказались варежки, кобура от нагана и кольцо от винтовки?

Тут обвиняемый путается окончательно. Дело доходит до смешного.

— Почему купили детское одеяло, к чему оно вам?

— Стремился к семейной жизни.

Странно одно, что Игишев в течение двух месяцев не стунул палец о палец и, не имея у

себя рабочей лошади, берется покупать такие лишние вещи.

— Но зачем же, купив их, сразу же приходится прятать?

— Я жил с женой плохо и покупал не ей.

— Ну, а варежки-то клали туда?

Тут окончательно себя Игишев посадил в галошу. «Нет, — запинаясь, говорит он, — будто не клал. Может быть, при обыске подбросили, а может, мои попали».

— Ну, а мешок рваный, это как?

Этот мешок здорово подводит Игишева и с головой выдает его.

— Как же вас отпустили из исправдома: по поручительству или по подписке?

У Игишева выходит — и то, и другое.

— Ну, знаете, ваше показание неудачно. Нужно было избрать что-нибудь одно. Из исправдома ведь вам дали документ, а вам потребовался подложный. Значит, нужно было скрыть свой документ?

— Он был «подозреваемый».

— Так, так. Играли вы в карты у Лисицына? Как играли?

— Сначала в дураки, потом в очко и в буру.

— В буру? Что же, душа, что ли, лежит ближе к ней? Почему же вам вздумалось играть?

— Да так, весело было.

— Какая же весёлость, когда ни гроша в кармане?.. Когда вам предъявляли обвинение в убийстве Хохлова, Белоногова, Коротаевых, Мальцева, Варакин был задержан?

— Да.

Одним словом, Игишев договорился и с головой выдал Варакина Сидора, что тот убивал Хохлова.

Председатель обращается к Варакину.

— Вот вам вчера Игишев во время перерыва заявил, что вы в своих показаниях путались, как мальчишка. А как по-вашему, Игишев сейчас не путается?

— Конечно, путается.

— Что же было причиной вашей вчерашней путаницы? Вы совершили убийство Коротаевых?

— Да, — отвечает Варакин.

Игишев упорно отказывается от участия в убийствах.

(31.07.1925, с. 2)

Показания третьего главаря шайки Гультева Степана

Гультев Степан происходит из с. Мизонова. Последнее время проживал в г. Ишиме. Предъявленное обвинение не признаёт, об убий-

стве ничего не знает. На суде держится развязно. Даёт такие показания.

— Приехал в с. Мизоново. Иду вечером по улице, Козакевич стучит мне: «зайди». Выпили, самогону было много. Приходит милиция и составляет протокол. Я, чтоб избавить хозяина от наказания, взял у него лошадь и поехал розыскивать милиционера, чтобы тот уничтожил протокол. Отыскать не удалось. Дома с матерью вышла ссора из-за ботинок. Встретил Игишева на дороге, я не ответил на его приветствие (но в то же время просит увезти ему в город муку). 22 ноября зашёл к Козакевичу, где пили самогон. Для того, чтобы девушки плясали, я поехал за гармонью. В убийстве Белоногова я никакого участия не принимал.

— Как же вы доверили Игишеву везти муку, если у вас с ним была прежняя ссора?

Обвиняемый даёт какой-то неопределённый ответ.

— Почему вы поссорились с матерью?
Тут ответ расходится с его первыми показаниями.

— Видели Игишева у Козакевича?
— Я лично Игишева не видел.
— У Антонова при обыске были?
— Нет.
— Вы судились?
— Да, по первому делу судился по 113 ст., а второе дело — по присвоению учётных карточек.

— Какого мнения вы об Игишеве?
— Хорошим человеком его не считаю.
— А Козакевич?
— Мелочный и продажный человек.
— Почему же вы отправились на пирушку к Козакевичу, если знали, что он скверный человек?

— Я пошёл договориться увезти хлеб.
— Отсюда можно заключить, что вы имели связь с этой преступной средой, так как вы не только не уклонились, а сами шли к этой среде... Таким образом, в отношении Белоногова ничего не знаете?

— Нет.
— Варакина Сидора знаете?
— Никогда.

Показания Козакевича

Козакевич на вид тихий и скромный. Хочет уверить, что говорит правду. Но в тихом омуте, говорят, черти водятся. Ведёт ту же политику, что и прежние подсудимые, и предъявленную ему виновность не признаёт. Обвиняемый говорит, что в ограблении Белоногова он не участвовал, а только на его лошади Игишев отвёз награбленные вещи к себе в с. Локти.

— Я тогда хотел заявить в совет, а кум мой Игишев и говорит: «Неужели ты выдашь нас?» Ну, я и не посмел. А Желомский кормил меня золой, чтобы я их не выдавал. Когда свершилось преступление, по селу пошла проверка. Меня застали дома, но было только лошади.

— Варакин, согласны вы с показаниями Гулятьева?

— Нет.
— Игишев, а вы?
— Ни в коем случае. Несёт гнусную ложь.
— Козакевич, вы не говорили, что нужно подработать?

— Нет.
— Значит, вы отказываетесь от участия в убийстве?

— Совершенно.
— Что Игишев скрывается, знали об этом?
— Я не знал.
— Судились когда-нибудь?
— Да, за кражу дров. Получил 1 месяц лишения свободы.
— А за убийство тоже судились?

— Да, но суд оправдал меня тогда.

Объясняет, что, где находится Михаил Гулятьев, он об этом не знает. А Александр Гулятьев был только во второй попойке.

Показания Желомского

Желомский старик, с окладистой бородой. Глаза так и прыгают. В преступлении сознался. Дал полные показания.

— Когда у Козакевича была пирушка, собралась компания. Игишев и Степан Гулятьев начали меня уговаривать пойти с ними на обыск к Антонову. Козакевич тоже был. Я отправился с ними за понятого. Когда на Козакевича был составлен протокол, он заявил: «Пить-то пили вместе, а отдуваться приходится одному! Надо подработать...» Никогда в жизни не думал я совершить преступление, на которое пошёл. На деле были я, Козакевич, Гулятьев Степан, Игишев, Гулятьев Иван, а Варакин был послан за лошадью. Распределили работу так: я сидел на лошади, Козакевич и Игишев давал вещи. Выстрелил Степан Гулятьев. Тотчас погнало лошадь. Мы сами не знали, убили или нет Белоногова.

— Значит, Варакин не был на преступлении?
— Нет.
— Какое оружие было на преступлении?
— Было два обреза, а наганов не видел.
— Когда второй раз пьянствовали, где было оружие у вас?

— Степан Гулятьев сказал, что прибрал его. А Козакевич шесть патронов положил за иконы.

— Почему вы сразу не заявили в угрозыск?
— Когда меня арестовали, я во всём сознался.
— Почему же на первых показаниях вы не выдали соучастников?
— Я хотел, чтобы они сами признались во всём.

— После преступления у вас была с ними связь?

— Нет, никакой. Я уже сидел в исправдоме.
— Вы знали, что Игишев скрывается?
— Козакевич говорил, что он скрывает Игишева, так как тот бежал из петропавловского исправдома.

— Козакевич, согласны вы с показаниями Желомского?

— Нет, врёт он.
— Почему вы не сознались в первых показаниях, что были на обыске?

— Меня Желомский учил не показывать.
— Как же вас учил, а сам выдал вас с головой? Вот, с одной стороны вы всё высказываете, а с другой — скрываете их.
— Судились прежде?

Оказывается, Желомский за убийство отбыл 4 года каторжных работ ещё при царском строе.

Приговор по делу бандитов

1 августа, в 8 часов утра Тюменской выездной сессией Уралоблсуда вынесен приговор по делу Игишева, Варакина Сидора и др. в числе 24-х человек, обвиняемых в вооруженных налетах, ограблениях и убийствах.

Главари шайки: Игишев, Варакин Сидор, Гулятьев Степан, Желомский, Козакевич и Гулятьев Иван по ст. 76 ч. 1 У.К. приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

Власов Иван и Лисицин Гавриил по ст. 76 ч. 1 У.К. — к 10 годам лишения свободы со строгой изоляцией.

Остальные обвиняемые к различным срокам лишения свободы и часть от наказания освобождена.

(2.08.1925, с. 2)

Показания свидетелей

Ввиду того, что процесс по делу Игишева и других представляет большой обществен-

ный интерес, редакция помещает в настоящем номере показания свидетелей и в следующем номере — речь государственного обвинителя.

Как отнеслись крестьяне к шайке

При разборе дела Игишева и других было опрошено до ста человек свидетелей. Все свидетели, как один, показывают, что крестьянство довольно, что все участники шайки Игишева переловлены и заключены под стражу. Про всех из них ходили одни и те же слухи среди населения почти всего округа. По показаниям одного свидетеля, «они на руку были нечисты», по показаниям другого, «занимаются разными худыми делами». Свидетель Долгушин, живущий в одной деревне с Варакиным, на заданный ему вопрос: «Боялась ли деревня Варакина?» — ответил:

— Жив смерти боится!..

Характерно то, что с момента заключения всех этих бандитов под стражу даже различные мелкие кражи, хулиганства и бесчинства разом прекратились, и все эти 7 месяцев, как бандиты находятся в исправдоме, крестьянство живёт в мирных условиях. Прodelки этих молодчиков ясно стали невмoгуту крестьянству. Чтобы их поймать, население отозвалось единодушно. На устроенную облаву крестьянство вооружилось и ружьями, и палками, и батогами.

Что люди, составляющие эту шайку, имели нездоровые уклоны в своём характере, являют показания одного свидетеля, Бердюгина Трофима:

— Я был чуть не убит Варакиным. Во время гулянки Варакин и Гультяев Степан искали меня. Напросились ко мне в гости. Идти было далеко. Разозлились, Варакин ударил меня в затылок обзром.

Хорошенькое дельце: ни с того ни с сего — ударить «так мягко» человека!

Организованность шайки

Чтобы не выдать своих ребят, вся эта компания без конца укрывала друг друга.

Свидетельница Степанова говорит, что дня через три после ареста Еганова жена Игишева говорила ей:

— Вот ты доказала, Санька (сам Игишев) узнает, сломит тебе голову.

Свидетель Самошкин Тарас рассказывает:

— После какого-то преступления делали обыск у Сидора Варакина. Ворота были заперты, перелезли через забор. После препирательства Варакин открыл двери. В это время какой-то человек прошёл по ограде и скрылся. Безусловно, то был Игишев, которого Варакин скрывал от властей.

Что Варакина Варвара всячески укрывала «дела» своего мужа Сидора, видно из показаний одного из свидетелей:

— Когда я спросил, где Варакин, его жена сказала, что уехал в город покупать лошадей. Вечером слышу конский топот. Гляжу, едет Сидор Варакин. И когда ночью милиционер явился к ним, его уже не было, а жена не созналась, что он приезжал.

Чтобы скрыть следы преступления и не показывать тесную спайку и организованность всей банды, они не гнушались даже подкупать свидетелей.

Свидетель Черемных получил 10 рублей за то, чтобы давал те показания, какие ему укажут. Деньги-то он взял, но на суде всё открыл.

Варакин Сидор упорно доказывал, что на убийстве Коротаяевых и Мальцева он был один. Но вот показания свидетеля Минеева Ивана:

— Я ехал в Ишим 13 декабря вечером, кони Коротаяевых в это время должны были ехать домой из Ишима навстречу. Чуть брезжил рассвет.

[Имеется в виду: закат? — Ред.] Не доезжая д. Песьяны, влево от дороги саженая в ста я увидела зарево. Горела солома. Вокруг огня толпились четверо людей, на санях была бочка. Я подумал, что загорелся стог соломы, и на пожарище находятся сами хозяева.

— Вы не слышали, где же нашли полозья от саней? — спрашивает председатель.

— После я узнал, что сани сгорели в соломе в этом месте.

Председатель обращается к Варакину:

— Ну, что теперь скажете, сколько же вас было, когда сжигали сани?

Тот же упорный ответ:

— Один!

— Когда произошло убийство, то на кого думали в деревне? — спрашивает председатель свидетеля Долгушина

— Сразу же подумали на Варакина,

— Как к этому отнеслось население?

— Мы создали общее собрание и вынесли даже приговор, что таких людей не надо нашей обществу.

Вот уже было опрошено больше половины свидетелей, а картина преступления всё ещё выяснилась смутно.

Один из свидетелей показал, что убитый Варакиным Мальцев Маркел не раз заявлял на общем собрании, что Варакин ходит около его пригона, видно, хочет украсть лошадей и что, если это произойдет, он его пристрелит.

Значит, здорово беспокоил этот Варакин Мальцева своими таинственными посещениями.

Допрашивается Власова Анастасия, молодая девица, родственница Варакина:

— Варакин приехал к нам в Крашенёво. Я была одна дома. Он говорит: «Уведи, своячина, жене лошадь!» Я одела шубу и отвела.

Влияние главарей шайки

Видно, крепко было влияние главарей шайки не только среди заключённых, но и среди заинтересованных лиц, находящихся вне исправдома. Слишком неправдоподобные показания даёт свидетельница.

— Вы спросили, откуда идёт лошадь и зачем отвести её жене? — задаёт суд вопрос.

Нет, она не спросила, а между тем в мороз, не говоря ни слова, отправляется за 25 вёрст в другую деревню, оставляя пустым дом, и только прожив у сестры, жены Варакина, целую неделю, возвращается домой. Причём день, в который приведена лошадь, сознательно путает. В своих показаниях свидетельница определённым образом скрывает обвиняемого. По настоянию прокурора суд, удалившись на совещание, вынес определение: за ложные показания привлечь свидетельницу к суду по 178 статье У.К.

Что шайка поймана не целиком, в этом нет сомнения. Интересны показания свидетеля Пшеничникова Якова.

Шайка поймана не вся

— Когда я ехал в Ишим, на дороге увидел тулуп, перед которого был сильно окровавлен. Немного проехав, подъезжает ко мне человек на рыжей лошади и спрашивает, не видал ли я тулупа. Я рассказал, где видел, человек ударил по лошади и уехал. Кто это был, я не знаю. Только я заметил на правой стороне лба, как видно, родимое пятнышко, величиной с копейку.

Свидетель среди обвиняемых такого незнакомца не нашел. Значит, погуливает где-то.

— Ну как же, Варакин, вы уверяете, что на преступлении были одни? — спрашивает председатель.

– Я ничего не знаю, был один! – упирается Варакин.

Возмутительно держит себя свидетель Гульяев Кирилл, брат Степана Гульяева, к нашему удивлению, состоящий в рядах комсомола. Он показывает, что зашёл с приятелем на пирушку к Козакевичу, но там никого не видел. Когда спросили, что за конфликт вышел у Степана с матерью, он долго упирался дать ответ, так как не знал, на что показывать.

– Что же вас заставило пойти в комсомол? – спросил председатель.

Он, пожимая плечами и сделав усмешку, ответил:

– Надо же кому-то стать на смену старшим коммунистам!

Конечно, дело бы обошлось и без такой «идейной» смены. Если бы его показания были верны, то можно было бы согласиться, что он хочет быть сознательным членом нашего общества. Но родственные чувства ближе общественных интересов. Целый ряд свидетелей говорит, что Варакин и Игишев всё время присутствовали на вечере у Козакевича, а свидетель скрывает их. По настоянию прокурора этот свидетель привлекается к суду по 178 статье У.К. за ложные показания.

Свидетельницы Гульяева Мария и жена Гульяева Ивана, Варвара, также за сокрытие следов отдельных обвиняемых и ложные показания привлекаются к суду.

(5.08.1925, с. 2)

Речь государственного обвинителя т. Бобаренко

Сегодня пролетарский суд разбирает дело группы «красавчиков», совершивших целый ряд грабежей, насилий и убийств на территории Ишимского округа. На скамье подсудимых сидят в полном смысле слова рецидивисты (вторичные преступники), имеющие тёмное прошлое, которые хотят затушевать свои преступления «революционными заслугами» 1921 года.

Советское правосудие карает строго тот элемент, который попал на скамью подсудимых, если он действительно заслуживает наказания; а с другой стороны – даётся тысяча возможностей оправдаться на судебном процессе.

Разбираемый сегодня процесс предоставляет широкую возможность оправдываться, давать факты, говорящие в пользу судимых.

Имеет ли этот процесс политическое значение? Над этим пусть каждый из вас задумается. Наибольшая часть обвиняемых являются крестьянами, бывшими членами компартии. Это даёт право населению говорить о том, что есть отдельные элементы в партии, которые делают преступления и тем самым позорят организацию в целом. Всё это говорит за то, что политическое построение в процессе есть. Население в Локтях, Бердюжье и Армизоне ужасалось:

– Неужели их выпустят!

И, наконец, положение, когда сами крестьяне, вооружившись чем попало, шли на поимку бандитов. Всё это говорит за то, что процесс носит политическую окраску. Пролетарский суд не является недостижимым для широких общественных масс, он учитывает время, настроение, психологию и мнение всего населения тех местностей, где оперировала шайка бандитов. Свидетели говорят, что в течение 1924 года в этих селениях обвиняемые совершали сначала мелкие, незначительные кражи снопов, хлеба из амбаров, потом ограбление мельниц. Кражи принимают хронический характер, появляются вооружённые нападения и не удивительно, если крестьяне заявляют:

– Разве можно не бояться их! Жив смерти боится...

Советская власть много потратила на гражданскую войну и на восстановление промышленности. В настоящее время все внимание уделено на жизнь крестьянина, на соблюдение законности и охрану личности каждого крестьянина. Ограждая их жизнь от преступных элементов, в результате имеем 24 обвиняемых, попавших на скамью подсудимых.

Перехожу к рассмотрению типов, которые сидят перед нами. Сначала они занимались мелкими воровствами, потом крупными и, наконец, дошли до вооружённого ограбления и налётов. Группа подсудимых старается доказать, что друг друга они не знали и никакой связи не имели. Что встречались только за выпивкой и под хмелем совершали преступления. Эта версия построена детски и на первых же шагах рассеивается, как дым. Угрозыск и органы милиции представили суду целый ряд дел, где фигурируют почти все обвиняемые: там вы найдёте и Козакевича, Желомского, Гульяева Степана, Лисицина Гавриила, обвиняемых по одному и тому же делу. Целый ряд фактов показывает, что они друг друга знали, кто на что способен. Когда у Игишева пропала лошадь, он идёт к Козакевичу и Желомскому, так как он знал, что эти люди на руку нечесты. Постепенно мелкие кражи уже не удовлетворяют их. Компания начинает «брать выше», и в момент попойки происходит договорённость, опираясь на которую совершается преступление.

Перед нами сидит организованная группа совершивших преступление с целью наживы и ограбления. Недоказанность некоторых преступлений наводит на мысль, что организация так ловко обрабатывает делишки, что молодым органам милиции трудно было в этом разобраться. Целый ряд свидетелей заявляет, что над ними витал дух неизвестных людей, творящих преступления, и крестьянские массы в конце концов доказали на них.

Про убийство Белоногова, Коротаевых и Мальцева суд в течение восьми дней из допросов обвиняемых и свидетелей установил истину. Выяснение сути дела замедлялось и тем, что обвиняемые, сидя в исправдоме, повели работу среди свидетелей, посылая записки и давая им ложные показания. Когда суд разгадал причину невыяснения вопроса, тогда один из них сознался, что люди заранее договорились и подкупали свидетелей, чтобы скрыть свои преступления. Некоторые, принимая малое участие в убийствах, всё-таки согласились на то, чтобы не выдавать остальных. Подобная подделка говорит, что было определенное стремление скрыть шайку, выйти на свободу и продолжать как прежде свои успешные делишки.

Странно поведение таких лиц, как Гульяев Иван, который в результате процесса заявил, что на преступлении не был, хотя только что перед этим сознался. Типы, которые руководили вооружёнными налётами, нуждаются в правильной и надлежащей характеристике. (На этом долго останавливается прокурор.)

Затем прокурор останавливается на доказательствах, обосновывает факты и яркую картину совершённого преступления, а затем переходит к формулировке обвинения.)

Обвиняемый Игишев Александр вполне изобличается в том, что является ярым руководителем бандитов, оперировавших в Ишимском округе, сделавших 2 налета и 5 убийств с ограблением, в преступлении, предусмотренном ст. 76 У.К.

Игишев, как тёмная личность, пролезший в 1921 году с определённой целью работать в советские органы, имеющий за собой ряд преступлений, является вредным элементом для общества, и я требую для него применения высшей меры наказания.

Игишева нужно – расстрелять.

Обвиняемый Варакин, близкий сообщник Игишева, должен разделить с ним эту участь.

Четверку «борзых» из Новой Мизоновой: Гулятьева Степана, Гулятьева Ивана, Желомского, Козакевича, принесших слишком много горя крестьянам ближайших к ним деревень, занимавшихся систематическими кражами и вместе с тем состоящих членами шайки Игишева, нужно изолировать из членов человеческого общества навсегда.

Требую для всех шестерых активистов высшей меры наказания, я уверен, что суд избавит нас от этих гадких, испорченных людей.

В. Щ.

(7.08.1925, с. 2)³

Как защищался Игишев и компания

Восьмой день слушания дела по обвинению бандитов Игишева и его соратников. Публики, по обыкновению – полон зал. Все интересуются вопросом: как будет защищаться Игишев, используя выставленных им свидетелей?

Игишев, Варакин и Степан Гулятьев выставили ряд свидетелей, которые должны были подтвердить, что их в ночь убийства Белоногова в Ново-Мизоновом не было, и что краденые вещи им, Игишевым, куплены 14 декабря 1924 года на базаре ст. Ишим.

Начинается допрос.

– Свидетель Черемных Гурьян, скажите, видели ли вы Игишева 14 декабря на базаре ст. Ишим?

– Нет, не видал, да и не мог видеть, так как 14 декабря было в воскресенье, когда базара не бывает.

В публике раздается вздох облегчения. Игишев волнуется, передергивает скулами, потому что свидетель даёт правильные, а потому и невыгодные обвиняемому показания.

Председатель суда задаёт вопрос Игишеву:

– Так, значит, 14 декабря вас не было в Ишиме?

– Возможно, я был 15-го, – выпутывается Игишев (в зале раздаются смешки).

Следующий свидетель Смарицын даёт суду показания, что вечером 22 ноября в д. Ново-Мизоновой пьянствовали у Козакевича Игишев, Варакин, Степан Гулятьев и другие, где он, Смарицын, играл на гармошке, а Игишев и Варакин танцевали с Гулятьевой Марией (последняя допрошена и привлечена по 178 ст. У.К. за дачу ложных показаний суду).

Прокурор задаёт вопрос Варакину:

– Ну так как же, Варакин, ваш же свидетель и говорит, что вы танцевали?

– Нет, я не танцевал.

– Ну, а были?

Варакин мнётся, виновато улыбается, переминается с ноги на ногу и лепечет чуть слышно:

– Да, был...

– А Игишев?

– Тоже был.

– А Гулятьев Степан?

– Был.

Среди обвиняемых замечается волнение. Весь зал обратился в слух. Прокурор задаёт вопрос Игишеву:

– Ну, Игишев, правильно говорит Варакин?

Игишев бросает злобный взгляд на Варакина.

– Ну, что же, коли выдали, так был!

После этого все обвиняемые, участвовавшие в мизоновском убийстве, начинают сознаваться и раскрывать, как совершилось убийство Белоногова.

Группа крестьян из села Мизонова, присутствовавшая на процессе, слыша все показания обвиняемых, была в недоумении: действитель-

но ли Игишевым совершено данное убийство? И только на восьмой день процесса, в момент перерыва, они весело разговаривали:

– Сознались-таки... поймали... мы думали, что они сумеют выкрутиться... Видно, не так легко выкрутиться, когда попадёшь на скамью подсудимых!

Далее следствие идёт уже быстрым темпом. Ни один из свидетелей, выставленных обвиняемыми, не дал показания в их пользу.

Таким образом, линия защиты, какую вели Игишев и Варакин, провалилась, и участие обоих во всех пяти убийствах судебным следствием установлено.

Чувствуя слабую почву под ногами, Игишев просит приобрести к делу документы о его прежней работе в волисполкоме, выданные председателем сельского совета, полагая революционными заслугами замазать свои гнусные делишки, но суд соглашается с заключением прокурора и признаёт эти документы не имеющими юридической силы, так как характеристики о работе председателей волисполкомов не может давать председатель сельского совета.

На этом судебное следствие заканчивается и обвиняемые, чувствуя себя побитыми, сидят понура головы.

В массе зрителей ведутся разговоры:

– Неужели ещё отпустят?! Нет, дадут принудительные работы...

– Ну, нет, принудительными работами не замажешь... посадят в исправдом...

– Эх, исправдом их не удержит! – говорит бородастый крестьянин. – Нужно покрепче, чтобы они нас никогда больше не беспокоили!

– Тогда, значит, надо расстрелять – отвечает молодой парень в замазанной рубахе, по-видимому, рабочий.

Е. Р.

(9.08.1925, с. 2)

Расстрел главарей шайки бандитов

Приговор по делу Игишева Александра, Варакина Исидора, Гулятьева Степана, Желомского Ивана, Козакевича Лаврентия и Гулятьева Ивана Верховным судом утверждён.

В 4 часа 25 минут 21 сентября над осуждёнными Игишевым, Варакиным и Гулятьевым Степаном приговор приведен в исполнение – т.е. все трое расстреляны.

Желомскому же, Козакевичу и Гулятьеву Ивану высшая мера наказания – расстрел – заменён 10 годами лишения свободы со строгой изоляцией.

Характерно отметить, что перед приведением приговора в исполнение обнаружен разбор стены. Готовилась попытка к побегу.

(23.09.1925, с. 2)

Предисловие и публикация – Г.А.Крамор.

Примечания

- 1 Народное название с. Мизоновского.
- 2 Кинотеатр Общества «Долой неграмотность!» – находился в здании бывшей мужской гимназии, между зданиями бывшей тюрьмы и городского парка, на ул. Просвещения; сгорел в 1929 г.
- 3 Характерно, что на этой же странице газеты помещён материал под заголовком «Об амнистии для ишимских крестьян. Только власть трудящихся может мягко и дружески относиться к рабочим и крестьянам, где разлагается «постановление Уральского Облисполкома о том, что все дела по обвинению трудящихся за участие в контрреволюционном восстании 1921 года прекращаются, и лица, находящиеся под стражей и отбывшие уже 1/3 наказания, будут из-под стражи освобождены».

Пытливый посох странника

Г. А. КРАМОР

«Меня принёс на родину Конёк-Горбунок...»

Воистину «неисповедимы пути Господни»... Не может человеческий разум представить, как Высший Промысел соединяет людские пути-дороги. Можете ли вы представить, что вернулись в город, который не видели семьдесят пять лет? Ведь это само по себе – чудо. Чудесна и сама история возвращения на родину Татьяны Андреевны Сивилловой.

Дочь ишимского священника

В праздник Крещения Господня в 2005 году к нам пришло первое известие о том, что в далёкой Аргентине живёт дочь ишимского священника Андрея Сивиллова и внука протоиерея Виктора Калугина. Она написала письмо Татьяне Савченковой, преподавателю факультета русского языка и литературы Ишимского пединститута и автору книги «Ишим и литература. Век XIX», – книги, которая сложными перипетиями попала в городок Сан-Николас, где живёт герой нашего рассказа.

Татьяна Павловна вспомнила, что у неё училась Катя Сивиллова. Не родственница ли? Но как её найти? С такими мыслями возвращалась она с работы 25 января, в Татьянин день. И вдруг звонкий голос: «Здравствуйте!» То была Катя... Она оказалась правнучкой Петра Сивиллова, брата священника Андрея.

С этого водоворота встреч и событий началась история обретения Татьяной Андреевной своей малой родины. Между нами завязалась переписка, результатом которой – публикация мемуаров русской аргентинки «Успокойся, моя память» («Calmate mi memoria») в восьмом выпуске ишимского краеведческого альманаха «Коркина слобода». Прочитав их, Надежда Дегтярева, также преподаватель педагогического института, сама позвонила в Аргентину: «Вы слышите голос России! Родина ждёт Вас...»

И Татьяна Андреевна решила на трудную дорогу. Подкопила свою небольшую пенсию. Чем-то помогла дочь Лидия с мужем, мэром одного из аргентинских городов. Чем-то – ишимские доброты, которые откликнулись на призыв Музея П.П.Ершова... Вызов на родину оформляла мама Кати Сивилловой – Людмила Кирилловна; у неё же и остановилась гостя в Ишиме.

А ведь Татьяне Андреевне 24 января 2008 года исполнилось семьдесят четыре! Родилась

она в далёком 1924-м, в городе Ишиме. Её мать Варвара Викторовна – дочь настоятеля Боголюбленского собора. Отец – первый священник станционной Покровской церкви, в дальнейшем служил в городской Троицкой церкви, в сельских храмах. В 1933 году был арестован, обвинён в антисоветской деятельности (заметил в разговоре, что крестьяне «умирают оттого, что плохо питаются») – в районе свирепствовала эпидемия септической ангины) и выслан в Тобольск. Жену с тремя дочерьми выгнали из родного дома, лишили всего имущества. Последовав за мужем и отцом, как за гонимым когда-то Христом, они отправились в древнюю столицу Сибири... С тех пор, в течение 75 лет, Татьяна Андреевна не ступала на родную землю.

В мае 1941 года она вместе с матерью приехала в город Николаев к сестре Нине, которая перебралась на Украину после замужества. Вскоре началась война. Пережив тяготы оккупации, 20-летняя Татьяна решила уйти с отступающими немцами, посчитав, что в Советском Союзе дочь священника не ожидает ничего хорошего. Из концлагеря в Зальцбурге Сивиллову освободили американцы. Там же она вышла замуж за сибиряка Михаила Крупнякова. Им повезло: американские оккупационные власти, в отличие от английских, наотрез отказались выдавать советским представителям тех, кто не желал возвращаться к строительству социализма.

«Нам предложили на выбор несколько стран Южной Америки. Мы выбрали Аргентину, полагая, что там более умеренный климат, похожий на наш родной. И не ошиблись. Эта страна нас хорошо приняла. Президент Перон заботился о простых людях. Нам дали квартиру, работу. Здесь выросли три мои дочери, здесь растут мои пять внуков и семь правнуков», – рассказывает Татьяна Андреевна. В последней цифре, как оказалось, она ошиблась. За время её пребывания в Ишиме количество правнуков увеличилось до девяти!

Путь на родину

Он занял всего сутки. 270 километров до столицы, перелёт из Буэнос-Айреса через Мадрид до Москвы. Пересадка на самолёт до Тюмени. Оттуда на автомобиле вместе с Катей – ещё четыре часа. Утром 20 июля Татьяна Анд-

На берегу озера Плохового. 22 июля 2008.

реевна ступила на ишимскую землю. А на следующий день состоялась наша первая встреча в Музее П.П.Ершова. Побывали в мастерской художника Александра Игнатченко (он написал для Сивилловой небольшую картину с изображением Покровской церкви), сфотографировались у цветущих мальв.

— Не закружилась голова от такого быстрого возвращения?

— Да... Здесь другой воздух. Воздух родины. И так непривычно слышать, что вокруг все — и дети, и взрослые — говорят на русском языке!

Татьяна Андреевна хорошо говорит на русском языке, но с лёгким акцентом и паузами для подбора слов. За семь десятков лет в наш язык пришло много новых слов, и для обозначения этих реалий Сивиллова использует привычные ей испанские слова. «Периодисты» — это журналисты, «тархотка» — визитная карточка... Сотрудников НКВД называет «энкаведистами», представителей советской власти — «советчиками»...

В Сан-Николасе, довольно крупном городе, не осталось уже ни одного человека, с кем бы Сивиллова могла общаться на родном языке. У внуков и правнуков имена тоже испанские, и по-русски они знают только: «Дай конфету!» или «Дай денег!» Да ещё поют, с большим акцентом, «Катюшу». Года три назад в городе Рио-Турбио устроили фестиваль национальностей. Аргентина — такая же многонациональная страна, что и США: сюда за своим счастьем приехали представители почти всех народов мира.

Татьяна Андреевна скроила костюмы, напоминающие русские, сшила российский триколор — и под этим флагом на сцене объединилось её многочисленное потомство.

Да, Аргентина стала для Татьяны Андреевны второй родиной. И всё же — какое щемящее чувство рождает ностальгия... Мы очень боялись, что нашей гостье станет плохо с сердцем от воспоминаний. Старались знакомить с интересными людьми земли Ишимской, показывать самые красивые места. На третий день повезли по озёрам — Плоховое, Солёное... Угостили шашлыком.

— А в Аргентине едят шашлык?

— Нет, но там могут зажарить целого быка. Местные жители очень любят мясо и жирные блюда. И они ленивы в приготовлении обеда. Сложат в один котёл самые разные овощи и мясо — как такое можно есть?

Увидев берёзы, Татьяна Андреевна пожелала увезти с собой кусочек бересты. «Мне не верят, что есть деревья с белой корой! А ещё не знают, о чём же песня про калинку-малинку!» Гостья спела нам несколько испанских песен, в том числе классику — «Besame mucho». Голос приятный и очень мелодичный.

Ишимские «мемории»

Напитавшись положительными эмоциями, на следующий день едем по родным местам. Это — главная цель Сивилловой. Начали с Богоявленского собора, первого каменного здания Приишимья, заложенного в 1775 году. Здесь служил настоятелем её дед протоиерей Виктор Калугин. У стен собора он был похоронен в 1920 году. Через десять лет храм закрыли, а все могилы сровняли с землёй...

Татьяна Андреевна прежде не бывала в соборе. «Мама нас водила в станционную церковь, там служил наш отец». Купила несколько иконок с ликом святителя Николая, на память аргентинским друзьям. Символично: Сан-Николас — это город святого Николая, который считается покровителем Сибири! У белых стен собора Сивиллова дала своё первое интервью ишимским журналистам.

Неподалёку, на улице Ленина, бывшей Большой Никольской, стоит дом № 9, где жил преподаватель духовного училища Николай Алексеевич Аравийский. Он был женат на тётке Татьяны Андреевны, сестре её матери Анне Викторовне. В бывшем палисаднике — пенёк от недавно спленного могучего тополя. Его наверняка сажал прежний хозяин особняка. В 1919 году Аравийские последовали вслед за отступающей армией Колчака, опасаясь репрессий со стороны красноармейцев. Остановились в Томске. С детьми Аравийского — Евстолией и Александром — переписывалась мать Татьяны Андреевны.

Дальше — двухэтажный дом № 23. Здесь квартировала семья Калугиных. Здесь росла мама Татьяны Андреевны и вплоть до 1930-х годов проживали ещё две её сестры — Раиса Викторовна Васильева и Мария Викторовна Тисленко. «Во дворе по правую руку стоял флигель, рядом — столб для карусели. А вот под этой водосточной трубой на углу я вставала во время дождя. И тётя Рая строго окликала меня

Здесь когда-то стоял отцовский дом... Ишим. 23 июля 2008.

из окна: «Татьяна Андреевна!» По отчеству она называла меня, когда сердилась. Потом Васильевы уехали на Урал, остались Тисленко. В комнате наверху стояло пианино, на нем играла Ирина, дочь Марии. Внизу была кухня. У них жила нянька, которая вынянчила Марию, а потом её детей. Эта старушка Ольга приходила к нам. Мама приготовила плюшек и поставила на стол. А чтобы она не стеснялась, вышла. Когда вернулась, тарелка была пуста. Через два дня старушка умерла, и под подушкой нашли мамины плюшки. Она всё спрятала за пазуху, набрала побольше еды, боясь, что может умереть с голоду...»

От дома Калугиных не так далеко и до участка № 4 на улице Просвещения. Здесь стоял когда-то дом Сивилловых. Напротив участка — дурно пахнущая контейнерная площадка. Но Татьяна Андреевна её не замечает. Мы устремляемся к калитке. От волнения гостя не знает, с какой стороны открыть дверь. Помогает журналист Ирина Новосёлова, которая сопровождает нас в прогулке по Ишиму. Один из обитателей нынешнего дома на четверых хозяев поясняет, что он построен в 1957 году, а прежний, который стоял на месте огорода, разрушен. Там и сейчас находят осколки кирпича и стекла.

— А сколько вам лет? — интересуется Новосёлова.

— Семьдесят два. Вот, с тросточкой хожу после инфаркта.

— А Татьяне Андреевне 84...

Она тоже перенесла сердечный приступ после того, как получила с родины «Книгу расстрелянных», где упомянуто имя её отца. Но... «У нас в Аргентине хорошие кардиологи!» Также ей была сделана операция на тазобедренном суставе. Хороша аргентинская медицина, если

после лечения пенсионер летит на самолёте на другую сторону земного шара!

На черноземе грядки, действительно, поблескивают осколки тонкого стекла. Такое делали до революции. Тут же — кусочки кирпича с остатками побелки, от фундамента или печей. Передаю эти реликвии в руки Татьяны Андреевны. А Ирина Борисовна в это время срывает листочки малины, растущей по краю огорода. Возможно, эта малина сохранилась здесь ещё от прежних хозяев. То есть — от Сивилловых...

«В строительстве дома папа участвовал сам. Помню, как утыкали паклей щели между брёвнами, а потом набивали дранку и штукатурили изнутри. Дом был небольшой, пятистенок — но очень уютный. Во дворе зимой устраивали катушку. Летом мама ухаживала за огородом...» И вспоминает в подробностях, как был устроен дом, где стояли столы, стулья... «Я как чеховская Каштанка — хочу вспомнить запахи детства, всё, что меня окружало. Модерновый город меня не интересует».

Татьяна Андреевна крепится. Воспоминания — то, во что ей хочется вернуться. Но взгляд в прошлое губителен для её настоящего. Приехать на родину и умереть... Нет, у Сивилловой другие планы! Она будет писать продолжение книги. Она расскажет своим испаноязычным землякам о том, как её встретили на родине, чем живёт Россия — страна, о которой они имеют самое приблизительное представление: «там всегда зима и медведи». Поэтому — Татьяна Андреевна крепится.

«Я ходила в Ишиме в школу, в начальные классы. Выходила из калитки и поворачивала налево». Вероятно, школа находилась в здании бывшего уездного училища на Соборной площади, теперь на его месте — второй корпус

В Покровской церкви. Ишим. 24 июля 2008.

пединститута. «У нас была директором Анна Ивановна Кужель, а учительницу звали Лидия Ивановна. Как-то на уроке спрашивали детей, кем работают родители. А я из пропаганды знала, что священники – это контрреволюционеры, но что это значит, не понимала. И вот отвечаю на вопрос: «Мой отец – контрреволюционер». Лидия Ивановна встала: «Нет, деточка, не говори так...» И ещё однажды вышел конфуз – про Емельяна Пугачёва и его сподвижников сказала, что они были бандитами. Так мне мама объясняла...»

Наша следующая цель – главпочтамт. Он находится в том же здании на углу улиц Пономарёва и Гагарина, что и в 1933 году. (Тогда улица Гагарина называлась Красной, а прежде – Бокарёвской; Пономарёва – Старо-Сенной.) Девятилетней девчушкой Таня бегала к зданию милиции, что стоит напротив почты. Взираясь на ступеньки высокой лестницы и пыталась увидеть окна камер предварительного заключения, находившихся в подвале милиции. Они были огорожены высокими щитами и к ним нельзя было подойти: по тротуару прохаживался милиционер. Однажды ей увиделась чья-то машущая рука – быть может, отцовская?..

«Он был исключительно добрый человек. Однажды к нам во двор через забор перепрыгнул вор и упал в ледник, не мог вылезти. Отец поставил ему лестницу и выпустил, ничего не сказав. В другой раз к нам полез соседский подросток, чтоб нарвать подсолнухов. Отец увидел и крикнул ему: «Семен, ещё не стемнело!» Он помог своему брату Петру, у которого было много детей. Когда этап с отцом отправили в Тобольск, арестанты ночевали в одной деревне. И он попал в дом к женщине, которая преж-

де служила у них в доме. Она как могла подкормила его...»

Последний раз Таня с матерью увидели отца в Ишиме, когда этап заключённых перед отправкой в Тобольск повели на помывку в городскую баню. Сивилловы прибежали на площадь перед баней (её здание ещё стоит на улице Пушкина). Заключённые выходили из бани и выстраивались на площади, охраняемые оцепленным из милиционеров. Узнать отца издалека было очень трудно, ведь его длинные волосы были сбриты. Отец увидел родных и помахал рукой... И тут грянул ливень. Сильный, с ветром и градом. «Мы вернулись домой мокрые до нитки. А я всё думала: как же они там, под дождём?»

Поездка в Шаблыкино

На следующий день мы едем в село Шаблыкино, где служил отец в 1931-33 годах в Екатерининской церкви. Нас сопровождает журналист Наталья Кутырёва. Первый и самый ответственный пункт поездки – Покровская церковь на станции Ишим. Та самая, где служил отец Сивилловой в 1915-25 годах. У резного крыльца нам встретился нынешний настоятель храма отец Пётр Лысенко. Знакомим его с гостями. Отец Пётр просит внести имя первого настоятеля церкви в список вечно поминаемых. А Татьяна Андреевна погружается в воспоминания о детстве. О том, как вместе с мамой делали бумажные цветы – украшения на Пасху для храма, о том, как добирались до Тобольска, как заключённых выгоняли на работу по высокому и скользкому берегу Иртыша, где они баграми собирали брёвна, стоя в холодной воде... После освобождения отец Андрей вернулся к род-

Встреча у колодца на станции Шаблыкино. 24 июля 2008.

ным исхудавшим, с выпавшими зубами. Работал кучером в больнице. В 1937 году его арестовали. Больше семья его не видела.

С тревогой замечаю, как рассказчица меняется в лице. Попрощавшись с отцом настоятелем, заходим в храм. Усаживаю Татьяну Андреевну на лавочку. Конечно, она не узнаёт здесь ничего. Храм был закрыт в военные годы, всю обстановку пришлось воссоздавать перед новым открытием в 1946 году. Визит в прошлое тяжело лёг на сердце нашей гостьи. Выходим на улицу. Наталья находит стакан воды. Немного отдыхаем и едем за город. Новые впечатления от сибирской природы помогут Татьяне Андреевне успокоиться.

Долго стоим на переезде. Через станцию Шаблыкино идут грузовые составы. Когда-то Таня Сивиллова тоже ездила на службу вместе с отцом на поезде. Здесь, у выбеленного вокзальчика, они выходили из вагона и шли два километра пешком до села. И теперь – к перрону подошёл пассажирский поезд. Транссиб: поезд Благовещенск – Москва.

– Татьяна Андреевна, этот поезд идёт из Благовещенска до Ишима четверо суток. А от Ишима до Москвы – всего 36 часов. Вся страна – к востоку от нас!

Рассказ впечатляет Сивиллову; она просит сфотографировать её у вагона. Татьяна Андреевна фиксирует в блокноте названия всех мест, в которых побывала, и имена всех людей, с которыми встретила. Это – материал для будущей книги.

Обогнув вокзал, подходим к колодцу. Изнуряющая июльская жара уже позади, но испить прохладной воды хочется. Сюда же с ведрами подошла местная жительница, бабушка. Ока-

Екатерининская церковь в селе Шаблыкино. 24 июля 2008.

зывается, ей – 82 года. Татьяна Андреевна просит её сфотографироваться.

– Да вы что! Куда мне, я такая старая!

– А я вас старше на два года!

Улыбка Сивилловой убеждает шаблычанку. Делаем снимок.

На крыльце Екатерининского храма нас встречает староста Валерий Сергеевич Рогожкин. В церкви, построенной 103 года назад, красят пол. Стойкий запах не позволяет долго находиться внутри, поэтому беседуем на улице. Этот храм лучше всех других ишимских церквей сохранил свой интерьер. В нём подлинный осто́в иконостаса, много сохранных жителями старинных икон. Тане было лет восемь, когда она приезжала сюда на какой-то летний праздник. «Хор, хор был здесь хороший...» Но облик храма ей не запомнился. Помнит лишь, как местная старушка показывала ей клубнику на склоне высокого берега речки Черемшанки.

На следующий день Татьяну Андреевну берёт под опеку Надежда Тимофеевна Дегтярёва. Она побывала в гостях у художников Троегубовых; у Татьяны Павловны Филипповой вспомнила, что такое русская баня и берёзовые веники.

Встреча с городом юности

29 июня мы выехали в город Тобольск, где прошли подростковые и ранние юношеские годы Татьяны Андреевны. В этот же город переехал в молодости Алексей Львович Сивиллов, племянник по линии её дяди Петра. Поездка продолжительная – восемь часов. По дороге завез-

Сивилловы: Людмила Кирилловна, Екатерина, Татьяна Андреевна, Алексей Львович. Тобольск. 29 июля 2008.

жаем к Петру Ивановичу Николаеву, начальнику нефтеперекачивающей станции «Северный Вагай». Он наш давний друг и помощник. Благодаря ему три года назад состоялась экспедиция на Северные болота для установки креста на месте гибели повстанческого отряда Шевченко в 1921 году. На этот раз он организовал обед и тёплую встречу нашей делегации в Вагае.

В древнюю столицу Сибири прибыли уже под вечер. Решили, не теряя времени, посмотреть город, а уже после устраиваться в гостиницу. Тем более, что Сивилловых пообещал взять к себе Алексей.

Сначала нанесли визит к главному творцу мифов о Тобольске – косторезу Минсалиму Тимергазееву. Мастер показал, как работает косторезный станок, устроил неподражаемую импровизацию-экскурсию по маленькому музею и засыпал аргентинскую гостью подарками-сувенирами. Татьяна Андреевна была в восторге. «Он артист, мне нравятся такие живые, артистичные натуры!»

Подъехали ко кремлю. Со смотровой площадки взглянули на нижний город. Татьяна Андреевна вспомнила, как в детстве, возвращаясь из школы № 1, где училась в старших классах, поднималась по лестнице Пряжского ввоза. А с Никольского ввоза школьники катались вниз на картонных портретах вождей, возвращаясь с ноябрьской демонстрации. Разумеется, так, чтобы никто из учителей не увидел... «Как к ним было относиться? Сегодня они вожди, а завтра – враги народа! А имя «самого любимого вождя» мы видели повсюду. Был даже ассенизаторский обоз имени Сталина...» Наша делегация не может удержаться от улыбок.

Прошли мимо бывшей тюрьмы. Но останавливаться и входить в неё не стали. Лишь задумались над тем, где мог быть похоронен отец

Андрей. Наша гостья вспоминает, что видела телегу с телами расстрелянных, которую провозили недалеко от домика на окраине верхнего города, где они жили после второго ареста отца. Помнит большую яму неподалёку от кладбища, в которую выгружали трупы – туда она не решилась подойти близко, потому что выпал снег и края были скользкими.

Виктор Горохов, тобольский журналист, предположил, что это место – берёзовая рощица к северу от Завального кладбища. В те времена – окраина города. А в 1970-е годы, когда город стал стремительно расти, здесь, у рощицы, стали рыть фундамент под жилой дом. Но наткнулись на человеческие останки. По уцелевшим личным вещам тоболяки опознали своих родных. Могилу оставили в неприкосновенности. Однако и памятного знака не установили...

Хотя Татьяна Андреевна уже утомилась, но на предложение съездить в нижний город и посмотреть здание школы № 1 соглашается бодро: «Я должна увидеть как можно больше!» Здание школы, бывшая Мариинская женская гимназия, стоит рядом с церковью Архангела Михаила. С другой стороны – типовой деревянный дом середины XX века. В нём прошли младенческие годы будущего актёра Александра Абдулова. Его отец был директором Тобольского драматического театра.

Сивиллова показывает три окна первого этажа школы: «Это наш класс... Нас учили главному – умению дойти до цели. У меня цель была – получить профессию». Но высших учебных заведений в Тобольске не было. Весной 1941 года Татьяна уехала в Николаев к сестре Нине. Там и получила аттестат о среднем образовании. «Меня готовы были взять в вуз без экзаменов, у нас на выпускных сидели представители педагогического института. Меня увлекла математика. Я ведь не могла никуда пойти из дому

гулять, как дочь репрессированного. Сидела и решала задачи по учебнику — от корки до корки, все летние каникулы. Это было мое развлечение. А потом вошла во вкус. Точно так же и с рисованием. Но тут мне не хватало красок».

Умение решать любую поставленную жизнью задачу помогло Татьяне Андреевне выжить в чужой стране. «Как мы учили испанский язык? Были устроены курсы. Пришёл профессор. Он не знал никакого другого языка, кроме испанского. Он нас учил действиями. Показывает на предмет и называет его. Мы должны запомнить. Я запоминала по два десятка слов в день». Сама научилась водить автомобиль, — от него пришлось отказаться только после операции на ногах. Три года назад решила освоить Интернет и тоже записалась на курсы. Ей хотели отказать: не было ещё учеников такого возраста! Компьютер и Интернет Сивиллова освоила. Это ускорило переписку с родиной.

Два берега ручья, протекающего позади двора школы и впадающего в речку Курдюмку, совсем недавно соединил горбатый пешеходный мостик. Татьяна Андреевна вдруг восклицает:

— Я вспомнила! Здесь мы катались на лыжах во время уроков физкультуры. Только мы называли этот ручей канавой...

Тобольск: день второй

Утро 30 июля начинаем с Завального кладбища. В школьные годы класс, в котором училась Таня, водили сюда к надгробиям декабристов. Но свидание с тобольскими тележурналистами назначено у могилы Петра Павловича Ершова. Татьяне Андреевне есть что рассказать и о своей жизни, и о значении в ней автора «Конька-Горбунка». Ведь она перевела эту сказку на испанский язык, проиллюстрировала её собственными рисунками и отправила на конкурс Всероссийской литературной премии имени великого сказочника. Учредители премии — правление Союза писателей России и администрация города Ишима. Жюри приняло решение присудить Сивилловой приз в номинации «Миссионер русской культуры».

После интервью едем на Аптекарскую улицу, к высокому зданию в стиле классицизма. Это бывший гарнизонный госпиталь, в котором в середине XX века находилась городская больница. После того, как лечебницу закрыли, здание пришло в запустение. Теперь его капитально ремонтируют. Сюда переедет администрация Тобольска. На территории больницы осталось единственное действующее заведение — морг. За ним, на углу с улицей Ремезова, строится гостиница. Такие вот контрасты.

На месте будущей гостиницы и стоял деревянный дом, в котором проживал обслуживающий персонал больницы, в том числе, в одной комнате, и семья кучера Сивиллова. Отсюда его забрали ночью 9 сентября 1937 года. Грубо схватили и увели в неизвестность. Семье пришлось срочно выселяться.

Из материалов следственного дела нам теперь известно, что свою вину в участии в «контрреволюционной повстанческой организации, возглавляемой архиепископом Ильинским»,

У могилы П.П.Ершова. Тобольск.
30 июля 2008.

Андрей Сивиллов не признал. В анкете отмечено, что он всегда держался «тихоновской» ориентации (был сторонником позиции Патриарха Тихона) и не принимал обновленческого движения.

Отца Андрея расстреляли 14 октября, в день православного праздника Покрова Божией Матери. Праздника, в честь которого освящён храм, настоятелем которого он был в Ишиме.

— Так вы именно в этом доме жили? — взволнованно говорит Алексей. — Я хорошо его помню. В 1980-х годах там случилось возгорание, небольшое, мы приехали на вызов.

Алексей Львович — пожарник. По его словам, здание было очень крепкое, и даже после пожара простояло ещё два десятка лет. Снесли его совсем недавно.

— А здесь, в саду, находилось психиатрическое отделение, — добавляет Татьяна Андреевна. — Один больной залезал на боярышник и кричал частушки про то, как «сидит Сталин на суку, гложет конскую ногу»...

Подъехали к берегу Иртыша, на площадку у стен бывшей тюрьмы. Широкая лента могучей реки терялась под занавесом тумана, в котором едва проступал силуэт железнодорожного моста. «На другом берегу Иртыша в посёлке жила ученица Валя Яковлева. Как-то я возвращалась от неё. Лёд был уже тонкий, весь в трещинах, и я перепрыгивала через эти трещины. А у берега стояла вода, и пришлось прыгать по льдинам...»

Посетили сад Ермака. Хулиганские надписи на гранях обелиска, виденные месяц назад,

*В шапочке, сшитой мамой.
Тобольск. 30 июля 2008.*

уже исчезли. А вот разобранные цели – так и лежат... Отсюда хорошо видна дыра в кремлёвской стене на месте разобранных архиерейских конюшен. Внизу – вросшие по самую крышу домики предместья Вершина. На эти участки, замечает Алексей, после визита Президента взлетели заоблачные цены. Хозяева земли сами ничего не строят, а берегут её как капитал.

Неподалёку на раскопках работают студенты Тюменского госуниверситета. Татьяна Андреевна просит показать находки. На одном из черепков XVII века ей видится человеческий силуэт... Кстати, в её багаже – частица истории Пришимья, черепок саргатской культуры с орнаментом, подобранный на песчаном увале у села Клепикова.

На аллее, ведущей к памятнику Ермаку, находим свежую кедровую шишку, изрядно «подработанную» белкой. Татьяна Андреевна обрадовалась: она хотела бы показать в Аргентине, как выглядят легендарные кедровые шишки.

Из сада идём в художественный музей. В 1938 году в течение двух месяцев Сивиллова ходила на курсы художника Пантелеймона Чукомина. Выпускник Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, дававшего высококлассное образование, он вернулся в 1905 году в родной Тобольск. В музее хранятся его работы, свидетельствующие о таланте и мастерстве живописца. Татьяна Андреевна помнит визит в дом художника. Её поразил этюд, на котором очень живо были изображены оттаивающие с мороза ягоды брусники. В том же 1938

году жизнь Чукомина оборвалась в стенах НКВД...

И ещё одна промыслительная встреча

Незаметно приближается час прощания с Тобольском. Прогулявшись по Софийскому двору, выезжаем в Абалакский монастырь. Там полным ходом идут реставрационные работы. Есть возможность лишь поставить свечи перед Абалакской иконой Божией Матери – и, помолвившись, отправиться в обратный путь.

Татьяна Андреевна показала здесь свою реликвию – шапочку вроде скуфейки, сшитую в Тобольске её мамой. Эта шапочка была всегда в рюкзаке Сивилловой во всех перипетиях послевоенной судьбы. Когда-то бархатная материя, из которой сшита шапочка, украшала обложку домашнего Евангелия. На нём был вышит бирюзовым бисером крест. Мама решила замаскировать книгу, сняв обложку. А из бархата сделала скуфейку, расшитую бисеринками, которые должны были напоминать дочери звёзды на синем куполе Софийского собора...

В этот же момент к монастырю подъехала группа паломников из Москвы во главе с отцом Кириллом Каледа, настоятелем храма Новомучеников Российских на Бутовском полигоне. Там захоронены тысячи невинных жертв репрессий. Паломники везут с собою деревянный голгофский крест, изготовленный на Соловках. Татьяна Андреевна, дочь священномученика, прикладывается ко святыне...

«Моя мама так хотела, чтобы на её могиле был поставлен крест. И сокрушалась: «Ведь не поставят». Так оно и вышло. Детям Нины, моей сестры, оставшейся в Советском Союзе, даже запрещалось знать о том, что их дед был священником...» Не все наши соотечественники понимают, зачем она решилась на такой шаг – уйти вместе с армией оккупантов. Считают её предательницей, которая искала сладкой жизни за рубежом. Надо попасть в то время, чтобы стало ясно: бежала Сивиллова не от России, а от той власти, которая убила её ни в чём не повинного отца. Добровольно решиться на пожизненную разлуку с матерью и пойти в немецкие концлагеря, чтобы не попадать в советские – это не то же самое, что искать политического убежища на Брайтон-Бич...

«Любовь к родине у меня осталась, несмотря на все трудности... Мой дом – это уголок России. У меня большая библиотека русских классиков, а стены увешаны репродукциями картин русских художников», – говорит Татьяна Андреевна.

Чудный сон...

И снова – Пришимье. Поездка в село Боровое, экскурсия с Татьяной Павловной Савченко на родину автора «Конька-Горбунка», в село Безруково (Ершово)... 5 августа – встреча с жителями города в центральной детской библиотеке. Здесь Татьяна Андреевна торжественно вручила от имени администрации города заслуженный ею приз Ершовской премии. А Сивиллова подарила Музею П.П.Ершова собственноручно сделанную скульптуру Ивануш-

Встреча в детской библиотеке. Ишим, 5 августа 2008.

ки, оседлавшего белоснежную кобылицу с кудрявыми гривой и хвостом.

Участники встречи делились впечатлениями от прочитанных ими мемуаров Татьяны Андреевны. Восхищались её мужеством и решимостью. А она отвечала шутя: «Меня сюда принёс Конёк-Горбунок!» Но после приветствия епископа Евтихия заметила всерьёз: «Меня все эти годы поддерживала вера в Бога. Моя мама повторяла, что можно отнять всё материальное, но душу бессмертную – не отнять. У меня такое чувство, что мои родители поддерживают меня и после смерти. Есть высшая сила, которая нами руководит. И это явное чудо – то, что я снова побывала на моей родине».

В Ишиме произошло ещё одно свидание с тобольским детством. После сюжета, показанного тобольским телевидением, в квартире Алексея Сивиллова раздался звонок. Его искала одноклассница Татьяны Андреевны по школе № 1 Тося Добровольская. Алексей дал номер ишимского телефона, и две подруги детства целый час делились воспоминаниями и переживаниями... А на встречу в библиотеке из Тобольска приехала Татьяна Ильинична Солодова, искусствовед, написавшая книгу о П.П.Чухомине. Во время нашего визита в её родной город она была в Омске – и вот приехала в Ишим, чтобы лично пообщаться с ученицей Пантелеймона Петровича. Её сопровождала Нина Николаевна Чухомина, внучка художника.

Прощальный вечер 12 августа... Ночью надо выезжать в Тюмень, откуда, снова самолётом – до Москвы. В столице Татьяну Андреевну встречает Алёна Днепровская, тоже ишимчанка – дочь Нины Петровны Кузовковой, председателя городского комитета по культуре. И – перелёт до Буэнос-Айреса. 13 сентября кончается россий-

ская виза. Дальше оставаться на родине нельзя...

К Сивилловым весь день идут гости, чтобы пожелать Татьяне Андреевне счастливого пути. Людмила Кирилловна накрывает на стол. Нам не хочется прощаться. Чувствуется, что и гостя хочет продлить минуты общения со своими земляками.

– Татьяна Андреевна, теперь у вас – два дома, здесь и в Аргентине!

– Да-да, это вы точно сказали... Здесь – мой дом.

Мы пьём напиток матэ. Ударение – на первом слоге. Матэ – своего рода аргентинский чай. Этот кустарник разводят огромными плантациями и собирают, как и у чайных кустов, верхние молодые листочки. Местные жители даже по улицам городов ходят с термосом, откуда периодически прихлёбывают напиток со специфическим пряным вкусом. Классический вариант употребления – из кубышки через металлическую трубку. Кубышку передают из рук в руки, как «трубку мира», и все собравшиеся делают по глотку. Издалека эта церемония похожа на курение из кальяна. Татьяна Андреевна привезла из Аргентины пакет с листьями этого растения, чтобы познакомить своих земляков со вкусом южноамериканской жизни.

...Не успела Татьяна Андреевна переступить порог своего дома в Сан-Николасе, как раздался телефонный звонок.

– Кто это? – привычно по-испански спросила хозяйка.

– Вы слышите голос России! Родина вас не забывает!

– О, да! Это был чудный сон...

Фотографии автора.

Русская весна Латинской Америки

В ноябре 2008 года внимание российских СМИ было приковано к континенту на другой стороне земного шара. В преддверии важных политических событий, направленных на сближение с южными государствами Нового Света и совместных российско-венесуэльских морских учений здесь прошли «Дни России в Латинской Америке».

Ставшие настоящим торжеством русской духовной культуры, они начались 17 октября и за месяц охватили семь государств и десять городов Латинской Америки: Кубу (Гавана), Коста-Рику (Сан-Хосе), Венесуэлу (Каракас), Бразилию (Рио-де-Жанейро, Бразилиа, Сан-Паулу), Аргентину (Буэнос-Айрес, Мардель-Плата), Чили (Сантьяго) и Парагвай (Асунсьон). Организаторами турне выступили Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) при поддержке Министерства иностранных дел РФ, Министерства культуры РФ и Русской Православной Церкви.

В составе представительной делегации из 120 человек был и настоятель ишимского Богоявленского собора епископ Домодедовский Евтихий.

— Ваше Преосвященство, как получилось, что Вы попали из сибирского города Ишима в Латинскую Америку? В чём заключалась цель поездки?

— В состав российской делегации входили представители духовенства, госчиновники, журналисты и хор Сретенского монастыря — один из лучших певческих коллективов Русской Церкви. Кандидатуры из духовенства утверждались в Отделе по внешним церковным связям Московского Патриархата. В частности, из церковных иерархов МП в поездке участвовали митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, архиепископ Хустский и Виноградовский Марк, архиепископ Рязанский и Касимовский Павел, чуть позже к нам присоединился первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион, а также митрополит Аргентинский и Южно-Американский Платон из МП и новопоставленный в РПЦЗ епископ Каракасский Иоанн.

Поскольку моё церковное послушание как епископа заключается в окормлении приходов РПЦЗ на территории России, то мою кандидатуру для включения в состав делегации предложил митрополит Иларион. Святейший Патриарх Алексей дал благословение. Так что моя миссия выражалась в представлении церковной позиции как Московского Патриархата, так и Зарубежной Церкви — в Латинской Америке есть приходы обоих юрисдикций, и наша поездка имела в том числе цель сблизить в едином служении Христу духовенство и прихожан двух ветвей Русской Церкви, находившихся в раз-

делении более восьмидесяти лет, вплоть до мая 2007 года, когда был подписан Акт о каноническом общении.

Главной же нашей задачей, по слову Патриарха, было «укрепление духовных связей с родиной» наших зарубежных соотечественников. Поэтому с нами также путешествовала чудотворная икона Божией Матери «Державная», которая явилась православному народу в смутные дни 1917 года и которая стала символом духовного единения русских православных людей, живущих в разных странах. Кроме того, в каждом городе были развернуты фотовыставки «Православная Русь» и «Современная Россия» и проходили выступления хора.

— Удалось ли пообщаться с русскими людьми, живущими по ту сторону океана?

— Наша программа была очень насыщенной, поэтому встречи с русскими людьми происходили в основном только на семинарах соотечественников. Они проводились в каждом городе нашего маршрута. К сожалению, времени для общения на этих семинарах катастрофически не хватало. Частные встречи были возможны только на приёмах в посольствах, на выставках и других мероприятиях. Кстати, цейтнот приводил к курьёзным случаям, когда фотовыставки, к которым местные жители проявляли огромный интерес, сворачивались уже через несколько часов после открытия.

Но эмигрантская среда мне давно известна по поездкам в заграничку, которые были довольно частыми в пору моего служения в Зарубежной Церкви. Эта среда очень многообразна, многолика. И проблем у русских людей в заграничье, наверное, больше, чем у русских в России, — за исключением, пожалуй, только Кубы — государства, которое, по сути, представляет собой одну большую дружную семью.

Запомнилась трогательная встреча с настоятелем Воскресенского собора в Буэнос-Айресе протоиереем Владимиром Скалоном. Ему уже за 80 лет, но он полон сил и энергии; не только служит в храме, но ещё и занимается общественной деятельностью, как и его сверстник и соратник И.Н. Андрушкевич. Их удивительная жизнь была наполнена множеством скитаний, бед, переживаний. Слушая их, мы просто стонали: «Надо же всё это записать и напечатать!» — потому что интересна жизнь и поучительна жизнестойкость наших эмигрантов первой волны. И очень точно выразился И.Н. Андрушкевич: «Россия пережила трудности большевистского безбожного режима. Репрессии не сломили дух русского народа. А сейчас она попала в объятия демократии, устроенной на западный лад. И в этих ласково удушающих объятиях выстоять будет гораздо труднее».

Вспоминаются встречи с русскими людьми в Парагвае. Именно благодаря офицерам белой эмиграции создана армия республики Парагвай, под их руководством выиграна война с Боли-

*Епископ Евтихий. Буэнос-Айрес,
Аргентина. 4 ноября 2008.
Фотография М.Родионова.*

*Новый храм во имя Казанской иконы
Божией Матери в Гаване.
Куба. 19 октября 2008.
Фотография М.Родионова.*

вией 1932-35 годов. Но после второй мировой войны республику захлестнула русофобия, когда всё русское отождествлялось с советским и за русскую речь, чтение русской литературы могли даже посадить в тюрьму. К этому приложили руку эмигранты-«оуновцы», бежавшие в Парагвай из Украины после разгрома гитлеровских войск. Но сейчас все недоразумения преодолены, о чём свидетельствовало торжественное открытие в Асунсьоне мемориальной доски, в котором приняли участие почетный караул ВМФ Парагвая и оркестр ВВС.

— А какие богослужения памяты Вам более всего?

— Богослужения проходили в каждой стране нашего пребывания. Русские храмы в основном маленькие, совсем не приспособленные для совместного служения шести архиереев; только в Сан-Паулу (Бразилия) мы совершали литургию в огромном православном соборе Антиохийского Патриархата. Но мы обязательно везде служили вместе. Даже когда у меня случилась сильная простуда из-за повсеместно используемых кондиционеров, я служб не пропустил.

Самая необычная литургия состоялась там же, в Бразилии, у подножия 38-метрового изваяния Христа на высокой горе Корковадо. В Южной Америке сейчас не осень, а весна, к тому же столица Бразилии стоит в поясе субтропиков. Так что солнце пекло изрядно, но больше всего досаждали разноязычные толпы туристов, бродившие по смотровой площадке и шумевшие как дикари.

Перед началом службы у нас получилась двухчасовая задержка, и я воспользовался этим временем, чтобы поисповедоваться. Ведь день службы — 26 октября — совпал с 26-летием принятия мною сана иеромонаха. А после своей

исповеди я обнаружил, что недалеко исповедуется глава «Росатома» С.В.Кириенко. Необычно и радостно видеть принадлежность к православию людей столь высокого ранга.

Но больше всего мне запомнилось участие в освящении и литургии в соборе во имя Казанской иконы Божией Матери в Гаване. Этот собор по личному распоряжению Фиделя Кастро построила для русских православных людей многострадальная Куба в знак благодарности за помощь, оказанную этой стране. Это большой пятикупольный храм с многочисленными пристроями, в которых может разместиться не только священник с семьей, но даже и семинария. Фидель Кастро высказал пожелание, чтобы на Кубе была открыта епархия Русской Православной Церкви и духовная семинария для кубинцев. Это кажется неожиданным — как лидер социалистической страны может поддерживать религию? На самом деле, после революции на Кубе не происходило ни массового закрытия храмов, ни гонений на духовенство, как в России. Сам Фидель в юности окончил католическую школу и понимает, что религия сохраняет нравственные начала в обществе.

На богослужении в новом храме присутствовали члены правительства Кубы во главе с Раулем Кастро, сын Фиделя Федерик (он занимается, в отличие от отца, не политикой, а наукой). Благоговейно молился славный старец сеньор Эусебио (Евсевий) Леаль, который носит необычный титул Главного историка Гаваны. Он, кажется, знает всё о каждом доме кубинской столицы; именно он предложил построить храм на том месте, где он воздвигнут. Никакие работы по строительству, сносу, реставрации не совершаются без его санкции. Невольно подумалось: вот пример бережного отношения к национальной истории, который очень даже неплохо перенять нашим властям!

Оказалось, мы до обидного мало знаем о прекрасной Кубе, о её легендарных вождях и

Служба под открытым небом у подножия статуи Христа на горе Корковадо, Бразилия. 26 октября 2008. Фотография М.Родионова.

Во время литургии на горе Корковадо. 26 октября 2008. Фотография В.Петрушко.

их взаимодововерии с народом. Это дружная и простая семья, живущая фактически по евангельским принципам. Над морским заливом в Гаване также висит статуя Христа, благословляющего город, но здесь не столько говорят о Нём, сколько исполняют на деле Его заповеди. Меня до слёз тронуло отношение кубинцев к нам, русским. Несмотря на то, что в 90-е годы наше государство отказало в экономической помощи Кубе, находящейся в условиях жёсткой блокады со стороны США, жители острова не утратили чувство благодарности к жителям далёкой северной страны. Никто в разговоре не высказал ни слова упрека в наш адрес. Это было так необычно; ведь, например, при встречах с сербами приходилось выслушивать от братьев-славян постоянные укоризны в сторону России.

— Многие приходы РПЦЗ в Южной Америке не приняли объединение с Московской Патриархией. Удалось ли посетить эти приходы и убедить их настоятелей вернуться в лоно Русской Церкви?

— То, что нам представлялось перед поездкой — откровенные беседы с отколовшимися приходами, — это не состоялось. Ни один приход не собрался вместе для беседы. Священники, а их около десяти, если и встречались с нами, то охотно говорили на отвлечённые темы, а когда мы пробовали обсудить их пребывание в расколе, то выражали полное отсутствие ин-

тереса к дальнейшему разговору или выражали упорство, не подлежащее, по их мнению, никакому рассмотрению.

Напротив, прихожане этих священников, которые посещали наши богослужения и выступления монастырского хора, обнаруживали полную неосведомлённость в создавшейся ситуации. Особенность церковной организации в Южной Америке в том, что приходов РПЦЗ здесь много, а духовенства — мало. Так, в Парагвае службы проходят всего два раза в год, когда священник имеет возможность приехать. Такие удалённые приходы просто требовали от нас, чтобы или Зарубежная Церковь, или Московский Патриархат прислали бы им священника.

Но проблема здесь в том, что священники ушли в раскол вместе с недвижимым церковным имуществом и с приходской казной. Храмы, причтовые дома, помещения воскресных школ они оставили за собой. А возглавитель раскола бывший епископ Агафангел (Пашковский), создавший в Одессе так называемое Временное высшее церковное управление РПЦЗ, торопится юридически переоформить собственность Зарубежной Церкви в свою раскольничью структуру. Старые священники видят в этом возможность оставить за собой и своей семьёй причтовые дома, в которых они живут, — но они могут горько ошибиться в расчётах. Такое превосходство материального вопроса над духов-

*Епископ Евтихий причащает детей в Воскресенском соборе Буэнос-Айреса.
4 ноября 2008. Фотография М.Родионова.*

ным в пагубном деле раскола очень неприятно и печально.

Конечно, одним только нашим кратковременным посещением исправить положение невозможно. Этот вопрос предстоит решать новому архиерею Зарубежной Церкви епископу Каркасскому Иоанну. Он в составе нашей делегации впервые посетил свою Южно-Американскую епархию РПЦЗ. Видя воочию наше единство с Московским Патриархатом, думаю, что некоторые приходы РПЦЗ, вовлечённые по неведению в раскол, будут обращаться за пастырским окормлением именно к духовенству МП.

Зато у нас самих была замечательная возможность рассмотреть как в церковном служении, так и в быту тех, кто ещё недавно казался непримиримым оппонентом. Однажды случилось ЧП – жучок попал в компьютерную систему управления самолётом, и наш вылет задержался на двенадцать часов. В ожидании отправления мы сидели в зале аэропорта и ещё теснее могли познакомиться друг с другом. И я скажу, что такое близкое общение позволяет развеять многие недобрые мифы, появившиеся в эпоху разделения Русской Церкви.

– На Ваш взгляд, стали ли «Дни России в Латинской Америке» заметным событием в жизни наших соотечественников, а также испано- и португалоязычного населения этих стран?

– Об огромной поддержке, полученной от нашей миссии, говорили соотечественники буквально в каждом пункте нашего маршрута. А

если бы вы видели, какие овации устраивали хору Сретенского монастыря на каждом концерте «испаноязычные»! Рауль Кастро, например, дважды в восхищении подбегал и радостно хлопал по плечу регента хора. Выступления продолжались по два с половиной часа, но люди стояли в проходах, и не всем хватало места даже чтобы постоять в зале. Но всего важнее, настоящим откровением для тех и других были слова заместителя министра культуры РФ А.Е.Бусыгина: «Православная Россия – это и есть современная Россия». И люди, посетившие наши мероприятия, почувствовали это раньше, чем большинство сограждан у нас в России. Это была настоящая русская весна в Латинской Америке, – не только природная, но духовная.

– В некоторых епархиях РПЦЗ есть приходы, в которых служба проходит на местном языке и где священники происходят из местного населения. А каков этнический состав латиноамериканских приходов? На каком языке проходят службы?

– Да, язык местного населения всё чаще используется в православных храмах всех юрисдикций. Это печально для русской диаспоры, но это хорошо в плане христианского служения русских приходов, несущих другим народам сокровище Православной веры.

В столице Чили Сантьяго мне пришлось посетить два полностью испаноязычных прихода. Приход РПЦЗ находится в аудитории местного университета, где священник сам работает преподавателем. Служат и поют на испанском, хотя главные в маленьком хоре – рус-

ские женщины. Другой приход относится к МП, но настоятель – местный житель, и служба тоже ведётся на испанском. Причём на богослужении поёт буквально весь храм, около сотни прихожан. Учинённый чтец возглашает громко нужный текст, а собравшиеся вторят ему. Получается весьма молитвенно и вдохновенно. Конечно, когда служили мы, то большая часть службы шла на церковнославянском языке в сопровождении нашего великолепного хора. Но это сочеталось с местной традицией весьма гармонично.

– У Вас была возможность увидеть совершенно другой мир, в том числе мир природный, культурный...

– Признаться, я не большой любитель поездок. К дипломатическому общению с послами

и министрами тоже не приучен. Без знания какого-либо иностранного языка, не имея валюты, я был напрочь лишён самостоятельных действий. И на обзорные экскурсии не ездил. А когда слышал восхищенные отзывы и вопросы, отчего не участвовал в экскурсиях, то отвечал: «А вы бывали в Ишиме, чтоб судить о красоте? То-то же!»

Декабрь 2008 г.

Предисловие и интервью –
Г.А.Крамор.

Фотографии Михаила Родионова
с веб-сайта pravoslavie.ru.

О. В. УТКОВА-УСТИНОВА

Погружение на вершину мира

В предыдущем, девятом, выпуске нашего альманаха рассказывалось о «полярной одиссее» участников экспедиции парохода «Челюскин». Статья Н.К.Метелёвой завершалась словами о том, что Россия возвращается к освоению арктических пространств, и ярким шагом на этом пути стала экспедиция под руководством Артура Чилингарова летом 2007 года.

Участником этой экспедиции была Ольга Викторовна Устинова, дочь исследователя жизни и творчества П.П.Ершова Виктора Григорьевича Уткова, давний друг редакции альманаха. Она рассказала о своей работе и некоторых подробностях «северного рейса».

Как я стала инженером-конструктором

Во всем виноват «Конёк-Горбунок!» Погружение в глубины, кит, полёт к Месяцу Месяцовичу (до сих пор удивляюсь, что он – мать). Чудеса, тайны, космос, гидрокосмос. Такое богатство в раннем детстве!

Конечно, это шутка, но многое идёт из детства. Книжки о первопроходцах, подвижниках, о неизведанных морях и странах, люди, окружающие меня, приезжающие к нам из Сибири. Народ был небогатый, порой неустроенный, но цели имел высокие. И разговоры – соответствующие. Всё будило воображение и мечты о дальних странах, морях, служении высокой цели. Девушка я была весьма романтичная. Юность моя пришлась на расцвет космонавтики. Такое я пропустить не могла. Пыталась записаться в отряд космонавтов, – не получилось. В результате поступила в МВТУ им. Баумана, один из лучших технических вузов страны. Но увлечение космосом быстро прошло, и вернулись прежние мечты об океане. Да тут ещё секция подводного плавания, экспедиции на Белое море. В общем, я решила бросить МВТУ и пойти учиться на океанографию в МГУ; правда, тогда девушек на эту специальность не брали. Но нашёлся умный человек и отговорил меня от этого шага, убедив, что для освоения Океана сейчас нужнее грамотные инженеры.

Автор у аппарата «Мир». Слева – титановый флаг, установленный на дне Северного полюса.

Вот так я и стала инженером-конструктором. И больше со своего «подводного» пути не сворачивала. Долго работала в ОКБ океанологической техники при Институте океанологии Академии наук. В процессе работы овладела ещё несколькими специальностями, что очень мне пригодилось в работе с «Мирами». Наша группа строила обитаемые подводные аппараты. Первый – «Аргус» (на 600 метров) очень хорошо отработал, у второго – «Осмотр» (на

Возвращение «Миров» на «Келдыш» после пробного спуска.

300 метров, 2 отсека, с выходом водолазов в воду) – судьба сложилась печально. Поработать он не успел. В девяностые годы всё начало разваливаться. А группа у нас была уникальная, состоявшая из высокопрофессиональных энтузиастов. Вот в это удивительно интересное, но тяжёлое для нас время всю нашу группу целиком взял в свой отдел глубоководных обитаемых аппаратов в институте Океанологии им. П.П.Ширшова РАН Анатолий Михайлович Сагалевич. Так я оказалась в лаборатории «Миров».

Глубоководные обитаемые аппараты «Мир»

Неверно называть глубоководные обитаемые аппараты (ГОО) «Мир-1» и «Мир-2» батискафами. Батискафы – одни из первых автономных обитаемых аппаратов, конструктивно отличающиеся от современных. Это прочный корпус для экипажа, подвешенный под огромный поплавок, наполненный специальным бензином для создания плавучести. Батискафом был «Триест», погружившийся в 1960 году в Марианскую впадину на предельную глубину около 11 километров.

«Миры» были построены в Финляндии по совместному советско-финскому проекту в 1985-87 годах. В декабре 1987 года аппараты были испытаны в Атлантическом океане на глубине 6170 метров и 6120 метров. С тех пор и началась их работа.

Какие исследовательские задачи ставятся перед ними? Поскольку 98 процентов глубин океана находятся в пределах до 6 километров, наши аппараты могут решать большую часть научных проблем, а также осуществлять практические задачи: поиск, обследование и подъём затонувших объектов. А в мире сейчас только

четыре ГОО-«шеститысячника», так что работы хватает.

Нами выполнялся большой объём научных исследований, особенно по изучению гидротермальных полей, подводных вулканов. Там совсем другая жизнь.

Много работ исторических, просветительских. Это погружения к лайнеру «Титаник», линкору «Бисмарк», японской подводной лодке времён Второй мировой войны «I-52» и т.д. Все эти работы не очень весёлые – на этих судах было много погибших. Но с нашей помощью снимались фильмы, так сохранялась память об этих событиях. Всего с помощью «Миров» сделано более десятка фильмов. Самый известный – «Титаник» Джеймса Камерона.

Гибель «Титаника» – одна из самых громких морских катастроф – произошла 15 апреля 1912 года в 300 милях к юго-востоку от Ньюфаундленда. В 1985 году лайнер был найден Робертом Баллардом, и началась его вторая, подводная жизнь. Первая экспедиция «Миров» сюда состоялась летом 1991 года для съёмок документального фильма. С 1992 года Джеймс Камерон начал работу над художественным фильмом «Титаник». Тут также были использованы «Миры». Фильм вышел в прокат в 1997 году и очень повысил популярность ГОО «Мир» и научно-исследовательского судна «Академик Мстислав Келдыш» в мире. Было очень много заказов на работы на «Титанике», средства от которых дали возможность организовывать научные экспедиции, ремонтировать и модернизировать «Миры» и их судно-носитель «Келдыш».

Камерон работал с нами и дальше. Снял документальный трёхмерный фильм «Призраки бездны» и осуществил прямую телевизионную трансляцию с «Титаника» на землю. Работы с

Подъём «Мира» с борта «Фёдорова» для спуска на воду.

Камероном всегда были трудоёмкими и технически сложными, но очень интересными и приятными. Работали с американцами одной командой и отдыхали после выполненной работы тоже вместе. Народ, включая Джеймса – очень работающий, доброжелательный. Да и наша группа не хуже.

Но «Мирам» достался ещё один вид работ, самый тяжёлый и психологически, и технически, – обследование затонувших атомных подводных лодок «Комсомолец» и «Курск».

В зависимости от поставленных задач техника постоянно обновлялась. И теперешние «Миры» уже намного современнее и совершеннее тех, что были 20 лет назад. Всё это время группе «мировцев» скучать не приходилось, задачи ставились весьма сложные.

Как возникла идея полярной экспедиции

Идея погружения на Северном полюсе возникла, как рассказывает А.М. Сагалевич, в 1998 году в беседе с его иностранными коллегами Доном Уолшем и Майком Макдауэлом, которые занимались организацией туристических рейсов на ледоколах в Арктику (кстати, Дон Уолш погружался с Жаком Пикаром в Марианскую впадину на глубину 11 тысяч метров). Сагалевич, что называется, «загорелся».

Далее решались технические и финансовые вопросы.

«Келдыш» не подходил в качестве судна-носителя, т.к. не являлся судном ледового класса. Ледоколы также не устраивали, т.к. на их палубах негде расположить «Миры». Нужно было найти судно ледового класса, с мощны-

Подрезка ледоколом «Россия» льда вокруг «Фёдорова».

ми кранами (аппараты весят по 18,5 тонн), на котором можно разместить, желательно в тёплом помещении, два аппарата, кучу громоздкого оборудования, дополнительные лебедки и прочее.

Подготовка «Миров», разработка и изготовление дополнительного оборудования для обеспечения безопасности в ледовых условиях – это требовало средств. Смелость, энергия, светлые головы и золотые руки – всё это было, а вот с финансированием – сложнее.

В 2003 году проектом заинтересовался известный учёный-исследователь, президент Российской ассоциации полярников, депутат Государственной Думы первого-четвёртого созывов (1993-2007) Артур Николаевич Чилингаров. Он занялся поисками финансирования. Стали вырисовываться сроки проведения Высокоширотной арктической глубоководной экспедиции – 2007-й, Международный полярный год.

В 2006 году в качестве судна-носителя решено использовать научно-экспедиционное судно ледокольного типа высшего класса «Академик Фёдоров» с двумя 50-тонными кранами и большим трюмом. Впереди во льдах должен был идти атомный ледокол.

К весне 2007 года всё более-менее определилось, и начались очень напряжённые работы на «Келдыше» в Калининграде и «Фёдорове» в Санкт-Петербурге. До последнего момента сохранялось ощущение, что экспедиция висит на волоске.

Путешествие к северной вершине мира

13 июля 2007 года в районе города Балтийска произошла перегрузка «Миров» и оборудования с «Келдыша» на «Фёдоров». Экспедиция началась! Поразило мастерство команды «Фёдорова», ведь перегрузка осуществлялась в довольно неспокойной воде. А мастерские возможности нашей команды с «Келдыша» мы знали давно.

23 июля пришли в Мурманск.

24 июля атомный ледокол «Россия» отчалил

Команда «Мир» с А.Н.Чилингаровым после успешного погружения на Северный полюс. 2 августа 2007.

из Мурманска; мы на «Фёдорове» – следом, чуть позже. Встретились наши суда уже у крошки льдов.

27 июля – первый лёд.

29 июля обогнули Землю Франца-Иосифа. Пробный спуск аппаратов с целью испытания вновь установленного оборудования и отработки выхода в полынью. Глубина – 1300 метров. Толщина льда – 0,5 метра. Размер полыньи – 150 на 80 метров.

1 августа – достигли Северного полюса!

2 августа – спуски аппаратов «Мир» на полюс.

7 августа – перегрузка «Мир», оборудования и всей подводной команды на НИС «Академик Мстислав Келдыш».

11 августа – Мурманск.

Такова краткая летопись экспедиции.

Сколько всего в ней участвовало людей – сказать не берусь. Спонсоры, гости, журналисты, полярники, учёные, экипажи двух судов, команда вертолётчиков, – места свободного не было. Аппараты «Мир» обслуживали сотрудники Лаборатории глубоководных обитаемых аппаратов Института океанологии им. П.П.Ширшова РАН – 23 человека, включая пилотов. Кстати, эта наша группа, возглавляемая А.М.Сагалевичем, в 2003 году получила приз «Международный компас», учреждённый Морским технологическим обществом США.

На Северном полюсе погружались в двух аппаратах. «Мир-1»: командир – доктор технических наук, заведующий Лабораторией ГОА Анатолий Сагалевич, наблюдатели – депутаты Госдумы Артур Чилингаров и Владимир Груздев. «Мир-2»: командир – сотрудник нашей ла-

боратории Евгений Черняев, наблюдатели: Майкл Макдауэлл (Австралия) и меценат и путешественник Фредерик Паулсен (Швейцария). Руководитель погружения – пилот ГОА «Мир» Виктор Ницета.

Зачем было необходимо погружение на аппаратах на полюсе? Наверное, это стремление совершить то, что никто ещё не делал, увидеть то, чего никто ещё не видел. Никто не видел настоящего Северного полюса. Ходили по льду, ходили подо льдом (подводные подки на глубине 300 метров). Но на дно северной вершины Земли, на глубину 4300 метров под толщей льда ещё никто не опускался.

Погружение и всплытие на полюсе сопровождалось своими трудностями. Лёд на Северном полюсе практически сплошной круглый год, и толщина его даже летом достигает 2,5-3 метров. Поэтому нужно воспользоваться естественной полыньей или сформировать её ледоколом, что хуже из-за большого количества льдин (это опасно для ГОА). В нашем случае нашлась естественная полынья, правда, небольшая, где-то 50 на 100 метров. В ней располагался «Фёдоров», притираясь левым бортом ко льду. Для работы с «Мирами» оставалось совсем мало места. А вернуться можно только в эту полынью, такими миниатюрными аппаратами лёд не взломаешь. Лёд на поверхности дрейфует, под водой – течение, притом разное на разных глубинах, энергетический ресурс ГОА ограничен, скорость передвижения и автономность небольшие, поэтому при погружении на большую глубину аппарат может сильно отстать от полыньи и не догнать её, даже зная направление к ней. С направлени-

«Миры» на борту «Фёдорова».

ем на полюсе тоже проблемы: компасы магнитные и гирокомпасы не работают.

За время подготовки экспедиции мы старались по возможности подстраховаться. Модернизировали некоторые системы аппаратов, разработали новые гидроакустические системы, установили два дополнительных электрических двигателя, заменили часть воды в балластной системе на антифриз, использовали ещё и твёрдый балласт и так далее.

Конечно, при погружениях мы очень волновались. Ведь всего не учёшь. Например, на глубине до 3-х тысяч метров произошёл скачок плотности воды, создавший проблемы с навигацией и гидроакустикой, притом только в одну сторону. Но труд профессионалов и элемент везения сделали своё дело. Всё закончилось удачно.

Аппарат «Мир-1» сел на дно океана в точке географического Северного полюса на глубине 4261 метр в 12 часов 08 минут, «Мир-2» – на глубине 4302 метра в 12 часов 53 минут 2 августа 2007 года.

Датчики глубины были откалиброваны перед экспедицией, практические работы на фиксированных глубинах показали, что датчик на ГОА «Мир-2» был откалиброван более точно.

Итак, покорена ещё одна вершина, вернее, глубина. В голове сплошные штампы. Но – Мы СДЕЛАЛИ ЭТО!

Что ещё вспомнилось...

Всю экспедицию нас сопровождали, как обещание удачи – радуги. В более низких широтах – яркие, среди льдов – белые.

Ещё до того, как увидели белых медведей, наблюдали удивительно трогательные и смешные косолапые следы медведей и медвежат.

Когда шли к полюсу, казалось, что и днём, и ночью идём на солнце.

Специально взяла с собой из дома обычный компас. На полюсе ничего не показывал, а только крутился, как хотел.

Приятно порадовали профессионализм, любовь к работе, знание истории, интеллект и достоинство полярников, вертолётчиков, и вообще всей команды НЭС «Академик Фёдоров».

И ещё – на Северном полюсе поразила тишина, какое-то достоинство и отрешённость, ощущение вечности. Подобное чувство было в Стоунхендже...

Фотографии из архива автора.

Страницы мемуаров

А. И. КАЛИНИН

Из моей жизни. Детство и юношество

Алексей Иванович Калинин (1925-2005) – известный в Ишиме и Западной Сибири педагог и языковед. Выпускник Саратовского университета, доцент, кандидат филологических наук, большую часть жизни проработал в Ишимском государственном педагогическом институте им. П.П.Ершова ведущим преподавателем современного русского языка, деканом литфака и заведующим кафедрой русского языка.

Интеллигент, выросший на почве народных традиций всего уклада жизни, самобытной духовной и трудовой культуры русской провинции, ещё недавно единой для всей нашей страны – и для юга Центральной России, откуда он вышел, и для Сибири, где он прожил всю вторую половину XX века, – и сейчас на наших глазах катастрофически гибнущей, как некогда легендарная Атлантида. Тогда, в XX веке, эта культура устояла, подпитанная и переплавленная светом мечты о строительстве справедливого общества добра и правды, как бы эта мечта ни называлась. А великая русская литература (кстати, тогда главный учебный предмет школьной программы), ставшая доступной для новых поколений новой России, учила думать, раздвигала горизонты духовности и дала язык «безызычной улице».

Эти три фактора воспитали предвоенную молодёжь, сделав вчерашних десятиклассников стойкими, способными выстоять в суровых условиях жизни и стать победителями в беспрецедентной по масштабам схватке с фашизмом. Алексей Иванович – из числа того, почти начисто выбитого героического призыва 1923-1925 годов. И хотя ему не пришлось стать фронтовиком, но и он принадлежит к тем, кто выстоял, не отрекался, не менялся, не «прогибался» до конца жизни.

И вынужденный выйти на пенсию в 62 года, он продолжал напряжённо работать как и прежде, думать, читать. Собирал материалы наблюдений над языком, делал тысячи выписок из литературы, заполнял сотни страниц дневников, записных книжек размышлениями над лингвистическими проблемами, комментариями к прочитанным научным трудам коллег и текущей периодике на самые разнообразные темы. Остались незаконченными научные работы по теории сложного предложения, подлежащего, сказуемого, местоимения и т.д., обширные «Записки-воспоминания» (также незавершённые), которые могут быть не без интереса прочитаны теми, кто знал и ценил Алексея Ивановича, его мысль и слово,

коллегами и многочисленными учениками, прежде всего.

(Текст воспоминаний публикуется в сокращении. – Ред.)

Истоки

1987 год. Этот год для меня – несчастный. Неожиданно закончилась моя трудовая деятельность. Я стал пенсионером навсегда. Начались многолетние скитания по больницам, общение с врачами, прикованность к дому, к постели. Счастливыми мгновениями жизни и рычагами разрядки были приезды детей и внуков. А в перерывах – спасительное чтение, чтение...

Я рано пристрастился к чтению. Помню, когда мне шёл седьмой год, отец выписал детский журнал «Мурзилка». Читать я не умел, букв ещё не знал. И очень досадовал, что не могу узнать, что там написано, рассматривал картинки. Жившая у нас на постое ученица из какого-то села сказала мне, что надо знать буквы, чтобы уметь читать. От неё я узнал весь алфавит и счёт до ста. Но как читать, пользуясь алфавитом, она не успела мне объяснить. После второй четверти моя неродная мать отказала этой девочке в квартире, потому что та охотно возилась со мной, а помогать хозяйке не думала.

Как я ни всматривался в строчки журнала или книги, не мог различить буквы: они сливались в одну линию, особенно если текст был подкрашен. Желание научиться чтению росло во мне. Поэтому осенью 1933 года я с радостью побегал в школу, где быстро понял, как из букв составлять слова, а потом и как читать тексты.

Первой художественной книгой, прочитанной мною самостоятельно, были «Сказки» Киплинга, которую мне подарил отец осенью 1934 года. Эта книга мне не понравилась: степному мальчишке был непонятен животный и растительный мир этих сказок. Следующими были «Про пожарника Кузьму» Маршака и «Юнармия» Мирошниченко. Они были прочитаны с восторгом и положили начало страсти всей моей жизни – чтению художественной литературы. Эта моя страсть была причиной многих ссор с матерью, которая, в отличие от моей родной мамы, умершей в начале 1932 года, была неграмотна и постоянно отрывала под разными предлогами от книги, даже зимой. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы не отец – почитатель книги.

С ростом моей начитанности росло и моё удивление и восхищение писателями, умеющими из обыкновенных слов, которые часто слы-

А.И.Калинин. Ишим. 1996.
Фотография С.С.Сафронова.

шишь вокруг себя, создавать такие прекрасные вещи. Так постепенно у меня рос интерес к русскому языку, а через него и к другим языкам. Однако в школе я не любил уроков русского языка. Учебник не давал уроков построения текстов, ни деловых, ни художественных, ни иных. Он приучал препарировать слова и предложения вне связи с текстом, породившим их. Синтаксический разбор предложений не содействовал росту речевого мастерства учащегося. Меня не интересовали поиски подлежащего, сказуемого, второстепенных членов, разные типы предложений... Эти анализы не давали представления о том, как из отдельных предложений возникает чудеса художественного слова.

И позднее, преподавая лингвистические дисциплины в вузе, я чувствовал себя неуютно от того, что излагаю перед аудиторией не свои наблюдения и выводы, а вдалбливаю студентам научные сведения, добытые учёными. И когда давал в качестве примеров образцы, извлечённые мною из лучших творений писателей и поэтов, то замечал: студенты не испытывают того удовольствия, которое испытывал я, когда выписывал примеры из текста — их родной стихии. У меня нарастало недовольство состоянием изучения русского языка. Я стал пристально всматриваться в собранный мною языковой материал и пришёл к выводам, которые стали основанием для диссертационного исследования о синтаксисе сложного предложения.

...В Ишим я прибыл в 1955 году с семьёй из города Оханска Пермской области, где работал три года в учительском институте по министерскому направлению после окончания универси-

тета. Оханск стоит на берегу реки Камы. Вплотную к воде спускались хвойные леса. Мне, выросшему в степном Заволжье, в этих лесах было неуютно. В Ишиме же, на лесостепной земле юга Тюменщины, мне показалось просторнее и роднее. Даже река Ишим напоминала памятный с детства Ирғиз, приток Урала — извилистая, с берегами, порой лохрытыми кустарником, а чаще открывающими степные дали с побережья.

Первые годы

Родился я на Саратовской земле, в Озинском районе, в селе Малаховке, ныне не существующем. Село покинуто жителями из-за отсутствия воды, как мне говорили.

Помню себя маленьким, около трёх лет, если не меньше. Я — старший в семье. Помню, как хоронили сестру Ларису (1925 г.р.), она умерла в грудном возрасте; помню, как в рыбе качал сестру Зою (1928 г.р.).

До трёх лет особенно запомнилось несколько случаев.

Вот я иду по дороге и заглядываю в ямы, вырытые по бокам. Из этих ям брали глину на саманные стены домов. Стены в ямах были отвесные. В одной из ям увидел пытавшуюся выбраться из неё крысу. Страшно напугался и побежал домой, на бегу оглянулся и увидел сзади что-то большое и страшное. В страхе подумал, что это крыса выросла и догоняет меня. Я заорал благим матом. Кто-то из родных выскочил навстречу мне из землянки, в которой мы жили, обнял меня и стал утешать. Когда успокоился, то оглянулся на чудовище. Оно оказалось рыжим телёнком.

Вот перевозим на станцию Озинки. Из детей я пока один. Сестры Зои ещё не было. Мы с отцом сидим поверх домашнего скарба, погруженного в телегу, запряжённую одной лошадей. Лошадь Валтасар была собственностью отца. Едем степной дорогой. Вдруг отец схватил ружьё, лежащее на возу. Выстрелил. Спрыгнул с воза, отбежал и возвратился с птицей. Назвал её куропаткой. Птица была жива, но с простреленным крылом. Мне стало жалко птицу, и я попросил отца отпустить её.

Переехав в Озинки, мы поселились у брата отца Григория Фёдоровича Ефремова. Его семья жила, как и все, в саманной избе. Нашу избу, тоже саманную, поставили рядом. Она состояла из двух частей, разделённых широкими сенями. В одной половине жили весь год, а другая использовалась только летом. В жилой комнате имелись печь-голландка и небольшая русская печь, стояли две кровати, стол и буфет, несколько стульев и скамья. На стене висело зеркало. Была ещё ножная швейная машина «Зингер». На скамье стояли ведра или чугуны с водой. Летом воду держали в сенях. Был ещё сундук, в котором хранилась одежда и бельё. В нежилой половине зимой иногда держали телёнка, пока не окрепнет. Летом там стиркой занималась мать, а однажды там хранились арбузы, которые я перепортил, пытаюсь узнать, все ли они спелые. Для этого из каждого арбуза вырезал треугольник, убеждался, что арбуз спелый и вставлял на место вырезанной кусок. Арбузы скисли.

С этой комнатой у меня связано и другое воспоминание. Мать выкупала меня и постави-

ла на печь сушиться. Между печью и стеной находился умывальник, а под ним старая ванна с грязной водой. Я стоял на краю печки и смотрел в ванну. Что в ней было любопытного? В итоге я упал с печки и, падая, задел за край ванны, которая опрокинулась и накрыла меня с головой. Вся вода вылилась на меня. Боясь наказания, я не закричал, но на грохот прибежала мать и освободила меня из-под ванны. Она снова выкупала меня, но не наказала и на печку не поставила.

Любознательность осталась со мною на всю жизнь, приводя к новым открытиям, иногда на грани беды.

Вся изба была обмазана глиной и побелена мелом. Каждый год побелку обновляли с участием родственников или соседей. В одиночку эта работа не делалась. Земляная крыша избы тоже была обмазана глиной. Однажды я взобрался на крышу и увидел, что она вся взрыта грибами. К избе впритык был пристроен сарай, где держали корову Чернавку. Крышу сарая крыли соломой. Однажды, лазая по этой крыше, я провалился и больно ударился задом о землю. Сидел и только икал, не имея сил вздохнуть. Вбежали взрослые, схватили меня и понесли в избу, где положили на кровать. К моему удивлению, за испорченную крышу наказан не был. До коллективизации в этом сарае жила и лошадь Бим, которую сдали в колхоз. А под крышей слепила себе гнездо ласточка.

Теперь о родственниках. Из дедов помню только деда Ахима Бабенкова, отца моей матери Феодосии Акимовны, или Фени, как её обычно звали. Деда Фёдора (по отцовской линии) видеть мне не довелось, он умер ещё до моего рождения.

Дед Аким происходил из уральских казаков. Помню, как шли с ним по бахче, где он был сторожем. На боку у деда – шашка. На ходу он показал мне полусъеденный арбуз и объяснил, что этот арбуз ел волк. Я удивился. Помню, как щекотала меня его борода, когда сидел на руках. Помню, как лежал больной на сундуке. Около меня толпятся люди, среди них и дед Аким с тарелкой в руке, а на тарелке горкой насыпаны нателные крестики. Дед угаривает: «Внучек, возьми крестик!» Крестик взял и носил.

Как-то дед дал нам по рублю. Я побежал похвастаться матери. Мать посмотрела, поморщилась и сказала, что этот рубль старый и куда не годится. Через некоторое время дед Аким присел около топящейся голландки, держа в руках шкатулку, из которой стал доставать купюры и бросать в огонь. Это были царские деньги. Лицо деда не было весёлым. Нелегко жечь деньги, накопленные тяжёлым крестьянским трудом.

Жил в то время дедушка у своего сына Николая, моего дяди. Перед коллективизацией он уехал в Саратов, где и умер у сына Василия.

Смерть матери

Мать моя, урождённая Бабенкова, была домохозяйкой. В 1928 году родила Зою, а в 1930 году – Нину. Так у меня появились сестры. Весной 1931 года мать умерла. Мне не было и шести лет. Отец остался с тремя детьми. Воспоминания мои о матери остроточны. Помню, как она на керосинке пекла хворост, который был

очень вкусным. Это было один только раз: керосинка была чужая, своей у нас не имелось.

Однажды мы с матерью возвращались с плантации, где купили несколько мешков зелёных томатов. Мне это количество показалось огромным, и я стал хныкать: «Зачем так много купили помидор, теперь нас раскулачат!» Перед этим был раскулачен брат матери дядя Никон, который кулаком вовсе не был. Я был испуган, потому что думал: раскулачивают – это когда бьют по голове кулаками.

Хорошо помню, как мать лежит, дожидая последние дни. Около её постели люди. А я на улице играю в пруды, т.е. воюсь в весенней грязи. Вышла одна старушка, схватила меня за руку и, приговаривая: «Мать умирает, а он в грязи возитён!» – потащила меня в избу. Я так был увлечён игрой, что расслабился и ударил головой в живот эту старушку. Но это не избавило меня от неё. Меня завели в комнату, и мать велела привязать меня полотенцем к её кровати. Так я был наказан: стоял привязанный и смотрел на неё, а она, разговаривая с проведавшими её людьми, осуждающе посматривала в мою сторону. Наказание это мне не показалось наказанием, но я понял, что к взрослым надо относиться с почтением.

Как умирала мать, мы не видели, нас отвели к дяде Грише. Потом уже, когда она была в гробу, мы сидели с отцом на сундуке и плакали. Зоя стояла у гроба и молча смотрела на мать, не понимая происходящего. Ей было три года, и она могла из-за своего малого роста видеть только гроб, но не мать. На следующий день были похороны. Я не плакал. Когда меня спросили, что же я не плачу, то я ответил, что плакал вчера.

Не плакал я и тогда, когда опускали гроб в могилу и закапывали её. Тоску я почувствовал позднее. Я решил отомстить Богу за смерть матери. Взял топор и изрубил все иконы, вынесенные из комнаты и лежащие в сенях. Там и была совершена казнь над иконами. На глазах были слёзы, мне было страшно, но я не остановился, пока последняя икона не была изрублена. Долго я не решился выйти на улицу, боясь, что Бог убьёт меня. Наконец я вышел, ежесекундно ожидая кары, но её не было. Постепенно я успокоился и решил, что Бог вовсе не всё видит, раз оставил без последствий моё преступление.

Из-за отсутствия дерева в степной местности не принято было ставить кресты на могиле. Был просто глиняный холмик, который постепенно размывало дождями, и могила исчезала. Но я слышал, что на могилу ставят кресты. Взял две доски и стал, как мне казалось, сколачивать крест. За этим занятием меня застала тётя Маня, жена дяди Гриши. Она заметила, что лучше взять большой камень и положить на могилу. Так и сделали. После чего она сказала, что вот мать возьмётся за этот камень и выберется из могилы. Иногда я ходил на кладбище играть, но мать не выходила. Так я понял, что взрослые не всегда говорят правду.

Отец мой, Калинин Иван Фёдорович, 1902 года рождения, всю жизнь работал продавцом. Через некоторое время после смерти моей матери он женился второй раз: надо было растить детей. Жену он нашёл в городе Пугачёве, где жил его приятель Иван Елифанович Башкин.

Помню, как отец взял меня с собой в Пугачёв, который находится в Саратовской области.

ти. Остановились у Башкиных, куда отец и привёл Ксению Петровну, урождённую Никишину. Фамилии её первого мужа я не знал. Отец подвёл меня к ней, сидевшей смущённо на стуле, и сказал: «Вот твоя новая мать». Я тоже был смущён, ничего не сказал и отошёл заниматься своими делами. Через некоторое время втроем мы поехали в Озинки. Только поезд остановился, я выскочил из вагона и побежал к дяде Грише. Вбежал и крикнул: «Папа жену привёз!» Вызвал переполох. Новую мать я долго не называл мамой, хотя Зоя сразу стала её звать мамой, Мина же говорить ещё не умела. Для меня она была «жена папина». Так я говорил о ней людям, к ней самой я никак не обращался.

Наши игры

Смутно помню, как я играл с игрушками. Я любил их ломать, чтобы узнать, как они устроены, особенно озвученные: мычащая корова или ревуший медведь. Поэтому, когда появилась у меня новая мать, покупка игрушек прекратилась: раз ломает, значит, не нужны.

Зимой, сколько помню, на улице мы почти не бывали из-за плохой одежды. Выходили с началом весны, с появлением свободных от снега мест. Первой игрой была игра в казанки (бабки). Для неё не нужно много места. Когда же вся земля освобождалась от снега, казанки отставлялись до следующего года. В лапту играли уже большие ребята, а нас, мелкоту, не принимали. Помню игры «чижик», «клёк», игры с мячом, в ножички, в шары; ещё стреляли по птицам из рогаток.

Игра в клёк похожа на игру в городки, но в клёке только одна чужка. Чертили небольшой квадрат, на краю которого ставили клёк. Сперва с большого, а потом с меньшего расстояния от квадрата нужно было попасть и выбить клёк из квадрата. Число участников в игре не ограничивалось. Выбитый клёк водящий должен поставить на место и сказать: «Клёк!» Тот, кто выбил клёк, должен немедленно бежать к своей палке, которой выбивается клёк и схватить её. Если во время его возвращения или на бегу к палке он услышит слово «клёк», то он становится водящим, поэтому надо ждать, что кто-то выбьет клёк и тогда можно бежать к исходной черте. Этого момента ждут и промахнувшиеся игроки, чтобы бежать за своей палкой.

В шары играли так. Вырывалась ямка, в которую за неимением шара помещалась консервная банка, а вокруг ямки на небольшом расстоянии по числу играющих делались лунки. В руках играющих палки, концы которых упираются в лунку. Водящий катит банку своей палкой, пытаясь загнать её в лунку какого-либо игрока, который должен быстрым движением своей палки отбить банку в центральную ямку. При этом он должен помешать водящему занять лунку своей палкой. Отбив банку, он должен мгновенно поставить свою палку в лунку. Если водящий опередит его, то игрок, чью лунку удалось занять водящему, становится водящим. Играли до тех пор, пока можно было катать банку. Когда же она сплющивалась настолько, что катать её уже нельзя было, игра прекращалась, если не находилось новой банки. Игра требовала большой ловкости и внимания. Рохле в этой игре делать нечего.

Вспоминается и другая игра, в которой мне не везло. Брели штык или четырёхгранный штырь, который водящий втыкал в землю. Рядом с ним клали плоский камень, довольно тяжёлый. Играющие прятались, как при игре в прятки. Водящий шёл искать. Если находил игрока и правильно называл его имя, то водящий выигрывал, брал камень и забивал штырь в землю, проигравший должен был бежать к штырю, а водящий бросал камень и бежал прятаться. Если водящий ошибался, то штырь вбивали в землю по самую шляпку и разбегались. Водящий с большим трудом вытаскивал штырь из земли и опять втыкал стоймя в землю; и шёл искать. Если водящий далеко отходил от штыря, то близко спрятавшийся игрок выбегал к штырю и снова забивал его в землю, пока водящий бежит к штырю. Чем быстрее он подбежит, тем менее глубоко успеют забить штырь и тем легче будет его вытаскивать. Я обычно ошибался и неправильно определял найденного игрока, так что в этой игре я водил до тех пор, пока игра не надоедала. Как оказалось впоследствии, я был близоруким, поэтому на расстоянии не узнавал товарища по игре.

Игрой была и ловля раков. Идёшь вдоль берега, нащупаешь норку и лезешь туда рукой. Рак тебя хватает, и очень больно, клешнями, но на это не обращаешь внимания. Смотришь ему под хвост. Если под хвостом икра или крохотные рачата, отпускаешь самку. Ищешь дальше, находишь самца и играешь с ним, пока не надоест. Потом полуживого отпускаешь в воду. Рыбной ловлей не занимались, так как ловить было нечего.

Были у нас и жестокие забавы: убить степную змею, подбить скачущего тушканчика, привязать к хвосту жеребенка или верблюжонка консервную банку, страшно пугавшую животных. Как-то поймали степную черепаху и камнями стали испытывать на прочность её панцирь. Не щадили ни ушей, ни сусликов.

Занятием, развлекавшим нас, был и сбор костей, рваной резиновой обуви, которые обменивались на какие-нибудь вещички. За костями не боялись ходить на скотомогильник, где было много обглоданных скелетов. Кости имели остатки мяса и для сдачи не годились, но абсолютно чистых находилось мало, потому что много было из нашего брата охотников до костей. Тем не менее, в надежде, что приёмщик не заметит, мы приносили для сдачи и нечистые кости. Удивительно, но зараза к нам не прилипала. По селу периодически разъезжал на лошади приёмщик, который принимал наше богатство, давая взамен что-нибудь. Запомнился только бумажный мячик на резинке.

В пору цветения тюльпанов, которые в степи было множество, особенно жёлтых, мы ходили их собирать, вооружившись палками на случай встречи со змеями.

Целый день пролетал незаметно. Никто нас не искал и не звал обедать. Игры шли без перерыва на обед, обходились съедобными травами, тщательно избегая «куриной слепоты». Охоту жевали луговицы тюльпанов, которые в степи водились во множестве, и солодовый корень, изредка попадавшийся нам в степи. Копали руками, а потому неглубоко, большая часть корня оставалась в земле, зато доставшийся кусочек жевали с наслаждением.

Много времени летом занимало купание в реке. Озинки перерезает на две части речка Чалыкла, неглубокая и неширокая. Вода в ней была солёной и для питья не годилась, а купаться в её тёплой воде было истинным удовольствием.

Как-то большие ребята решили построить лодку. Раздобыли доски и за несколько дней сколотили сооружение с плоским дном и прямыми высокими бортами. Лодок настоящих никто из нас не видел. Сооружение торжественно всей ватагой понесли к реке, чтобы испытать. Спустили на воду и всем миром влезли в «лодку». В щели потекла вода, и наш корабль сел на дно. Разочарованные, мы вылезли из «лодки». Ни у кого не было желания тащить её назад. Так и бросили в речке.

Однажды весной возвратился отец с работы и сказал, что наша речка разольётся и может затопить нас. Вода действительно подошла к избе. Но отец заранее сделал высокий порог у входной двери. Несколько дней я не выходил на улицу. Вышел только, когда от разлива остались лужи. Я ходил в галошах по этим лужам и пытался раздавить малярию. До школы я часто болел малярией. Как мне казалось, малярия жила в воде, и мне удастся растоптать её.

С появлением новой матери появилось и новое занятие, не развлекательного типа. Нам с Зоей мать давала мешок и велела собирать коровьи лепёшки по местам, где коровы проходили на водопой или паслись. Лепёшки служили топливом для приготовления пищи, так как с дровами в степной местности дело обстояло плохо. Зимой чаще всего топили кизами («кизяками»). Это кирпичи из коровьего навоза, которого от одной коровы было не так уж и много. Однако собирать лепёшки мне удовольствия не доставляло, а взрослые даже не пробовали объяснить, зачем мы должны идти собирать их: делай, что сказано, и всё.

В школу

Когда мне шёл восьмой год, меня записали в нулевой класс школы. Для учебников мать сшила сумку из защитного материала, которая напоминала мне нищенскую торбу. Тетрадей сначала у нас не было, учились писать на чёрной грифельной доске грифелем толщиной около пяти миллиметров. Он оставлял белый, как от мела, след. Написанное легко стиралось. Доска была тяжёлой и довольно хрупкой, поэтому драться ею было нельзя, иначе она раскалывалась.

Учительницу мы любили. Уроки я слушал буквально с открытым ртом, особенно уроки чтения или рассказы о природных явлениях. Учительница то и дело просила меня закрыть рот. Так я слушал сказки Пушкина, которые при свете керосиновой лампы читал отец. Но отец редко радовал нас чтением, на уроках же каждый день мы узнавали что-то любопытное, получали ответы на вопросы, возникавшие в детских головах. Мы узнавали, что такое облака, что такое ночь, что такое молния. Учительница представлялась мне всезнающей и всё умеющей.

Пришлось, правда, с горечью убедиться, что и она не всё знает и не всё умеет. Рассказала как-то она о цементе и его применении, и я, когда играл с товарищами около железнодорож-

Студент-первокурсник Калинин с «дневной пайкой» хлеба. Саратов. 1946.

ного мостика, отколупнул кусочек цемента. Принёс в школу и показал учительнице. Она повертела его в руках и сказала, что это какой-то камень. Я был разочарован: рассказывает о цементе, а сама не может отличить застывший цемент от камня. Перед майскими праздниками отец купил мне детский барабан. После уроков я попросил учительницу научить меня играть на барабане. Она повертела в руках палочки и задумчиво стала постукивать ими по барабану, приговаривая: «Так, кажется». Дальше ничего не произошло, она отдала мне палочки и ушла. Так я и остался необученным и на демонстрации не бил в барабан, как мечталось, а нёс его смущённо на плече. Так подтачивалась вера в учителя.

Запомнился мне урок русского языка, на котором изучали род имён существительных. Дошли до слова «мышь». Какого рода? Мы в один голос ответили, что мужского рода, так как мы говорим «мой мышь». Учительница заспорила с нами, но мы упёрлись и твердили своё. В нашем селе «мышь» действительно мужского рода, а не женского.

На уроках рисования в атеистических целях мы рисовали попа и зачёркивали его. На уроке пения выучили песню о сотне юных бойцов из будённовских войск, что поскакали на разведку. На уроке труда сколачивали снегозадерживающие щиты для железной дороги, а весной — скворечники к прилёту скворцов. Эта работа нам нравилась.

**Алексей Калинин (справа)
и преподаватель Е.И.Покусhev,
впоследствии известный
литературовед. Саратов. 7 ноября 1947.**

Голодный 1933 год запомнился ржаными лепёшками, которые служили мне завтраком. Сухая и кислая, она не была вкусной, поэтому ел её неохотно. Иногда ржаные лепёшки сменились толокновыми, тоже не ахти какого вкуса. Как-то учительница спросила в классе, у кого есть мука. Только двое подняли руки: я и казашенок. Я сказал: «У нас есть, но только ржаная, по-нашему аржаная». Когда рассказал об этом дома, был обозван дураком. Так говорили, когда я говорил неуместную правду или задавал неприятные вопросы.

Учительница же обнаружила, что я плохо вижу. Думаю, на эту мысль навела её моя тетрадь по арифметике. Не видя, что написано на доске, я писал наугад. Сказала об этом родителям. Отец повёз меня в областной центр Саратова. Это была вторая моя поездка по железной дороге.

Мне выписали очки в минус две диоптрии. И стали приучать ходить в них, покупая за хорошее поведение пирожные. Но когда приехали в Озинки, школьники стали дразнить профессором. Пришлось разбить очки, чтобы избавиться от насмешек. Постоянно носить очки я стал после школы, хотя уже в десятом классе зрение было: -10 на левый глаз и -8 на правый.

Как-то сшили мне шубейку, чтобы ходить в школу. От пояса шуба шла колоколом, напоминая мне женскую юбку. Из-за этого сходства я и невзлюбил шубку. Всякое сходство с девочками презиралось. Поэтому, когда на меня надевали эту шубу, я выходил в сени и сбрасывал её, а сам в одной рубашке с книгами и тетрадями в сумке бежал в школу. Так продолжалось, пока мне не сшили пальто. Мне казалось, что до меня никому нет дела. Оказалось, не так. Когда я появился в новом пальто, ребяташки окружили меня и ласково поздравляли. Я был растроган, потому что не ожидал такого участия по отношению к себе. Это было ново для меня. Нам внушали: «Жалость унижает человека». Всякое участие рассматривалось нами как проявление унижительной жалости. В семье у нас были прохладные отношения друг к другу. Забота была, но какая-то холодная и безразличная, как мне казалось. С уличными товарищами ухо нужно было держать остро, чтобы не попасть в подвох. Даже материнской

ласки стыдились, но у меня не было родной матери.

Зимой мы катались на санках по склону оврага. Скатываться было приятно, а вот выбирать на горку — тяжело. Тогда-то я и понял пословицу: «Любишь кататься, люби и саночки возить». Были у меня и лыжи. Одни лыжи отец привёз из Пугачёва от родственников новой матери. Лыжи были старые и сломались в первый же выход на снег. Ребятишки, которые бежали за мной в надежде покататься, были разочарованы и огорчены. До этого мы лыж не видели ни у кого, и каждому хотелось покататься. Новые лыжи появились у меня на следующий год, когда мы ездили за очками в Саратов. Эти лыжи оказались прочными и хорошо послужили мне.

Были у меня и коньки-снегурки. На них хорошо было кататься не только по льду, но и по накатанной дороге.

В Озинках же я впервые побывал в кино, в первый раз увидел трактор и автомашину, и даже, — правда, издалека, — самолёт.

Пугачёвский период

В Озинках я закончил второй класс. А в третий пошёл уже в Пугачёве, куда наша семья переехала в 1935 году. Здесь я жил до 1946 года, с перерывом на ташкентские 1943-44 годы.

В Пугачёве жили родственники новой матери, которую к школьному времени я уже называл мамой: два брата, две сестры и её мать, которую мы стали звать бабаней.

К осени родители купили дом на Коммунистической улице.

Город почти не имел озеленения. Проходящая машина в сухую погоду тянула за собой огромный шлейф пыли.

Воду покупали у водовозов, за пять копеек — два ведра. (Когда в конце 50-х годов мы уже в Ишиме поселились с двумя детьми в деревянный дом на ул. Чкалова, за водой ходили к будке у горсада, где воду покупали по 10 копеек за два ведра).

Школа, куда я пошёл в третий класс, была недалеко. Запомнилась первая встреча с учительницей. Прозвенел звонок. Входят две женщины. Одна оказалась директором школы, другая — учительницей. Директор, показывая на спутницу, говорит: «Вот, ребята, ваша учительница. Нравится она вам?» Класс дружно ответил: «Нет!» — «Почему?» — «Некрасивая!» Учительница была смущена, но впоследствии полюбилась нам, потому что учиться у неё было интересно. На уроках естествознания мы с изумлением узнали, что земля горит, что хлеб синеет, когда на него капнешь йодом. Уроки с опытами нам очень нравились.

Учился я хорошо.

В нашем классе ребята были миролюбивые, не драчливые. Бывали только драки «на любки», т.е. по обоюдной договорённости стороны решают подраться, чтобы выявить, кто сильнее. Победённый не должен обижаться. Один раз вызвал меня Ваня Головин, и я согласился, забыв, что у меня один зуб болит, вот-вот выпадет. Окружённые ребятами, мы стали друг против друга. Ваня ударил меня — как раз по зубу, выбив его. Я не стал отвечать, а, выплюнув зуб, схватился за щёку. На том бой и кончился.

Позже, даже в серьёзных драках, били до первой крови или падения на землю противника; упал – конец драке. Правило благородства «лежачего не бьют», тем более ногами, соблюдалось железно.

С 1937 года я стал учиться в средней школе № 1, которую закончил в 1943 году.

На уроках истории мы зачёркивали в учебнике портреты маршалов и военачальников, объявленных врагами народа. В шестом классе я уже читал в газетах материалы процессов над «врагами народа» и запомнил: на вопрос, признаёт ли себя виновным, каждый отвечал отрицательно.

Занятия в школе вспоминаются как что-то нудное и длинное. С нетерпением ожидали каникул.

С пятого класса я стал хуже учиться: некогда было учить уроки, когда в руках у тебя интересная книга, и ты увлечён чтением. Чтение настолько захватывало меня, что я забывал о своих домашних обязанностях. А их было достаточно: ухаживать за коровой, ходить по воду, принести дров. Отец поощрял чтение, а мать, как мне казалось, не могла равнодушно смотреть, как я сижу и почитываю книжку, вместо того, чтобы дело делать. Это порождало скандалы.

Однажды отец приехал из Саратова и привёз несколько журналов «Роман-газеты», среди которых оказался «Кочубей» А.Первенцева. Эту книжку у меня зачитали товарищи по классу. На всех мальчишек Кочубей и его Ахмет произвёл сильное впечатление. Кроме Чапаева, были, оказывается, и другие герои гражданской войны! До этого мы знали одного Чапаева, потому что он был военным комендантом города Пугачёва, тогда Николаевска; были живы многие чапаевцы, которых приглашали в школу и они рассказывали о своём командире.

Я так много прочёл, что когда поступил в университет, то оказалось, что многое из программы по русской и зарубежной литературе я читал, но помнил прочитанное плохо: годы войны многое стёрли из памяти. Очевидно, в Пугачёве была хорошая библиотека.

Читать-то читал, но следил только за сюжетом, а выводов из прочитанного никаких не делал.

Из-за чтения я не только стал хуже учиться, но и реже бывать на улице, меньше общаться со своими уличными товарищами, стал примерять их к книжным героям. Я не понимал, что людей надо принимать такими, какие они есть, что у них обязательны не только достоинства, но и недостатки. Потребность в общении с книгой вытеснила у меня потребность в общении с людьми. Этот крупный недостаток мешал мне жить, мешал и в преподавательской работе.

Каникулы в основном проходили на улице, а точнее, у реки Большой Иргиз, на которой находится город Пугачёв. Именно в Иргизе я научился плавать, перестал бояться глубины. Постепенно научился переплывать на ту сторону Иргиза, где были фруктовые сады с яблонями и грушами. Мы делали набеги на эти сады. Но добычу класть было некуда. Складывали в трупы, а когдаплыли назад, теряли половину трофеев, оставляя за собой след из яблок или груш.

Студенты 2 курса литфака СГУ: Алексей Калинин (слева) с друзьями – фронтовиками, супругами Олегом и Валей Ильиными. 7 ноября 1947.

Зимой одним из развлечений было вспрыгнуть на проезжающие сани позади извозчика, да делать это надо было незаметно, чтобы не схлбнотать кнута, который всегда был в руках возчика. Некоторые возчики были добрыми и делали вид, что не замечают новых седоков.

Меня удивляло на первых порах, что мой двоюродный брат Женька не боится, что кто-то из взрослых увидит, как мы балуемся с папиросами и доложит родителям. В Озинках ничего нельзя было сделать или выругаться, чтобы это не стало известно родителям. В городе же всё по-другому. Женька мог, разговаривая с моей матерью, незаметно вытащить несколько папирос из пачки, лежавшей на окне. Как только папиросы моего отца оказались в его руках, он прекращал разговор, и мы убежали на задний двор с добычей. В общем, он был хулиганистым, не забитым мальчишкой. Во время войны погиб в Молдавии.

Спокойнее было с братом Анатолием Никишиным, который был на два года старше меня. Около него никто не смел обидеть нас со Славкой (тоже братом), который моложе меня на несколько лет. Когда я был свободен, то охотно ходил к Никишиным и даже с ночевкой. Анатолий казался мне тихим и неразговорчивым парнем. Я по его примеру пытался завести хроликков. Но ничего из моей затеи не вышло.

В войну Анатолий тоже погиб. Его брат Вячеслав по малолетству на фронте не был, жил в г. Николаеве.

«Пресловутый треугольник: староста, комсорг, профорг». Друзья-второкурсники (слева направо): Алексей Калинин, Валентин Перетрухин, Олег Ильин. 30 апреля 1948.

В каникулы приходилось помогать родителям в уходе за бахчами, где у нас росли арбузы, дыни, тыквы.

Большим событием в нашей жизни стали радиофикация и электрификация. Когда к нам провели радио, мы втроем прикинули к чёрной тарелке, откуда слышали про челюскинцев, Чкалова, про бои на Хасане. Не меньшее впечатление произвела электрическая лампочка, загоревшаяся под потолком и осветившая тёмные углы, в которых нам мерещились чудовища. Но пугачёвская электростанция была маломощной, поэтому свет загорался редко, а во время войны вовсе прекратили подачу электроэнергии, даже в школы.

Подошло лето 1940 года. Я начал работать на плантации при артели «Кондитер», где служил мой отец. Я был рад вырваться из дома, где чувствовал себя лишним человеком. Плантация находилась в шести километрах от дома, поэтому жили в землянке, а домой я приходил, только чтобы помыться в бане. Работали под палящим солнцем. Особенно тяжело было полоть грядки. Потом мне доверили поливать грядки. Работа тоже тяжёлая, но мне нравилась. Кроме меня были ещё мальчишки. В обеденный перерыв купались. Вечером тоже купались и ловили раков.

Сельские работы

Весной 1941 года я получил паспорт. Летом снова был на плантации. 22 июня вечером ловил удочкой раков. Пловля оказалась удачной. Раков мы сварили, часть съели, часть оставили на утро.

Утром просыпаемся и видим, что наших раков едят работницы, пришедшие из города. «Что это вы едите наших раков?» — «Война, а они раков пожалели!» Так я узнал о том, что началась война. Работать в этот день начали позже обычного, все обсуждали страшную новость.

Никто не думал, что она продлится четыре года. До этого были стычки с японцами, с белофиннами. Всё довольно быстро кончалось. Я думал, что и с немцами наша армия быстро и просто разделается.

Вскоре четверых рабочих, в том числе и меня, отправили в колхоз помогать. Мы складывали в стога сено. В колхозе я научился запрягать лошадей и ездить на них, запрягать быков и управлять ими.

Потом в колхозы и совхозы я ездил со школой. Ездили все охотно, потому что домашнее однообразие надоедало, а тут — смена впечатлений, новое место, новые люди, работа настоящая, взрослая. Считалось, что работаем мы в фонд обороны, в помощь сражающейся Красной Армии, поэтому работали на совесть.

На сельскохозяйственной ниве я приобрёл много полезных навыков и умений. Когда появились эвакуированные ребята, то нас удивляло, а некоторых и раздражало, что эти новые ребята как без рук родились: ничего не умеют — ни вилы держать, ни лопаты. Многие мы умели, помогая отцам в домашнем хозяйстве, без которого и в городе нельзя было прожить. Меня эти ребята не раздражали, но было забавно наблюдать, как они ковыряются в сене вилами и вытаскивают их почти пустыми. Приходилось терпеливо объяснять, как надо действовать вилами, чтобы получился хороший навильник — кучка сена, которую набираешь на вилы.

Довелось мне побывать и лесорубом на заготовке дров для школы. Работа такая же утомительная и однообразная, что и сельская. Целыми днями ширкать пилой туда-сюда. Сначала надо спилить дуб, потом распилить его на части, предварительно обрубив все ветки. Пенёк от дерева должен остаться не выше десяти сантиметров, иначе он загниёт и на этом месте не вырастет новое дерево. Руки почти задевали землю, да и место, где пилишь, широкое. Очень хотелось взять повыше, где ствол был

На берегу Волги после занятий. Алексей Калинин с «обитательницами» комнаты № 8 женского общежития СГУ (там же он познакомился с будущей женой Марией – 3-я слева). Сентябрь 1948.

тоньше, но я пилил в паре с учителем, и норма соблюдалась аккуратно.

Хотя и уставали, и поздно заканчивали работу, после ужина оставалось ещё много времени, и его надо было как-то использовать. Видимо, не всю энергию расходовали за день. Развлекались, как могли, и как это диктовал уровень нашего развития.

Федя Чебурашкин, сельский паренёк, как-то подговорил нас сделать набег на бахчи и полакомиться арбузами. Мы единодушно согласились. Было уже темно, и он в темноте повёл нас вброд через речушку. Украденные арбузы спрятали в стог сена. А днём в обед приехал председатель колхоза и провёл с нами беседу, что, вот, мы выращиваем арбузы для Красной Армии, а кто-то нынешней ночью набезобразничал на бахчах. Мы, пристыженные, молча выслушали его, никто не покаялся, но больше на бахчи мы не лазили.

Жестоким развлечением было избиение мальчишек села Каменки, где мы заготавливали дрова. Шли ватагой вдоль села, и трое наших ребят исполняли обязанности «палачей». Подходили к группе ребят, сидевших на бревне или лавке у дома, и отводили в сторону, где и избивали. Сопротивления никто не оказывал. Акция проходила молча. Причина избиения для меня до сих пор является загадкой. Те же, кто поддуживал наподдавать сельским ребятам, говорили о том, что сельские, якобы, кого-то из нас поколотили и оскорбили наших девчонок. Думаю, что проделано это было от скуки. После приезжал директор школы и прямо на месте работы в лесу устроил собрание, на котором нам дан был разгоняй. Больше сельских ребят мы не трогали.

Как-то вечером, поиграв немного в шахматы, решили сыграть в карты, потому что в шах-

маты играют только двое, а остальные наблюдают. В карты же играют все. Проигравшему, по условиям игры, полагалось какое-то количество ударов ремнём по ладони. Ремень был широкий и бил очень больно. Азарт охватил всех. Каждому хотелось врезать хорошенько своему товарищу, чтобы не остаться только битым. Проиграли всю ночь и только перед утром уснули-мёртвым сном. Учителю Константину Алексеевичу Попову едва удалось нас растолкать.

На работе, как только представилась возможность, мы убежали от учителя в густую траву и залегли спать. Проспались, пообедали уже нормально, спать не хотелось. Учитель провёл с нами беседу. Он подумал, что мы ночью играли в шахматы. Выразил своё уважение к нашей любви к шахматам, но заметил, что надо знать меру и не забывать, зачем нас школа послала сюда. Нам стало стыдно, но все промолчали, так и оставив в неведении своего учителя химии.

Военные будни

В школе нас ожидал новый предмет: уроки военизации. Мы изучали приёмы штыкового боя и винтовку. За всё время только один раз нам показали ручную пулемёт. И в восьмом, и в девятом, и в десятом повторялось одно и то же: разбирали и собирали детали винтовки и затвора. Стрелять не приходилось. Когда я колот длинным или коротким ударом соломенный мешок, висевший на раме, думал: не дай Бог копать живого человека.

Уличные игры прекратились. Шла война, в каждом поселилась тревога. Воспрянули духом, когда в декабре 1941 года по радио сообщили о разгроме немцев под Москвой. Появи-

В лекционной аудитории № 9 истфака Саратовского университета. 1949.

лась надежда, что скоро война кончится, но она не кончалась. На товары появились карточки, но населению по ним выдавали только хлеб. Карточки на мясо, масло, сахар и крупу не отovarивались. На эти карточки можно было победать в столовой. Промтоварные карточки также не отovarивались. Мать их складывала стопкой.

В марте 1942 года мы с матерью проводили отца на фронт. Не было ничего торжественного, ни речей, ни оркестра, и провожающих было мало. О войне у меня было романтическое представление, почерпнутое из книг и кино, поэтому тревоги за отца я не испытывал. Как будто уезжал он не на смертоносную битву, откуда может не вернуться, а в очередную командировку, из которой вернётся живым и невредимым. В общем, я был довольно глуп. Не допускал и мысли, что вижу отца в последний раз, что он уезжает из нашей жизни навсегда. Уезжал он в товарном вагоне, в теплушке, как говорили ещё со времён Гражданской войны. Вагоны двухосные, небольшие, поперёк двери прибита с внутренней стороны вагона толстая доска, на которую опирались, стоя в дверях вагона. Помахали руками вслед уезжавшим вагонам и возвратились домой.

Потекла жизнь без отца. Мы ходили в школу, где уже не загорались электрические лампочки; маршировали на уроках военизации и ждали своей очереди призыва в армию. Армия наша всё отступала, уже дошли до Волги, до Сталинграда. Город заполнен был войсками, рядом вырос Копай-город из землянок, где размещались бойцы. Стало ясно, что немцы от нас недалеко, и если Сталинград падёт, нам не миновать оккупации. В городе ввели затемнение. Собирались послать наших ребят, и меня в том числе, на рытьё окопов под Саратовом.

Немцы под Сталинградом были разгромлены, что подняло наш дух. Но на скорое окончание войны надежды уже не было. В конце 1942 года наступила очередь призыва в армию. Про-

ходили комиссию. Нужно было раздеться догола, и в чём мать родила предстать перед членами комиссии. Я был признан «вовсе негодным» к военной службе из-за сильной близорукости. Потом чуть ли не каждый месяц проходил переосвидетельствование. Каждый раз новые люди проверяли моё зрение. Но штамп в удостоверении оставался прежним: «вовсе негоден».

Это «вовсе», как заноза, не давало мне покоя. Физически я был здоровый и сильный парень, отчего же «вовсе негоден», даже в трудармию? В итоге в нашем классе осталось только два парня: хромой, и я, негодный даже в писари. Нам было стыдно, сели мы с ним на заднюю парту и сидели там до окончания школы. Ребят призвали, не дав им закончить десятый класс, меня это потрясло. Я думал, что главное для нас – окончить школу, и ничто не должно этому мешать. Так сильно было тогда у молодых сознание долга выучиться, тем более, что многим из нас не было ещё 18-ти лет. Как же ребята останутся без свидетельства об окончании средней школы? С таким вопросом я обратился к одной нашей учительнице, и она просто ответила: «Получат, если вернуться живыми». Вот только тут до меня дошло, насколько серьёзна, кровопролитна и жестока война, если не щадит даже школьников.

Стали приходить «похоронки», извещения на знакомых ребят, одноклассников об их гибели, чем дальше, тем больше. Я изредка писал на фронт отцу письма, не умея их писать и не зная, о чём писать. Отец тоже писал нам письма. Как-то моё письмо, посланное отцу, возвратилось с фронта с приклеенным листочком: «ранен вы был в госпиталь неизвестно куда». Я никому ничего не сказал, а ждал письма от отца, но не с фронта, а из госпиталя. Последнее, что он написал нам с фронта, это было письмо от 9 августа 1942 года. В нём он обещал, если будет жив, написать через два дня. Писем больше не было.

Я писал в канцелярию К.Е.Ворошилова запросы о судьбе отца. Аккуратно приходил ответ, что среди убитых, раненых и попавших в плен мой отец не значится.

В 10 классе я стал лучше учиться. Если уж к службе вовсе не годен, то хоть в учёбе показать, что ещё на что-то гожусь. Занимались при свете самодельных свечек, ужасно коптивших, так, что в носу было черно от сажи. Все выпускные экзамены, а их было тогда 12, сдал на «отлично».

Осенью 1942-го я вступил в комсомол. Платил взносы. В школе особой комсомольской работы не велось, так что вспомнить нечего.

В 1943 году в армии ввели погоны. Особенно непривычно было смотреть на золотые погоны офицеров, да и к самому слову «офицер» надо было привыкать: оно ассоциировалось с белой армией, а «золотопогонники» были бело-гвардейскими офицерами, которых на первых порах чапаевцы даже в плен не брали.

Жили мы голодно. Выручала корова, да привычка матери жить в нужде. При отце мы тоже не знали роскоши, но были сыты и хоть как-то одеты и обуты. Школьной формы не было, ходили, кто в чём мог, никто одеждой не выделялся.

Голоден я был настолько, что мог зараз съесть буханку хлеба, вкуснее которого ничего не казалось. Заломнились коржики из отрубей. Я их прозвал тошнотиками, потому что без отращения их есть было нельзя.

За отца мы получали маленькое пособие. Мать вынуждена была поступить уборщицей в карточное бюро, стала получать рабочую карточку. Братья матери Иван Петрович и Данила Петрович советовали ей сдать нас, неродных детей, в детдом. Но она была порядочной и самоотверженной женщиной. Я это говорю не кривя душой, хотя и не ладил с ней в довоенное время. Всю жизнь она любила и ждала отца и не мешала нам получить образование, как могла заботилась о нас, его детях.

Ещё мать торговала на базаре кислым молоком (ряженкой) поллитровыми банками. Стоила банка 30 рублей. Покупателями были солдаты, которые тут же съедали молоко и возвращали банку. Появились у нас и квартиранты из эвакуированных, но не знаю, имела ли с них мать какой-либо доход или нет. Эвакуированные были в основном евреями. Я поражаюсь, насколько точно описывал евреев еврейский писатель Шолом Алейхем, а мать быстро научилась отличать евреев от неевреев. Жили они у нас недолго, поэтому их много сменилось.

Стало трудно с керосином, поэтому пользовались коптилкой, при свете которой занимался вечерами. Не стало и тетрадей. Писал я на оборотной стороне накладных, которых отец нам оставил целый ящик. Плохо стало со спичками. Узнал, что такое кресало для добычи огня. Составило оно из трёх частей: кремень — галька с острым краем (собирали её на железнодорожной насыпи); небольшая стальная пластинка, плоским ребром которой ударяли по острой стороне кремня-гальки, чтобы высечь искры; жгут из ваты, заключённый в трубку. С одного конца ватный жгут обуглен. Надо было совместить обугленную часть жгута с краем кремня и бить по кремню ребром пластинки. На обугленную часть сыпались высеченные искры, они поджигали вату, которая начинала дымиться и становилась пригодной для прикуривания. Обуглен-

ная часть вдвигалась или выдвигалась из трубки в зависимости от того, зажечь её надо или погасить. Гасить можно было и зажимая горящую часть пальцами, что не очень приятно, зато была уверенность в полном погашении жгута, иначе можно было поджечь собственный карман. В продаже появились спички в виде гребешка, зубья которого и были спичками. Изготавливал их из дранки пугачёвский лесозавод. Они плохо горели, загорались не всегда и были предметом насмешек.

Летом 1943-го приехал из Ташкента вербовщик, аспирант Среднеазиатского индустриального института. Я выбрал энергетический факультет, готовивший инженеров-электриков. Окончив школу, я не имел никакого представления о профессиях. Мне показалось заманчивым стать инженером-электриком, участвовать в электрификации страны. Вступительные экзаменов не было. Отдал свидетельство об окончании средней школы и заявление вербовщику.

Получив извещение о зачислении, выхлопотал в милиции пропуск. Чтобы купить билет, нужно было пройти санпропускник и предъявить справку, что ты прошёл санобработку (вымылся в бане при железной дороге, а одежда «прожарена» от вшей).

Поскольку я ехал в Ташкент, город не только хлебный, как мне казалось после чтения романа Неверова, но и жаркий, я взял только лёгкое бельё, сапоги и демисезонное пальто.

В Ташкенте

Прибыв, поселился в общежитии. Через некоторое время был направлен на строительство Саларской гидроэлектростанции под Ташкентом. Задание было одно: дать 1000 процентов. Как только выполнишь тысячу процентов, можешь возвращаться.

Прибыли на Салар, поселились у глубокого котлована. Вспомнил два вида нашей работы. Первая: как муравьи тащили со дна котлована вырубленный мергель в мешках по две лопаты. Второй вид работы — собственно рубка кайлом мергелистой породы.

Работали мы здорово, нас поощряли дополнительными 100 граммами хлеба. Эти 100 граммов были кстати. Пока у меня были деньги, я покупал на базарчике раз в день лепёшку и тем подкармливался. Но всё было дорого, поэтому быстро закончились. В Ташкент вернулся без рубля. А здесь нас ждала не учёба, а новая поездка — на сбор хлопка в Сурхан-Дарьинскую область.

Ещё на Саларгэсстройке я больше страдал от холода, чем от жары. Первый раз в жизни столкнулся с тем, что днём жарко, а ночью холодно. На Саларе мы спали под открытым небом на матрацах, укрывались байковым одеялом. Ночью, чтобы согреться, прижимался к матрацу то одной стороной тела, то другой. Живя в Саратовской области, я привык: если днём жарища, то и ночью будет тепло. А здесь кажется, что чем жарче днём, тем холоднее ночью.

Прибыли на место. Показали нам поле, редко белевшее корбочками хлопка. Поле было уже убрано, нам досталось собирать поздно созревшие и чуть-чуть созревшие корбочки. Дали каждому по мешку и по фартуку. Как тут было не вспомнить знаменитую тогда девочку-узбек-

ку Мамлакат, которая первой в стране стала собирать хлопок не одной, а двумя руками. Стал и я собирать хлопок двумя руками. За голову зацеплен мешок, в ногах путается фартук, пальцы натыкаются на острые концы коробочек. Мешок наполняется медленно, от коробочки до коробочки проходишь большое расстояние. Энтузиазм быстро угас, потому что норму (40 килограммов) всё равно не выполнить. Солнце жарко припекает, хочется есть, постепенно с хлопка переходишь на сбор вороняжки, как у нас называют пазлён. Кусты пазлёна попадаются довольно часто, так что ягоды достаётся много. Прямо немую сушь в рот.

Обед скуден. Суп – почти вода – и каша. Ни мяса тебе, ни рыбы. Хлеб давно съеден, так что обед и ужин идут без хлеба.

По возвращении в Ташкент, наконец, начались занятия. Учебный корпус, как и общежитие, не отапливался. В аудитории, где мы слушали лекции, столов не было, – только скамейки, на которых мы и сидели, кутаясь в свои демисезонные пальто. Кое-кто из студентов втихую, в рукав, покуривал, пытаюсь заглушить голод. Лекторы были интересными, материал излагали понятно. Стал я изучать узбекский и английский языки. Так как я хорошо учился в школе по немецкому языку, английский давался мне легко. В аудитории – ни одного узбека или узбечки, только русские и несколько корейцев.

В Ташкенте, кроме хлеба, отоваривались и другие продукты. В столовую ходили с продуктовой карточкой, из которой в кассе вырезались нужные талоны: 40 граммов крупы, 10 граммов жиров. Вместо сахара давалась сладкая корижка. Вместо мяса ничего не выдавалось. Сахару полагалось 400 граммов на месяц, но ни разу не доводилось его получать. В Ташкенте я узнал, что такое сухое молоко и яичный порошок. Всё это было американского производства.

Я слабел физически. Обнаружилось, что не могу выполнять чертежи: проведу карандашом на ватмане линию, но не вижу её. Зрение не позволяло мне быть инженером. Вскоре и память перестала удерживать прочитанное. Заметил это, когда подошла сессия. К этому времени я обессилел настолько, что с большим усилием двумя руками мог повесить на гвоздь своё лёгкое демисезонное пальто. Однажды пришла грузовая машина, водитель которой сказал мне, что ему приказано отвезти меня в больницу. Я удивился, потому что никого не просил об этом.

Меня положили в туберкулёзную палату. Больные лежали укрытые матрацами, потому что больница не отапливалась. Начались обследования. И тут я опять убедился, что моё исчезновение из института не осталось незамеченным. Мне приносят передачу: булочки и ещё что-то, теперь уже не помню. Я был потрясён: кто бы это мог вспомнить обо мне, да ещё принести угощение! Настоячиво, чуть не плача, стал требовать, чтобы тот, кто принёс передачу, зашёл в палату. Удивление моё возросло, когда перед собой я увидел товарища по комнате. Я горячо поблагодарил его за неожиданное внимание ко мне.

Туберкулёза у меня не обнаружили. Просто дистрофия, физическое истощение, лекарством от которого служит достаточная еда. Но шла война, и питались мы кое-как.

Вскоре после выписки из больницы меня отправили домой, в Пугачёв. Много дней, с великим трудом, без денег, добирался я до дома, с пересадками в Куйбышеве, Пензе, Ртищеве, на открытых платформах товарняков, ночуя на вокзалах среди множества людей, лежащих прямо на полу, втиснувшись между ними. Тогда спасла меня пайка хлеба по рейсовой карточке, 400 граммов в день. Чтобы выкупать их, были проданы на одной из станций, кажется, в Куйбышеве, последние вещички, которые у меня оставались от Ташкента.

Война была серьёзным испытанием чести человеческой. Ещё в Ташкенте мне довелось поработать на железнодорожном складе учётчиком отпущенного институту угля. Поехали на обед на гружёной углём институтской машине. Только выехали за пределы склада, в машину, медленно ехавшую по дороге, впрыгнул мальчишка и стал быстро набирать в свой мешок уголь. Сидевшие со мной рабочие молчали. Мальчишка так же молча протянул им деньги и спрыгнул вместе с мешком с машины. Из кабины высунулся их начальник и крикнул: «Студенту дайте!» Мне протянули 13 рублей. Приехали, пошёл в столовую, пообедал, а деньги, полученные мной, не давали покоя. Меня возмутило, что институтские работники воруют уголь и продают его, тогда как ни общежитие, ни учебный корпус не отапливаются. Я пошёл к заместителю директора по хозяйственной части и с возмущением рассказал о воровстве, положив ему на стол злополучные деньги. Потом пошёл работать, но начальник мне сказал, что я больше не нужен. Я понял, что ему сообщили о моей жалобе, и меня устраняют, чтобы не мешал воровать.

Однажды и я оказался нечестным человеком. Получив стипендию, обнаружил лишних 100 рублей. Но не возвратил эти деньги, а присвоил их. До сих пор со стыдом вспоминаю этот случай. Зато тогда я перестал косо смотреть на своих товарищей, промышлявших средства нечестным путём. Один чертёжным пером искусно передельывал в продуктовой карточке цифру 10 на 40, добывая себе лишних 30 граммов крупы. Другой покупал в буфете пиво, разбавлял его водой и бежал на улицу продавать проходим, жаждавшим пивка.

Вновь в Пугачёве

Когда поезд остановился на родной станции, я, закочевевший, без сил, едва перевалился через борт платформы прямо на перрон. Я был в Пугачёв едва живой и гол как сокол. Вот тебе и «Ташкент – город хлебный!» Встретили меня по-доброму, с жалостными причитаниями, обмыли, уложили в постель и стали откармливать. Был март 1944 года. Война всё ещё шла, и один Бог знает, где мать добывала еду для меня.

Я стал поправляться, силы вернулись ко мне. Как раз подошёл сенокос. Братья матери подрядились косить сено для организации. У одного из них сохранилась косилка. Как она избежала коллективизации, так и осталось для меня секретом. Мне разрешили поехать с ними, чтобы самому накопить сена для своей коровы.

Косить косой мне ещё не приходилось, свладел я и этим искусством.

Осенью этого же 1944 года я пришел к директору лесозавода с просьбой дать какую-ни-

будь работу. Он предложил мне должность снабженца, сказав, что часто буду ездить в командировки. Я, естественно, не понимал, чем занимается доверенный по снабжению, но перспектива командировок мне понравилась, и я согласился.

На моей обязанности было получать и отправлять грузы. Завод выпускал телеги, веялки, бочки. Детали к веялкам нужно было доставлять из Саратова. Туда же нужно было ездить за инструментами. Телеги, веялки и бочки отправлять никуда не надо было — они продавались через Пугачёвский торг. Отправлять мне приходилось только тарную дощечку для оборонного завода. Грузили её в товарные вагоны. Погрузка оплачивалась отдельно, сверх зарплаты. А она была небольшая — 325 рублей; на них на рынке можно было купить 32 пирожка с картошкой. Чтобы подзаработать, я лично участвовал в погрузке этой дощечки. Недостатка в грузчиках не было. Грузили после работы.

Я любил те дни, когда выпадала погрузка: полугодные, работали весело, с азартом бегали туда-сюда, как бы соревнуясь друг с другом. Общая работа сближает людей, позволяет забыть личные горести и неприятности. Хорошо описал это состояние А.М.Горький.

Работа снабженцем научила меня смело обращаться по делу к незнакомым людям. Добывая вагоны, я доходил иногда даже до начальника Рязано-Уральской железной дороги. Вагоны нужны были, чтобы с Саратовского лесозавода отправить на наш завод доски, какое-то большое количество кубометров. Нужно было несколько платформ. Из-за их отсутствия я чуть не попал под суд. Время военное, порядки строгие. Когда начальник Облместпрома узнал, что я всё ещё не отправил на завод в Пугачёв лес, он вызвал меня. Я, как мог, объяснил, что никак не могу добиться вагонов. Он кричал: почему я не сказал ему об этом раньше? Что я мог ему ответить? Мне это и в голову не приходило. Криком дело не обошлось, вызвал он секретаря и продиктовал ему приказ: объявить мне строгий выговор и отдать под суд за срыв отправки леса.

Вагоны дали. Лес грузили пленные немцы, и я впервые вблизи увидел пленных. Одеты они были в свою форму, уже потрёпанную. Работали хорошо, аккуратно и неторопливо укладывая доску за доской и делая прокладки, чтобы доски не искривились.

Ходил я в военном, так как другой одежды у меня не было. Летом 1944 года я неосторожно вышел из дома без документов и попал в облаву. Потолкался в военкомате, пока не пришла мать и не принесла мои документы. С этого момента я всегда ходил с паспортом и освобождением от воинской повинности и стал постоянно носить очки, чтобы не казаться подозрительным.

Конец войны

В апреле 1945 года меня направили от комсомола агитатором в колхоз в знакомой мне уже Малой Таволожке, куда совсем недавно ездил летом из школы. Проводилась подписка на заём, колхозники тоже должны были подписываться, хотя и не получали ничего за свой труд. Мне тоже дали поручение подписать таких-то и таких. Дело это оказалось тяжёлым, мне было

Однокурсники – студенты СГУ. Алексей Калинин, староста курса – 2-й слева; Валентин Перетрухин (в 50-е годы – проректор Ишимского пединститута) – 3-й справа. Саратов. 1949.

стыдно уговаривать подписаться. Подписка считалась на словах добровольным делом, в действительности же нужно было прилипнуть, как репей, к колхознику и не отступать, пока не согласится подписаться.

В ночь с восьмого на девятое мая я был представлен к пахавшему поле трактору, чтобы он не останавливался, а работал. Но трактор был старый, то и дело глох после непродолжительной работы. Тракторист налаживал его, пахота продолжалась. Я ничем не мог помочь трактористу, выполнял роль надсмотрщика и клевал носом. Кое-как дотянули до утра. И тут на белой лошади к нам прискакал мальчишка и радостно завопил о том, что война кончилась. В этот же день на радостях я вернулся в Пугачёв.

Глубокой осенью меня в составе комсомольской бригады отправили на станцию Бурассы на заготовку дров для города по линии гортопа (эта организация ведала городским топливом).

Когда бригада вернулась в Пугачёв, меня оставили на месте. Директору гортопа вздумалось назначить меня продавцом ларька. Ларёк открыли в курятнике одной старушки, к которой меня поселили. Так, ещё не уволившись с лесозавода, я стал ведать ларьком, ездить в Саратов на лошади за продуктами в облат для рабочих заготовительного пункта. Зарплату мне установили в 200 рублей.

Дома я сообщил, что меня назначают продавцом. Родня в полный голос заговорила о недостатках. А тут уж недалеко и до тюрьмы. Посоветовали обратиться к продавцу Пугачёвского гортопа как опытному человеку. Он посмотрел на меня внимательно и ответил: «Дело само покажет». Он оказался прав. Дело само показало, как выходить из положения. При всём желании продавец не может быть честным и кажется таким, только пока умеет «прятать концы».

Например, у меня появился лишний хлеб. Хлеб отпускался на число работающих, а это число за месяц уменьшалось; хлеб же выдавался на ранее заявленное количество людей. Отчитывались талонами из книжек, которые были вместо карточек. Книжки хранились у меня. На руки работающим я их не выдавал, и никто от меня этого не требовал. Постепенно у меня по-

Дом на улице Чкалова (напротив типографии; снесён), где в числе семейных преподавателей ИГПИ жили Капины. Ишим. 1950-е.

явились мука, сахар, подсолнечное масло, солёные леши. Стали приходиться ко мне и «гости», два моих непосредственных начальника. Приходили на блины, которые пекла моя хозяйка. Муку и масло на блины давал я. А ведь надо поставить ещё и бутылочку. Денег у меня вообще не было, так что и тут приходилось идти на преступление: менять масло на водку: пол-литра на пол-литра.

Я понимал, что так не должно продолжаться, до хорошего это не доведёт. Дополнительным стимулом к решению уволиться послужил случай на складе Облтопа. Мне выписали десять килограммов селедки. Кладовщик стал взвешивать её на напольных весах, положил какое-то количество рыбы, а потом стал доливать рассол. Я возмутился: ведь мне выписана селедка, а не рассол. Он, не смущаясь, ответил: «А рассол куда я дену?» Я растерялся. Поднял мешок, рассол вытек на весы, и с мокрым мешком я пошёл к себе, раздумывая, как же буду отчитываться. Выходит, что я уже украл килограмма три селедки, в глаза её не видел. Значит, продавец иногда поневоле оказывается воришкой, когда его, в свою очередь, объегают те, от кого он зависит.

Живя в Бурассах, я ничего не читал, даже газет, вёл растительную жизнь, что меня не устраивало. И в марте 1946 года я приехал в Саратов, отчитался в своей работе и уволился на все четыре стороны. В расчёт я получил 100 рублей зарплаты, остальное удержали в погашение накопившегося долга. На прощание сказали, что я единственный честный продавец, который не только отчитался благополучно, но ещё и получил зарплату. Я был рад, что моя недолгая торговля благополучно закончилась для меня. Пошёл на базар под названием Верхний и купил там за сто рублей бобриковую кепку, которую, учась в университете, называл венцом моей торговой деятельности.

Университет

Я возвратился в Пугачёв и «сел на шею» матери, готовясь к поступлению на филологический факультет Саратовского университета. Мать с братом Даниилом Петровичем отговаривали меня. Я сказал, что буду получать стипендию и на неё жить, не требуя ничего с матери.

Дядя отговаривал на свой лад: ума большого у меня нет, говорить как следует не умею и так далее. В правильности его слов я убедился поздно. А тогда мне казалось, что я всё могу.

Начал повторять русский язык, литературу, историю СССР, немецкий язык и географию. Таковы были тогда вступительные экзамены на филологический факультет.

На время сдачи экзаменов поселился у дяди Васи на Миллионной улице. Географию, которую не любил, и литературу, которую любил, сдал на «посредственно», русский язык – на «хорошо», немецкий и историю – на «отлично».

Запомнил, как на экзамене преподаватель добивался от меня ответа на вопрос об отличии социалистического реализма от критического. Зубрить я не умел, тогда как многое надо было именно зубрить, в том числе и отличительные черты метода соцреализма. Мысленно сопоставляя произведения Тургенева и Горького, я видел только разный материал описания, а метод описания материала мне казался одним и тем же: и того, и другого читаешь с одинаковым интересом. Я твердил экзаменатору, что различия между критическим реализмом и социалистическим не вижу, пусть ставит мне двойку, и я пойду домой. Однако она поставила «посредственно».

В итоге меня приняли в качестве кандидата в студенты. А это значит – без стипендии, и хлебная карточка на 400 граммов, как иждивенцу. (Студенту было положено 500 граммов.)

С трудом получив ордер, я поселился в общежитии. Стал жить впроголодь. Иногда я продавал на базаре свою пайку хлеба, чтобы иметь деньги для покупки хлеба по карточке. Так что и хлеб я ел не каждый день. Но я решил твердо держаться, надеясь, что «Ташкента» не повторится. Обучение было платным, освобождались от платы (что-то около четырёхсот рублей) только дети погибших на войне. Я предьявил справку о том, что мой отец пропал без вести 16 августа 1942 года во время боевых действий. Плату с меня не требовали.

Особенно трудными оказались сентябрь и октябрь; облегчение наступило в ноябре, когда я был зачислен студентом и стал получать 220 рублей стипендии и пятисотграммовую карточку на хлеб.

На занятия я ходил с карандашом и самодельными (из газетной бумаги) тетрадами. В университете я продолжал изучать немецкий язык. Из языков на первом курсе были ещё английский и старославянский. Немецкий язык преподавала Бауэр, латинский – Г.И. Коляда, старославянский – В.П. Воробьёв. Из литераторов на первом курсе мне запомнился Ю.Б. Стаменов, преподававший античную литературу. Этот человек – историческая личность, прототип литературного героя. Он до революции был директором Покровской гимназии, где учился писатель Лев Кассиль. (Покровск, переименованный в Энгельс, до 1941 года был столицей АССР немцев Поволжья; находится он напротив Саратова на другом берегу Волги.) В своей повести «Швамбрия» Кассиль вывел Стаменова под фамилией Стомолицкий. Кличку ему гимназисты дали очень меткую: Рыбий глаз. Мы уже знали его историю, поэтому нас забавляло, когда он говорил: «Мы, марксисты...»

Запомнилась мне Акимова, очень серьёзно относившаяся к своему предмету, – устная

народное творчество, который мы всерьёз не воспринимали. Особенно хорошо читали лекции А.М. Лукьяненко (введение в языкознание) и М.Н. Боброва (зарубежная литература). Помню Павловского, читавшего нам введение в литературоведение, очень чётко и однозначно. Было у нас и военное дело. Здесь была уже не винтовка, как в школе, а пушка. Но я заявил, что не годен к службе по близорукости, и меня освободили от всех видов военной подготовки. А вот занятия по физкультуре пришлось посещать.

Особенно много приходилось заниматься по истории ВКП(б). Нужно было конспектировать труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина... К нему, как и к Ленину, у нас было благовоющее отношение. Мы верили, что Сталин — гений. Смущало только, что он ошибался, заявив, что война продлится, может быть, годик. А в речи по случаю победы над Японией в 1945 году он заявил, что люди старшего поколения сорок лет ждали этого момента, хотя мы учили, что большевики ратовали за поражение царизма в русско-японской войне и мстить за поражение не собирались. Только уже на пятом курсе у меня вызвали тяжёлые сомнения его резкие статьи против Марра и целого направления в языкознании.

Первый курс, как и последующие, я закончил хорошо, бывал и отличником, получал повышенную стипендию. Кроме того, все пять лет я был старостой группы.

Учились в холоде и голоде. Ни учебный корпус, ни общежитие первый год не отапливались. На занятиях сидели в пальто. Питались в столовой, где только обедали, так как ходить в неё было далеко. Питался я в основном картошкой без масла.

Первые годы учёбы совпали с разгромными постановлениями ЦК ВКП(б). Не успеешь изучить одно, как появляется другое. Вначале о журналах «Звезда» и «Ленинград», потом о композиторах и кинофильмах. Ахматову мы не знали, а Зощенко был широко известен, и его было жалко. Коробили и резкие выпады, почти брань, но мы верили безоглядно Центральному комитету партии. Нас приучали верить. Кроме того, за нами наблюдали органы госбезопасности, и некоторые студенты были арестованы за неподобающее по тем временам речи. Так что поневоле приходилось помалкивать и приучаться мыслить, как все, что далеко не всегда получалось.

Ещё на первом курсе у меня возникли проблемы с одеждой и обувью. Носил парусиновые туфли. Вскоре уже пришлось привязывать подошву проволокой. А к концу первого года учёбы, весной, обнаружилось, что я не могу снять пальто, потому что брюки у меня рваные. Я попросил профорга нашей группы Розу Вертий через профком выхлопотать мне какой-нибудь костюм. Через некоторое время я получил ордер. Не помню, где я, нищий студент, взял деньги. Помню, что стал обладателем серого в ёлочку костюма, первого в моей жизни.

С той поры я испытывал глубочайшее уважение к профсоюзу, который в трудный момент жизни может выручить. Однажды, когда мне понадобились калоши, профсоюз выдал мне ордер на калоши, но женского размера. Мне посоветовали продать их на базаре и купить себе нужные. Так я и сделал. Базар для студента не был чужеродным явлением. Там приходилось продавать свою пайку хлеба, чтобы

иметь деньги на хлеб и столовую, не говоря уж про кино.

Глубокой осенью 1947 года отменили карточки и провели денежную реформу. Деньги подешевели в десять раз. Странно было думать, что карточки теперь не нужны ни в магазине, ни в столовой — бери, что хочешь, вдоволь, были бы деньги. Но их-то и не было.

Со второго курса стал я участвовать в подработках — то в подсобном хозяйстве отдела рабочего снабжения университета, то на железной дороге. У нас сложилась группа ребят (сплошь «безотцовщина»), всегда готовых подработать. Заготавливали дрова, убирали картошку, разгружали вагоны, даже ночью работали по расчистке на маслозаводе, выпускавшем растительное соевое масло.

В общежитии сначала выдавались только кровать и матрац. Одежда и подушка — свои. Потом постепенно включили отопление, выдали постельное бельё. Чувствовалась нарастающая забота о нас, студентах. Здесь я должен сказать, что во всех отчаянных положениях меня поддерживали друзья. Без них я бы не выдержал и, может быть, снова ударился бы в торговлю или во что-нибудь другое. Моими друзьями были вчерашние фронтовики Вадим Барцевич, Олег Ильин и вчерашний школьник-медальст Валентин Перетрухин, младший из нас.

Хорошие отношения у меня были со многими, кто в трудную минуту ссужал деньгами. Когда я получал стипендию, то почти всю раздавал в уплату долгов. Стипендия была небольшая — 22 рубля. Кроме того, студенты тоже были обязаны подписываться на заём, на который уходила одна стипендия. Поэтому приходилось подрабатывать, но не всегда успешно.

Пробовал, например, роль частного учителя. Попросили меня поучить одного грузина русскому языку за сто рублей в месяц. Я и этому был рад, но грузин недолго обучался, просто перестал появляться на уроке. Уроки я давал у него дома. Два раза я получил свои сто рублей, и на этом кончилась моя педагогическая деятельность.

Вот почему я всё время нуждался в деньгах и жил впроголодь, хотя еды вокруг было уже много. Питался в основном картошкой. В дни стипендий покупал колбасу или ещё что-то. Из дома мне не могли прислать ни копейки, помогали только отцовской одеждой и обувью. Есть фотография, где я с Валей и Олегом Ильиным снят в Липках. На ногах у меня сапоги на высоком каблучке. Это сапоги мужа сестры моей матери, чапаевца Фёдора Ефимовича Митянова. Часть их вещей хранилась у матери, и кое-какие вещи, с разрешения Митяновых, она брала, в том числе и для меня. Дядя Федя был в то время помощником военного прокурора Забайкальского военного округа.

У меня много фотографий времён студенчества. Несколько снимков сделал Вадим Барцевич, у которого был «Фотожор» (фотоаппарат для пластинок размером 9 на 12 см). Большинство же снимков сделано Ваней Митьковым, у которого имелся уже фотоаппарат узкоплёночный (на 35-миллиметровую плёнку)...

1995 год.

Предисловие — М.Ф. Калинина.
Фотографии из архива автора.

Вкратце об авторах

1. **Бакулин Мирослав Юрьевич**, кандидат философских наук, автор цикла телепередач «Русская неделя» (г. Тюмень).
2. **Гарифуллин Изиль Батретдинович**, кандидат исторических наук, член Союза журналистов России, старший научный сотрудник института гуманитарных исследований Тюменского государственного университета, тюрколог, автор 10 монографий, около 300 научных и научно-популярных статей на русском и татарском языках, соавтор коллективной монографии «Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири».
3. **Евтихий (Иван Тимофеевич Курочкин)**, епископ Домодедовский, викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, управляющий российскими приходами Русской Православной Церкви Заграницей, настоятель градо-Ишимского кафедрального Богоявленского собора.
4. **Загнеева Роза Ивановна**, учитель русского языка и литературы, директор (1974-2007) средней школы № 5 г. Ишима, Отличник просвещения РСФСР и СССР, Заслуженный учитель РФ, депутат городской Думы четырёх созывов, Почётный гражданин г. Ишима.
5. **Калинин Алексей Иванович** (1925-2005), языковед, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова.
6. **Капитонова Надежда Анатольевна**, главный библиотекарь, директор (1966-1987) Челябинской областной детской библиотеки им. В.В.Маяковского, Заслуженный работник культуры РСФСР, краевед, автор многочисленных статей о творчестве детских писателей Южного Урала.
7. **Киричук Ульяна Николаевна**, студентка исторического отделения факультета русского языка и литературы Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова. Участник и лауреат ряда творческих конкурсов среди детей и юношества.
8. **Крамор Геннадий Андреевич**, сотрудник Литературного музея П.П.Ершова в г. Ишиме. Лауреат фестивалей «Тюменская пресса-2006» в номинации «Общественный корреспондент года», «Православие и СМИ» в номинации «Пресса» (2007). Краеведческие интересы – история православия в Сибири, провинциальная архитектура.
9. **Кутырёв Александр Георгиевич**, врач-рентгенолог, краевед, участник археологических раскопок у озера Мергень. Краеведческие интересы – история Сибири и города Ишима, история развития здравоохранения, археология.
10. **Лузина Валерия Михайловна**, искусствовед Ишимского городского историко-краеведческого музея. Автор статей по истории культуры края. Сфера интересов – творчество ишимских художников XX – начала XXI века.
11. **Курьшев Игорь Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных наук Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова. Научные интересы – история гражданской войны в Сибири, история сибирского крестьянства в XX в. Организатор научных конференций, посвящённых Западно-Сибирскому крестьянскому восстанию 1921 года.
12. **Кутырёва Наталья Валерьевна**, внештатный корреспондент газет «Тюменская область сегодня», «Ишимская правда», автор статей по культуре, образованию, краеведению Приишимья.
13. **Максимова Галина Васильевна**, главный хранитель Курганского областного художественного музея. Научные интересы – иконописание в Зауралье, преимущественно XIX – нач. XX в. Принимала участие в книгах: «Уральская икона» (Екатеринбург, 1998), «Сибирская икона» (Омск, 1999), «Русское медное литьё. Избранные памятники в собраниях Урала» (Екатеринбург, 2008), автор статей в научные сборники и журналы.
14. **Мишкина Ольга Анатольевна**, научный сотрудник Ишимского городского историко-краеведческого музея. Автор ряда статей по истории культуры края.
15. **Ольков Николай Максимович**, журналист, писатель (с. Бердюжье Тюменской обл.). Член Союза писателей России. Автор пяти книг художественной прозы и более двадцати – очерковых и публицистических. Лауреат премии имени К.Лагунова в номинации «Публицист года».
16. **Омельчук Анатолий Константинович**, телерадиожурналист, писатель, краевед, директор ГТРК «Регион-Тюмень». Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей СССР, действительный член Академии российской литературы, Академии российской науки и искусства. Обладатель звания «Золотое перо России» (2000), лауреат ряда литературных и журналистских премий. Автор книг «Последний в очереди за поцелуем» (2005), «Любовь всегда ошибка» (2007), «Сибирская книга» (2008) и др.
17. **Ожигбесова Ольга Адольфовна**, журналист, сценарист, редактор журнала «Штрих-код» (г. Тюмень). Сотрудничает с рядом тюменских, екатеринбургских и московских изданий. Лауреат премии Союза журналистов России «За журналистское мастерство», обладатель Главного приза Всероссийского телефестиваля «Профи-2007» в номинации «Лучший сценарий», дипломант и лауреат ряда других региональных и всероссийских конкурсов.

18. **Проскуракова Надежда Леонидовна**, директор Литературного музея П.П. Ершова в г. Ишима. Краеведческие интересы – культура края, крестьянское восстание 1921 года. Автор сценариев документальных фильмов по истории Ишима и Приишимья. Редактор детского познавательного журнала «Конёк-Горбунок».

19. **Савченкова Татьяна Павловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова. Научные и краеведческие интересы – жизнь и творчество П.П.Ершова, региональное литературоведение, история сибирской архитектуры. Редактор ряда краеведческих сборников, «Ершовского сборника». Автор многих научных и популярных статей, книги «Ишим и литература. Век XIX-й» (2004).

20. **Самсонова Ольга Николаевна**, научный сотрудник Ишимского городского историко-краеведческого музея. Автор ряда статей по истории культуры края.

21. **Созонова Надежда Александровна**, ответственный за выпуск газет филиала «Ишимская типография» ОАО «Тюменский издательский дом».

22. **Соскина Лидия Константиновна**, учитель истории и краеведения, руководитель секции юных краеведов, директор музея школы № 1 г. Ишима. Автор статей о знаменитых людях Приишимья.

23. **Уткова-Устинова Ольга Викторовна**, инженер-конструктор лаборатории глубоководных обитаемых аппаратов Института океанологии им. П.П.Ширшова Российской Академии наук (г. Москва). Участник экспедиций по изучению Мирового океана на научно-исследовательских судах «Витязь» и «Академик Мстислав Келдыш». Дочь В.Г.Уткова, исследователя жизни и творчества П.П.Ершова.

24. **Федотова Валентина Петровна**, учитель русского языка и литературы, отличник профтехобразования, член Зауральского генеалогического общества им. П.А.Свищева (г. Курган).

25. **Шефер Елена Фёдоровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). В 1974-1995 гг. – доцент кафедры литературы Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова. Научные интересы – взаимосвязи отечественной и зарубежной литературы, литература Уральского региона. Автор книги стихов и прозы «Воробышек на портфеле» (2007).

26. **Шилова Елена Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ишимского государственного педагогического института им. П.П.Ершова, автор публикаций по лингвистическому краеведению в альманахе «Коркина слобода», «Ершовском сборнике», газете «Ишимская правда», участник культурологических конференций.

27. **Ярков Александр Павлович**, доктор исторических наук, искусствовед, профессор Тюменского государственного университета, автор многочисленных публикаций культурологического характера.

Принятые сокращения:

АРГО – Архив Русского географического общества (г. Санкт-Петербург)
БАН – Библиотека Академии наук (г. Санкт-Петербург)
ГАКО – Государственный архив Курганской области (г. Курган)
ГАОО – Государственный архив Омской области (г. Омск)
ГАСПИТО – Государственный архив социально-политической информации Тюменской области (г. Тюмень)
ГАТО – Государственный архив Тюменской области (г. Тюмень)
ГИМ – Государственный Исторический музей (г. Москва)
ИГПИ – Ишимский государственный педагогический институт им. П.П.Ершова
ИКМ – Ишимский городской историко-краеведческий музей
ИФ ГАТО – Госархив в г. Ишиме
КОХМ – Курганский областной художественный музей
ЛМЕ – Литературный музей П.П. Ершова в г. Ишиме
ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека (г. Москва)
РНБ – Российская национальная библиотека (г. С.-Петербург)
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ТОКМ – Тюменский областной краеведческий музей
ТФ ГАТО – Госархив в г. Тобольске

Адрес редакции:

627750, Тюменская обл., г. Ишим, ул. Советская, 30, Музей П.П.Ершова;
тел./факс (34551) 2-31-41; e-mail: gkr@ishim.ru.

КОРКИНА СЛОБОДА

Краеведческий альманах
Выпуск 10.

Художник: Рудольф Симанов.
Вёрстка: И.В. Емельянова.
Корректоры: Н.А. Созонова, Т.В. Надтокина.

94813 - 3

Изготовлено в филиале «Ишимская типография» ОАО «ТИД».
Ишим, ул. Чкалова, 17. Заказ № 1483. Формат 60x84 1/8. Тираж 999 экз.
Объем 25,11 усл.п.л. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Ариал». Подписано в печать 4.05.2009 г.

Авторское учреждение
"Ишимская городская
централизованная
библиотечная система"

Наши вернисаж

Художник Евгений Чукардин

Автопортрет.
Бумага, акварель. 1940-50-е.
ИКМ.

Этюд с Никольской церковью.
Холст, масло. 1940-50-е. Архив семьи Чукардиных.

Вечерний этюд. Бумага, цв. карандаш.
1960-е. Архив семьи Чукардиных.

Портрет жены. Холст, масло.
1930. Архив семьи Чукардиных.

Степан Разин (Дорога на казнь). Холст, масло. 1960-е. ИКМ.

Тыкундун.
1969.